

Р А С П Я Т І Е.

(Предварительныя замѣчанія о крестной казни. — Крестный путь. — Плачь женъ іерусалимскихъ. — Слова къ нимъ Іисуса Христа. — Онъ изнемогаетъ подъ своимъ крестомъ. — Симонъ Киринейскій заставляется нести крестъ. — Мѣсто казни, издревле примѣчательное. — Смирна и уксусъ. — Господь отрѣкается отъ нихъ. — Распятіе. — Молитва за распинателей.)

Крестная казнь, на которую осужденъ былъ Іисусъ Христосъ, принадлежитъ къ изобрѣтеніямъ безчеловѣчія, коими прославились восточные деспоты *), и составляла послѣднюю въ ряду казней, самыхъ ужасныхъ **). Съ Востока она перешла въ Римъ, и слѣдовала за побѣдителями свѣта всюду, доколѣ не была уничтожена Константиномъ Великимъ ***). У евреевъ крестной казни не было: за нѣкоторыя преступленія законъ повелѣвалъ вѣшать на деревѣ преступниковъ; но ихъ не прибавали гвоздями, и трупы при наступленіи вечера надлежало снимать для погребенія ****). Въ самомъ Римѣ распинали только рабовъ, кои тамъ едва почитались за людей *****). Изъ жителей провинцій пригвождали ко кресту однихъ разбойниковъ и возмутителей общественнаго спокойствія *****)). Распятію большею частію предшествовало бичеваніе *****)). Производилось оно, какъ и всѣ прочія казни,

*) *Crudelissimum et teterrimum supplicium. Cic. Verr. v. 64.*

***) *Herod. 3, 125. 6, 194. Ездр. 6. 11. Есѣ. 1, 9. Polyb. 1, 86.*

****) *Sozom. 1, 8,*

*****) *Втор. 21, 22. v. Bormitii Dissert. de cruce, num Hebræorum supplicio fuerit. 1644.*

*****) *Joseph. Bell. Jud. 2. 14. 9. Petron. c. 3.*

*****) *V. Wetsten. ad Matth. 27, 38.*

*****) *Liv. L. 32. c. 26.*

внѣ городовъ и селеній *), на мѣстахъ болѣе видныхъ, какъ-то: на холмахъ, или при большихъ дорогахъ. Распинателями бывали воины, кои у римлянъ совершали всѣ казни **). Преступникъ самъ долженъ былъ нести свой крестъ до мѣста казни, подвергаясь въ сіе время насмѣшкамъ и побоямъ ***). Крестъ ставили прежде ****), а потомъ уже пригвоздили къ нему преступника: отсюда выраженія — *восходитъ, быть поднятъ, вознесену на крестъ* *****). Съ распинаемого снимали всю одежду *****) (которая поступала въ собственность воиновъ *****). Погребенія для распятыхъ не было *****). Тѣла оставались на крестахъ, пока не содѣлывались добычею плотоядныхъ птицъ и животныхъ *****) и не истлѣвали сами собою отъ перемѣнъ воздушныхъ. Иногда однакоже родственникамъ позволялось погребать ихъ *****). Въ случаѣ нужды (при наступленіи праздника, торжества и проч.) жизнь распятыхъ могла быть по закону сокращаема перебитіемъ у нихъ ногъ, дымомъ и жаромъ отъ запыленного подъ крестомъ хвороста *****) , ударомъ въ голову или сердце и проч.

Самый видъ и составъ креста, сколько можно заключать изъ прилежнаго сличенія всѣхъ древнѣйшихъ свидѣтельствъ, были таковы: основаніемъ креста служили прямой (*ὄρθιον*) столбъ или доска, которые укрѣплялись въ землѣ. На верхней части, для прибитія рукъ, дѣлалась перекладина, — иногда на самомъ верху столба, почему крестъ и походилъ на букву **†** *****) ; но большею частію нѣсколько ниже верха, соразмѣрно рукамъ, къ

*) Plaut. Mit. Glor. act. II. sc. 4, 30. 6. Числ. 15, 35; 1 Цар. 21, 13; Тас. Annal. 2, 32.

**) Tertul. de coron. mil.

***) Plut. de tart. Dei vind. t. II. opp. p. 544. Artemid. 2. 16.

****) Joseph. Bel. Jud. 7, 10. Cic. Verr. 5.

*****) Ascendere, insilire, tolli, agi, levare in cruce.

*****) August. civ. Dei. 16. 2 Ambr. L. 10 in Luc. Artemid. oneirocr. II. 58.

*****) Senec. de tranquil. c. 1. Meryl. Not. in Pass. Dom. num. 31 in

Johan.

*****) Scio cruce mihi futurum sepulcrum. Plaut. Mil. Glor. II. 4. 19.

*****) Pasces in cruce corvos. Hor. Epist. 1. 16. 48.

*****) Флавію повѣствуетъ, что римскій полководецъ Титъ, по усиленной просьбѣ, позволилъ ему снять съ креста трехъ знакомыхъ людей, еще живыхъ, изъ коихъ двое потомъ умерли отъ ранъ, а третій излѣчился. Cont. App. p. 1031.

*****) Cic. ad. Quint. conf. Salmas de cruce.

*****) Nostra † species crucis. Tert. cont. Marc. 3, 22. Lucian. in judic. vocal.

ней прибываемымъ; отъ чего верхній конецъ столба, по словамъ Лустина Мученика, представлялъ подобіе рога *). Въ срединѣ (in medio) столба придѣлывалось, также похожее на рогъ, сѣдалище (πίρμα, sedile **) , для поддержанія тѣла, дабы оно тяжестью своею не раздрало рукъ, и не оторвалось отъ креста ***). Такимъ образомъ крестъ, по словамъ св. Ириней, имѣлъ пять концевъ, два въ длину, два въ ширину и одинъ по срединѣ ****). О подножіи древніе писатели, до 6-го вѣка, нигдѣ не упоминаютъ; свидѣтельства позднѣйшихъ слабы *****), и оно едва ли не есть плодъ ихъ недоразумѣнія; ибо, говоря о подножіи, они не говорятъ уже о сѣдалищѣ: послѣднее по ошибкѣ, могло быть принято ими за первое *****) Руки, а иногда и ноги, прибывались ко кресту гвоздями *****); кромѣ сего тѣло распятаго нерѣдко привязывали къ столбу веревками *****). Вверху столба, надъ головою распятаго, прибывалась небольшая бѣлая дощечка (λευκομα), на которой черными буквами изображалось его имя и преступленіе. Дощечку сію иногда несли впереди преступника до мѣста казни; или онъ самъ несъ ее на своей шеѣ *****). Иногда письменное объявленіе замѣнялось словеснымъ: для сего одинъ изъ воиновъ

*) Dialog. cum Triph. ἀνοτάτων μέρος κέρασ υπερχημενον.

**) Το εν μεσω πληυυμενος ως κερασ και αυτο εδεκον. Iust.

***) Ubi requiescit, qui clavis offigitur. Irinæus contr. Hæg. 1. 46. Εφ' ω πλοκουυται.

****) Ipse habitus crucis fines et summitates habet quinque, duos in longitudine, et duos in latitudine, et unum in medio.

*****) Первый о подножіи упоминаетъ Тригорій Туронскій (de laud. Sanct. Martyr c. 6.), жившій въ 7-мъ вѣкѣ; но не сказываетъ, откуда онъ взялъ сіе извѣстіе, и самъ же измѣняетъ себѣ, говоря, что на древнихъ изображеніяхъ креста, ноги Іисуса Христа представляются висящими, а не стоящими: dependere visæ sunt potius, quam stare.

*****) Такого же мнѣнія о подножіи креста былъ св. Димитрій Ростовскій. «Бяше ли, пишетъ онъ въ Розыскѣ (ч. 2, гл. 24. стр. 154, 1755), на крестѣ подножіе, или ни, не извѣщаетъ того писаніе святое, ни толковники Божія Писанія. Видѣти же есть между сосудами пр. Антонія Римлянина; на св. потурѣ крестъ Христовъ изображенъ безъ подножія, четвероконечень... Не прекословимъ мы, продолжаетъ святитель, творимому и пишемому на крестѣ подножію, токмо то извѣщаемъ, яко въ древнихъ св. книгахъ нѣсть о томъ воспоминанія и подлинной вѣдомости.»

*****) Conf. Arrian. Dissert. in Epict. L. 4. 26. Paulus Memor. 4, 38, Johan. II. 366. Theolog. Nachr. 1803. 314. 1804. 46.

*****) Plin. Hist. N. 28. II. Lucan. 6.

*****) Sveton. in Calig. c. 32.

въ слухъ всего народа долженъ былъ кричать: *такой-то* распинается за *такое-то* преступленіе. Кресты дѣлались не высоки, такъ что ноги распятаго отстояли отъ земли не болѣе трехъ футовъ *).

Отцы Церкви сравниваютъ крестъ съ птицею, которая съ простертыми крылами летитъ по воздуху, — съ человѣкомъ плывущимъ или молящимся съ распростертыми руками, — съ мачтою и реемъ корабля **) и проч.

Поелуку евангелисты не сказываютъ, чтобы крестъ Іусуса Христа былъ чѣмъ-либо отличенъ отъ обыкновенныхъ крестовъ, да и не было въ томъ никакой нужды: то, безъ всякаго сомнѣнія, должно полагать, что онъ имѣлъ видъ вышеописанный, то-есть, былъ четвероконеченъ, а считая и сѣдалище, пятиконеченъ ***).

Мученія распятыхъ были ужасны ****). Надобно вообразить

*) V. Salmas de cruce. Посему императоръ Гальба для одного римскаго гражданина, который, почитая для себя крестъ безчестіемъ, на основаніи законовъ, требовалъ другой казни, — велѣлъ сдѣлать крестъ повыше и обѣлить его. Svet. in Galb. 9.

**) V. Lips. de cruce. L. 1. c. 9.

***) Conf. Lipsius, Salmasius de cruce. Barthol. de cruce Christ. 1670. Jahn. Arch. 2. n. 361.

****) Вотъ одно изъ описаній сего предмета, сдѣланное рукою искуснаго и благочестиваго медика:

«Incredibilem molestiæ sensum in eo consistere, unum tot horis sustinere corporis situm, quis non videt? Cum vix naturalem diu sine crebra mutatione ferat, ne dum tam violentum, imo vero tot clavis per loca, nervorum tendinumque plena, trajectis, in isto situ sine spe omnis mutationis, nisi quam mors promittit, tanto temporis intervallo persistere, nihil facile habet, quod fingi acerbius possit. Nequit tam diuturnæ extensionis iniuria, sine tardato vel sufflaminato humorum in istis locis circuitu concipi, cum tensa vasa sint extra potestatem actionis suæ incontenta. Nequeunt tot vulnera sub æris liberrime circumfusi tactu sine novis omni momento exacerbati doloris et crescendis corruptionis viribus animo observari. Necesse est sugillata illa loca in cruciariis et sensum atra adparere; necesse est dolorem caloremque inflammatorum in mortem illarum partium lento quidem, at eo hinc sæviori gradu tendere. Aorta inter illa in extremis obstacula fluxum magis ad caput et ventrem determinans, ibi pressis carotidibus rubores faciei doloresque capitis parit, hic opportuniora ad stasim et corruptelam loca occupat. Illud autem longe atrocius est, aortam, quæ jam, ut olim æquali et placidiori rivo per patentia vasa se non liberat, omnem quem sinister cordis sinus suggerit, sanguinem minime suscipere, nec igitur pulmonari sanguini liberum huc aditum esse, adeoque et dextri cordis sinum sub nisu expulsionis suæ in oppletum pulmonem horrenda anxietate, quæ omni dolore et ipsa morte intolerabilior est, laborare. Arteriæ et venæ pulmonares, coronariæ, intercostales, omnisque majora vasa atque cor ob copiam redeuntis huc et accumulati sanguinis angores illos

нестественное положеніе тѣла съ простертыми вверхъ, пригвожденными руками, при чемъ малѣйшее движеніе, необходимое для жизни, сопровождалось новою, нестерпимою болью. Тяжесть повисшаго тѣла отчасу болѣе раздирала язвы рукъ, кои поминутно становились острѣе и жгучѣе. Кровь, лишившись естественнаго круговращенія, устремлялась къ головѣ и сердцу, производя въ первой круженіе, а въ послѣднемъ томленіе, мучительнѣйшее самой смерти. Несчастнѣйшій, проникнутый со всѣхъ сторонъ смертію, переживалъ самъ себя, и стоналъ въ мукахъ нервѣдко до трехъ *), а иногда до 6-ти и болѣе дней **). Чаша съ умерщвляющимъ напиткомъ, поданная такою рукою, какою она подана была Сократу, была бы величайшимъ благодѣяніемъ въ сравненіи съ казнію крестною.

Съ мученіемъ распятыхъ равнялось одно только ихъ безчестіе. Названіе крестоносцевъ (*crucifer, cruciarius*) было послѣднимъ выраженіемъ гнѣва и презрѣнія. Самые жестокіе господа, за тяжкія преступленія рабовъ своихъ, приказывали надѣвать на нихъ *крестообразное* иго (*furcam*), и въ семь *сратомъ* видѣ водить ихъ по улицамъ ***). Это значило лишить несчастнаго имени человѣка, отдать въ жертву всеобщаго презрѣнія. Для іудеевъ казнь крестная особенно была отвратительна; потому что законъ Моисеевъ гласитъ: проклятъ всякъ, висящій на дровѣ ****)! По сей-то причинѣ самое славное воскресеніе Господа и божественныя чудеса, сопровождавшія проповѣдь о немъ апостоловъ, не могли вознаградить въ глазахъ невѣрующихъ безславія креста Христова; и онъ, по замѣчанію ап. Павла, оставался для іудеевъ *соблазномъ*, а для еллиновъ *безуміемъ* (1 Кор. 1, 23). Вообще, казнь крестная была столь жестока и поносна, что самъ Цицеронъ не находилъ словъ къ ея описанію, и именемъ отечества требовалъ, чтобы не только тѣло, но, если можно, зрѣніе и слухъ, самое воображеніе римскаго гражданина было свободно отъ креста *****). 1

animi, jam ante sub incubente peccatorum nostrorum molinatos, etiam ex causa corporea vehementissime intendunt.» (Richters. Dissert. de morte Servator. in cruce. 1757).

*) Petr. Sat. 3, 59.

***) V. Richt. Dissert. de morte Servatoris.

****) V. Val. Max. 1. 7. Macr. Satur. 1. 2.

*****) Втор, 21, 22. Conf. Henkii Comment. de eo, quod inprimis ignomin. est in supplic. Jesu Chr. 1785.

*****) Pro Rabyrio.

И сію-то казнь Отець небесный благоволилъ избрать для едиnorodнаго, возлюбленнаго Сына своего!!! Христіанинъ, помни сіе и убѣгай грѣховъ, за кои Сынъ Божій претерпѣлъ крестъ и коими Онъ, по увѣренію апостола, распинается наку (Евр. 6, 6).

Тайна нечестія, надъ которою такъ дѣятельно трудился самъ князь тьмы (Іоан. 13, 2. 27; 12, 31), была уже совершена въ половину: Святой Святыхъ вмѣненъ съ беззаконными; оставалось только *вознести* Его на крестъ, дабы Онъ могъ *привлечь къ себѣ всяческую*... (Іоан. 12, 32).

У евреевъ, если вѣрить Талмуду *), существовало обыкновеніе, чтобы осужденный на смерть преступникъ лишаемъ былъ жизни не скоро послѣ осужденія. Глашатаи нѣсколько разъ всенародно объявлялъ его имя, вину, свидѣтелей преступленія и родъ казни, ему назначенной, вызывая всякаго, кто можетъ, идти въ судъ и защищать несчастнаго. И у римлянъ былъ законъ **), изданный Тиверіемъ, въслѣдствіе коего смертная казнь совершалась не прежде ю дней послѣ приговора. Но для Іисуса Христа, хотя Онъ судимъ былъ и по римскимъ и по іудейскимъ законамъ, ни то, ни другое обыкновеніе не оказало никакого дѣйствія ***). Отсрочка казни простиралась только на обыкновенныхъ преступниковъ; а возмутители общественнаго спокойствія, враги Моисея и кесаря, каковымъ клевета представила Іисуса, не имѣли права на сію милость: ихъ казнь тѣмъ была законнѣе, чѣмъ скорѣе совершалась ****). Итакъ Іисусъ Христосъ, послѣ осужденія Его, немедленно былъ преданъ воинамъ, кои у римлянъ совершали всѣ казни. Первымъ дѣломъ ихъ было снять съ Него багряницу

*) Sanhedrin. с. 6, § 1. Maimonid. in tract. de Syned. eorumque pœnis с. 13.

**) Tacit. Annal. L. 3, с. 51. Dion. L. 57. Svet. in vita Tiber. cap. 75.

***) Сказаніе Талмуда, будто и надъ Іисусомъ Христомъ исполненъ приговоръ смертнѣи спустя 40 дней, въ продолженіе коихъ каждадневно объявляемо было народу о Его дѣлѣ и вызывались защитники, — есть суцная ложь, не стоящая опроверженія историческаго. Вотъ самыя слова Талмуда: vespera Paschatis suspenderunt Jesum et p̄æco p̄æcedebat ante ipsum quadraginta diebus. Exhibat (clamans) illum lapidandum esse, eo quod fascinasset, et seduxisset, et impulisset Israëlem. Quicumque autem novit pro ipso meritum, suspenderunt illum vespere Paschatis. Sanh. 6.

****) Bynæus de mort. Christ. t. 3. с. 5.

и одѣтъ Его въ собственную Его одежду: сего требовалъ обычай и, можетъ быть, жалость. Молчаніе евангелистовъ не позволяетъ сказать рѣшительно: былъ ли снятъ при семъ и терновый вѣнецъ, или оставался на головѣ Господа до снятія Его самаго со креста. Впрочемъ древнее обыкновеніе изображать Іисуса Христа на крестѣ въ терновомъ вѣнцѣ имѣетъ видъ историческаго преданія. Въ подтвержденіе его можно сказать, что распинатели имѣли достаточное побужденіе оставить вѣнецъ на главѣ Господа: такъ какъ, по ихъ образу мыслей о Немъ, онъ былъ весьма кстату, выражая то же самое, о чемъ говорила надпись.

Потомъ воины, слѣдуя обыкновенію, возложили на Іисуса Христа крестъ, и повели Его за городъ, гдѣ производились казни. Для такого шествія обыкновенно избирались главнѣйшія улицы, и оно съ намѣреніемъ дѣлалось какъ можно продолжительнѣе: но теперь краткость времени не позволяла ни малѣйшей медленности; ибо до пасхальнаго вечера, который былъ если не столь святъ, какъ предшествующій, въ которой снѣдали пасху, то еще болѣе торжественъ и празднственъ, оставалось не много часовъ. Поелуку далѣе вечера, въслѣдствіе закона, распятыхъ нельзя было оставлять на крестахъ; а крестъ, какъ мы видѣли, умерщвлялъ нескоро: то распятіе Іисуса Христа надлежало бы даже отложить до другаго времени, если бы, какъ мы видѣли, не было обыкновенія, въ случаѣ нужды, сокращать жизнь распятыхъ насильственною смертію. Синедрионъ, при всемъ желаніи продлить, какъ можно болѣе, мученія личнаго врага своего, долженъ былъ рѣшиться на сіе средство: иначе, въ продолженіе праздника, онъ могъ опасаться возмущенія народнаго въ пользу Іисуса Христа.

Открылось необыкновенное зрѣлище! Тотъ, кого народъ іерусалимскій всегда слушалъ съ восторгомъ бесѣдующаго во храмѣ, который, казалось, повелѣвалъ всюю природою, давая исцѣленіе слѣпорожденнымъ, изгоняя бѣсовъ, воскрешая мертвыхъ, — которому еще за нѣсколько дней оказываемо было уваженіе, какъ потомку Давида, какъ царю Израилеву, — проходилъ пространными стогнами іерусалимскими, посреди двухъ злюдѣвъ, влеча за собою тяжелый крестъ! Теперь-то особенно должны были исполниться слова, сказанныя нѣкогда Іисусомъ Христомъ о своемъ униженномъ состояніи: *блаженъ есть, иже еще не соблазнится о Мнѣ* (Мат. II, 6)!

«Возможно ли (такъ могли думать многіе даже изъ тѣхъ,

кои доселѣ надѣялись увидѣть въ Иисусѣ Христѣ обѣтованнаго пророками (Избавителя), возможно ли, чтобы Мессія подвергся такой участи, какой подвержень теперь Иисусъ? Кто самъ не въ состояннн избавить себя отъ поносной казни, тотъ можетъ ли доставить избавленіе бѣдному народу іудейскому? — Развѣ не обманываемся ли мы всѣ, ожидая возстановленія царства Израи-лева, надѣясь пришествія Мессіи сильнаго и могущественнаго? — Но такъ учили насъ отцы наши; такъ, говорятъ, писано въ законѣ и пророкахъ. И для чего бы всѣ пророки за нѣсколько вѣковъ въ такихъ величественныхъ выраженіяхъ предвозвѣщали пришествіе Мессіи, если Мессія долженъ быть такой человѣкъ, каковымъ является теперь Иисусъ, если ему суждено, ничего не сдѣлавъ въ пользу народа, стѣнящаго подъ игомъ бѣдствій, окончить жизнь свою поносною смертію? — И какая смерть? Крестная!... *О, проклять всякъ, висай на дрѣвѣ!* Нѣтъ! Что бы кто ни говорилъ, а это знаменіе — не спасенія, а клятвы: вѣрно, самъ Богъ нашелъ что либо преступное въ семъ человѣкѣ.»

Такъ могли думать нѣкоторые. Съ другой стороны, колеблющаяся вѣра послѣдователей Иисусовыхъ имѣла для себя не малую опору. Въ комъ было сердце, чувствительное къ истинѣ и добродѣтели, знакомое съ высокими чувствами вѣры и святой любви, тотъ не могъ согласиться съ фарисеями и книжниками, представлявшими Иисуса Христа въ видѣ оболъстителя, имѣвшаго нечистые виды. «Нѣтъ! Онъ не оболъщаетъ насъ, когда говоритъ съ такою сладостію о любви къ Богу и ближнему; когда раскрывалъ предъ нами святыя пути Промысла, воззывалъ насъ къ подражанію вѣрѣ и добродѣтелямъ нашихъ праотцевъ; когда сердце наше пламенѣло тѣмъ чистымъ восторгомъ, коего никогда не производили бесѣды фарисеевъ и книжниковъ. Поведеніе Его совершенно достойно Сына Давидова. Если бы Онъ искалъ земной славы: то сколько представлялось Ему случаевъ дѣйствовать силою! Не смиреніе ли и кротость Его были причиною, что фарисеи съ такою легкостію овладѣли Имъ? Ему приписали мятежь и измѣну: но это явная клевета, изобрѣтенная первосвященниками за то, что Онъ обличалъ ихъ пороки, отъ коихъ мы страдаемъ. Не самъ ли Пилатъ объявлялъ Его нѣсколько разъ невиннымъ, и, при самомъ осужденіи, назвалъ праведникомъ? — Его осудили на смерть крестную; — но Онъ, слышно, самъ давно предрекалъ сію смерть, говорилъ, что Ему отъ самаго Бога предопредѣлено пострадать для спасенія Израиля. Мы, послѣдуя нашимъ (слѣпымъ) учителямъ, не ожидали по-

добныхъ событій. Но развѣ намъ извѣстна вся судьба Мессіи? Кто постигъ весь смыслъ пророчествъ, изъ коихъ нѣкоторыя изображаютъ Его страждущимъ? — Не сами ли книжники противорѣчатъ между собою, когда описываютъ лице Мессіи! — При томъ, еще не все окончится съ Его смертію. Онъ обѣщаль, какъ слышно, чрезъ три дня воскреснуть. О, если бы сбылось сіе обѣщаніе!»...

Поступокъ съ Іисусомъ Христомъ Ирода, конечно, привелъ многихъ на память Іоанна Крестителя, имъ умерщвленнаго; а воспоминаніе, всѣмъ уважаемаго и любимаго, Іоанна устранило соблазнъ, производимый крестомъ Іисуса; ибо всѣ знали, что Іоаннъ признавалъ Его за Агнца Божія, вземлющаго грѣхъ міра, и такъ высоко ставилъ Его, что почиталъ себя недостойнымъ служить Ему вмѣсто раба (Іоан. 1, 27).

Съ Господомъ вели на казнь двухъ преступниковъ (Лук. 23, 32), кои также осужденны были на распятіе, и безъ сомнѣнія, сами несли кресты. Древнее преданіе говоритъ, что одинъ изъ сихъ преступниковъ назывался Гестасъ, а другой Дисмасъ *). Касательно преступленія ихъ нѣтъ вѣрныхъ свѣдѣній; кажется однакоже, что они принадлежали къ обществу Вараввы, и участвовали въ мятежѣ и убійствахъ, имъ произведенныхъ: ибо съ Вараввою, по замѣчанію ев. Марка (15, 7), находились въ темницѣ и его сообщники, коихъ участь должна была рѣшиться предъ праздникомъ и, судя по роду преступленія, — крестною казнію.

За осужденными слѣдовало великое множество народа (Лук. 23, 27). Казни среди праздниковъ для набожныхъ іудеевъ, какъ-выми дѣлались на сей случай весьма многіе, были дѣломъ неприятымъ и отвратительнымъ. Но казнь Пророка галилейскаго, въ коемъ многіе надѣялись увидѣть Мессію, невольно привлекала всякаго. Между тѣмъ она сдѣлалась теперь извѣстною всему Іерусалиму, вмѣщавшему во время пасхи нѣсколько сотъ тысячъ жителей.

Съ народомъ Господь не бесѣдовалъ. Было время для имѣющихъ уши слышать; теперь оставалось имѣющимъ очи видѣть. Самое несеніе креста и изнеможеніе препятствовало Ему говорить, тѣмъ паче — быть слышиму отъ шумной толпы народа.

Жалостные крики и вопли нѣкоторыхъ женщинъ вывели однакоже Господа изъ безмолвія. То были не ближайшія ученицы

*) In Evang. Nicodemi.

Его, коихъ мы увидимъ на Голгоѣѣ, и коимъ не могло быть сказано то, что теперь будетъ сказано, а частию жены іерусалимскія, можетъ быть, матери дѣтей, кои пѣли Ему осанна, частию другія изъ пришедшихъ со всей Іудеи на праздникъ. Ничто не могло удержать ихъ отъ слезъ при видѣ Іисуса, изнемогающаго подъ тяжестію креста: ни присутствіе первѣйшихъ лицъ синагога, кои пылали ненавистію на Господа и на всякаго, кто былъ къ Нему привержень, ни опасеніе прослыть въ народѣ участниками въ преступленіяхъ, приписанныхъ Пророку галилейскому: онѣ небоязненно предавались всей горести, къ какой только способны сердца чувствительныя и безутѣшныя...

Для Господа, который обѣщался не забыть чаши студеной воды, поданной во имя Его (Мат. 10, 42), состраданіе женъ не могло быть противнымъ. Но смерть, на которую шелъ Онъ, была превыше обыкновенныхъ слезъ состраданія: надлежало плакать и сокрушаться всѣмъ колѣнамъ Израилевымъ, только не о томъ, о чемъ плакали жены.

«Дщери іерусалимскія! сказалъ Господь, обратясь къ нимъ, — не плачтите о Мнѣ; обаче себе плачьте и чады вашихъ.»

(Такое дивное запрещеніе плакать о Немъ, когда Онъ, изнемая подъ крестомъ, шелъ на очевидную и мучительную смерть, могло быть совершенно понято не прежде воскресенія Іисуса Христа; но совѣтъ плакать о себѣ и чадахъ своихъ и теперь давалъ разумѣть женамъ и каждому, какое великое различіе между чувствами Іисуса Христа, въ такомъ положеніи, не оставляющаго мысли и заботы не только о настоящей, но и будущей судьбѣ чадъ Іерусалима, — и безчувствіемъ первосвященниковъ, кои предъ Пилатомъ съ такимъ безразсудствомъ призывали на всѣхъ чадъ Іерусалима кровь Праведника.)

«Яко се, продолжалъ Господь, дніе грядуть, въ няже рекутъ: блаженны неплоды и утробы, яже не родиша, и сосцы, иже не доиша. Тогда начнутъ глаголати горать: надите на ны, и холмоль: покрыйте ны. Зане, аще въ суровѣ (зеленѣющемъ) дрѣвѣ сія творять, въ сусѣ (древѣ) что будетъ?» (Лук. 23, 29 — 31.)

Нельзя было сильнѣе изобразить бѣдствій, угрожавшихъ Іерусалиму. Безчадство почиталось у іудеевъ самымъ тяжкимъ несчастіемъ и наказаніемъ Божіимъ: а посему дойти до того, чтобъ завидовать безчаднымъ, значило придти въ состояніе отчаянное. Такъ выражались и пророки (Осіи 10, 8; Исаі. 2, 10 — 19; Апок. 6, 16), когда отъ имени Бога Израилева угрожали Израилю за его пре-

ступленія. Но сія угроза произнесена Сыномъ человѣческимъ безъ всякаго чувства личнаго негодованія на неблагодарныхъ соотечественниковъ. Онъ не говоритъ, что наступаютъ дни, когда вы, испросившіе меня на казнь, *скажете*, а говоритъ просто: *скажутъ*, ни мало не касаясь личныхъ враговъ своихъ. Высочайшее чувство самоотверженія заставляетъ Его забыть всѣ собственныя страданія, и Онъ запрещаетъ плакать о себѣ: но истинное чувство любви къ бѣдному отечеству побуждаетъ не скрывать ужасныхъ золъ, его окружающихъ, въ предостереженіе тѣмъ, кои еще могли внимать истинѣ. Это была послѣдняя проповѣдь покаянія, которую народъ іудейскій слышалъ изъ устъ своего Мессіи, произнесенная съ самымъ нѣжнымъ чувствомъ любви къ ближнимъ. Войны, гладъ, язвы и прочія бѣдствія, имѣвшія предшествовать разрушенію Іерусалима, дѣйствительно, должны были оказать всю свою свирѣпость особенно надъ женами непраздными и матерями, имѣющими грудныхъ младенцевъ. Такъ и прежде, изображая ученикамъ своимъ сіи бѣдствія, Господь представилъ особенно участь женъ непраздныхъ: *горе же доящимъ въ тѣя дни!* (Лук. 21, 23; Мар. 13, 17; Мат. 24, 19.)

Слова: «если съ зеленѣющимъ деревомъ (со Мною) сіе дѣлаютъ; то что будетъ съ сухимъ» — (съ народомъ іудейскимъ), — выражаютъ много, очень много ужаснаго для народа іудейскаго. Но и въ сихъ словахъ нѣтъ никакого личнаго негодованія. Это присловіе, непрестанно переходившее изъ устъ въ уста *); и когда же приличнѣе было употребить его, какъ не теперь, для разуменія всѣхъ и каждаго? — Если вожди народа іудейскаго, первосвященники, фарисеи и книжники сравниваются здѣсь съ сухимъ деревомъ (обыкновенный у пророковъ символъ людей нечестивыхъ **); то сіе сравненіе еще съ большею выразительностію было уже слышимо изъ устъ Іоанна Крестителя, въ то время, когда торжественное посольство отъ лица синадріона спрашивало его, не онъ ли Мессія (Мат. 3, 10)?

Въ то время, когда Іисусъ Христосъ въ послѣдній разъ предостерегалъ такимъ образомъ своихъ соотечественниковъ, слова Его, вѣроятно, были приняты съ любовію немногими. Но, во время разрушенія Іерусалима, послѣдовавшаго спустя нѣсколько лѣтъ, самые упорные враги Господа должны были привести ихъ

*) V. Schlegel Lebensgeschichte Jesu. 1775. p. 352.

**) Псал. 1, 3; Езек. 20, 47; 21, 3; Сир. 6, 6. Sanhedr. fol 96.

себѣ на память. Нельзя безъ содроганія читать описанія тогдашнихъ бѣдствій народа іудейскаго *). Состояніе матерей было таково, что нѣкоторыя изъ нихъ рѣшались закалатъ собственныхъ дѣтей для снѣди... Тогда скалы и пещеры палестинскія, служившія во время войнъ обыкновеннымъ убѣжищемъ іудеевъ, содѣлались, какъ предрекалъ теперь Господь, гробами для многихъ тысячъ несчастныхъ, кои дѣйствительно призывали сами на себя смерть, какъ послѣднюю отраду.

Когда приблизились къ городскимъ воротамъ, Іисусъ Христосъ изнемогъ до того, что не въ силахъ былъ далѣе нести своего креста, и, какъ говоритъ древнее преданіе, преклонился подъ нимъ. Человѣколюбіе ли римскаго сотника, распорядившаго казнь, или безчеловѣчіе іудеевъ, опасавшихся, что жертва ихъ злобы можетъ умереть до казни, были причиною: только воины рѣшились облегчить Іисуса и, вопреки обыкновению, возложить Его крестъ на другаго. Провидѣніе не умедлило послать для сего человѣка, нѣкоего Симона, родомъ или прозваніемъ Киринейскаго **), который, возвращаясь съ села, срѣтилъ стражу, ведущую Іисуса, при самомъ выходѣ ея изъ города ***). Воины тотчасъ захватили ****) его и заставили *****) нести крестъ Іисусовъ: порученіе тягостное и, при настоящихъ обстоятельствахъ, чрезвычайно безчестное; а посему весьма вѣроятна догадка нѣкоторыхъ *****) , что Симонъ былъ изъ числа послѣдователей Іисуса Христа, и при встрѣчѣ съ Нимъ обнаружилъ какой либо знакъ состраданія, вслѣдствіе чего воины сами, или по внушенію іудеевъ рѣшились возложить на него крестъ. По крайней мѣрѣ, три евангелиста (Мат. 27, 32; Мар. 15, 21; Лук. 23, 26) не безъ причины почли нужнымъ предать потомству имя и родъ человѣка, который несъ крестъ Господа, и сей причины должно искать въ томъ, что Симонъ несъ крестъ не по одному принужденію, а и

*) Joseph. de Bell. Jud.

**) Кирены, городъ, находившійся въ той части Ливіи, которая называлась Пентапольскою, или Киринейскою. Ротрон. Mel. г. 4. Что въ сей странѣ было много іудеевъ, о семъ свидѣтельствуесть Флавій. Bel. Jud. 38. А что іудеевъ киринейскихъ было весьма много въ Іерусалимѣ, гдѣ они имѣли свою особенную синагогу, видно изъ Дѣян. 2, 10; 6, 9.

***) *Εξέρχοντο δε.* Мат. 27, 32.

****) *Επιλαβοντες.* Лук. 23, 26.

*****) *Αυγαρευβι.* Мар. 15, 21.

*****) Grotius de Luc. Schlegel, Hess in Lebensgeschichte Jesu.

съ любовію къ Распятому на немъ; или въ томъ, что онъ, въ послѣдствіи по крайней мѣрѣ, совершенно узналъ цѣну креста Іисусова, и носилъ его уже до конца своей жизни. Св. Маркъ упоминаетъ еще, что Симонъ былъ отцемъ Александра и Руфа: два человѣка, которые, по крайней мѣрѣ во время написанія Маркова евангелія, принадлежали къ числу христіанъ и были всѣмъ извѣстны по своимъ добродѣтелямъ: иначе упоминаніе о нихъ не имѣло бы никакой цѣли. Руфъ сей, должно думать, есть тотъ самый, коего ап. Павелъ въ посланіи къ римлянамъ (16, 13), называетъ *избраннымъ въ Господѣ*, и коего память онъ столько уважалъ, что мать его именовалъ своею матерью. Такого семейства былъ главою Симонъ, удостоенный Провидѣніемъ высочайшей и единственной чести — раздѣлить съ Господомъ тяжесть Его собственнаго креста!...

Чтобы кто либо, видя Симона, несущаго крестъ, не подумалъ, что онъ самъ осужденъ на распятіе *), для сего воины, возложивъ на него крестъ, заставили Іисуса Христа идти прямо впереди его. — Новое положеніе сіе, отзвываясь нѣкоторымъ облегченіемъ, въ то же время могло служить для враговъ Господа случаемъ къ новымъ клеветамъ и насмѣшкамъ. Казалось, Провидѣніе съ намѣреніемъ совокупляло у креста Іисусова все, что могло быть мучительнѣйшаго и болѣе поноснаго, дабы Началовождь спасенія человѣческаго собственнымъ опытомъ узналъ все.

Наконецъ достигли Голгоѳы, или лобнаго мѣста **). Такъ

*) Это самое, безъ сомнѣнія, а не что другое означаютъ слова ев. Луки: *чтобы несть крестъ за Іисусомъ* (*φερέτω ὀπίσθεν τοῦ Ἰησοῦ*). Между тѣмъ слова сіи издавна послужили для нѣкоторыхъ поводомъ къ ложному мнѣнію, будто Симонъ поддерживалъ только заднюю часть креста, между тѣмъ какъ переднюю продолжалъ нести самъ Господь, какимъ образомъ изображается несеніе креста и на нѣкоторыхъ картинахъ. Погрѣшность сія обличается и ясными словами другихъ евангелистовъ (сего заставили нести крестъ Его. Мат. 27, 32; и заставили нести крестъ Его. Мар. 15, 21), и самымъ существомъ дѣла; потому что облегченіе было бы весьма незначительно, если бы передняя, тяжелѣйшая часть креста оставалась на Іисусѣ Христѣ. Слова ев. Луки ни мало не защищаютъ сего мнѣнія; ибо нести крестъ за Іисусомъ, или позади Іисуса, не то же значить, что нести его вмѣстѣ съ Іисусомъ. Посему-то мнѣніе сіе постоянно отвергалось еще отцами Церкви. Hieron. Comment. in Matth. August. de consens. Evang. Orig. in Matth.

***) По еврейску Gulgoleth, по халдейску Gulgaltha. Изъ послѣдняго по закону благозвучія, составилось: *Голубѣа*. Слово сіе означаетъ: лобъ, черепъ (4 Цар. 9, 35.) и голову (1 Парал. 13, 3. 24.).

называлась одна изъ горныхъ сѣверозападныхъ возвышенностей, окружающихъ Іерусалимъ, на коей производилась казни *), и которая съ сихъ поръ должна была содѣлаться самымъ священнымъ мѣстомъ на земномъ шарѣ. Древнее преданіе іудейской Церкви утверждало, что на сей горѣ погребена была глава Адама **); и вотъ, надъ сею главою должна была пролиться теперь очистительная кровь Адама втораго. Здѣсь же Авраамъ поднималъ жертвенный ножъ на своего едиnorodнаго Исаака; и вотъ, теперь надъ Единороднымъ Сыномъ Божиимъ имѣло на самомъ дѣлѣ совершиться то, что въ Исаакѣ послужило токмо къ прообразованію будущаго.

Между тѣмъ какъ воины ставили и укрѣпляли кресты, Іисусу Христу дано было, по древнему обычаю ***), питье, состоящее изъ вина, смѣшаннаго съ смирною ****). Такое смѣшеніе, производя омраченіе разсудка, дѣлало не такъ чувствительными страданія распятыхъ *****). Судя по тому, что въ числѣ послѣдователей Іисуса Христа было довольно людей весьма богатыхъ и усердныхъ, надлежало ожидать, что питье, Ему поднесенное, будетъ приятно, по крайней мѣрѣ неотвратительно: между тѣмъ оно было горько, — какъ желчь, и кисло, — какъ уксусъ. Обстоятельство сіе заставляетъ думать, что симъ пиетемъ распоряжались враги Іисуса Христа, и что мирра и вино употреблены были самыя худыя.

Не была ли даже употреблена при семъ случаѣ настоящая желчь и уксусъ? Безчеловѣчіе враговъ Іисусовыхъ дѣлаетъ сіе вѣроятнымъ, а слова ев. Матѳея весьма благопріятствуютъ сей мысли (Мат. 27, 34). Въ такомъ случаѣ, для соглашенія евангелистовъ надобно предположить, что одни подносили Господу вино, смѣшанное со смирною, какъ то упоминается у ев. Марка, а

*) Relandus in Palæstina. Plessing über Golgatha und Ch. Grab. 1789 Michaël. in Orient. Bib. 7, 45.

**) V. Svicer Thesaurus Eccl. sub voce: *Голгоѳа*. Cornel. a Lap. in Matth. 27, 33. Отсюда и обыкновеніе изображать подъ крестомъ Іисуса Христа черепъ человѣческій.

***) Еврейскіе писатели находятъ основаніе сего обычая въ одной изъ притчей Соломона. Прит. 21, 6. Sanhed. с. 6.

****) И давали Ему пить вино со смирною. Мар. 15, 23.

*****) Galen. de Simplic. med. L. 15, с. 19 Апулей разсказываетъ объ одномъ жрецѣ сирской богини, что онъ, употребивъ нѣсколько приемовъ мирры, равнодушно переносилъ сильные удары и сженіе огнемъ. V. Gratz. in Comment. in Matth.

другіе — враги Его — давали Ему пить уксусъ съ желчію, какъ повѣствуетъ Матѳей. Впрочемъ нѣтъ особенно нужды допускать, что евангелисты говорятъ не объ одномъ и томъ же питьѣ: ибо слово *ὄξος*, употребленное св. Матѳеемъ, означаетъ не одинъ уксусъ, а всякую кислоту, и въ частности вино худое, окисленное, какое, безъ сомнѣнія, и давалось преступникамъ *). Равнымъ образомъ *κόλη*, кромѣ желчи означаетъ всякую горечь, особенно смирины, которая по тому самому у евреевъ и называлась **) горечь. А посему, говоря словами Феофилакта, уксусъ съ желчію есть то же у св. Матѳея, что у св. Марка вино со смириною: ибо и вино могло быть названо уксусомъ, по сильной его кислотѣ, и мирра желчію, потому что она весьма горька. Также точно соглашались сказанія евангелистовъ въ свое время и блаж. Августинъ ***), основываясь между прочимъ на древнѣйшемъ сирскомъ переводѣ евангелія Матѳеева, гдѣ вмѣсто желчи стоитъ слово, означающее вообще горечь. Ев. Матѳей, замѣняя смирну желчію и вино уксусомъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ въ виду выраженіе псалма Давидова (по переводу Седмидесяти): *даша въ смѣдъ мою желчь и въ жажду напоиша мя оцта* (Псал. 89, 22).

Господь принялъ въ руки чашу съ питьемъ, но отвѣдавъ, отдалъ назадъ. Чаша холодной воды, можетъ быть, была бы Имъ выпита: потому что продолжительное изнеможеніе силъ, въ коемъ Онъ находился, рождало жажду; но питье, омрачающее чувства, было недостойно Того, Кто единъ за всѣхъ пилъ чашу гнѣва Божія. Не смотря на жестокость мученій, ожидавшихъ Его на крестѣ, Сынъ человѣческой хотѣлъ претерпѣть ихъ всѣ съ полнымъ сознаниемъ. Другаго прохлаждающаго питья безъ смирины или не было, или враги Господа не позволили дать.

Первосвященники и старѣйшины, не смотря на великій день праздника, всѣ находились на Голгоѣ. Могли опасаться, что безъ ихъ личнаго присутствія, непостоянный народъ перемѣнитъ мысли объ Иисусѣ Христѣ; или послѣдователи Его отважатся воспрепятствовать совершенію надъ Нимъ казни. Но, главнымъ образомъ привело ихъ на Голгоѳу, вѣроятно, желаніе — быть свидѣтелями безчестія и мученій умирающаго Иисуса, — отравить послѣднія минуты Его клеветою и насмѣшками, — не допустить оказать

*) Macrob. 5, 6. Meryll. Not. in Pass. Dom. pag. 41.

**) In consens. Evang. L. 3. c. 2.

***) Толков. на Мат. и Марка.

Ему какое либо облегченіе, — видѣть образъ мыслей стекшагося во множествѣ народа, и настроить по своему произволу его мнѣніе.

Ахъ, природа человѣческая обнаружилась уже въ продолженіе суда надъ Іисусомъ Христомъ съ такой мрачной и низкой стороны, что отъ нея, не выходя изъ предѣловъ исторіи, можно ожидать теперь всего!...

Приступая теперь къ изображенію самаго распятія и смерти Богочеловѣка, охотно признаемся, что мы не безъ трепета душевнаго приступаемъ къ сему дѣлу: надобно повѣствовать о томъ, что служить предметомъ благоговѣйнаго удивленія для самыхъ ангеловъ (1 Петр. 1, 12)... Творецъ видимыхъ и невидимыхъ (Іоан. 1, 3; Евр. 1, 3; Кол. 1, 16), который могъ призвать, даже сотворить легіоны ангеловъ (Мат. 26, 53), для исполненія воли своей, возносится на крестъ, подобно преступнику, и подвергается ужаснымъ мукамъ!... Единородный Сынъ Божій оставляется среди мученій смертныхъ Отцемъ, у коего Онъ имѣлъ славу прежде міръ не бысть (Іоан. 17, 5), съ коимъ Онъ есть едино (Іоан. 10, 30. 5, 23), по существу и славѣ! Господь всяческихъ, имѣющій жизнь въ самомъ себѣ (Іоан. 5, 26), и дающій бытіе всякой твари, истаеваетъ отъ жажды, умираетъ подобно послѣднему изъ сыновъ человѣческихъ! — Это такія понятія, коихъ никогда не совокупило бы самое пламенное воображеніе, если бы онѣ не были преподаны вѣрою: это премудрость Божія, тайная, сокровенная, которая, будучи отъ вѣкъ предназначена въ славу нашу, никѣмъ однакожь не была познана, доколѣ Богъ не благоволилъ открыть ее святымъ своимъ (1 Кор. 2, 7. 8). Здѣсь по необходимости теряется всякое соотвѣтствіе слова съ изображаемымъ предметомъ, и повѣствованіе, само по себѣ слабое, становится еще болѣе поверхностнымъ и косноязычнымъ. Самые евангелисты при семъ случаѣ изображаютъ Іисуса Христа, такъ сказать, только *по плоти* (1 Кор. 2, 7. 8), — какъ Онъ представлялся чувствамъ зрителей, не раскрывая того, что происходило въ Его духѣ, не изъясняя тайны внутреннихъ страданій Богочеловѣка. Кто хочетъ знать сію тайну (а не участвуя въ ней живою вѣрою и живою дѣятельностію, нельзя быть истиннымъ христіаниномъ): тотъ долженъ обратиться съ молитвою къ самому Духу Божію (1 Кор. 2, 10), который одинъ предвозвѣщалъ Христовы страданія до совершенія ихъ (1 Петр. 1, 13), одинъ и возвѣщаетъ тайну сихъ страданій по совершеніи ихъ. Слово Божіе объявляетъ только, что для уразумѣнія всей силы страданій Хри-

стовыхъ надобно сраспяться со Христомъ и спогребстись Ему (Рим. 6, 3. 4). А одинъ изъ уразумѣвшихъ свидѣтельствуеть, что послѣ сего разумѣнія весь міръ покажется *ничѣмъ* (Фил. 2, 8).

Когда кресты были утверждены въ землѣ, воины, слѣдуя обыкновенію, сняли съ Іисуса Христа всю одежду *), взяли пречистое тѣло Его, приподняли на крестъ, распростерли руки, и начали прибавать ихъ къ дереву гвоздями. Потоки крови полились на землю...

Вмѣсто стоновъ и воплей, обыкновенныхъ и неизбѣжныхъ въ такомъ случаѣ, изъ устъ распинаемаго Господа слышалось другое. Въ ту минуту, когда, по всей вѣроятности, ожесточенные враги Его съ злобною радостію слѣдовали взорами за каждою чертою Его лица, ожидая видѣть выраженіе муки, Господь кротко возвелъ очи къ небу и сказалъ: *«Отче, прости имъ! Не вѣдятъ бо, что творять.»*

Таково послушаніе *даже до смерти, и смерти крестной!* — Того, который предалъ Его въ руки враговъ, попустилъ осудить на мученія и смерть, Божественный Страдалецъ называетъ своимъ Отцемъ, точно также, какъ называлъ Его при гробѣ Лазаря (Іоан. 11, 41), или когда гласъ съ неба вслухъ всего народа свидѣтельствовалъ о Его Божественномъ достоинствѣ (Іоан. 12, 28). Заповѣдавъ послѣдователямъ своимъ молиться за враговъ, Богочеловѣкъ подаетъ теперь примѣръ сей высокой молитвы, подаетъ въ минуту ужаснѣйшихъ страданій отъ враговъ своихъ. Ближайшимъ образомъ слова сей молитвы, конечно, относились къ распинавшимъ воинамъ (кои виновны были не тѣмъ, что исполняли дѣло своего званія, но что, слѣдуя внушенію іудеевъ, обнаружили излишнюю жестокость); но въ самой вещи ходатайственная молитва Господа обнимала собою всѣхъ враговъ Его: изъ нея не исключался ни Каіаѳа, ни Пилать, ни Иродъ. Ибо всѣ они, при всей злобѣ, или лукавствѣ, дѣйствительно не знали сами, что дѣлали. Ибо, если бы знали, говоритъ св. Павелъ, то не распяли бы Господа славы **).

Впрочемъ сіе не значитъ того, чтобы не было виновныхъ въ смерти Господа. Кто бы не могъ разумѣть, если бы захотѣлъ,

*) Такъ полагали и отцы Церкви: Амвросій L. 10 in Luc. Августинъ Civ. D. i. 16. 2. Conf. Vossii Harm. Evang. 2. 7. § 3.

**) 1 Кор. 2, 6 — 8. Тоже самое повторяли и апостолы, проповѣдая своимъ соотечественникамъ Христа, ими распятаго: «я знаю, что вы, такъ какъ и начальники ваши, слѣдали сіе по невѣдѣнію. (Дѣян. 3, 17.)

того, что уразумѣлъ и съ такою силою исповѣдалъ даже отчаянный Иуда? По сему-то и Господь говоритъ: «прости имъ!»

Безъ молитвы Господа, можетъ быть, природа не перенесла бы поруганія Творцу своему, и враги Его, подобно врагамъ Моисея и Аарона (Числ. 16, 32), были бы пожертвы землею, которая съ трепетомъ держала на себѣ Его крестъ.

ІНГУСЪКЪ НА КРЕСТѢ.

(Распятіе двухъ разбойниковъ. — Особенная надпись на крестѣ Іисусовомъ и неудовольствіе на нее первосвященниковъ. — Раздѣлъ одежды между воинами. — Насмѣшки надъ Іисусомъ черни, первосвященниковъ, воиновъ, распятаго разбойника. — Покаянная молитва разбойника благоразумнаго. — Отвѣтъ на нее. — Помраченіе солнца. — Усыновленіе Іоанна Богоматери. — Послѣднія страданія и послѣднія слова Іисуса Христа на крестѣ. — Его смерть. — Она не была ускорена сверхъ-естественно.)

ослѣ Іисуса Христа распяли и двухъ преступниковъ, одного по правую, а другаго по лѣвую сторону. Такое положеніе дано имъ съ намѣреніемъ, дабы Святый Святыхъ и на крестѣ представился какъ бы преступнѣйшимъ изъ злодѣевъ. Діаволь, по замѣчанію св. Златоуста, хотѣлъ чрезъ сіе помрачить славу Господа: но самъ не зная, увеличилъ оную; потому что чрезъ сіе самое исполнилось одно изъ пророчествъ, о томъ, что Іисусъ Христосъ будетъ *влѣненъ съ беззаконными* (Исаі. 53, 12).

По совершеніи казни, надъ главами распятыхъ, по обыкновенію, прибиты были выбѣлennыя досчечки, на коихъ изображалось ихъ имя и преступленіе. Въ надписяхъ разбойниковъ не было никакого отступленія отъ обыкновенной формы. Но надъ главою Господа вмѣсто изъясненія вины, сверхъ чаянія, увидѣли слѣдующія двусмысленныя слова: «Іисусъ Назорянинъ, царь іудейскій *).» При томъ надпись сія была не на одномъ латин-

*) Іоан, 19, 19. По Матѳею: *сей есть Іисусъ царь іудейскій*, по Марку: *царь іудейскій*, по Лукъ: *сей есть царь іудейскій*. Первые три евангели-

скомъ или иноземномъ языкѣ, какъ обыкновенно дѣлалось; а на всѣхъ, употребительнѣйшихъ тогда, языкахъ, то есть, латинскомъ, греческомъ и іудейскомъ. Такъ поступлено было съ особеннымъ намѣреніемъ, по приказанію самого Пилата. Слова надписи выражали тоже самое обвиненіе, по которому Іисусъ Христосъ осужденъ на смерть: присвоеніе достоинства царя іудейскаго; только оставалось нерѣшеннымъ: законно или незаконно присвоилъ Онъ себѣ сіе достоинство, признавали Его іудеи своимъ царемъ, или не признавали? Судя по надписи, каждый гораздо скорѣе могъ подумать, что это дѣйствительный царь іудейскій, коего подданные не могли защитить отъ римлянъ, или который измѣнически оставленъ ими. Три языка въ надписи употреблены Пилатомъ потому, что чужестранцы и многіе изъ іудеевъ, пришедшихъ на праздникъ изъ отдаленныхъ странъ, худо разумѣли тогдашній языкъ еврейскій. Притомъ такая торжественность еще болѣе располагала думать, что распятый есть важное политическое лице **); а слѣд. подвергала гордый синедріонъ еще большому осмѣянію. «Вотъ какъ, могли говорить, поступаютъ съ царями іудейскими! вотъ какого Мессію ожидаютъ іудеи! — Какъ они безразсудны, слѣпы!»...

Первосвященники тотчасъ проникли цѣль надписи, и спѣшили къ Пилату съ просьбою, чтобы онъ перемѣнилъ ее. «Не надобно, говорили они, писать: *царь іудейскій*, а написать, какъ Онъ говоритъ: *Я царь іудейскій*. Пусть, то есть, каждый знаетъ, что мы не признавали Его царемъ, а только Онъ самъ выдавалъ себя за Мессію».

«Что я написалъ, то написалъ», былъ отвѣтъ прокуратора; и первосвященники со стыдомъ и досадою возвратились на Голгоѳу, чтобы вознаградить свое безчестіе клеветою и насмѣшками.

Явно, что Пилатъ составленіемъ надписи, тѣмъ паче отказомъ въ перемѣнѣ ея, желалъ досадить и отмстить первосвященни-

ста, вѣроятно, означали только сущность надписи; а Іоаннъ, какъ очевидецъ, передалъ самыя слова: или можетъ быть, не одни и тѣже слова употреблены были на латинскомъ, греческомъ и еврейскомъ; и одинъ евангелистъ взялъ ихъ съ одного, другой съ другаго языка. V. Reycheri Dissert. de titulis Christi, cuncti affixi in Thesaurō Dissert. tom. 2 p. 241.

*) Такъ римскіе воины, по свидѣтельству Юлія Капитолина, на гробницѣ Гордіана, погребеннаго на границахъ Персіи, слѣтали надпись на языкахъ: греческомъ, латинскомъ, персидскомъ, іудейскомъ и египетскомъ. In. Gord. c. 32.

камъ. Между тѣмъ, по замѣчанію отцевъ Церкви, судія римскій, и въ семь случаѣ, самъ не зная, служилъ орудіемъ распоряженій высшихъ. «Пилатъ, разсуждаетъ блаженный Августинъ, что написалъ, то написалъ; поелику Господь, что сказалъ, то сказалъ. Онъ сказалъ: «Я царь, поставленный надъ Сіономъ — горою святою» (Псал. 2, 3), сказалъ, что Ему должно пострадать, дабы *войти въ славу свою*; и вотъ, пригвоздившіе Его ко кресту симъ самымъ, такъ сказать, возвели Его на престолъ; оставалось провозгласить новаго царя; и Пилатъ-язычникъ посредствомъ трехъязычной надписи торжественно провозглашаетъ Его, вопреки властямъ іудейскимъ, въ слухъ всѣхъ народовъ: пророческій символъ событій, имѣвшихъ вскорѣ послѣдовать! Народъ іудейскій, продолжая отвергать иго царства Христова, видѣлъ и доселѣ — къ посрамленію своему — видитъ, какъ народы языческіе, одинъ за другимъ, признаютъ распятаго Іусуса своимъ Царемъ, Спасителемъ и Господомъ».

Особенная надпись, сдѣланная на крестѣ Іусуса Христа, по замѣчанію Златоуста, послужила впослѣдствіи и къ отличію его отъ другихъ крестовъ, съ коими онъ былъ зарытъ въ землю, — когда мать Константина Великаго, св. Елена, рѣшилась обрѣсти живоносное древо *).

Окончивъ распятіе, воины тотчасъ занялись раздѣломъ между собою одежды распятыхъ, которая, по закону, становилась ихъ собственностію **). Верхнюю одежду и прочее одѣяніе Іусуса Христа они раздѣлили между собою на четыре доли (Іоан. 19, 23), раздирая по частямъ то, что не могло принадлежать одному: но хитона, или нижней одежды, нельзя было раздѣлить, нельзя было даже разодрать; потому что онъ не былъ сшитъ, а весь тканой, сверху до низу ***). Видя это, равно какъ и доброту хитона, воины рѣшились, не раздирая, бросить о немъ жребій, кому достанется.

Обстоятельство сіе, по видимому, не такъ важное, становится весьма значительнымъ, когда узнаемъ, что чрезъ сіе исполнилось также одно изъ древнѣйшихъ пророчествъ о Мессіи. Св. Давидъ, какъ прообразъ своего великаго Потомка по плоти, описывая свои

*) Hom. in Johan. 82. al. 83.

***) Senec. de tranquil. L. 1. Wetstenius ad Matth. 27, 36.

***) Тканіемъ такихъ хитоновъ особенно славилась египтяне. Herod. L. II. Различныя мнѣнія о составѣ хитона Христова можно видѣть у Свицера in Thesauro Eccles. tom. 2. p. 1521. Wolfiusni curis.

бѣдствія, говоритъ, что одежды его были раздѣлены врагами, и о хитонѣ его метали жребіи (Псал. 21, 19). Что къ состоянію Давида могло идти только въ несобственномъ смыслѣ, какъ прообразъ будущаго, потому что о хитонѣ Давида никогда и никому не доставалось метать жребія, — то самое надъ Иисусомъ Христомъ совершилось теперь во всей дѣйствительности. Съ такою точностію Промыслъ благоволилъ изобразить за нѣсколько вѣковъ самыя малыя черты страданій Христовыхъ! И если когда, то наипаче при крестѣ, должно имѣть въ виду всѣ ветхозавѣтныя пророчества; ибо въ немъ, какъ средоточіи, сами собою сходятся всѣ разсѣянные лучи созерцаній пророческихъ; между тѣмъ сіяніе сего свѣта совершенно разгоняетъ мракъ, окружающій крестъ Иисусовъ, показывая, что Онъ во всѣхъ подробностяхъ своихъ былъ дѣломъ не буйства челоуѣческаго, а премудрости Божіей.

Изъ раздѣла одежды Иисуса Христа между прочимъ видно, что она была полна и прилична, и что между вещами, Ему принадлежавшими, не было ни одной, которая бы не стоила чего либо. Тканый хитонъ показываетъ даже избытокъ и изящество и, какъ повѣствуетъ преданіе, былъ плодъ трудовъ Его Матери. Если сравнить одѣяніе Иисуса Христа съ суровою, пустынною одеждою Іоанна Крестителя; то усматривается значительная противоположность, которая простиралась и на весь внѣшній образъ жизни Иисуса и Его Предтечи.

По окончаніи раздѣла одежды, воины остались у креста для стражи, которая *) приставлялась къ распятымъ, дабы тѣла ихъ не были преждевременно сняты родственниками или знакомыми для погребенія; и теперь была тѣмъ нужнѣе, что отъ толпы стекавашагося народа могли происходить безпорядки.

Когда распинали Господа, враги Его, повидимому, не издѣвались надъ Нимъ. Народъ также стоялъ только и смотрѣлъ (Лук. 23, 35). Появленіе надписи надъ главою Его послужило какъ бы знакомъ къ всеобщимъ насмѣшкамъ.

Толпа народа, всегда буйнаго, читая надпись, кивала головою и кричала: «уа, тридневный возстановитель храма! Уа, царь Израилевъ! — Что же Ты медлишь спасти себя? Вотъ какой Ты Сынъ Божій, что не можешь сойти со креста (Мар. 15, 29)!»

*) Petron. Satyr. p. 389. Adest miles, qui cruces servabat, ne quis ad sepulturam corpora detraheret. Lipsius de cruce. 2. 16.

Первосвященники и старѣйшины не только не препятствовали черни издѣваться надъ умирающимъ Господомъ, но и сами всячески поносили и злословили Его. Насмѣшки и поруганія оставались единственнымъ средствомъ, которое имъ можно было противопоставить хитрости Пилата, хотѣвшаго осмѣять ихъ посредствомъ надписи. Между тѣмъ у первосвященниковъ лежало на сердцѣ еще нѣчто, гораздо важнѣе надписи, что побуждало ихъ участвовать въ самыхъ низкихъ насмѣшкахъ. Теперь всѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ, что они — единственною причиною столь ужасной казни для Иисуса и что Пилатъ долго не хотѣлъ осуждать Его. Итакъ надлежало дать предъ народомъ какъ бы отчетъ въ своемъ злодѣяннѣи и настроитъ общественное мнѣніе такъ, чтобы чужеземные іудеи, стекшіеся со всего свѣта на праздникъ, не разнесли потомъ всюду извѣстія, что синадріонъ, удовлетворяя своему честолюбію, предалъ поносной смерти праведника, едва ли даже не Мессію. Для такой цѣли поруганія и насмѣшки казались самымъ лучшимъ средствомъ: ибо опытъ доказываетъ, что самые лучшіе люди теряютъ весьма много уваженія, когда по какому либо случаю подвергаются осмѣяннѣю.

Лицемѣры, по обыкновенію, приняли видъ усерднѣйшихъ служителей Бога Израилева, строжайшихъ ревнителей закона, и обращаясь къ народу, говорили:

«Смотрите, другихъ спасаетъ, а себя не можетъ спасти! Напрасно ли мы увѣряли васъ, что отъ сего человѣка нельзя ожидать ничего добраго? Что другъ мытарей и грѣшниковъ, рано или поздно, займетъ мѣсто посреди злодѣевъ? — Что оскверненіе субботы не останется безъ небеснаго мщенія? Намъ не вѣрили; думали, что Онъ святъ; вотъ теперь самое дѣло показало, мы ли говорили правду, или Онъ! — Кто не ожидаетъ Мессію? Мы жизнь свою отдали бы за Его пришествіе. Но ужели мы обязаны вѣровать въ Мессію на крестѣ? И много ли нужно доказательствъ? Если Онъ дѣйствительно царь Израилевъ, пусть сойдетъ сейчасъ со креста, и мы сей же часъ увѣруемъ въ Него (Мар. 15, 32).»

«Въ самомъ дѣлѣ, — издѣвались прочіе старѣйшины, — это совсѣмъ не царскій престолъ. Теперь видно, каковъ Онъ Сынъ Божій и каковы Его чудеса. Оставилъ ли бы Отецъ собственного Сына въ такомъ положеніи? Онъ уповалъ на Бога, пусть же теперь избавитъ Его Богъ, если Онъ угоденъ Ему (Мат. 27, 39 — 43; Мар. 15, 29 — 32; Лук. 23, 35).»

Послѣднія насмѣшки суть тѣже самыя, которыя Давидъ въ

вышеприведенномъ псалмѣ влагаетъ въ уста враговъ праведника, имъ описываемаго. Такъ вѣрно исполнялись пророчества, въ собственныхъ дѣйствіяхъ, — хотя и безъ сознанія, — тѣхъ самыхъ людей, кои исполняли оныя.

При насмѣшкахъ, безстыдно повторяемыхъ самими властями іудейскими, не удивительно, что и грубые воины, стоявшіе на стражѣ, говорили Іусусу Христу: «если Ты царь іудейскій, то зачѣмъ не спасешь себя?» — Такая насмѣшка въ устахъ римскихъ воиновъ могла быть плодомъ только самаго слѣпаго подражанія. Когда іудей кричалъ такимъ образомъ, то выраженіе: *царь Израилевъ*, и для чего не спасешь себя — у него имѣли всю связь и силу: ибо Мессія, по его мнѣнію, долженъ быть чудотворецъ, слѣдственно имѣть возможность помогать себѣ во всѣхъ случаяхъ; язычникъ, напротивъ, подѣ царемъ іудейскимъ разумѣлъ обыкновеннаго человѣка, — изъ чего никакъ не слѣдовало, чтобы онъ могъ сойти самъ собою со креста. Но грубые воины ни мало не заботились о смыслѣ словъ своихъ, довольствуясь тѣмъ, чтобы повторять слышанное отъ другихъ.

Св. Лука упоминаетъ еще (Лук. 23, 36), что воины подносили Іусусу Христу кислое питье, — безъ сомнѣнія, то самое, которымъ они имѣли обыкновеніе утолять свою жажду, находясь подѣ открытымъ небомъ, среди жаркаго полдня. Значитъ, между насмѣшками они не забывали и сострадательности къ распятымъ, кои отъ мученій еще болѣе ихъ должны были чувствовать жажду: обыкновенное сочетаніе въ грубыхъ людяхъ добраго съ худымъ, человѣчества съ звѣрствомъ.

Молчанія по крайней мѣрѣ надлежало ожидать отъ тѣхъ несчастныхъ, кои сами висѣли на крестахъ. Но и изъ нихъ одинъ, по свидѣтельству евангелистовъ, зяюловилъ Іусуса, требуя, чтобы Онъ, какъ Мессія, спасъ и себя и ихъ. Хотѣлъ ли сей несчастный въ омраченіи разсудка, произведенномъ смирною, — только развеселить себя, участвуя въ общихъ насмѣшкахъ? Или дѣйствительно, по невѣдѣнію, почиталъ Іусуса Христа виновнымъ и достойнымъ казни? Или даже вмѣнялъ себѣ въ честь, что участвовалъ въ возмущеніи за свободу, и думалъ низко о томъ, кто, называя себя Мессією, не произвелъ никакого переворота? — Во всякомъ случаѣ, видно развращенное сердце, видѣнъ грѣшникъ, который хочетъ перейти нераскаяннымъ и въ другой міръ (Лук. 23, 39 — 43).

Тѣмъ возвышеннѣйшій образъ мыслей обнаружился въ дру-

гомъ распятомъ *). Хула на Ісуса Христа была для него нестерпимѣ креста. «Уже ли въ тебѣ, сказалъ онъ хулившему, совершенно нѣтъ страха Божія, что ты издѣваешься надъ тѣмъ, что самъ терпишь? И мы осуждены праведно, терпимъ по дѣламъ; а Онъ, Онъ не сдѣлалъ никакого зла!»...

Слова сію какъ бы дали ему смѣлость изъяснить предъ самимъ Господомъ чувство вѣры и уваженія, таившееся въ его сердцѣ. «*Поляни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ!*»

«*Алинь, глаголю тебѣ, отвѣчалъ Господь, днесь со Мною будеши въ раи.*»

Нѣтъ сомнѣнія, что понятіе кающагося разбойника о царствѣ Ісуса Христа еще не было свободно отъ всѣхъ мнѣній, съ коими оно обыкновенно соединялось въ умѣ іудея. Разбойникъ не могъ быть выше Апостоловъ, кои представляли себѣ, какъ мы видѣли, царство Ісуса Христа еще земнымъ и чувственнымъ. Посему въ словахъ разбойника надобно предполагать смыслъ, не превышающій его понятія. Я вѣрую, какъ бы такъ онъ говорилъ Господу, что крестъ не воспрепятствуетъ Тебѣ восторжествовать надъ своими врагами: Ты воскреснешь и воскресивъ съ собою всѣхъ, ожидавшихъ Твоего пришествія, утвердишь потомъ на землѣ царство Израилево. Не забудь тогда и о мнѣ недостойномъ; воскреси вмѣстѣ съ другими, и дай мѣсто въ царствѣ твоемъ!

А принимая, по необходимости, въ такомъ смыслѣ слова кающагося разбойника, нельзя не видѣть въ отвѣтѣ Господа

*) Многие, особенно изъ древнихъ (Svicer Thesaur. sub voce *Αιτης* Вупæі Christu Crucifixu 18, § 8), основываясь на словахъ Ев. Матѳея (27, 44) и Марка (15, 32), полагали, что вначалѣ оба распятыя носили Ісуса Христа, а потомъ одинъ изъ нихъ покаялся. Но такой мгновенный переходъ отъ ожесточенія къ покаянію невѣроятенъ. Съ другой стороны, всякому, занимавшемуся древнею филологіею, извѣстно, что у евреевъ, грековъ и латинянъ, также, какъ и у насъ, имена нарицательныя часто полагались во множественномъ числѣ, между тѣмъ какъ ихъ надлежало разумѣть въ единственномъ. (V. Gloss. phil. Sacr. p. 60 Grotius ad h. l.) «Такъ, замѣчаетъ Августинъ, и въ посланіи къ Евреямъ говорится во множественномъ: заградили уста львовъ, между тѣмъ какъ это разумѣется объ одномъ Даніилѣ; или: претрени быша; между тѣмъ какъ сію казнь, по преданію, претерпѣлъ одинъ Исаія.» Евангелисты тѣмъ паче могли въ настоящемъ случаѣ употребить множественное число вмѣсто единственнаго, что исчисляли лица, хулившія Ісуса Христа, какъ бы такъ говоря: «Его хулили мимоходящіе (Мат. 27, 39), архіереи, книжники, старцы, фарисеи (41), даже самыя разбойники (44).

мудраго снисхожденія къ слабымъ понятіямъ человѣческимъ. Раемъ іудеи называли одно изъ отдѣленій Шеола *), служившее, по ихъ мнѣнію, мѣстопребываніемъ душъ праведныхъ. И вотъ, Господь общается кающемуся пребываніе въ раю, то есть, общается блаженное по смерти состояніе: но не говоритъ ни слова о царствѣ своемъ; ибо сказать: «нынѣ ты будешь со Мною въ царствѣ моемъ, значило-бы возродить въ умѣ разбойника мысль, что въ сей же самый день будетъ учреждено видимое царство Мессіи.

Такимъ образомъ Божественный Учитель истины и на крестѣ продолжалъ щадить слабость людскихъ понятій, открывать истину, сколько могли вмѣщать слышащіе, взирать не только на правильность мыслей, но и особенно на чистоту сердца и его расположеніе къ добру. Прежде, во время служенія своего, окруженный чудесами, — Онъ именовалъ себя Господомъ субботы, храма: со креста является Господомъ рая и ада, коему принадлежитъ всякая власть не только на землѣ, но и на небѣ. Первосвященнику требовали, чтобы Онъ, оставивъ спасать другихъ, спасъ себя самого: Господь продолжаетъ спасать другихъ, пренебрегая собственное посрамленіе. Справедливо св. Фулгенцій отвѣтъ Іисуса Христа къ кающемуся разбойнику называетъ послѣднимъ завѣщаніемъ Его ко всѣмъ кающимся грѣшникамъ, которое начертано не тростию, а крестомъ.

Торжество злорѣчія и клеветы не было продолжительно: вскорѣ, по распятіи Господа, Промыслъ началъ являть, что Онъ *не дастъ Преподобному своему увидѣть истлѣніе* (Дѣян. 2, 27). Среди яснаго полдня небо вдругъ покрылось мракомъ (Мат. 27, 45; Мар. 15, 36; Лук. 23, 44), какъ бы во свидѣтельство, что великое дѣло тьмы приближалось уже къ своей полуночи. Мракъ сей походилъ на солнечное затмѣніе; впрочемъ нисколько не былъ его слѣдствіемъ **), потому что пасха іудейская всегда со-

*) Мѣсто, въ коемъ, по мнѣнію древнихъ іудеевъ, находятся души людей умершихъ. Во время Іисуса Христа въ семь Шеолѣ предполагалось два отдѣленія: одно для праведныхъ, называвшееся раемъ, лономъ Авраамовымъ и проч., другое для грѣшныхъ, которое называли адомъ, геенною, и пр. (Лук. 16, 23).

**) Есть письмо полъ именемъ Діонисія Ареопагита, въ коемъ онъ пересказываетъ св. Поликарпу о помраченіи воздуха, бывшемъ во время распятія, и производитъ его отъ сверхъестественнаго затмѣнія солнца, утверждая, что самъ былъ свидѣтелемъ сего затмѣнія. Но письмо сіе носитъ на себѣ несомнѣнные признаки своего неподлиннаго происхожденія, и не принимается мно-

вершалась во время полнолунія, когда луна не можетъ находиться между землею и солнцемъ, отъ чего происходятъ солнечныя затмѣнія. По мнѣнію Златоуста, Теофилакта и Евхимія, мракъ во время распятія Ісуса Христа происходилъ отъ сгущенія облаковъ между землею и солнцемъ, произведеннаго сверхъестественною силою *).

Ев. Матѳеѣ говоритъ, что *тьма бысть по всей земли*. Хотя выраженія сего не должно брать безъ ограниченія, какъ справедливо замѣчено еще древними учителями Церкви **); потому, что земля у св. писателей часто означаетъ одну какую либо страну, особенно іудейскую, даже одинъ городъ ***): впрочемъ нѣтъ никакой причины ограничивать помраченія воздуха одною Палестиною. Оно, безъ сомнѣнія, простиралось, въ большей или меньшей мѣрѣ, столь же далеко, какъ и землетрясеніе, за нимъ послѣдовавшее, которое, какъ видно изъ современныхъ свидѣтелей, чувствуемо было въ большей части Азіи, Африки и Европы.

Замѣчательно, что древніе іудейскіе писатели, кои въ своихъ сочиненіяхъ обыкновенно или отвергаютъ, или превращаютъ чуда евангельскія, ничего не говорятъ вопреки повѣствованію о

гими даже изъ тѣхъ, кои стоятъ за подлинность прочихъ сочиненій, извѣстныхъ подъ именемъ Ареопагита. Оригенъ замѣчаетъ, что въ его время даже въ нѣкоторыхъ спискахъ евангелія вмѣсто *εσκοτεινη ο ηλιος* (помрачилось солнце) читалось: *του ηλιου εκλειποντος* (послѣдовадо затмѣше солнца). На такую перемѣну словъ евангельскихъ, по его мнѣнію, отважился кто либо, полагая придать чрезъ то болѣе ясности тексту, и воображая, что тьма могла произойти единственно отъ затмѣнія солнца. (Comment in Matth. Opp. Th. 12, P. 269. Edit. Wirceb.)

*) Поелуку землетрясеніямъ, какъ извѣстно, предшествуетъ нѣрѣдко обыкновенное помраченіе воздуха, происходящее отъ той же причины, отъ коей происходятъ землетрясенія (Widerburg de obscuratione solis in passione Domini); то можно думать, что и мракъ, происшедшій во время распятія Ісуса Христа, находился въ связи съ землетрясеніемъ, за нимъ послѣдовавшимъ, — и что всемогущество Божіе, для достиженія своей цѣли, премудро употребило въ семь случаевъ естественныя силы природы. Harmer. Beobachtung über Orient. Th. 2 P. 197).

***) Arbitror, sicut cætera signa, quæ facta sunt in passionem ipsius, in Jerusalem tantummodo facta sunt, sic et tenebræ tantummodo super omnem terram Judæam sunt factæ... Sic ergo qui intelligit, sine culpa intelligit, ut non magnitudinem miraculi ostendere volens, incidat in risum sapientium huius sæculi, et magis infidelitatem in hominibus operetur, quam fidem. — Orig. Comment in Matth.

***) Scheusner. Lex. N. T. sub voce: *γη*. Bynæus de mort. Chr. l. 3. c. 5. sec. 2.

помраченію солнца во время страданій Христовыхъ). Замѣчательно также, что языческій историкъ Флегонтъ, коего слова приводятся Евсевіемъ, Оригеномъ и Юліемъ Африканскимъ**), такъ согласенъ съ евангелистами въ описаніи одного необыкновеннаго помраченія солнца, случившагося въ царствованіе Тиверія, что назначаетъ для него тотъ же самый часъ (шестый, или по нашему 3-й по полудни***). Вообще надобно полагать, что событіе сіе, равно какъ и прочія чудеса, за нимъ послѣдовавшія, были тогда извѣстны всѣмъ: иначе Тертуліанъ, приводя ихъ въ доказательство божественности христіанской религіи, не ссымался бы предъ лицемъ сената и народа римскаго на публичныя архивы, гдѣ хранились описанія подобныхъ явленій****).

Необыкновенное помраченіе воздуха, послѣдовавшее за распятіемъ Господа, должно было заключить хульныя уста враговъ Его и произвести въ нихъ впечатлѣніе самое мрачное. Если они не почитали сего явленія слѣдствіемъ безчеловѣчія, оказаннаго Праведнику, то, сообразно господствовавшимъ понятіямъ, не могли не видѣть въ Немъ предвѣстія общественныхъ бѣдствій, тѣмъ болѣе печальнаго и ужаснаго, что оно случилось въ день праздника, самаго свѣтлаго. Тогдашніе народы вообще вѣрили, что необыкновенныя воздушныя явленія, особенно помраченіе солнца, предвѣщаютъ худое****); а іудеи тѣмъ паче держались сего мнѣнія, что пророки, предсказывая народныя бѣдствія, также нерѣдко соединяли съ ними помраченіе солнца*****). Особенно тѣма могла просвѣтить многихъ изъ іудеевъ, когда увидѣли, что, начавшись съ распятіемъ Іусуса Христа, она окончилась съ

*) Hess. in Lebensgeschichte Jesu.

**) Euseb. Chronic. Partic. 2. Orig. contra Cels. 5o. 3. 33 и 59. Julius in Octavio.

***) Флегонтъ жилъ въ царствованіе Адріана и былъ его отпущенникъ. Онъ написалъ много историческихъ книгъ, до насъ не дошедшихъ. Въ одной изъ нихъ, по свидѣтельству Евсевія, читалось: quarto anno biscentesimæ et tertiæ Olimpiadis magna solis defectio est facta, qua superiorem ullam nemo cognoverat, atque ita nox (hora) sexta facta est, ut stellæ in cœlo visæ sint.

****) Eum mundi casum relatam in archivis vestris habetis. Apol. c. 21.

*****) Plin. St. N. 2. 20. Fiunt nonnumquam prodigiosi et longiores solis defectus, quales occiso Dictatore Caesare et Antoniano bello, totius paene anni pallore continuo. Virg. Gecorg. 1, 463. Sol tibi signa dabit: solem quis dicere falsum audeat? Ille enim cæcos instare tumultos et caeter.

*****) Іоул. 3, 34; Іезек. 32, 7; Амос. 8, 9; Мих. 3, 67; Исai. 13, 10; 24, 23; 34, 4; 50, 3; 60, 19. 20.

Его жизнью: потому что обстоятельство сіе яснѣйшимъ образомъ показывало, что естественнымъ, по видимому, событіемъ управляютъ сила сверхъ-естественная, Божія, и что свѣтъ міра стужнаго померкъ потому, что на крестѣ угасалъ свѣтъ міра духовнаго.

Для почитателей Іисуса Христа помраченіе воздуха и произведенная имъ тишина въ природѣ, — были благоприятнымъ случаемъ приблизиться ко кресту, гдѣ въ сіе время сдѣлалось покойнѣе. Таковы были, по свидѣтельству Евангелистовъ:

Всѣ знакомые Господу *). Въ частности:

Многія жены галилейскія, пришедшія на праздникъ, которыя, по замѣчанію Марка, и тогда, какъ Іисусъ былъ въ Галилею, ходили за Нимъ (Мар. 15, 41) и помогали Ему отъ своего имущества (Мат. 27, 55).

Саломія, жена Заведя, мать Іакова и Іоанна (Марк. 15, 40; Мат. 27, 56).

Марія Магдалина **).

Марія, сестра Богоматери, мать Клеопы (Іоан. 19, 25), Іакова и Іосіу ***).

Іоаннъ, ученикъ и другъ Іисусовъ.

Матерь Господа.

Іосифа, обрученника Богоматери, не было, вѣроятно, не только на Голгоѣ, но и на землѣ. Съ того самаго времени, какъ Іисусъ Христосъ, будучи 12 лѣтъ, приходилъ съ родителями своими въ

*) *Παντες οι γνωστοι αυτου*. Лук. 23, 49.

***) Магдала былъ небольшой городъ при Галилейскомъ морѣ, недалеко отъ Тиверіады (Lightfoot. in chorogr. Matth. praemis 76), Марія называется постоянно Магдалиною потому, что родилась, или жила въ семь городѣ. Господь изгналъ изъ нея семь бѣсовъ (Мар. 16, 9; Лук. 8, 3). Признательная къ сему благодѣянію, она часто сопровождала Его, слушая бесѣды и доставляя Ему пособіе въ содержаніи (Лук. 8, 3. 4). Многіе принимали Магдалину за великую грѣшницу, которая описывается въ 7 главѣ ев. Луки (V. Deyling. obser. sac. P. 3. p. 291), или за Марію, сестру Лазареву (V. Schlegel. Lebensg. S. 394). И первое мнѣніе не основательно, а послѣднее еще болѣе (См. Синаксарь Вел. Среды).

****) Мат. 27, 56. Іакова малаго. Марк. 15, 40. Ев. Іоаннъ именуеть Марію Клеоповою, не упоминая о томъ, чтобы она была матерію Іакова и Іосіу; Матѳей и Маркъ напротивъ даютъ ей послѣднее названіе, не упоминая о Клеопѣ. Одно ли и тоже лице имѣли въ виду евангелисты, или два? — рѣшить трудно по причинѣ множествъ различныхъ показаній, кои должны вести къ разрѣшенію сего. (Conf. Schlegel, 1, с.)

Иерусалимъ на праздникъ пасхи (Лук. 2, 48), объ Иосифѣ вовсе не упоминается въ евангеліи, хотя при нѣкоторыхъ случаяхъ весьма прилично было упомянуть о немъ, если бы онъ былъ въ живыхъ.

Учениковъ Иисусовыхъ, кромѣ Иоанна, также не видно у креста: такъ, по крайней мѣрѣ, заставляетъ думать молчаніе евангелистовъ. Отсутствие ихъ тѣмъ извинительнѣе, что самъ Господь и Учитель ихъ запретилъ имъ предаваться опасности. У Петра былъ свой крестъ: онъ плакалъ въ уединеніи...

И Лазарь не могъ явиться между врагами Иисуса, безъ явной опасности жизни. Древнее преданіе говоритъ, что онъ вскорѣ по воскресеніи своемъ, избѣгая преслѣдованія синедриона, удалился изъ Іудеи *).

Съ Матерію Господа неразлучнѣ всѣхъ былъ Иоаннъ: ихъ соединяли и равная скорбь и равная любовь къ Распятому. Ученикъ по чувству сердца уже занималъ мѣсто сына для безутѣшной Матери.

Прочіе почитатели Господа все еще оставались въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ креста (Мар. 15, 40), можетъ быть, на одной изъ возвышенностей, окружавшихъ Голгофу. Но Богоматерь, св. Иоаннъ, Марія Клеопова и Марія Магдалина, презирая страхъ и опасность, подошли такъ близко, что Господь не только могъ видѣть ихъ, но и говорить съ ними (Іоан. 19, 25). Ужасный видъ для сердца матери, и — такой матери, какова была св. Марія! — Оружіе, предсказанное Симеономъ въ минуты Ея радости и величія (Лук. 2, 35), проникло теперь всю душу Ея. Дружелюбное сердце Иоанново также терзалось печалію. Видя своего возлюбленнаго Учителя и Друга, висящаго на крестѣ, посреди разбойниковъ, — онъ невольно долженъ былъ вспомнить о своемъ безразсудномъ прошеніи. Теперь ясно было, что онъ совершенно не зналъ, чего просить у Иисуса, когда желалъ занять мѣсто по правую Его сторону, и какъ горька чаша, которую онъ обѣщался тогда испить съ такою рѣшительностію (Мат. 20, 22).

Впрочемъ евангелисты не говорятъ, чтобы Матерь Господа и друзья Его рыдали, подобно *женамъ іерусалимскимъ*. Ихъ рыданія возмущали бы послѣднія минуты лица, нѣжно любимаго. Самая горестъ ихъ была выше слезъ: кто можетъ плакать, тотъ

*) Смот. Синаксарь Суббот. Лазарь.

еще не проникнуть силою всей скорби, къ какой способно сердце человѣческое.

И для Иусуса Христа взглядъ на Матерь былъ новымъ мученіемъ. Переходя непрестанно изъ одной страны въ другую для проповѣди, Онъ не могъ исполнять домашнихъ обязанностей сына: продолжалъ однакоже быть надеждою и утѣшеніемъ своей Матери даже въ земномъ отношеніи. Теперь Марія оставалась Матерію уже не Иусуса, всѣми любимаго, уважаемаго, Коего страшился самъ синедріонъ, который составлялъ предметъ надеждъ для всего Израиля, — а Иусуса, всѣми оставленнаго, поруганнаго, окончившаго жизнь на Голгоѣѣ, вмѣстѣ съ злодѣями!...

Надлежало преподавать какое либо утѣшеніе, — преподавать однакоже такъ, чтобы оно, служа отрадою на всю жизнь, не подвергало теперь утѣшаемой насмѣшкамъ и преслѣдованію враговъ, изъ коихъ многіе находились еще у креста. Какихъ бы не позволили они себѣ дерзостей, если бы узнали, что между ними находится Матерь Иусуса? Господь не употребилъ сего наименованія.

«Жено, сказалъ Онъ Матери, *се сынъ твой.*» Взглядъ на Иоанна объяснилъ сіи слова.

Потомъ, указуя взоромъ на Матерь, сказалъ Иоанну: «*се мати твоя*» (Иоан. 19, 26. 27).

Это значило, что послѣдняя воля Божественнаго Страдальца состоитъ въ томъ, чтобы Матерь и ученикъ не разлучались между собою и послѣ Его смерти, какъ соединились теперь у Его креста; чтобы Иоаннъ принялъ на себя обязанность сына, а св. Марія оказывала ему любовь матернюю. Ученикъ во всей точности исполнилъ волю умирающаго Учителя и друга; и съ сего самаго часа, какъ свидѣтельствуешь въ своемъ евангеліи, принявъ Богоматерь въ домъ свой, доставлялъ Ей все, нужное для жизни, и до самой кончины Ея, какъ говоритъ преданіе, оставался въ отношеніи къ ней, какъ сынъ. Для св. Иоанна тѣмъ удобнѣе было принять въ свое семейство Богоматерь, что домъ его былъ богатъ и благоустроенъ *). Между тѣмъ ученики Иусусовы, оставивъ всѣ стяжанія, дабы послѣдовать за Нимъ, не теряли чрезъ сіе правъ собственности и, когда можно было, возвращались въ свои дома, дабы заниматься ихъ благоустройствомъ. И для Саломіи, матери Иоанновой, усыновленіе сына ея

*) Мар. 1, 20; Мат. 27, 55. 56. Слич. Мар. 15, 41; Лук. 8, 3; Иоан. 18, 15.

Матери Иисусовой не могло не быть весьма пріятнымъ. Ибо, хотя она имѣла предразсудки въ разсужденіи земнаго царства Мессіи (кто не имѣлъ ихъ?) и получила отъ Иисуса Христа, какъ мы видѣли, отказъ и упрекъ за прошеніе о невозможномъ (Мат. 20, 20. 22): впрочемъ ни мало не перемѣнилась въ своемъ расположеніи къ Нему, и теперь, презрѣвъ опасность, стояла на Голгоѣ, желая быть свидѣтельницею послѣднихъ минутъ Его.

Усыновленіе св. Іоанна служитъ новымъ доказательствомъ, что св. Іосифа не было уже въ живыхъ, и что братья Иисусовы, о коихъ упоминается въ евангеліи (Іоан. 7, 5), не были Его родные братья, какъ думали нѣкоторые еретики.

При снятіи со креста и погребеніи Иисуса о Богоматери евангелисты уже не упоминаютъ, хотя снова говорятъ о прочихъ женахъ, нами исчисленныхъ. Отсюда заключаютъ, что Богоматерь удалась съ Голгоѣы еще до смерти Господа, вскорѣ послѣ того, какъ послѣдовало усыновленіе Іоанна. Можетъ быть, самъ Господь далъ знакъ ученику удалить Матерь. При всей крѣпости духа и преданности Ея въ волю Промысла, кои довольно засвидѣтельствованы присутствіемъ Ея на Голгоѣ и приближеніемъ ко кресту, матернее сердце могло не перенести послѣдней борьбы жизни со смертію, которая предстояла Богочеловѣку. Съ Богоматерію долженъ былъ удалиться и Іоаннъ, коего присутствіе для Ней было такъ нужно. Впрочемъ онъ опять явится на Голгоѣ и, кажется, предъ самую смертію своего Божественнаго друга; ибо, описывая въ своемъ евангеліи послѣднія минуты Его, какъ очевидецъ, и пополняя въ семъ отношеніи прочихъ евангелистовъ, онъ за усыновленіемъ непосредственно повѣствуетъ о жадѣ Господа.

Преподавая утѣшеніе другимъ, Господь самъ имѣлъ величайшую нужду въ утѣшеніи. Со времени распятія протекло около трехъ часовъ (Мат. 27, 46): боль отъ ранъ, тягость въ головѣ, томленіе въ сердцѣ, пламень во всей внутренности усилились до высочайшей степени. Никогда пророчества не исполнялись съ такою силою, какъ теперь исполнялись на Немъ слова св. Давида о Мессіи: *«изліяхся, яко вода, и разсыпашася вся кости моя, сердце мое бысть яко воскъ, таяй посредѣ чрева моего; исше яко скудель крѣпость моя, и языкъ мой приле гортани моему, и въ персть смерти свель мя еси. Ископаша руцѣ мои и нозѣ мои; исчетоша вся кости моя. Обыдоша мя пси мнози: смотриша и презрѣша мя»* (Псал. 21, 15).

Божественный Страдалецъ, вѣроятно, самъ остановился мыслію на семъ пророчествѣ... Чувство силы истощалось вмѣстѣ съ

жизнию... Угасающій взоръ все еще стремился къ небу; но оно было мрачно, — ни одного луча свѣта, ни одного утѣшенія... Правосудный Отецъ какъ будто оставилъ Сына, страдающаго за грѣхи людей... Мысль сія довершила мѣру страданій, и безъ того ужасныхъ: человѣческая природа изнемогла...

«*Елоі, Елоі, **» — воскликнулъ Божественный Страдалецъ, — *лама савахвани!*» (Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставилъ?)

Отвѣта не было... Онъ заключался въ нашихъ грѣхахъ: Господь, по замѣчанію св. Кипріана, для того спросилъ Отца, дабы мы спросили самихъ себя и познали свои грѣхи. «Ибо, продолжаетъ священномученикъ, для чего оставленъ Господь? Дабы намъ не быть оставленными Богомъ; оставленъ для искупленія насъ отъ грѣховъ и вѣчной смерти; оставленъ для показанія величайшей любви къ роду человѣческому; оставленъ для доказательства правосудія и милосердія Божія, для привлеченія нашего сердца къ Нему, для примѣра всѣмъ страдальцамъ» **).

Это единственное толкованіе жалобной молитвы Ісуса, которое надобно знать и всегда памятовать Его послѣдователямъ ***). Полный смыслъ сей молитвы есть и долженъ быть для насъ тайною... Впрочемъ въ ней не видно никакого сомнѣнія, или огорченія ****). Уже повтореніе словъ: *Боже мой, Боже мой*, — показываетъ противное. Видна только жалоба на тяжесть мученій и внѣшнихъ, а еще болѣе внутреннихъ, а особенно на видимое какъ бы затмѣніе Божественнаго единства Его со Отцемъ, которое замѣняло доселѣ всѣ утѣшенія, и теперь, сокрывшись, составило послѣдній предѣлъ внутреннихъ страданій и верхъ креста;

*) Мар. 15, 34. По Матѳею: *Илі, Ілі*; но Марково произношеніе ближе подходитъ къ галилейскому нарѣчію. *Елоі* образовалось изъ халдейскаго *Елогі*. Чисто на древнемъ еврейскомъ надлежало бы сказать Ели. Равнымъ образомъ *Савахвани* произошло изъ халдейскаго *шебактани*, а по еврейски было бы *азабтани*. Изъ сего видно, что языкъ, коимъ говорилъ Ісусъ Христосъ, былъ тотъ же самый, коимъ говорили тогдашніе іудеи, т. е., соединеніе древняго еврейскаго съ сиро-халдейскимъ.

**) Tract. de Passione.

***) Lettre sur la Plainte du Sauveur sur la croix; въ Journ. littéraire d'Allemagne. t. I. p. II. Также Lettres sur l'explication de la Plainte de J. C. sur la croix въ Bibliothèque Raisonnée t. 30. p. I. Art. II.

****) Нѣкоторые (Calvin et al.) допускали, что Ісусъ Христосъ долженъ былъ испытать и сіи душевные недуги, какъ слѣдствіе грѣховъ, Имъ на себя принятыхъ.

то есть, видно такое чувство, которое столь же свойственно чело-
вѣчеству, сколько Божеству прилично безстрастіе.

Молитвенное восклицаніе Господа для враговъ Его послужило
новымъ поводомъ къ насмѣшкамъ. Изверги притворились непо-
нявшими Его словъ, и, основываясь на нѣкоторомъ сходствѣ
звукѣ Елоагъ съ наименованіемъ Ілію *), давали имъ такой
смыслъ, какъ бы они обращены были къ сему пророку: «Смот-
рите, кричали одинъ другому, Онъ зоветъ Ілію на помощь», то
есть, смотрите, какъ Онъ, и умирая, продолжаетъ представлять
лице Мессіи: ибо всѣ вѣрили, что Ілія вмѣстѣ съ другими про-
роками долженъ явиться предъ появленіемъ Мессіи, и быть Его
предтечею **) и слугою; вѣрили также, что сей пророкъ является
иногда для поданія помощи тѣмъ, кои его призываютъ ***).

Къ прочимъ мученіямъ Господа присоединялись теперь еще
смертельная жажда, слѣдствіе великой потери крови, — предвѣ-
стница въ распятыхъ близкой смерти ****). Изнемогая отъ сего
новаго мученія, Божественный Страдалецъ воскликнулъ: «жажду!».

Жалобный вопль сей, провидѣнный и предсказанный также
пророкомъ (Псал. 69, 22), тронулъ одного изъ воиновъ. Онъ тот-
часъ напоилъ укусомъ губку, и, воткнувъ на иссоповую трость,
приложилъ ее къ устамъ Іусуса... Сотникъ не препятствовалъ
человѣколюбію подчиненнаго, будучи готовъ позволить и болѣе;
потому что распятый Праведникъ часть отъ часу болѣе возбуждалъ
его вниманіе и уваженіе.

Но враги Іусуса и здѣсь показали безчеловѣчіе. «Оставь Его,
кричали съ досадою воину, Онъ надѣется на Ілію; такъ по-
смотримъ, придетъ ли Ілія снять Его со креста.» Даже самъ
воинъ, напаявшій Іусуса Христа, какъ бы опасаясь показаться
слишкомъ челоѣколюбивымъ, говорилъ: «что за нужда; можетъ
быть, Ілія замедлитъ придти.»

Вкусивъ нѣсколько прохладительнаго питія, Господь паки
воскликнулъ громко: «совершишася!» Это былъ послѣдній пред-
вѣлъ и судебъ Божіихъ, кои исполнялись теперь надъ Ходатаемъ
Бога и челоѣковъ, и самыхъ страданій Его: ибо пречистое тѣло

*) Ілія на древнемъ еврейскомъ: *Eliagu*.

**) Мат. 16, 14. Conf. Berthold. Christologia Judaorum § 15.

***) Rosenmüll. et Lightfoot ad Matth. 27, 46 — 49.

****) «Solent, qui crucis supplicio moriuntur, siti vehementer discruciiari.»
Gruner in dissert. de morte Jesu Christi.

Его, для коего страданія, по самому совершенству его, были несказанно мучительнѣе, уже готово было разлучиться съ душою. Возведши взоръ къ небу, Иисусъ сказалъ: «Отче, въ руки твои предаю духъ мой!»... При сихъ божественныхъ словахъ глава Его преклонилась (какъ обыкновенно бываетъ съ умирающими), и Онъ *испустилъ духъ* (Іоан. 19, 30; Лук. 23, 46)...

Такъ окончилась жизнь, коей подобной другой не было и не будетъ на землѣ!

Все, сказанное Господомъ предъ своею смертію, показываетъ, что мысль Его въ сіи рѣшительныя минуты была заключена въ словѣ Божіемъ. При первой борьбѣ, которую Онъ, какъ второй Адамъ, долженъ былъ выдержать въ пустынѣ, при началѣ служенія своего, слово Божіе было для Него единственнымъ щитомъ противъ разженныхъ стрѣлъ сатаны (Мат. 4, 1—10). И теперь, въ послѣдней борьбѣ съ немощами природы человѣческой, съ болѣзнями тѣла и духа, Господь обращается за утѣшеніемъ къ тому же слову Божію. Въ немъ, какъ на чертежѣ своей жизни и служенія, видитъ настоящее, прошедшее и будущее; видитъ, что совершилось, и что оставалось еще претерпѣть для блага человѣчества; видитъ наконецъ исполненіе всѣхъ великихъ судьбъ Божіихъ, и какъ побѣдитель, который *истопталъ уже точило ярости Божіей* (Исаі. 63, 2), восклицаетъ: «*совершишася!*» Нужно ли напоминать о томъ, какъ многозначительно сіе восклицаніе! — Цѣлая исторія рода человѣческаго должна служить его изъясненіемъ; но одна только вѣчность раскроетъ вполне то, что совершилось теперь на маломъ холмѣ Голгофскомъ. Ап. Павелъ говоритъ, что на крестѣ расторгнуто рукописаніе грѣховъ человѣческихъ (Кол. 2, 13. 14): оно расторгнуто въ ту самую минуту, какъ Господь изрекъ: «*совершишася!*»

При всей лютости страданій, при всемъ униженіи, Сынъ человѣчскій до самой послѣдней минуты является съ полнымъ сознаніемъ своего Божественнаго достоинства и великаго назначенія. Послѣдній взоръ Его устремленъ къ небу, послѣдній гласъ Его обращенъ къ Отцу! — Мы видимъ всемогущаго Посланника Божія, у котораго, какъ Онъ самъ сказалъ, никто не можетъ взять жизни противъ Его воли (Іоан. 10, 18). Посему, если Онъ передаетъ ее теперь, то передаетъ самъ добровольно, — не прежде, какъ по исполненіи своего великаго дѣла — передаетъ не ангелу смерти, а *Отцу*, который далъ Ему *имѣть жизнь* въ самомъ себѣ! (Іоан. 5, 26)...

Впрочемъ мнѣніе *), что смерть Богочеловѣка на крестѣ ускорена сверхъ-естественнымъ дѣйствіемъ божественнымъ, дабы тѣло Его, имѣющее воскреснуть, не подверглось перебіенію голени, не можетъ быть принято, хотя оно предположено еще древними учителями Церкви **), и подтверждается, по видимому, нѣкоторыми обстоятельствами самой исторіи евангельской (непродолжительнымъ пребываніемъ Господа на крестѣ, удивленіемъ Пилата, что Онъ скоро умеръ, и сотника, что смерть Его послѣдовала вдругъ за громкими восклицаніями и проч.). Достоин ли это мнѣніе Божественнаго Страдальца? Мы видѣли, какъ Онъ рѣшительно отрекся всѣхъ сверхъ-естественныхъ средствъ къ своему защищенію: можно ли послѣ сего думать, что Имъ употреблено было сверхъ-естественное средство для сокращенія своихъ страданій? Чтобы внутренній крестъ Его остался, такъ сказать, недоконченнымъ? Нѣтъ! Кто училъ другихъ, что *претерпѣвый до конца спасенъ будетъ*, Тотъ самъ, безъ сомнѣнія, терпѣлъ до конца: подвигоположникъ не можетъ быть ниже подвижниковъ. Вождь спасенія нашего явился совершеннымъ посредствомъ страданій (Евр. 2, 10): посему, сокращая страданія, мы какъ бы сократимъ Его совершенства.

И не довольно ли естественныхъ причинъ, кои могли ускорить на крестѣ смерть Богочеловѣка? Бичеваніе одно, какъ мы замѣтили, нерѣдко оканчивалось смертію бичуемаго. Удивительно ли, что не продолжалась жизнь Того, Кто, кромѣ бичеванія, претерпѣлъ столь много другихъ мученій, Кто еще въ саду Геосиманскомъ былъ изнуренъ кровавымъ потомъ до того, что имѣлъ нужду въ ангелѣ укрѣпляющемъ, а на пути къ Голгоѣ, подъ тяжестію креста, ослабѣлъ столько, что самые безчеловѣчные враги примѣтили опасность, въ коей находилась Его жизнь? — Если крестъ иногда не скоро умерщвлялъ, то должно помнить, кого онъ не скоро умерщвлялъ, и кто были люди, коихъ распинали на крестахъ. Громкія восклицанія распятыхъ не только не показываютъ избытка жизненныхъ силъ, но, по замѣчанію искус-

*) Kiesling. de causis acceleratae J. C. in cruce mortis non more humanis, sed potius divinis. 1767.

**) Сурр. ad Demetr. cruci affixus, praevento carnificis officio, spiritum sponte dimisit. — Aug. L. 4. de Trinit. c. 13. Christ. Hieron. Enthym. Theoph. in Comment. ad Matth. Изъ новѣйшихъ: Hess. in Lebensgeschichte Jesu. Bd. 3. 1823. Ligny, dans l'Histoire de la Vie de Jesus Christ. t. 2. 1823.

нѣйшихъ физиологовъ *), суть несомнѣнные признаки наступающей смерти.

Распятыя вмѣстѣ съ Господомъ должны были остаться въ живыхъ долѣе, кромѣ многихъ другихъ причинъ, уже потому, что не были подвергнуты бичеванію.

*) Grunerus, filius, in Dissert. de J. morte vera, non cyncoptica. 1805. p. 34. Quibus cor ex nimia sanguinis congectione, anxietate ac palpitatione pressum, quibus suffocatio in propinquo est, prae dolore summo, haud raro, magna voce clamitare solent. Grun. p. 37.

ВЗГЛЯДЪ НА ПОКАЯВШЕГОСЯ НА КРЕСТѢ РАЗБОЙНИКА.

На трогательномъ поступкѣ разбойника, кающагося и проповѣдующаго со креста покаяніе, охотно останавливается взоръ и успокоивается сердце, страдающее отъ печальнаго зрѣлища страстей и буйнаго неразумія безчеловѣчныхъ враговъ Іисусовыхъ. Іисусъ Христосъ — въ глубочайшемъ уничиженіи: Онъ поруганъ, оклеветанъ, пригвожденъ ко кресту, оставленъ даже тѣми, кои были свидѣтелями великихъ дѣлъ Его; самые ученики и сродники съ трепетомъ взираютъ на крестъ Его — знаменіе проклятія и гнѣва Божія; и вотъ, въ сіи ужасныя минуты, распятый одесную Его преступникъ возносится мыслію превыше всѣхъ соблазновъ, окружающихъ крестъ Іисусовъ, находитъ болѣе величія въ уничиженіи Праведника, нежели въ постыдномъ торжествѣ первосвященниковъ; въ слухъ всѣхъ исповѣдуетъ Его невинность и свое окаянство. Мало сего; вѣра кающагося проникаетъ за предѣлы всего видимаго: Того, который, подобно ему, терпитъ мученія, находится близъ смерти, онъ признаетъ Господомъ неба и земли, Владыкою рая и ада; не видитъ болѣе креста Іисусова; зритъ одно Его вѣчное царство и молвитъ даровать себѣ въ немъ мѣсто!... Такая вѣра есть подлинно вѣра въ *распятаго Іисуса!*...

Какъ не спросить при семъ: откуда такое величіе духа и такое достоинство въ характерѣ *разбойника*? Кто былъ для него проводникомъ и учителемъ такой мудрости *)?

*) Св. Кириллъ Іерусалимскій спрашиваетъ: «Какая сила просвѣтила тебя, о разбойникъ? Кто научилъ тебя воздать поклоненіе всѣмъ презрѣнному и ко

Обыкновенно предполагаютъ *), что покаявшійся былъ до креста своего разбойникомъ и убійцею, въ собственномъ смыслѣ сихъ словъ: но и въ семь случаѣ нѣтъ еще необходимости представлять характеръ его совершенно испорченнымъ. Знаемъ ли мы первый поводъ къ преступленіямъ, имъ совершеннымъ, — число ихъ и обстоятельства, при коихъ они совершены? Какъ легко человѣку, и при нехудомъ сердцѣ, въпастъ иногда въ величайшіе проступки! Чего не можетъ произвести напр. въ одно мгновеніе сильный гнѣвъ? Какихъ ужасныхъ явленій причиною не бывають другія бурныя страсти, которыя однакоже совмѣщаются иногда съ похвальнымъ въ другихъ отношеніяхъ образомъ мыслей и чувствъ? До чего не въ состояніи были довести покаявшагося, между прочимъ, одни худые сообщники, каковымъ представляется другой распятый, злословившій Господа? Могло стать, что всѣ сіи причины не имѣли вліянія на проступки распятаго: но сколько могло быть другихъ причинъ, коихъ мы не представляемъ, но кои изъяснили бы, какъ онъ подвергся кресту, будучи способнымъ заслужить рай **)!

Впрочемъ мы сказали уже, что покаявшійся, по всей вѣроятности, не былъ разбойникомъ въ собственномъ смыслѣ сего слова, а принадлежалъ къ числу сообщниковъ Вараввы, который не задолго предъ тѣмъ произвелъ народное возмущеніе; а посему нѣтъ причины предполагать его низкимъ грабителемъ и убійцею. «Тѣмъ хуже, скажетъ кто либо; возмутитель общественнаго спокойствія стоитъ всякаго грабителя и убійцы.» — Такъ! Но должно помнить, что власть римлянъ надъ Іудеею была власть завоевателей, и притомъ незаконныхъ, кои дѣйствовали не оружіемъ и побѣдами, а обманомъ и хитростію. При такомъ положеніи вещей, когда притомъ секта зилотовъ и самые фарисеи проповѣдывали, что народъ Божій не долженъ находиться въ рабствѣ у язычниковъ, легко было и доброму человѣку соблазниться истинною или можною патриотическою ихъ ревностію, и произвести возмущеніе противъ римлянъ во имя самаго Моисея и Бога Израилева. Исторія іудейская, — особенно предъ разру-

кресту пригвожденному!»... Catech. 13. Также св. Левъ: «отъ какого наставленія родилась сія вѣра? Какое ученіе произвело ее? Какой проповѣдникъ возбудилъ оную въ сердцѣ?» — Serm. 2. de Passione.

*) Henckelius Dissert. de Latrone converso. 1679.

**) Niemeyer Charakteristik der Bibel.

шеніемъ Іерусалима, представляетъ не мало подобныхъ примѣровъ. Вообще, если судить о зилотахъ и сикаріяхъ, не терпѣвшихъ римскаго владычества, даже по одному описанію Флавія, то надобно предполагать въ нѣкоторыхъ изъ нихъ весьма много похвальныхъ качествъ. Самъ ап. Павелъ, до обращенія въ христіанство, находился въ тѣсномъ сношеніи съ зилотами; и, не смотря на чистоту своихъ намѣреній и нрава, участвовалъ съ ними въ убійствѣ первомученика Стефана (Дѣян. 7, 58). Примѣръ сей уже достаточно показываетъ, какъ можно быть добрымъ по сердцу и, между тѣмъ, злымъ по дѣламъ! Почему не предположить подобнаго и въ преступникѣ, покаявшемся на крестѣ?...

Сознаніе распятаго, что онъ осужденъ справедливо, не ослабляетъ сего предположенія. Возмутивъ общественное спокойствіе, сдѣлавшись виною убійствъ, онъ дѣйствительно заслужилъ казнь; но сердце его было свободно отъ навыка ко злу, отъ того ожесточенія, которое бываетъ удѣломъ людей, долго жившихъ явными злодѣйствами, привыкшихъ не только попирать права челоувѣчества, но и поставлять въ томъ свое удовольствіе и честь. Напротивъ обличеніе, сдѣланное покаявшимся своему сообщнику, обнаруживаетъ въ обличающемъ совѣсть чувствительную, сердце не чуждое страха Божія, твердо вѣрящее въ будущія по смерти награды праведныхъ и наказаніе нечестивыхъ.

Для такого челоувѣка пребываніе въ темницѣ не могло не имѣть полезныхъ слѣдствій. Мечты разсѣялись, совѣсть пробудилась, разумокъ принялъ свои права; и то, что прежде казалось плодомъ благоразумія или необходимости, представилось слѣдствіемъ страсти и буйства. Зная духъ римскаго правленія, противнику римлянъ нельзя было ожидать помилованія; посему дни заключенія были вмѣстѣ днями приготовленія къ смерти: новое побужденіе къ покаянію! Одна мысль о смерти останавливаетъ многихъ на пути беззаконія: чего не можетъ произвести надъ сердцемъ грѣшника самое приближеніе смерти! — Въ сіи минуты и каменные сердца смягчаются: удивительно ли, если сердце чувствительное сдѣлалось особенно способнымъ къ покаянію?

Съ другой стороны, съ увѣренностію можно утверждать, что покаявшійся, до своего заключенія въ темницу, былъ свидѣтелемъ нѣкоторыхъ чудесъ Іисуса Христа, можетъ быть, даже слушателемъ Его, и раздѣлялъ вмѣстѣ съ другими увѣренность, что челоувѣкъ, такъ учащій и такъ чудодѣйствующій, долженъ

быть Посланникъ Божій (это первая мысль, которая сама собою раждается въ умѣ, при слышаніи словъ, произнесенныхъ имъ со креста *). Темничное уединеніе посему еще болѣе привело на память бесѣды Іисуса Христа, столь трогательныя для кающихся грѣшниковъ. «Іисусъ проповѣдывалъ свободу; но не одобрялъ возмущеній: Его свобода есть свобода истины и добродѣтели. Ахъ, если бы возможно было теперь слѣдовать сему ученію! По крайней мѣрѣ, еще разъ услышать Божественаго Учителя! Получить отъ Него прощеніе во грѣхахъ!» Наступаетъ часть казни; — и раскаявшійся преступникъ внезапно видитъ себя съ Іисусомъ, узнаетъ, что ему и Пророку Галилейскому надлежитъ претерпѣть одну и ту же смерть!... Зрѣлище печальное — видѣть праведника, осужденнаго на поносную казнь, но для кающагося грѣшника нѣкоторымъ образомъ отрадное! — Для кого не отрадно умереть вмѣстѣ съ праведникомъ, вмѣстѣ съ нимъ пройти мраки гроба и явиться къ Судіи небесному? — И кающееся сердце еще прочнѣе утверждаетъ въ святыхъ чувствахъ, еще сильнѣе располагается къ Іисусу. И какъ не расположиться? — Его кроткое спокойствіе и незлобіе, разительныя слова Его къ женамъ и дочерямъ іерусалимскимъ, великодушіе, съ коимъ отвергнуто питье, омрачающее чувства, чистѣйшая молитва за своихъ распинателей, могли тронуть всякаго, кто имѣлъ слухъ и сердце **).

Оставалось препобѣдить одну трудность — признать за Мессію человѣка распятаго, приближающагося къ смерти. Но, поелику она препобѣждена, то мы смѣло можемъ предполагать, что покаявшійся былъ и прежде свободнѣе другихъ отъ всеобщаго предразсудка о безсмертіи Мессіи, и имѣлъ какое либо понятіе о Его страданіяхъ. И почему бы нельзя было слѣловать такого предположенія? Если исторія не слишкомъ благопріятствуетъ ему, то и не исключаетъ его совершенно ***). Вскорѣ послѣ время Іисуса Христа, уже находимъ у іудеевъ мнѣніе о двухъ Мессіяхъ, славномъ и страждущемъ, раскрытое во всѣхъ подробностяхъ ****).

*) Нѣкоторые изъ отцевъ (Hieron. in 27 Matth. Chrysost. Hom. 2 de cruce et latrone) предполагали даже, что покаянiе разбойника было между прочимъ, слѣдствіемъ того, что онъ увидѣлъ чудесныя знаменія, какъ-то: землетрясеніе, расторженіе камней, и пр. Но знаменія сіи послѣдовали за смертію Іисуса Христа, а покаявшійся принесъ исповѣданіе прежде.

***) Оеоф. и Евф. толк. на 27 Мат.

****) Kuinól. Comment. in Johan. 1, 29.

*****) Schötlgenii Hor. Hebr. et Talmud.

Законъ исторической постепенности требуетъ, чтобы начало такого образа мыслей предпологаемо было во временахъ предшествовающихъ. И не имѣли — ль іудеи предъ глазами множества пророчествъ, въ коихъ Мессія описывается страждущимъ и умирающимъ? *) Что сіи пророчества начали быть прилагаемы къ Мессіи еще до Іисуса Христа, за сіе ручается уже весь новый завѣтъ. Неоспоримо притомъ, что лучшіе изъ іудеевъ ожидали отъ Мессіи очищенія грѣховъ народа Божія (Лук. 1, 7; 2, 30); вѣрили, что по сему самому явленіе Его сопряжено будетъ со многими бѣдствіями**), что даже Онъ самъ многими будетъ отвергнутъ (Лук. 2, 34). Но отъ такого образа мыслей далека ли переходъ къ мнѣнію, что Мессія для искупленія грѣховъ подвергнется страданіямъ и смерти? Если бы даже совершенно никто изъ іудеевъ не ожидалъ Мессіи страждущаго; то одинъ Іоаннъ Креститель, изображавшій Іисуса Христа Мессіею и вмѣстѣ *Агнецъ Божій, взяющій грѣхи міра*, могъ поселить во многихъ іудеяхъ вѣру въ Мессію страждущаго. Сія же вѣра могла возбудиться во многихъ собственными словами Іисуса Христа, который не разъ всенародно свидѣтельствовалъ, что Сыну Человѣческому надлежитъ пострадать, *дабы войти въ славу свою*. Вообще надобно предположить, что, проповѣдію Іоанна Крестителя и Іисуса Христа, предразсудокъ о земномъ царствѣ Мессіи былъ весьма ослабленъ: иначе крестъ Іисусовъ произвелъ бы въ послѣдователяхъ Его гораздо болѣе ужаса и перемѣны, нежели сколько видимъ.

Сообразивъ все сіе, не трудно представить, какимъ образомъ одинъ изъ распятыхъ съ Іисусомъ Христомъ преступниковъ вдругъ содѣлывается, по выраженію отцевъ Церкви, мученикомъ***), евангелистомъ****) и пророкомъ*****). Живо чувствуя собственное недостойнство, и готовясь къ смерти, онъ зреть предъ собою вѣчность и Судію живыхъ и мертвыхъ. Видъ ужасный! — «О, если бы Праведникъ вмѣстѣ со мною страждущій, былъ Мессія? Такъ, это точно Онъ! — Во смиреніи судъ Его взятся;

*) Cruger. Comment, de verisimillima oraculi Jes. 56 interpretandi ratione. 1809.

**) Schötlgenius in l. c.

***) Cyprian. Epistol. ad Fabian.

****) Athanasius in Serm. in Parasceve.

*****) Chrysost. sermo in Parasceve.

Онъ, какъ овча, веденъ былъ на заколеніе, какъ агнецъ, не отверзалъ устъ своихъ, — Онъ, который однимъ словомъ воскрешалъ мертвыхъ! — Напрасно враги вмѣняютъ Его быть въ трудѣ, въ язвѣ отъ Бога и въ озлобленіи. Онъ грѣхи наши носитъ и о насъ болѣзнуетъ; Онъ мучится за беззаконія наши; *наказаніе міра нашего на Немъ* (Исаі. 53, 1—40). Мысль — утѣшительная для совѣсти, уязвленной раскаяніемъ; и кающійся грѣшникъ, въ порывѣ святаго чувства, спѣшитъ облобызать вѣрою крестъ Того, въ коемъ онъ видитъ Искупителя и Судію: «*Помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи твоель!*»

Впрочемъ вѣра покаявшагося, во всякомъ случаѣ, достойна удивленія; и кто имѣлъ ее, тотъ достоинъ былъ войти въ рай, вмѣстѣ съ Начальникомъ и Совершителемъ вѣры. Пусть онъ зналъ о ученіи и чудесахъ Іисуса Христа: кто же не зналъ сего изъ тѣхъ людей, кои теперь издѣваются надъ Нимъ? Пусть обстоятельства содѣйствовали его обращенію: но другой распятый развѣ не въ подобныхъ находился обстоятельствахъ? Однако же мы видимъ въ немъ человѣка нераскаяннаго. Покаявшійся сдѣлалъ то, чего на его мѣстѣ, можетъ быть, не сдѣлали бы многіе и многіе... «У него, разсуждаетъ Григорій Великій *), оставались только сердце и уста свободны; и онъ принесть Богу въ даръ все, что имѣлъ: *сердцемъ увѣровалъ въ правду, а устами исповѣдалъ во спасеніе.*» — «Не знаю, признается блаж. Августинъ **), чего бы не доставало сей вѣрѣ: подлинно, Іисусъ Христосъ не нашелъ подобной въ цѣломъ народѣ іудейскомъ, даже въ цѣломъ мірѣ.» Св. Златоустъ замѣтилъ еще въ покаявшемся высокую черту любви къ ближнимъ, которая побудила его прежде пещись о спасеніи своего сообщника, а потомъ уже просить Господа и о себѣ.

Тѣмъ непростительнѣе, когда грѣшники, злоупотребляя примѣромъ покаявшагося на крестѣ разбойника, воображаютъ, что, проведши всю жизнь во грѣхахъ, они предъ самою смертію успѣютъ исправиться, и минутнымъ покаяніемъ заслужить цѣлую вѣчность блаженства. Не отвергая той утѣшительной, вытекающей изъ сущности христіанства, истины, что самое позднее раскаяніе, по силѣ вѣры въ заслуги Искупителя, можетъ быть дѣйствительно, не отвергая, говорю, сей истины, которая впрочемъ,

*) Moral. cap. 13.

**) Serm. de feria 3. Paschat. также L. 1. de anima et eius origine. cap. 9.

по самому духу христіанской религіи, требуетъ многихъ ограниченій, и коея дѣйствительное событіе надъ грѣшниками извѣстно только одному Богу, — должно сказать, что примѣръ разбойника, покаявшагося на крестѣ, по самому существу своему, не менѣе способенъ возбудить страхъ, какъ и надежду. Чтобы прилагать къ себѣ сей примѣръ, надобно вообразить себя находящимся въ ужасномъ положеніи покаявшагося, и между тѣмъ имѣющимъ такую вѣру, какой, по словамъ Августина, не нашлось въ цѣломъ мірѣ. Послѣ сего каждый почувствуетъ, чего стоитъ рай, даруемый, по видимому, за одно слово!

Подобнымъ образомъ рассуждалъ о покаявшемся на крестѣ разбойникѣ и св. Димитрій Ростовскій, предполагая, что онъ помилованъ, между прочимъ, за прежнія нѣкоторыя добрыя качества и дѣла его, и что посему грѣшники не должны злоупотреблять примѣромъ сего разбойника, отлагая свое покаяніе до смерти. *«Не вси, пишетъ святитель, то (прощеніе грѣховъ) получаютъ, и не мнози, но мало нѣкто, нѣщии токмо, развѣ тыи, иже въ житіи своемъ, аще и грѣшномъ, имѣяху нѣкая добрая дѣла, достойная отъ Господа воспоминовенія и милосердія, якоже и о разбойникѣ повѣствуется: егда бо пречистая Мати Божія съ Сыномъ своимъ и со св. Иосифомъ обручникомъ, бѣжащи отъ Ирода, грядяше въ Египетъ, нѣгдѣ въ пустыхъ мѣстахъ нападоша на нихъ разбойницы и хотяху отнять осла, на нель же малая нѣкая своя потребная несяху, иногда же Мати со Отрочатемъ везаиесе: единъ убо отъ разбойникъ тѣхъ, видѣвъ Отроча зѣло красное, и удивився красотѣ необычной, рече: аще бы Богъ принялъ на ся тѣло человеческое, не бы былъ краснѣйшій наче Отрочате сего: то рекъ, воспрети другомъ своимъ озлобити сихъ путниковъ. Той разбойникъ потомъ распятъ съ Господомъ нашимъ. Се слыши ты, каковымъ подается при кончинѣ покаяніе и прощеніе!»* (Соч. св. Димит. част. 2. 1818, стр. 421 — 2.)

ЧУДОСНЫЯ ЗНАМЕНІЯ СЯ ИХЪ ПОСЛѢДСТВОВАЛИ.

(Землетрясеніе и его обширность. — Раздраніе завѣсы въ храмѣ и его знаменованіе. — Воскресеніе мертвыхъ. — Кто возстали и когда? — Выразительность знаменій и ихъ нравственное значеніе. — Перемѣна образа мыслей объ Іисусѣ Христѣ въ неблагорасположенныхъ доголѣ іудеяхъ. — Вѣра и исповѣданіе сотника. — Ожесточеніе первосвященниковъ. — Откуда оно и до чего простиралось?)

 околѣ Богочеловѣкъ оставался въ живыхъ, природа какъ бы не хотѣла возмущать послѣднихъ минутъ Его необыкновенными явленіями, и страдала съ Господомъ своимъ безмолвно: одно только солнце, по выраженію Златоуста *), не могло освѣщать позорища безчеловѣчія. Но едва Господь предалъ духъ свой въ руки Отца, открылся рядъ знаменій, которыя всему міру показали, что одинъ изъ крестовъ, стоящихъ теперь на Голгоѣ, несравненно святѣе храма іерусалимскаго.

Первымъ знаменіемъ было **) землетрясеніе, столь сильное, что многія изъ каменныхъ скалъ, коими наполнена Іудея ***), разсѣлись и гробницы, въ нихъ заключавшіяся, открылись, какъ

*) Homil. in Pass. Domini.

**) Ев. Лука слѣдуетъ другому порядку при повѣствованіи о сихъ событіяхъ. Онъ говоритъ о нихъ прежде, нежели о смерти Іисуса Христа, и не раздѣляетъ по времени землетрясенія и прочихъ знаменій отъ помраченія солнца. Здѣсь исторія излагается по сказанію Матѳея и Марка, потому что а) они говорятъ раздѣльнѣе о семъ предметѣ, б) ев. Лука часто совокупляетъ въ одно время событія разновремениныя. August. de consens. Evang. 1. 3. с. 13.

***) Strabo 4. p. 751. Michaël in Anmerkung. ad Matth. 27. 60.

бы для принятія силы Того, коего не могъ ограничивать его собственный гробъ... Явленія сего, нѣкоторымъ образомъ, надлежало уже ожидать послѣ необыкновеннаго помраченія воздуха, съ коимъ оно состояло, по видимому, въ связи; тѣмъ не менѣе оно служило разительнымъ свидѣтельствомъ самаго неба о невинности и божественномъ достоинствѣ распятаго Іисуса. Если Господь творитъ ангелами и слугами своими естественныя силы природы; то онѣ, при всей ограниченности своей, суть тогда непосредственные провозвѣстники воли и славы Божіей, и смертные должны внимать вѣщанію ихъ, какъ гласу самого Бога. Только великіи Правитель міра, повелѣвающій *земль трястися*, могъ повелѣть ей сотрястись въ ту самую минуту, когда Іисусъ Христосъ предавалъ духъ свой.

Страшное, само по себѣ, землетрясеніе было еще страшнѣе, если подземные удары (какъ должно предполагать) послѣдовали вдругъ за смертію Іисуса Христа. Заколебавшіеся отъ землетрясенія кресты должны представлять въ это время самое разительное зрѣлище: издали могло казаться, что распятые слятся сойти со крестовъ.

Кирилъ-Іерусалимскій, спустя три вѣка, въ слухъ всѣхъ христіанъ Іерусалимскихъ говорилъ, что на скалахъ, окружающихъ Голгоѳу, сохранились еще разсѣлины, произведенныя землетрясеніемъ во время страданій Христовыхъ*). И Флавіу разсказываетъ**) объ одномъ землетрясеніи въ Іудеи, совпадающемъ по времени съ описываемымъ нами, которое, по словамъ его, произвело великія опустошенія.

Непобѣдимая сила креста не остановилась на трепещущей землѣ, проникла въ храмъ Іерусалимскій, и произвела явленіе, изъ коего *для илѣющихъ очи видѣть* весьма ясно открывалось, что Мессія, ожидаемый народомъ іудейскимъ, уже пришелъ. Внутренняя завѣса храма***), отдѣлявшая Святое Святыхъ отъ

*) Kathech. 13.

**) De Bell. L. 1. c. 19. § 3. 4.

***) Въ храмѣ было двѣ завѣсы: одна, здѣсь упоминаемая; другая, отдѣлявшая внѣшнюю часть, или предверіе отъ Святаго. Евангелистъ не означаетъ, какая именно завѣса расторглась. Но, поелуку у Моисея внутренняя завѣса постоянно называется *парохетъ*, а внѣшняя *ласахъ*, и 70 толковниковъ первое слово постоянно переводили *катапетабра*, а послѣднее *холуца*, — какое различіе въ сихъ словахъ наблюдалось и писателями іудейскими (Phil. de vit. Mos. 2. p. 667. Joseph. Antiq. 5. 5. 4.): то нѣтъ сомнѣнія, что и у евангелиста *катапетабра* означаетъ завѣсу внутреннюю (Conf. Vупаеус).

святилища, внезапно расторглась теперь съ верхняго края до самаго низу (такъ что ковчегъ завѣта, херувимы и прочія св. вещи, хранившіяся во Святомъ Святыхъ, коихъ никому не позволено было видѣть подъ опасеніемъ смерти, теперь, по необходимости, были видимы для каждаго, находившагося въ храмѣ, священника).

Чтобы исполнѣнъ понять внутреннее отношеніе сего событія къ смерти Мессіи, и то дѣйствіе, которое оно могло имѣть на умы іудеевъ, должно привести на память составъ храма іерусалимскаго, образъ мыслей іудеевъ о храмѣ и Мессіи, и вообще духъ религіи Моисеевой.

Святое Святыхъ было послѣднею изъ трехъ частей храма, неприступною для самыхъ священниковъ, коимъ позволялось входить только во *Святое* (вторую часть) и, въ мнѣніи іудеевъ, означало небо, гдѣ обитаетъ самъ Богъ. Завѣса, отдѣлявшая Святое Святыхъ, состоя изъ ткани всѣхъ возможныхъ цвѣтовъ, по сказанію Флавія *), изображала собою весь міръ, и поднималась для одного первосвященника не болѣе какъ однажды въ годъ, въ *день очищенія*, когда онъ съ кровію тельца, закланнаго за грѣхи всего народа, являлся самому лицу Божію (Евр. 9, 7). Надъ ковчегомъ завѣта предполагалось невидимое обитаніе Іеговы, который, какъ Царь народа еврейскаго, избраннаго Имъ въ особенное достояніе, открывалъ иногда съ сего мѣста волю свою. Въ семь отдѣленіи храма вовсе не было свѣта: символъ непостижимости Іеговы, который еще Моисею сказалъ, что человѣкъ не можетъ видѣть лица Его, не подвергаясь смерти (Исх. 33, 20). Посему-то входъ въ Святое Святыхъ, исключая первосвященниковъ, возбраненъ былъ всякому, подъ опасеніемъ смертной казни **).

Съ другой стороны, іудеи ожидали, что Мессія искупитъ народъ израильскій отъ всѣхъ грѣховъ, такъ что не нужно болѣе будетъ никакихъ жертвъ (Лук. 1, 76. 77), почему, кромѣ другихъ именъ, и называли Его великимъ первосвященникомъ ***). Вѣрили также, что Мессія *откроетъ лице Іеговы*: объяснить

*) Flav. Antiq. L. 3. c. 5 u 8.

**) Вообще можно полагать, что таинственное знаменованіе скинии, изображенное ап. Павломъ въ посланіи къ Евреямъ, предварительно было извѣстно евреямъ хотя не исполнѣнъ.

***) Такъ называется Мессія у Филона. V. Berthold in Christologia judaeorum, Jesu Apostolorumque aetate. Eisenmenger.

всѣ сомнѣнія касательно религіи, установитъ новое, лучшее богослуженіе; что устройство храма при семъ или перемѣнится, или вовсе уничтожится; ибо Онъ самъ будетъ *вмѣсто храма*, а *плоть* Его *вмѣсто завѣсы*.

Итакъ раздранная рукою самого Бога завѣса и открытое, Его невидимую силою, Святое Святыхъ, являли всѣмъ, особенно священникамъ, что Богъ не благоволитъ болѣе *обитать во мѣлѣ* (Евр. 8, 5. 6), не хочетъ уже быть чтимымъ такъ, какъ Его чтили дотолѣ — кровію козловъ и тельцовъ (Евр. 10, 4. 5. 7), что истинная, единая жертва — Агнца Божія, вземлющаго грѣхи міра, принесена уже на Голгоѣѣ за весь міръ; вслѣдствіе чего неприступный престолъ страшнаго Іеговы долженъ сдѣлаться престоломъ благодати, приступнымъ для всякаго (Евр. 10, 29; 7, 19. 20.)

Священники, находившіеся тогда въ храмѣ на чредѣ служенія, должны были придти внѣ себя при семъ безпримѣрномъ для нихъ явленіи. Раздранная завѣса, безъ сомнѣнія, была вскорѣ замѣнена новою, и народъ не видалъ сего явленія: но слухъ о немъ не могъ остаться въ кругу однихъ служителей храма, распространился, безъ сомнѣнія, въ народѣ, производя благопріятное расположеніе въ пользу христіанства.

Что касается до способа, коимъ раздралась завѣса, то нѣтъ нужды допускать здѣсь особаго чуда. Когда, дѣйствіемъ всемогущества Божія, трясась вся земля и расторгались каменныя скалы; то вмѣстѣ съ симъ тѣмъ удобнѣе могла раздраться завѣса, которая, вслѣдствіе строгаго закона о неприступности Святаго Святыхъ, со всѣхъ сторонъ была плотно прикрѣплена ко входу, ею закрываемому. По свидѣтельству Іеронима *), въ евангеліи къ евреямъ (до насъ недошедшемъ), было написано, что самый сводъ Святаго Святыхъ, къ коему привѣшивалась завѣса, разсѣлся на двѣ части. Сказаніе сіе, весьма сообразное съ обстоятельствами землетрясенія, еще болѣе объясняетъ, какъ разорвалась завѣса.

Наконецъ, дѣйствіе естественнаго, по видимому, землетрясенія простерлось далѣе предѣловъ естества, какъ бы для того, чтобы невѣріе, — іудейское ли оно или христіанское, — лишено

*) Comment. ad Matth. 27, 51. «In Evangelio, cujus saepius mentionem fecimus, superliminare templi, infinitae magnitudinis, fractum atque divisum esse legimus.»

было всѣхъ возможныхъ причинъ предполагать, что необыкновенныя знаменія сами собою стеклись и окружили крестъ Іисуса. Мы разумѣемъ воскресеніе мертвыхъ, коимъ, по свидѣтельству ев. Матѳея, заключился рядъ чудесныхъ знаменій голгоевскихъ. Чѣмъ необыкновеннѣе сіе событіе, тѣмъ болѣе хотѣлось бы нѣкоторымъ знать его во всѣхъ подробностяхъ: но откровеніе, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, такъ и здѣсь, не удовлетворяетъ любопытству. Посему намъ остается только привести нѣсколько сказаній о семъ событіи древнихъ учителей Церкви. Но прежде повторимъ слова самаго евангелиста:

«И гроби отверзошася, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ востаха: и изшедше изъ гробъ, по воскресеніи Его (Іисуса Христа), нидоша во святыи градъ и явишася мнозѣмъ» (Мат. 27, 52. 53).

Кто сіи воскресшіе и сколько ихъ?

Изъ словъ св. Матѳея видно только, что ихъ было много, и что всѣ они были — святые: а кто именно и сколько — не видно. Посему одни изъ древнихъ учителей полагали, что въ сіе время воскресли многіе патріархи и пророки; особенно тѣ, кои находились въ родственномъ союзѣ съ Іисусомъ Христомъ, какъ: Авраамъ, Давидъ; или служили прообразованіемъ Его лица, какъ Іовъ, Мелхиседекъ *) и другіе. Другіе, имѣя въ виду, что давно умершимъ трудно быть узанными, думали **), что воскресшіе теперь святые принадлежали къ числу недавно умершихъ, каковы были Сумеонъ Богопріимецъ, Анна Пророчица, Іосифъ Обрученникъ и проч. Можно присовокупить къ сему, что воскресли одни тѣ, кои погребены были въ окрестностяхъ Іерусалима; ибо древнѣйшее и постоянное преданіе говоритъ ***), что скалы (въ коихъ находились гробы) распались только около Іерусалима. Такъ называемое евангеліе Никодимово рѣшительно указываетъ въ семъ случаѣ на воскресеніе двухъ сыновъ Сумеона Богопріимца.

Когда послѣдовало воскресеніе святыхъ?

И здѣсь одни изъ древнихъ вѣрили ****), что они воскресли вмѣстѣ съ Іисусомъ Христомъ, который, по смерти своей, со-

*) Conf. Cornel. a lapide in Matth. 27, 53.

**) Eriphan. in Anchor. c. 102.

***) Cyrill. Hier. Catech. 13. Orig. in Matth. 27.

****) Hieron. in Matth. 27. Quanquam in obitu Christi monumenta patuerint, tamen non ante surrexerunt, quam Dominus surgeret, ut esset primogenitus resurrectionis ex mortuis. Orig. in Matth. 27.

шедъ во адъ, извелъ ихъ оттуда съ собою. Главною основою сего вѣрованія, кромѣ ихъ образа мыслей о сошествіи Іисуса Христа в адъ и самомъ адѣ, служили слова апостола: *«иже (Христость) есть пачатокъ, перворожденъ изъ мертвыхъ, яко да будетъ во всѣхъ Той первенствуя»* (Кол. 1, 18). Но большая часть отцевъ Церкви всегда принимала *), что воскресеніе святыхъ послѣдовало непосредственно за смертію Іисуса Христа. Такое мнѣніе гораздо согласнѣе съ словами евангелиста, который ни мало не отдѣляетъ по времени сего событія отъ землетрясенія и расторженія завѣсы. Вышеприведенныя слова апостола не противорѣчатъ ему: иначе они противорѣчили бы воскресенію всѣхъ людей, кои чудеснымъ образомъ востали изъ мертвыхъ до воскресенія Христова, или взяты на небо, подобно Іліи и Еноху **).

Прочіе вопросы: касательно явленія святыхъ во Іерусалимѣ, лицъ, коимъ они являлись, ихъ послѣдующей жизни и проч. — срѣтять насъ въ исторіи воскресенія Іисуса Христа, къ которой они существенно и принадлежатъ. Въмѣсто того, чтобы предаваться любопытству, гораздо полезнѣе обратить вниманіе на то, какъ величественны знаменія, возвѣстившія смерть Богочеловѣка, какъ сообразны они съ достоинствомъ Сына Божія, съ цѣлю Его пришествія въ міръ, съ духомъ религіи, Имъ проповѣданной.

Всѣми оставленный, поруганный, изъязвленный, умирающій на крестѣ среди злодѣевъ, Страдалецъ есть единородный Сынъ Отца, Слово, которымъ все сотворено и все содержится, Богъ неба и земли, видимыхъ и невидимыхъ: и вотъ, умирающій гласъ Его сотрясаетъ небо и землю, вся природа свидѣтельствуется Ему покорность, яко Владыкѣ, признаетъ торжественно Господомъ своимъ и на крестѣ!...

Умирающій среди поношеній и мукъ, Страдалецъ есть великій Ходатай Бога и человѣковъ, который, принявъ на себя грѣхи всего рода человѣческаго, долженъ не съ кровію (Евр. 9, 8—12) козловъ и тельцовъ, но съ своею событвенною единожды войти во святилище, дабы предстать лицу Божію (Евр. 10, 24), и по-

*) Chrys. Theoph. Euthym. in Matth. 27.

***) Calmeti Dissert. de Resurrectione Patrum, qui temp. Chr. redierunt ad vitam. Conf. Berthold de Christologia judaeorum, Iesu Apostolorumque aetate. 18ш. § 35. p. 176.

томъ, упразднивъ своимъ жертвоприношеніемъ всѣ жертвы, оставить послѣ себя отверстымъ для всякаго неприступный дотолѣ путь къ престолу благодати (Евр. 10, 19): и вотъ — когда принесена жертва Голгоѣская, — храмъ іерусалимскій — скинія ветхаго завѣта, долженствовавшая стоять, доколѣ не придетъ Ходатай завѣта новаго (Евр. 9, 10), колеблется теперъ въ своемъ основаніи, означая *претѣненіе колеблемаго, такъ, какъ уже совершившагося* (Евр. 12, 27); завѣса, сокрывающая Святое Святыхъ, расторгается съ верху до низу; престолъ Іеговы выходитъ изъ мрака, его окружавшаго, — да вѣдаютъ *священники по чину Ааронову*, да вѣдаетъ весь народъ израильскій, что *Первосвященникъ по чину Мелхиседекову* уже пришелъ и принесъ свою жертву, что наступило время новаго завѣта сынамъ израилевымъ, который долженъ бытъ начертанъ не на скрижаляхъ, а на сердцахъ (Евр. 8, 9 10; 10, 16).

Умирающій на крестѣ, Страдалецъ есть воскресеніе и животь всѣхъ, вѣрующихъ во имя Его; Онъ для того и вкусилъ смерть, дабы смертію своею разрушить *державу смерти и избавить тѣхъ, кои изъ страха смерти, чрезъ всю жизнь были подвержены рабству* (Евр. 2, 14. 15): и вотъ, едва Іисусъ Христосъ вступилъ въ область смерти, держава ея начинаетъ разрушаться, гробы отверзаются, тѣла усопшихъ встаютъ, и востаніемъ своимъ увѣряютъ, что Іисусу Христу дана всякая власть не только на землѣ, но и на небѣ (Мат. 28, 18), что Онъ имѣетъ *ключи ада и смерти* (Апок. 1, 18), и что непремѣнно наступитъ нѣкогда тотъ день, когда всѣ находящіеся во гробахъ услышатъ гласъ Сына Божія и, услышавъ, оживутъ (Іоан. 5, 25). Явленіе воскресшихъ въ Іерусалимѣ должноствовало убѣдить каждаго, что саддукеи, кои тогда весьма усилились съ своимъ безотраднымъ ученіемъ, прельщаютъ и прельщаются, *глаголюще не быти воскресенію* (Дѣян. 23, 8).

Умирающій Іисусъ есть Основатель и Глава новаго завѣта благодати, въ коемъ нѣтъ уже грѣха, побѣждающаго человеколюбіе, въ коемъ гдѣ *умножается грѣхъ*, тамъ *преизбыточествуетъ благодать* (Рим. 5, 20), въ коемъ Сынъ Божій является не Судією только міра, но и его Спасителемъ: и какъ кротки знаменія, стекшіяся вкругъ креста Іисуса-Спасителя! Небо помрачается, но не дождитъ огня и жупела на Іерусалимъ невѣрный, какъ одождало нѣкогда на грады, преогорчившіе Бога; земля сотрясается, но убійцы Іисуса стоятъ на ней съ такою же безопасностію, какъ и плачущіе друзья Его. Самые гробы отверза-

ются не для того, чтобы поглотить живыми гонителей Сына Божія, достойныхъ смерти вѣчной; изъ нихъ встають сонмы праведныхъ, дабы своимъ явленіемъ проповѣдать Іерусалиму покаяніе и вѣру въ Мессію, имъ отверженнаго.

Не таковы были знаменія ветхаго завѣта. Тамъ малыя дѣти посмѣваются надъ естественнымъ недостаткомъ престарѣлаго пророка: и внезапно выходитъ изъ пустыни лвица и растерзываетъ проклятыхъ пророкомъ дѣтей на части (4 Цар. 2, 24). Тамъ два сына Аароновы приносятъ, вмѣсто святилищнаго, чуждый огонь на жертвенникъ: и сами немедленно посягаются огнемъ небеснымъ, и родителю воспрещается даже скорбѣть о ихъ казни (Числ. 3, 25). Тамъ презрители лица Моисея, по выраженію апостола, только вѣрнаго раба въ дому Божіемъ (Евр. 3, 5), нисходятъ живые во адъ (Числ. 16, 35). Здѣсь презрители, убійцы едиnorodнаго Сына Божія остаются живы.

Таковы знаменія Бога-Искупителя! Таковъ благотворный духъ религіи Іисуса, непознанный до времени еще самими апостолами (Мат. 12, 4)! Такова жертва любви, предъ кою не воспоминаются неправды чelовѣческія (Іерем. 31, 31 — 34; Евр. 8, 12).

Примѣръ трепещущихъ тварей не остался совершенно бездѣйствія и для разумныхъ существъ. Многіе изъ іудеевъ, бывшихъ на Голгоѣ, видя страшныя знаменія, поражены были недоумѣніемъ и ужасомъ. Вмѣсто злословія и клеветы, вокругъ креста почившаго Іисуса воцарились безмолвіе и тишина. Тамъ и здѣсь видны были люди, съ поникшими главами возвращающіеся въ городъ. Болѣе чувствительныя плакали и били себя въ перси (Лук. 23, 48). Мнѣніе, что распятый Іисусъ есть Сынъ Божій, снова начало пробуждаться во всей силѣ. Теперь отъ сердца многіе, даже изъ злословившихъ, сказали бы: «спиди со креста; мы вѣруемъ въ Тебя,» но *Левъ отъ Іуды* уже почилъ; и кто возбудитъ его?...

И римскіе воины увидѣли теперь, что Тотъ, коего они охраняють мертвое тѣло, едва ли не выше всѣхъ божествъ ихъ. Они не знали Бога Израилева; но Богъ всея природы, по манію коего колебалась теперь земля, извѣстенъ всякому. Стоя на трепещущей Голгоѣ, и сознавая себя виновными предъ умершимъ Праведникомъ, стражи отъ сильнаго страха не знали, что предпринять: но единодушно говорили, что распятый Страдалецъ долженъ быть *Сынъ Божій* (Мат. 17, 54).

Особенно пораженъ былъ благоговѣніемъ и удивленіемъ римскій сотникъ, начальствовавшій надъ стражею. Вниманіе къ Іисусу Христу возбудилось въ немъ еще прежде (Мар. 15, 39) страшныхъ знаменій, вѣроятно, отзывомъ прокуратора о Его невинности, и разительными словами, сказанными Господомъ на пути къ Голгоѣѣ и со креста. Если онъ не воспретилъ своимъ воинамъ глумиться вмѣстѣ съ первосвященниками, то самъ не участвовалъ въ насмѣшкахъ. По замѣчанію ев. Марка (Мар. 15, 39), сотникъ стоялъ прямо противъ креста, когда Іисусъ Христосъ предалъ духъ, наблюдая, вѣроятно, не только за послѣдними словами, но и выраженіями лица Богочеловѣка. Уже громкія восклицанія Іисуса предъ смертію казались ему весьма удивительными. Заключая изъ нихъ о избыткѣ въ немъ тѣлесныхъ силъ, онъ не иначе изъяснялъ себѣ скорую, за тѣмъ послѣдовавшую, смерть его, какъ слѣдствіемъ благоволенія боговъ, восхотѣвшихъ прекратить страданія своего любимца. Наконецъ страшное землетрясеніе, разсыпавъ остающіяся въ душѣ сотника сомнѣнія, обнаружило вѣру его во всей полнотѣ и силѣ. Призная вмѣстѣ съ прочими воинами, что Іисусъ есть дѣйствительно *Сынъ Божій*, онъ не остановился на семъ хладномъ признаніи, но въ слухъ всѣхъ *прославилъ* Бога (Мар. 15, 39), который такъ грозно являлъ теперь смертнымъ, что рано или поздно Онъ награждаетъ добродѣтель и наказуетъ зло, попускаетъ иногда страданія на праведныхъ, даже смерть, но и въ самой смерти показуетъ, что *упованіе ихъ исполнено безсмертія* (Прем. 3, 4).

Непосредственный переходъ сей отъ страха и удивленія къ прославленію Бога служить доказательствомъ, что характеръ сотника и прежде отличался набожностію, и что онъ, по образу мыслей своихъ, достоинъ былъ чести стоять на стражѣ у креста Христова. Нѣтъ сомнѣнія, что слова: «Сынъ Божій» — въ устахъ его, теперь имѣли значеніе не выше того, какое давалъ имъ Пилать *): но древнее преданіе утверждаетъ, что Лонгинъ (имя сотника) узналъ впоследствии въ Іисусѣ истиннаго Сына Божія, и своею кровію засвидѣтельствовалъ твердость исповѣданія, произнесеннаго имъ на Голгоѣѣ. Церковь ублажаетъ страданія его 16 октября **).

*) «Нѣкоторые повѣствуютъ, что сотникъ сей, утвердившись въ вѣрѣ, перетерпѣлъ, впоследствии, мученія за Христа». Злат. Бесѣд. на Мат. 27.

***) Tillemont. Memoires etc. t. I. p. 81 и 251. Чет. Мин. на 16 окт. Cornel. a lap. in Matth. 27, 54, гдѣ можно видѣть и другое мнѣніе.

Исповѣданіемъ сотника окончилось видимое дѣйствіе страшныхъ знаменій на сердца людей, окружающихъ крестъ Іисуса.

Но неужели сіи чудесныя явленія не произвели никакого дѣйствія въ умѣ первосвященниковъ и старѣйшинъ іудейскихъ, — тѣхъ людей, кои, можно сказать, были ихъ главною причиною, вознесши, въ безуміи своемъ, на крестъ Господа славы?

Къ сожалѣнію, на сей важный вопросъ нельзя не отвѣчать отрицательно. Въ то время, какъ помрачалось небо, тряслась земля, распались каменные скалы, отверзались гробы и вставали мертвые, въ то самое время первосвященники помышляли о приличіи праздника, требовавшемъ, чтобы тѣла распятыхъ не оставались долго предъ лицемъ торжествующаго Іерусалима! — о средствахъ, какъ сократить жизнь несчастныхъ! о новомъ поспрамленіи Іисуса, намѣреваясь предать тѣло Его землѣ вмѣстѣ съ тѣлами злодѣевъ! — Явленіе ужасное для сердца, любящаго человечество, нежелающаго видѣть между людьми изверговъ, достойныхъ ада!

«Такова, восклицаетъ при семъ св. Златоустъ, — сила зависти! Враги Іисуса Христа единожды и навсегда обрекли себя на всѣ злодѣянія» *). Но не одна зависть обладала сердцами первосвященниковъ и книжниковъ: обладала и суевѣрная приверженность къ преданіямъ старцевъ, къ своимъ мнѣніямъ, кои, какъ зловредныя, постоянно были отвергаемы Іисусомъ Христомъ; обладало алчное корыстолюбіе, соединенное съ притѣсненіемъ ближнихъ, Имъ нерѣдко обличаемое; обладала личная ненависть и злоба, столько разъ раздражаемая; обладалъ наконецъ стыдъ — явиться предъ всѣмъ народомъ іудейскимъ убійцами Мессіи или, по крайней мѣрѣ, пророка. Столько демоновъ (ибо такъ по справедливости называются страсти отъ св. отцевъ) — до какой слѣпоты и ожесточенія не могли довести сердца, и безъ того давно ожестѣлыя, хладныя къ истинѣ и добродѣтели, преданныя фанатизму, или чувственности, привыкшія самую религію употреблять въ орудіе страстей, самыхъ низкихъ! Фараонъ, Даанъ и Авиронъ уже давно представили собою примѣръ ослѣпленія и упорства, видимыхъ теперь въ старѣйшинахъ іудейскихъ. — Злое сердце всегда неустойчиво въ возраженіяхъ противъ самыхъ очевидныхъ истинъ, когда онѣ для него нестерпимы. А что могло быть нестерпимѣе для гонителей Іисусовыхъ Его Божественнаго

*) Hom. in Matth.

достоинства? — Въ умѣ книжниковъ и фарисеевъ былъ уже губельный запасъ возраженій противъ чудесъ Іисуса Христа; сіи же самыя возраженія могли они употребить и противъ чудесъ, бывшихъ ради Іисуса Христа. Ничто не препятствовало грубымъ изувѣрамъ думать и говорить, что настоящія знаменія суть если не приключенія естественныя, то дѣйствіе темныхъ силъ, кои огорчены потерей своего наперсника, какимъ злоба ихъ давно избрала Іисуса (Мар. 3, 22; Мат. 9, 34; Лук. 11, 15). На сяддукеевъ, опровергавшихъ бытіе духовъ и безсмертіе, настоящія знаменія могли не оказывать особеннаго дѣйствія уже потому, что Іисусъ Христосъ умеръ: ибо, по ихъ ученію, смертію человѣка все оканчивалось. — Знаменія не произвели никакой видимой перемѣны въ судьбѣ Іисуса Христа: Его тѣло оставалось спокойно на крестѣ, язвы были открыты; оно предоставлено было всѣмъ поруганіямъ. «Явный знакъ, могли толковать книжники, что помраченіе солнца и землетрясеніе не имѣютъ отношенія къ смерти Іисуса.» При томъ, между знаменіями не было ни одного, которое причинило бы гибель кому либо изъ враговъ Іисусовыхъ: они всѣ оставались живы, невредимы, неприкосновенны, — еще явнѣйшій признакъ для сердецъ грубыхъ, что это знаменія не божественныя, не ради Іисуса; потому что, приводя на память событія своей исторіи, они видѣли, что люди, раздражавшіе Бога, немедленно были поражаемы смертію. Что всемогущество Божіе щадитъ ихъ теперь, оставляя имъ время покаянія, что Мессіи-Искупителю не свойственно отмщать личнымъ врагамъ своимъ казню: мысли сіи были выше Каіаѳы, который могъ сребренниками купить достоинство первосвященника, но не могъ стяжать куплею истиннаго познанія о Богѣ и Его совершенствахъ, о Мессіи и великой цѣли Его пришествія въ міръ. Не должно забывать и того, что самое разительное изъ знаменій, послѣдовавшихъ за смертію Іисуса Христа — воскресеніе мертвыхъ теперь еще не было извѣстно.

Если бы, не смотря на высказанное, ожесточеніе первосвященниковъ показалось кому либо неизъяснимымъ, то должно вспомнить, что исторія, не имѣя возможности проникать въ сердце, судить о человѣкѣ по дѣяніямъ; а дѣянія не всегда бываютъ согласны съ сердцемъ, по крайней мѣрѣ, часто не выражаютъ съ точностію состоянія сердца человѣка дѣйствующаго. Многіе изъ враговъ Іисуса уничиженнаго останутся до времени врагами Іисуса прославленнаго; въ ихъ открытыхъ дѣйствіяхъ не произойдетъ еще видимой перемѣны: но изъ сего нельзя заклю-

чать, чтобы не произошло никакой перемѣны въ ихъ сердцахъ. Положимъ, что сердце самого Каіаѳы сильно тронулось мыслию: не отъ Бога ли знаменія, бывшія на Голгоѣ? — Если не произошло совершенной перемѣны въ образѣ его мыслей: то одна хитрость заставитъ надменнаго, преданнаго плотоугодію саддукея (Дѣян. 5, 17), не обнаруживать своихъ сомнѣній, продолжать, хотя съ насиліемъ совѣсти, дѣло, однажды съ такою торжественностію принятое, слѣдовать, волею или неволею, теченію обстоятельствъ. По вознесеніи Господа на небо, сама исторія представляетъ значительную перемѣну въ поступкахъ первосвященниковъ въ отношеніи къ христіанству: они являются уже менѣе жестокими къ апостоламъ, не такъ рѣшительны въ мѣрахъ къ преслѣдованію христіанъ. Весьма вѣроятно, что таковой перемѣнѣ въ поступкахъ (хотя все еще двусмысленной) давно предшествовала нѣкоторая перемѣна въ мысляхъ. Вскорѣ также по вознесеніи Господа находимъ, что весьма многіе изъ самыхъ священниковъ іудейскихъ обращаются къ христіанству (Дѣян. 6, 7); между тѣмъ какъ извѣстно, что сословіе священниковъ особенно преслѣдовало Іисуса Христа: что заставило сихъ людей увѣровать въ Распятаго? Вѣроятно, не одно извѣстіе о воскресеніи Іисуса, а и страшныя знаменія, коихъ они были свидѣтелями.

ПОСЛѢДНІЯ СОБЫТІЯ ПРИ КРЕСТѢ ИСУСОВѢ.

(Первосвященники просятъ Пилата о сокращеніи жизни распятыхъ — по причинѣ наступающей субботы. — Перебитіе голеней распятымъ. — Иисусу Христу не перебиваются голени по причинѣ Его смерти. — Одинъ изъ воиновъ прободаетъ Его ребро. — Истеченіе крови и воды. — Свидѣтельство о семь св. Іоанна. — Для чего оно особенно выразительно. — Исполненіе въ семь событіи двухъ пророчествъ).

Между тѣмъ какъ одни болѣе или менѣе раскаявались, другіе упорствовали, — страшный день приближался къ вечеру, который, будучи важенъ уже потому, что былъ окончаніемъ перваго дня пасхи, дѣлался еще священнѣе оттого, что имъ начиналась суббота, по выраженію евреевъ, царица праздниковъ (Іоан. 19, 31). Для многочисленнаго, празднующаго народа, который имѣлъ обыкновеніе прохаживаться по стѣнамъ города и собираться на холмахъ, его окружающихъ, было бы весьма неприятное зрѣлище, если бы распятые продолжали и на другой день оставаться на крестахъ, посреди Голгофы, весьма близкой къ вратамъ Іерусалима. Притомъ оставленіемъ ихъ на древѣ былъ бы нарушенъ законъ, повелѣвавшій до захожденія солнца предавать погребенію казненныхъ преступниковъ *). Первосвященники чувствовали это неприличіе, и рѣшились сократить жизнь распятыхъ съ тѣмъ, чтобы тѣла ихъ предать землѣ до наступленія субботы. Поелику казнь, теперь совершенная, во всемъ зависѣла отъ прокуратора; то и для сокращенія жизни распятыхъ

*) Втор. 21, 23. Флавій пишетъ, что сей законъ распространяемъ былъ и на распятыхъ. Bell. Iud. 4. 5. 2.

необходимо было его согласіе. Первосвященники не устыдились снова просить Пилата о семь дѣлѣ, которое приличествовало болѣе всенароднымъ исполнителямъ казней, нежели первымъ служителямъ Бога Израилева. Стыдѣ сей вознаграждался злобнымъ удовольствіемъ причинить распятому Іисусу новыя мученія (первосвященники отправились къ Пилату прежде Его смерти) и имѣть въ своихъ рукахъ Его мертвое тѣло. Нѣтъ сомнѣнія, что они погребли бы Его вмѣстѣ съ злодѣями, на какомъ либо отвратительномъ мѣстѣ, а можетъ быть, и совершенно лишили бы погребенія, дабы сдѣлать предметомъ всеобщаго презрѣнія: потому что іудеи ничего столько не гнушались, какъ *тертвеца непогребеннаго*.

Пилатъ безъ всякаго прекословія согласился на просьбу первосвященниковъ, которая и по іудейскимъ и по римскимъ обыкновеніямъ была совершенно справедлива. Для исполненія приказанія отправлены новыя воины. Св. Іоаннъ находился еще у креста Іисусова, когда они пришли на Голгоѳу. Его-то сказаніе будетъ служить теперь единственнымъ источникомъ нашего повѣствованія.

Оба преступника, распятые съ Іисусомъ, показывали еще вѣрныя признаки жизни: посему воины немедленно перебили имъ голени. Другое представилось имъ, когда они обратились затѣмъ же къ Іисусу Христу: совершенное отсутствіе движенія и дыханія, закрытые глаза, висящая глава — свидѣтельствовали, что Онъ уже умеръ. Римскіе воины не рѣшились мучить бездушное тѣло и умерщвлять мертваго. Только одинъ изъ нихъ, желая, вѣроятно, прекратить всякое сомнѣніе о смерти, или, по одной наглости, ударилъ Іисуса Христа коніемъ въ бокъ. Поелику при семъ ударѣ не послѣдовало никакого движенія и никакой раздражительности въ нервахъ, и поелику самый ударъ былъ (вѣроятно) силенъ и смертеленъ: то не осталось уже никакого сомнѣнія ни для враговъ, ни для друзей Іисуса, что Онъ дѣйствительно умеръ. Изъ язвы однакоже немедленно истекла кровь и вода, или похожая на воду влага *), которая обыкновенно бываетъ въ тѣлѣ человѣческомъ. Такое истеченіе крови и слова, сказанныя Іисусомъ Христомъ по воскресеніи Өомѣ: «принеси руку твою и вложи въ бокъ мой» (Іоан. 20, 27), — показываютъ, что рана была глубока;

*) *Υδωρ означается не только воду, но и всякую влагу. V. Schleusn. Lexic. sub. h. v.

а истеченіе похжей на воду влаги позволяет думать, что Іисусъ Христосъ былъ пронзенъ въ лѣвый бокъ, въ предсердіе (*pericardium* *)). Поелику мертвое тѣло, сколько бы ему ни причиняли ранъ, никогда не источаетъ крови **): то нѣкоторые изъ отцевъ Церкви богомудро полагали, что кровь и вода истекли изъ тѣла Іисуса Христа дѣйствіемъ непосредственной силы Божіей ***) , въ означеніе таинства Евхаристіи ****).

Св. Іоаннъ, пересказывая сіе событіе, какъ очевидецъ, выражается съ особенною силою и останавливаетъ предварительное вниманіе читателя слѣдующими словами: *«и видѣвый (Іоаннъ) свидѣтельствова, и истинно есть свидѣтельство его; и той вѣсть, яко истину глаголетъ, да вы вѣру имате.»*

Что за цѣль сего замѣчанія? Въ чемъ Евангелистъ хочетъ увѣрить своихъ читателей? Почему прободеніе тѣла Іисусова на крестѣ копіемъ и истеченіе изъ него крови и воды должно было быть указаннымъ съ такою выразительностію?

Для изъясненія сего, еще въ древности полагали, что мысль и замѣчаніе Евангелиста направлены противъ докетовъ-еретиковъ, кои, почитая тѣло человѣческое произведеніемъ злаго начала, утверждали, что Іисусъ Христосъ (по ихъ мнѣнію, одинъ изъ эоновъ) принялъ на себя не истинное тѣло человѣческое, а только одинъ (эѳирный) призракъ его, который хотя былъ пригвожденъ ко кресту, но не терпѣлъ никакихъ страданій. Посему Іоаннъ, какъ очевидецъ, хотѣлъ внушить своимъ читателямъ въ предостереженіе отъ докетовъ, что тѣло Іисуса Христа, какъ во время Его жизни, такъ и по смерти, было совершенно сходно съ дѣйствительнымъ тѣломъ человѣческимъ, состоящимъ изъ плоти и крови. Мнѣнію сему благоприятствуетъ не только исторія (ибо ересь докетовъ появилась съ перваго вѣка и существовала именно

*) Tale profluvium vix fieri potuit, nisi a latere sinistro, sub quo praeter pulmonem est et pericardium, aquae plenum, si quis post anxietatem summam mortuus est, et cor cum arcu aortae copulatum. Grun. p. 80.

***) *Εξ νεκρου γαρ ανθρωπου, και μυριακις ηξηη τις, εκ εξελευβαται αιμα.* Евѳим. въ толк. на 19, 37. Іоан.

****) Вышеприведенный медикъ говоритъ о семъ предметѣ такъ: «Ex vulnere profluxit cum impetu, ut videtur, sanguis et aqua simul, neque hoc mortui sed viventis est; ergo Christus dum a milite fodiebatur, vivebat quidem vitam aliquam, sed praedebilem proximeque casuram, at vero, vulnere pectoris illato, e vita subito et vere excessisse putandum est. Ex hoc enim vitalem fontem exhauriri, atque vim vitae perexiguam omnino tolli oportuit.» Grun p. 39.

*****) 5. Cornel. a lapid.

въ Малой Азіи, гдѣ написано Евангеліе Іоанново *)), но и нѣкоторыя мѣста въ посланіяхъ Іоанновыхъ, кои также весьма прямо направлены противъ докетизма (1 Іоан. 4, 1 — 3). Могло также статься, какъ предполагають нѣкоторые, что во время написанія Евангелія Іоаннова были люди, сомнѣвавшіеся въ дѣйствительности смерти Ісуса Христа: или потому, что Онъ не долго оставался на крестѣ и не претерпѣлъ перебитія голеней; или по занятому отъ іудеевъ предразсудку, что смерть не сообразна съ достоинствомъ Мессіи. Для выведенія таковыхъ людей изъ заблужденія, весьма сильнымъ средствомъ служило повѣствованіе Іоанна о прободеніи ребра Ісусова копіемъ, которое самыхъ маловѣрныхъ должноствовало увѣрить, что Сынъ Божій изъ послушанія Отцу, смирилъ себя не до креста только, но и до смерти крестныя.

Но, независимо отъ сихъ побужденій и цѣлей, св. Іоаннъ не могъ не остановить своего и всего міра вниманія на событіи, нами разсматриваемомъ, уже потому, что въ немъ, какъ онъ самъ замѣчаетъ, исполнились два важныхъ предсказанія ветхаго завѣта о Мессіи. Первое изъ нихъ гласило: *кость да не сокрушится отъ него*; другое: *воззрятъ на нь, егоже прободоша* **).

Первое изъ сихъ предсказаній, данное Моисеемъ (Исх. 12, 10), относилось собственно къ агнцу пасхальному, котораго израильтяне должны были печь цѣлымъ, не раздробляя и не сокрушая въ немъ ни одной кости. По разумѣнію св. Іоанна, пасхальный агнецъ былъ въ семъ отношеніи свѣше предустановленнымъ прообразованіемъ истиннаго Агнца Божія, закланнаго теперь на Голгоѣѣ, у коего также не сокрушено ни одной кости. Не углубляясь въ свойство ветхозавѣтныхъ прообразованій ***), изъ коихъ многія исполнились надъ Ісусомъ Христомъ во время Его страданій, и кои около временъ пришествія Христова начали бытъ замѣчаемы самими іудейскими раввинами ****), замѣтимъ только, что несокрушеніе костей, совершенно не нужное въ агнцѣ пасхальномъ, было не только весьма прилично, но и необходимо нужно для истиннаго Агнца Божія — Ісуса Христа. Св. Іоаннъ тѣмъ болѣе долженъ былъ остановиться на семъ прообразованіи, что онъ слы-

*) Въ посланіи св. Игнатія къ смирнянамъ (гл. 2) уже опровергаются докеты.

**) Rosenmüll. et Kuinöl. ad Iohan. 19, 35.

***) Conf. Ravius Freimüthige Untersuchung über die Typologie. Erlang. 1784

****) Conf. Schötlgenii Hor. Hebr. et Talmud.

шалъ, какъ Іоаннъ Креститель называлъ Его Агнцемъ Божіимъ, и что смерть Іисуса Христа послѣдовала въ день пасхи, когда закалался агнецъ пасхальный.

1 Второе предсказаніе взято изъ пророческаго видѣнія Захаріи (Зах. 12, 10), который, описывая будущее избавленіе народа еврейскаго отъ бѣдствій, его окружающихъ, говоритъ, что въ то время покаявшіеся израильтяне будутъ взирать съ плачемъ на того, котораго они прежде сего ненавидѣли, оскорбляли и *пронзили*. Изъ пророчества Захаріи не видно *), кто именно былъ или будетъ пронзенъ невѣрными іудеями, предъ коимъ они принесутъ потомъ покаяніе. Но все описаніе таково, что, при чтеніи его, мысли невольно останавливаются на Іисусѣ Христѣ, прободенномъ на крестѣ, — тѣмъ паче, что исторія еврейскаго народа не представляетъ лица, къ коему хотя съ малою удобностію можно было бы относить слова пророка.

*) Conf. Bayerus Schol. ad. h. l. Eckermann in Theolog. Beiträgen Stück. 2. p. 82.

СНЯТІЕ СО КРЕСТА И ПОГРЕБЕНІЕ.

(Иосифъ Аримаѳейскій просить у Пилата позволенія погребсти тѣло Іисусово. — Характеръ просителя. — Участіе въ погребеніи Никодима. — Мѣсто гроба. — Погребеніе. — Душевное состояніе учениковъ и почитателей Іисусовыхъ.)

два только первосвященники вышли изъ преторію, съ жалкимъ позволеніемъ сократить жизнь распятыхъ новымъ мучительнымъ средствомъ, — предъ Пилатомъ явился проситель другого рода и свойства, желавшій имѣть позволеніе снять со креста и предать погребенію тѣло Іисусово. То былъ Іосифъ Аримаѳейскій. Не покажется излишнимъ, если мы предварительно скажемъ нѣсколько словъ о семъ св. мужѣ, коему Провидѣніе предоставило единственную честь — оказать самому Сыну Божію послѣднее благодѣяніе въ Его земной жизни.

Аримаѳей, отечество Іосифа, есть древній Гараматаимъ (1 Цар. 1, 1), мѣсто рожденія Самуила пророка; или, что вѣрнѣе, Рама (по суро-халдейску Армаѳа), городъ въ колѣнѣхъ Веніаминавомъ, упоминаемый ев. Матѳеемъ (Мат. 2, 18). Великое богатство (Мат. 27, 57) дѣлало Іосифа уже лицемъ значительнымъ въ то время, когда въ Іерусалимѣ все можно было купить за деньги, начиная отъ должности послѣдняго мытаря до сана первосвященника. Кромѣ сего Іосифъ принадлежалъ къ числу первѣйшихъ членовъ синедріона (Мар. 15, 43; Лук. 23, 50), и вмѣстѣ съ другими благомыслящими совѣтниками, вѣроятно, составлялъ въ синедріонѣ общество, противное приверженцамъ Каиаѳы, искренно

векшееся о **благѣ** народа **іудейскаго**, — то общество, коего благородныя усилія къ поддержанію **падающаго** отечества во время послѣднихъ междоусобій, предшествовавшихъ разрушенію Іерусалима, съ такою благодарностію воспоминаются **іудейскимъ** историкомъ Іосифомъ Флавіемъ *). Ни почести, ни богатства, заставлявшія многихъ саддукеевъ вовсе оставить надежду на промышленіе Іеговы о народѣ еврейскомъ, нисколько не препятствовали Іосифу ожидать прішествія Мессіи и воздыхать со многими истинными израильтянами о Его святомъ царствѣ (Лук. 23, 51; Мар. 10, 43). Если онъ, подобно прочимъ, питалъ касательно сего царства нѣкоторыя предразсудки, представляя его земнымъ и чувственнымъ: то не былъ однакоже, подобно прочимъ, упоренъ въ своихъ мнѣніяхъ; съ ревностію искалъ наставленія и всегда готовъ былъ слушать тѣхъ, кои могли открыть ему истину. Сіятая ревность сблизила его съ Іисусомъ Христомъ. Не смотря на то, что Пророкъ Галилейскій былъ ненавидимъ и преслѣдуемъ синедріономъ, что небесное царство, Имъ проповѣдуемое, было совершенно противоположно земному царству, ожидаемому народомъ **іудейскимъ**, что во всѣхъ бесѣдахъ Его внушаема была духовная нищета, столько противная людямъ, обладающимъ благами вѣка сего, — Іосифъ сдѣлался искреннимъ послѣдователемъ и ученикомъ Іисусовымъ (Мат. 27, 57). Весь недостатокъ сего ученика состоялъ въ томъ, что онъ, опасаясь преслѣдованія первосвященниковъ, сохранялъ втайнѣ свою расположенность къ Учителю и свои отношенія съ Нимъ (Іоан. 19, 38), — недостатокъ тѣмъ болѣе извинительный, что Господь, щадя слабость человѣческую и предвидя худыя послѣдствія для Іосифа, не требовалъ отъ него и ему подобныхъ, чтобы они признавали Его всенародно Мессіею, тѣмъ менѣе вступались за Него въ синедріонѣ. Въ послѣднихъ покушеніяхъ синедріона противъ Іисуса Христа, а равно и въ судѣ надъ Нимъ, Іосифъ не участвовалъ (Лук. 23, 51): — или потому, что, не видя никакихъ средствъ спасти невиннаго, не хотѣлъ быть свидѣтелемъ Его осужденія; или потому, что хитрость первосвященниковъ нашла средство совершенно устранить его отъ сего дѣла. Впрочемъ бездѣйствіе въ то время, когда столь ужаснымъ образомъ рѣшилась судьба Іисуса, безъ сомнѣнія, было весьма тяжело для сердца благороднаго, которое стыдится мало-

*) De Bell. Iud. 5 in 1

душія — оставить безъ защиты невиннаго даже и тогда, когда знаетъ, что защищеніе не могло бы спасти его.

Къ числу необыкновенныхъ событій, послѣдовавшихъ за смертію Іисуса Христа, должно отнести и то, что потаенные ученики Его вдругъ одушевились чрезвычайнымъ мужествомъ. Презирая стыдъ объявить себя предъ цѣлымъ іудейскимъ народомъ послѣдователемъ Іисуса, уже умерщвленнаго, Іосифъ твердо рѣшился оказать Ему послѣдній долгъ дружбы и уваженія — спасти отъ посрамленія, по крайней мѣрѣ, смертные останки своего Наставника.

Рѣшимость сія была сопряжена съ немалою опасностію: — не со стороны Пилата, отъ коего надлежало ожидать благосклоннаго рѣшенія просьбы въ пользу Іисуса, признаемаго имъ за праведника; а со стороны первосвященниковъ, кои въ малѣйшемъ знакѣ уваженія къ Іисусу Христу видѣли измѣну своимъ замысламъ, а на покушеніе погребсти Его съ честію не иначе могли взирать, какъ на возмущеніе противъ синедріона, тѣмъ болѣе опасное, что его предпринялъ теперь знаменитый членъ синедріона, коего примѣръ былъ весьма опасенъ для народа, и безъ того поверженнаго къ памяти Іисуса.

Однакоже Іосифъ, однажды и навсегда презрѣвъ страхъ, явился въ преторіи римской съ дерзновеніемъ *) свойственнымъ великодушію. Прошеніе его было для Пилата первымъ извѣстіемъ, что Іисусъ Христосъ уже умеръ. Игемонъ весьма удивился такой скорой смерти: потому что изъ многихъ опытовъ зналъ, что распятыя остаются въ живыхъ гораздо долѣе. Не имѣя никакой причины сомнѣваться въ справедливости свидѣтельства Іосифова о смерти Іисуса, онъ желалъ однакоже знать ея подробности. Для сей цѣли немедленно призванъ сотникъ, стоявшій на стражѣ у креста Іисусова. «Давно ли Онъ умеръ?» — спросилъ Пилатъ. И получивъ надлежащій отвѣтъ, повелѣлъ отдать Іосифу тѣло Іисусово для погребенія.

Едва ли при семъ случаѣ въ душѣ Пилата снова не возбуждалась мысль касательно сверхъестественнаго союза Іисуса Христа съ Божествомъ. Скорая смерть Его на крестѣ могла служить для язычника признакомъ благоволенія къ Нему боговъ. Еще яснѣйшимъ признакомъ могли служить чудесныя знаменія, если только Пилатъ былъ внимателенъ къ нимъ. Во всякомъ случаѣ,

*) Мар. 15, 43. *Τολμηδας εισηλθεν.*

извѣстіе о скорой смерти Господа облегчало совѣсть судіи, которая должна была страдать, представляя страданія на крестѣ Праведника, имъ невинно осужденнаго. Подобное облегченіе доставляло и прошеніе Іосифа. Соглашаясь на погребеніе Іисуса, отдавая тѣло Его друзьямъ, Пилатъ такимъ снисхожденіемъ къ мертвому какъ бы вознаграждалъ несправедливостъ, оказанную живому. Самое невниманіе къ враждѣ первосвященниковъ, которые позволеніе, данное Іосифу, почитали, безъ сомнѣнія, новымъ для себя посрамленіемъ, было какъ бы жертва, которую Пилатъ принесъ памяти Праведника.

Едва только воины успѣли нанести тѣлу Іисуса Христа послѣдній знакъ своего безчеловѣчія, Іосифъ явился на Голгоѳу для снятія его со креста. Вмѣстѣ съ нимъ и для той же цѣли пришелъ Никодимъ (Іоан. 19, 39), тотъ самый, который приходилъ нѣкогда къ Іисусу Христу ночью и слушалъ Его высокую бесѣду о духовномъ возрожденіи, необходимомъ для людей, желающихъ войти въ царство Мессіи (Іоан. 3, 1—21), тотъ самый, который однажды въ слухъ всего синедриона, осуждавшаго Іисуса, сказалъ: «судятъ ли законъ нашъ челоуѣка, если прежде не выслушаютъ его, и не узнаютъ, что онъ дѣлаетъ?» (Іоан. 7, 51). — Подобно Іосифу, Никодимъ былъ богатъ и засѣдалъ въ верховномъ совѣтѣ іудейскомъ (Іоан. 3, 1); подобно ему, принадлежалъ тайно къ числу послѣдователей Іисуса Христа, и не открывалъ всѣхъ своихъ мыслей о Немъ, изъ опасенія первосвященниковъ (Іоан. 19, 39); и подобно ему, хотѣлъ теперь благороднымъ самоотверженіемъ загладить прежнее малодушіе, иногда почти неизбежное, но всегда тягостное для сердецъ великодушныхъ. Если Никодимъ не раздѣлилъ съ Іосифомъ дерзновенія явиться въ преторію Пилата съ просьбою о погребеніи, то не по недостатку усердія, а по нуждѣ: онъ употребилъ это время на приготовленіе вещей, необходимыхъ для погребенія.

Итакъ тѣло Іисуса Христа немедленно было снято со креста. Изъ евангельской исторіи не видно, чтобы при семъ случаѣ произошло что либо примѣчательное: тутъ слышны были одни воздыханія, видны — однѣ слезы. Господь снова вступилъ въ мирный кругъ дружества и любви, изъ коего исторгла Его рука предателя.

Въ то же время, конечно, были сняты и тѣла распятыхъ съ Іисусомъ. Если у нихъ были родственники и друзья: то и они имѣли право плакать надъ ними, хотя не имѣли права погребсти ихъ безъ особеннаго позволенія прокуратора.

Въ рукахъ враговъ Іисусовыхъ оставался теперь одинъ крестъ Его, Еще не пришло время, чтобы сему священному древу воздаваемо было уваженіе, приличное жертвеннику, на коемъ заклана всемірная жертва. Древнее преданіе говоритъ, что іудеи зарыли потомъ крестъ Іисусовъ въ землю въ такомъ мѣстѣ, котораго никто не зналъ кромѣ ихъ, и откуда онъ извлеченъ, впоследствии, усердіемъ равноапостольной Елены, матери Константина великаго *).

Поскольку до субботняго вечера оставалось весьма немного времени, то друзья Іисусовы, снявъ пречистое тѣло Его со креста, немедленно занялись погребеніемъ, въ коемъ краткость времени должна была спорить съ усердіемъ и уваженіемъ къ Погребаемому.

Прежде всего надлежало найти приличное мѣсто для погребенія. У Іосифа близъ Голгофы былъ садъ, въ коемъ, такъ какъ и во всей окрестности, находились каменные скалы. Въ одной изъ нихъ, по обыкновенію іудеевъ, изсѣчена была пещера для погребенія. Никто еще не былъ погребенъ въ сей пещерѣ, и Іосифъ предназначалъ оную, вѣроятно, для себя и своего семейства (Іоан. 19, 41). Обладаніе мѣстомъ симъ, не совсѣмъ пріятное, по причинѣ смежности его съ Голгофою, было на сей случай очень кстати для Іосифа и прочихъ друзей Іисусовыхъ, представляя всю удобность не только погребсти Божественнаго Мертвеца безъ отлагательства времени, но и невозбранно приходиться на гробъ Его, дабы изливать горестъ свою слезами.

Посему пречистое тѣло Господа немедленно перенесено было въ садъ Іосифовъ. Провидѣніе и въ семъ случаѣ явило слѣды своего особеннаго смотрѣнія. Если бы въ пещерѣ, гдѣ рѣшились положить тѣло Іисусово, были уже прежде погребены тѣла другихъ людей; то злоба враговъ Іисусовыхъ могла бы впоследствии говорить, что воскресъ не Онъ, а другой; или что Онъ воскресъ не своею силою, а отъ прикосновенія къ костямъ какого либо праведника, какъ то случилось однажды во времена царей израильскихъ **). При всей нелѣпости такихъ клеветъ, онѣ могли бы смущать и соблазнять легковѣрныхъ.

Тотчасъ занялись и погребальными приготовленіями. Іудеи вообще почитали погребеніе дѣломъ важнымъ, даже ставили его

*) Rufin. Hist. Eccles. 50, 1. c. 7.

***) Теофил. толк. на Матѣ.

въ число добродѣтелей, для погребавующихъ (Товит. 1, 20). Любили также, подобно прочимъ народамъ, и погребальное великолѣпіе, состоявшее большею частію въ драгоценныхъ ароматахъ *). Посему, погребенію Іисуса Христа, совершаемому двумя знаменитыми и богатыми людьми, кои своимъ усердіемъ хотѣли вознаградить безчестіе, Ему нанесенное, надлежало быть весьма великолѣпну. Такъ дѣйствительно и было, сколько могла позволить краткость времени.

Погребальныя полотенцы, доставленныя Іосифомъ, были самыя тонкія и высокой цѣны, какія получались обыкновенно изъ Египта, славившагося сими издѣліями **). А Никодимъ принесъ столько ароматовъ, что ихъ достаточно было бы на погребеніе самаго первосвященника. Это было смѣшеніе изъ смирны (смолы благовонной изъ одного дерева, растущаго въ Аравіи ***) и алая (благовоннаго растенія, коего низшая порода была и въ Палестинѣ, но лучшая получалась изъ Индіи ****): то и другое употреблялось при погребеніи, иногда въ порошкахъ, иногда въ видѣ масти. Если въсѣ ароматовъ, замѣченный евангелистомъ (около ста фунтовъ), и не соотвѣтствуетъ въ точности нашему въсѣу *****): то, по крайней мѣрѣ, заставляетъ предполагать, что ихъ принесено значительное количество. Остатокъ ароматовъ могъ быть употребленъ на усыпаніе гробницы. Нѣкоторая часть, вѣроятно, была сожжена, по окончаніи погребенія, на что также есть примѣры въ исторіи погребальныхъ іудейскихъ обрядовъ*****).

По окончаніи приготовленій, тѣло Господа, по обыкновенію (Іоан. 19, 40), было омыто чистою водою; потомъ осыпано благовоніями и вмѣстѣ съ ними обвито четверугольнымъ широкимъ платомъ (плащаницею). Голова и лице были обвиты узкимъ головнымъ полотенцемъ (сударь). То и другое завязано сурками. Такимъ образомъ Іисусъ Христосъ положенъ былъ въ гробъ, въ видѣ подобномъ тому, въ какомъ Лазарь былъ воскре-

*) Geierus de luctu Hebr. Harmar. Beobachtungen über den Orient. Th. 2. 184. 157.

**) Chiffetius de fasciis sepulcralibus Christi. с. 28.

***) Dioscorides 1. 60. Plin. H. N. 13. 15.

****) Celsii Hierobot. p. 1. p. 135 Rosenmüll. Schol. ad Num. 24, 6.

*****) Слово *летра*, употребленное евангелистомъ, означаетъ и всѣ и малую монету. Здѣсь, очевидно, надобно принимать его въ значеніи вѣса, который, по свидѣтельству Галена, равнялся нашимъ 12 унціямъ. Conf. Vупаеus. 1. с.

*****) Mussachet Semachot. с. 8.

шенъ Имъ изъ гроба (Іоан. II, 44). Но ароматы не спасли Лазаря отъ тлѣнія; а въ Іисусѣ Христѣ, источникѣ нетлѣнія, они служили только признакомъ несовершенства вѣры Его почитателей, кои, при всемъ уваженіи къ Нему, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ *), нисколько не думали, что они погребаютъ теперь Господа жизни и смерти.

Краткость времени не позволила соблюсти всѣхъ прочихъ погребальныхъ обрядовъ. Недостатокъ ихъ надѣялись восполнить по прошествіи субботы, когда законъ ветхаго завѣта не могъ уже препятствовать усердію къ Законодателю завѣта новаго.

Входъ въ пещеру, гдѣ положено тѣло Іисусово, былъ плотно заваленъ огромнымъ камнемъ (Мат. 27, 61): предосторожность, необходимая въ Іудеи, гдѣ водилось весьма много хищныхъ звѣрей и птицъ **), но излишняя для того, кто и во гробѣ не преставаеъ быть Господомъ земли и неба.

Какъ при снятіи со креста, такъ и при погребеніи, присутвовали нѣкоторые изъ женъ, приверженныхъ къ Господу, коихъ мы видѣли стоящихъ при крестѣ Его, — именно: Марія Магдалина и Марія Іосифова (Мат. 17, 61). Усердіе Іосифа и Никодима не давали теперь мѣста ихъ усердію: онѣ смотрѣли только, какъ и гдѣ погребали Господа (Мат. 15, 47). Однакоже отъ нѣжной любви ихъ къ Іисусу не скрылось, что драгоценнымъ останкамъ Его еще можно оказать нѣкоторые знаки уваженія; — и онѣ рѣшились записаться снова благовонными мастьями, дабы, по окончаніи субботы, придти и помазать тѣло своего Учителя. Такое намѣреніе принято ими, конечно, съ согласія самого Іосифа, который имѣлъ столько достатка и любви къ Іисусу, что могъ всю пещеру наполнить ароматами; но не хотѣлъ препятствовать нѣжному усердію людей, гораздо менѣе его богатыхъ, но столько же великодушныхъ и признательныхъ къ памяти Іисуса.

По окончаніи погребенія, всѣ, участвовавшіе въ ономъ, немедленно удалились, каждый въ свое мѣсто, для празднованія навечерія субботы, которая, сходясь съ пасхою, потому самому была величайшимъ праздникомъ ***).

*) Они, говоритъ Злат., еще почитали Его за простаго человѣка. *Hom. in Joh.* 85.

**) *Nicolaus de sepulcr. Hebr.* 3. 10. 11.

***) И въ іудейской книгѣ: *Толдотъ Іешуа*, хотя она написана противъ христіанства, упоминается о погребеніи Іисуса Христа Іосифомъ; только по-

Какъ мрачень, нерадостень былъ теперь день сей для учениковъ и друзей Иусуса, — особенно для Его Матери, — для Петра, который долженъ былъ скорбѣть и о потерѣ Учителя и о своемъ паденіи! — Мысль сія наполняла всю душу, подавляла всѣ прочія мысли, не позволяла придти въ себя, дабы составить какое либо понятіе о семъ неожиданномъ, страшномъ событіи. Будущее покрыто было непроницаемымъ мракомъ: прошедшее болѣе смущало, нежели утѣшало. Воспоминаніе о чудесахъ Иусусовыхъ, о Его прежнемъ величіи, дѣлало еще страшнѣе крестъ и гробъ Его. Доселѣ ученики Его шли неровнымъ, тѣснымъ, часто тернистымъ путемъ; но шли по слѣдамъ Учителя, обременнаго могуществомъ Сына Божія, обращая на себя всеобщее вниманіе, раздѣляя съ Нимъ Его славу, утѣшая себя величественными надеждами въ будущемъ: и вотъ путь сей внезапно приводитъ ихъ къ Голгоѣ, пресѣкается крестомъ Учителя, совершенно оканчивается Его гробомъ! Положеніе печальное, безутѣшное!

Еще бы скорбь учениковъ Иусуса была не такъ чрезмѣрна, если бы они менѣе увѣрены были въ Его достоинствѣ. Тогда она скоро могла бы превратиться въ охлажденіе къ тому, который такъ внезапно измѣнилъ ихъ надеждамъ, подвергнувъ себя смерти, а ихъ посрамленію. Тогда скорбѣло бы обманутое самолюбіе.

Но любовь и уваженіе къ Иусусу нисколько не умалились въ сердцахъ признательныхъ. Души учениковъ Его были соединены съ Нимъ вѣчнымъ, небеснымъ союзомъ. Гробъ Его содѣлался для нихъ святилищемъ, въ коемъ заключены были всѣ ихъ святыя помыслы, всѣ чистыя желанія, вся вѣра ихъ.

И съ сею-то святою любовію непрестанно встрѣчалась ужасная мысль: «Онъ умеръ! Онъ не то, чѣмъ былъ, чѣмъ мы почитали Его! Онъ не Мессія! Онъ, который былъ и есть для насъ все!»

Предсказанія Иусуса Христа о своей смерти и воскресеніи должны были разсвѣять сомнѣнія, облегчить горестъ учениковъ Его. Но сіи предсказанія, какъ мы видѣли, не обращали на себя вполнѣ вниманія, или казались имъ непонятными. Не умѣя представить, какъ Мессія можетъ умереть, они не думали о Его

слѣдніи называется другимъ именемъ — Иудой: «и взявъ Иуда тѣло Иусу древа и положилъ его въ своемъ саду.» Р. 87. Edit. Haldric.

воскресеніи. И многократныя общанія Ісуса, при прощаніи съ ними на вечера, что они вскорѣ опять увидятъ Его, — и сіи общанія были теперь или забыты, или превратно изъясняемы. Если бы кто сказалъ: «Онъ воскреснетъ, мы увидимъ Его,» — растерзанное печалію, подавляемое сомнѣніями, сердце могло отвѣчать такъ же, какъ отвѣчала нѣкогда Марѳа: «знаю, что воскреснетъ — въ воскресеніе мертвыхъ, въ послѣдній день: тогда мы всѣ увидимъ Его.» — Уже по воскресеніи Господа, ученики Его привели себѣ на память тѣ случаи, когда Онъ предсказывалъ имъ свое воскресеніе.

КУСТОДІА.

(Дальнѣйшее ожесточеніе первосвященниковъ. — Ихъ мнимое опасеніе подлога со стороны учениковъ Іисусовыхъ. — Просьба и дозволеніе употребить для вѣрности стражу и печать. — Кустодія. — Мысли у гроба Іисусова.)

редписанный закономъ, строгій покой великаго дня субботы пасхальной связалъ, какъ мы видѣли, бездѣйствиельно самыхъ пламенныхъ почитателей Іисусовыхъ; но не могъ прекратить несчастной дѣятельности ожесточенныхъ враговъ Его. Злоба въ семъ случаѣ показала, что она бываетъ иногда памятливей любви: тогда какъ въ умѣ учениковъ Іисусовыхъ, какъ будто какимъ либо чудомъ, приведены были въ забвеніе Его многократныя предсказанія о своемъ воскресеніи изъ мертвыхъ, фарисеи и книжники не замедлили привести это себѣ на память и взять мѣры противъ того, чтобы предсказаніе сіе не сбылось на самомъ дѣлѣ. Привыкши сами дѣйствовать нечисто, по внушенію страстей и выгодъ, Каиаза и клеветы его воображали, что ученики Іисусовы, въ отмщеніе за смерть Учителя, не преминутъ воспользоваться подобнымъ предсказаніемъ, то есть, унесутъ тайно тѣло Учителя изъ гроба, скажутъ народу, что Онъ воскресъ изъ мертвыхъ и такимъ образомъ произведутъ опасное для синедріона волненіе. Погребеніе Его членомъ синедріона, въ собственномъ саду и гробѣ, казалось, открывало всю удобность къ такому покушенію. Посему, въ тайномъ совѣтѣ Каиаиномъ, немедленно рѣшено — взять всѣ необходимыя мѣры, и для сего окружить гробъ Іисусовъ въ продолженіе трехъ дней стражею. Въ подобной стражѣ у первосвященниковъ не было

недостатка; между тѣмъ они не рѣшились дѣйствовать въ семь случаѣ сами, и почли за лучшее снова ввести въ участіе прокуратора, какъ новая встрѣча съ нимъ, послѣ событій предшествующаго дня, ни казалась тяжкою. Кромѣ того, что симъ отклонялась отвѣтственность за послѣдствія новой мѣры, римская стража могла казаться гораздо надежнѣе іудейской, по ея привычкѣ къ строгому исполненію своего долга и неучастію въ народномъ расположеніи къ Іисусу. Явясъ къ Пилату, первосвященники и книжники приняли, по прежнему, видъ ревностныхъ блюстителей общественнаго покоя и выгодъ римскаго правительства: «мы вспомнили, такъ говорили лицемѣры, что этотъ льстецъ, еще будучи въ живыхъ, сказалъ: послѣ трехъ дней Я воскресну изъ мертвыхъ. Игакъ, прикажи охранять гробъ до третьяго дня, чтобы ученики Его, пришедши ночью, не украли Его и не сказали народу, что Онъ возсталъ изъ мертвыхъ. Въ такомъ случаѣ, послѣдній обманъ можетъ быть хуже перваго.»

Гордый всадникъ римскій, еще не давно такъ жестоко униженный сими самыми людьми предъ цѣлымъ народомъ, всего менѣе былъ расположенъ вѣрить ихъ усердію къ благу общественному: но противиться явно предложенію, которое казалось плодомъ дальновидной осторожности и неутомимаго попеченія о спокойствіи народномъ, было не въ духѣ римской власти. Посему Пилатъ немедленно согласился на предлагаемую мѣру, выразивъ впрочемъ свое недовѣріе къ чистосердечію синедріона — тѣмъ, что самъ нисколько не принялъ въ ней непосредственнаго участія.

«У васъ есть кустодія, отвѣчалъ Пилатъ (такъ называлась военная стража при храмѣ): подите, возьмите изъ ней, сколько угодно, и стерегите гробъ, какъ знаете.»

Противъ такого мнимаго довѣрія нельзя было сказать ничего; и первосвященники, взявъ нужное число воиновъ, отправились въ вертоградъ Іосифовъ. Тутъ, безъ сомнѣнія, не преминули осмотрѣть всю внутренность погребальной пещеры, увѣрившись въ цѣлости тѣла Іисусова, равно какъ и въ томъ, что изъ пещеры нѣтъ другаго выхода, кромѣ того, который заваленъ былъ огромнымъ камнемъ. По освидѣтельствованію, камень сей опять былъ приваленъ ко входу, и для большей безопасности отъ всякаго покушенія войти въ пещеру, запечатанъ печатію синедріона. Поставленная стража также, безъ сомнѣнія, снабжена была всѣми нужными наставленіями, тѣмъ паче приказаніемъ стрещи неусыпно надъ тѣмъ, отъ чего зависѣло, какъ говорили перво-

священнику, спокойствіе цѣлой Іудеи, Пилатовой преторіи и самаго кесаря.

Такимъ образомъ злоба враговъ Іисусовыхъ сдѣлала съ своей стороны все, что нужно было для засвидѣтельствованія предъ цѣлымъ свѣтомъ истины воскресенія Христова!... Провидѣніе и въ семъ случаѣ показало, какъ оно, не нарушая нисколько свободы человѣческой, премудро употребляетъ для достиженія цѣлей своихъ тѣхъ самыхъ людей, кои идутъ нагло вопреки его святымъ опредѣленіямъ.

Ученики и почитатели Іисусовы, — кромѣ, можетъ быть, Іосифа, коему принадлежалъ вертоградъ, — вовсе не знали о кустодіи, поставленной синедріономъ у гроба Іисусова: иначе, по прошествіи дня субботняго, они не собирались бы идти на сей гробъ, чтобы помазать тѣло Его благовонными мастьями, — для чего теперь уже не было возможности.

Время дѣйствовать Богу: ибо разоренъ законъ твой! (Псал. 118, 126) — такъ отъ избытка горести, восклицалъ нѣкогда Давидъ, видя, какъ переполнялась чаша беззаконія въ рукахъ нѣкоторыхъ людей. Стократъ надлежало повторить сіе восклицаніе тому, кто былъ у гроба Іисусова. Если когда, то тутъ время было дѣйствовать Богу, самому Богу, ибо — разоренъ былъ не законъ только, а поруганъ и самый Законодатель! Человѣчество никогда не видало столько великаго, прекраснаго, божественнаго, сколько видѣю въ краткое время служенія Іисусова. И все великое, прекрасное, божественное — было заключено теперь въ гробъ, запечатано печатію Каиаѳы! Что было бы съ человѣчествомъ, если бы печать сія не растаяла отъ огня правды Божіей, — если бы плоть Праведника увидѣла истлѣніе? (Дѣян. 2, 31.) Міръ божественный, раскрывшійся на время, опять закрылся бы навсегда. Царство Божіе, низведенное на землю, опять воспарило бы на небо. Послѣ божественнаго озаренія наступила бы еще мрачнѣйшая ночь.

Частныя дѣйствія добра — могли остаться. Закхей не претсталъ бы, вѣроятно, быть милостивымъ, помилованная грѣшница — цѣломудренною, Іосифы и Никодимы — могли бы сохранить увѣренность, что *Учитель отъ Бога пришелъ* (Іоан. 3, 2). Но великое дѣло спасенія человѣческаго осталось бы погребеннымъ вмѣстѣ съ Іисусомъ. Безотрадны были слова учениковъ: *надъ всѣми силами третій день есть, отнелѣже сія быша*

(Лук. 24, 21). Но, какъ ужасны были бы слова сіи, когда бы надлежало говорить: *надъ всѣми силами третій годъ, третій вѣкъ, третіе тысячелѣтіе есть, отнелѣже сія быша!*

Безъ Іисусова: *радуйтесь!* (Мат. 28, 5) — не было бы радости въ сердцахъ апостоловъ; безъ Іисусова — *миръ вамъ!* (Іоан. 22, 20) не распространился бы миръ по лицу земли. Надобно было прежде сказать воскресшему Учителю: Господь и Богъ мой! (Іоан. 22, 28) — и потомъ уже умирать за Господа и Бога своего. Воскресеніе утвердило учениковъ въ вѣрѣ, *породивъ ихъ*, какъ выражается св. Павелъ, въ *упованіе живо*. А безъ сего — не раздался бы гласъ проповѣди апостольской, и миръ остался бы безъ креста — съ своими идолами, Аѳины и Римъ — съ ихъ *невѣдомымъ Богомъ* (Дѣян. 27, 23.)

Итакъ, *время было дѣйствовать Богу*, самому Богу! Это была самая рѣшительная минута не только для всего человѣчества, но и для самаго міроуправленія божественнаго, — минута, въ которую надлежало предъ лицомъ всего міра, ангеловъ и человѣковъ, показать торжественно, что *не одинъ конецъ благому и злому, праведному и нечестивому*, — что *есть Богъ, судяй земли!*

Итакъ, *воскресни Боже! Суди земли! Яко Ты, — одинъ Ты, — наслѣдиши во всѣхъ языцѣхъ!*

ЖИЗНЬ

СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА.

ЖИЗНЬ ВЪ ИУДЕИСТВѢ.

Павелъ (*pávλος, paulus, меньшій*), до обращенія въ христіанство Савль (*σαύλος, возжелѣнный*), одинъ изъ величайшихъ учителей христіанской религіи, который послѣ прочихъ апостоловъ обратился къ вѣрѣ въ Іисуса Христа, но болѣе каждаго изъ нихъ содѣйствовалъ къ покоренію державѣ Его всего міра, произошелъ отъ іудейскихъ родителей, изъ колѣна Веніамина (Фил. 3, 5). Многіе изъ отцевъ Церкви *) съ свойственною имъ духовною проніцательностію находили въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ветхаго завѣта предсказанія о происхожденіи Павла отъ сего колѣна, особенно въ 28 стихѣ 68 псалма. Выраженіе: *евреинъ отъ еврей*, употребленное Павломъ въ посланіи къ Филипписеямъ (3, 6) для означенія своего происхожденія, показываетъ такого человѣка, между предками коего не было ни одного необрѣзаннаго **), — преимущественно, стоившее замѣчанія во времена апостола, когда многіе изъ іудеевъ происходили отъ язычниковъ, обратившихся въ іудейство, или даже сами были нѣкогда язычниками. Значительное образованіе, для коего Павелъ былъ нарочно посланъ въ Іерусалимъ, знакомство въ юныхъ лѣтахъ съ

*) Амвросій, Іеронимъ, Августинъ, Феодоритъ и др.

***) Такъ и Ксенофонтъ въ похвальномъ словѣ Агезилаю, для показанія древности его царскаго происхожденія, говоритъ, что онъ произошелъ *отъ ідиѣтисъ, а́ллъ екъ вавилѣѡнъ вавилевсѡнъ*.

первыми лицами въ иудейской столицѣ, тонкая общежительная образованность, коея слѣды весьма часто встрѣчаются въ его посланіяхъ *), заставляють думать, что онъ произошелъ не изъ низкаго, по крайней мѣрѣ не изъ бѣднаго состоянія. Время рожденія Павлова, при всѣхъ покушеніяхъ опредѣлить оное, доселѣ остается неопредѣленнымъ; вѣроятно только, что оно не далеко отстоитъ отъ времени Рождества Христова **). Отечествомъ Павла былъ Тарсъ (Дѣян. 9, 11; 21, 39; 20, 3), главный городъ Киликіи, лежавшей при Средиземномъ морѣ и составлявшей одну изъ цвѣтущихъ областей римской имперіи ***). Иеронимъ сказываетъ ****), что родители Павловы переселились въ Тарсъ изъ иудейскаго города Гискама, послѣ того какъ сей послѣдній былъ взятъ и опустошенъ римлянами.

Фамилія Павлова, какъ явствуетъ изъ 22, 28 Дѣяній, имѣла весьма важное въ тогдашнія времена право римскаго гражданства. Откуда сіе право? — По сказанію Діона Хризостома *****), городъ Тарсъ, за свою приверженность къ Юлію Кесарю, стоившую жителямъ его великихъ бѣдствій отъ Кассія, получилъ въ царствованіе Августа многія права и преимущества: отсюда нѣкоторые писатели получили мысль, что всѣ жители Тарса пользовались правомъ римскихъ гражданъ. Но при исчисленіи сихъ преимуществъ *****) не упоминается о правѣ гражданства римскаго. Напротивъ, латинскіе писатели называютъ Тарсъ только вольнымъ городомъ *****)): каковая вольность гораздо ниже онаго права. Притомъ, если бы всѣ жители Тарса имѣли право римскаго гражданства; то римскій трибунъ (какъ описывается въ 21, 39 Дѣяній), знавшій о происхожденіи Павла изъ сего города, не осмѣлился бы подвергнуть его безъ суда тѣлесному наказанію, и Павлу не было бы нужды для избѣжанія пытки объявлять, что онъ гражданинъ римскій. Вѣроятноже, что кто нибудь изъ предковъ Павла приобрѣлъ своему потомству право римскаго гражданства, или посредствомъ услугъ, оказанныхъ кесарямъ во время

*) Въ цѣломъ посланіи къ Филимону. Также 1 Кор. 10, 6; 2 Кор. 11, 1, — 6; 12, 11.

**) См. Pearson Annales Pavlinas. Witsii Meletemata Leydensia.

***) Флав. Древ. кнур. 1, гл. 6. Diog. Sicil. in Hist.

****) In Catal. illust. vir. sub voce: Paulus.

*****) In Tarsica posteriori. Tom. 2, pag. 36. Edit. Reiske.

*****) Вотъ онъ: *Χώραν* (Августъ даровалъ тарсянамъ) *νομου, τιμὴν ἰσούβιαν τοῦ ποταμοῦ, τῆς θαλάσσης, τῆς καθ' αὐτήν.*

******) Plin. Hist. lib. 5, cap. 27. Appian. Civillium lib. V

междоусобій, или за деньги. По свидѣтельству Діона Кассія *), Юлій Цезарь даровалъ сіе право весьма многимъ чужестранцамъ. А Флавій говоритъ **), что іудеи очень охотно покупали его у корыстолюбивыхъ правителей римскихъ.

Гораздо важнѣе вопросъ: былъ ли Павелъ въ юныхъ лѣтахъ образованъ въ греческихъ наукахъ? — Большая часть писателей древнихъ и новыхъ отвѣчали на него утвердительно ***). Въ самомъ дѣлѣ, Тарсъ славился науками, такъ что жители его, по замѣчанію Страбона ****), спорили въ просвѣщеніи съ жителями Аѳинъ и Александріи; а посему невѣроятнымъ кажется, чтобы родители Павла не воспользовались для образованія своего сына тѣми пособиями, кои находились у нихъ, такъ сказать, подъ руками. Самыя посланія Павловы, по видимому, заставляютъ предполагать въ немъ познаніе греческихъ писателей: ибо онъ приводитъ въ нихъ стихи нѣкоторыхъ поэтовъ (Арата, Дѣян. 17, 28; Менандра, 1 Кор. 15, 32; Епименида, Тит. 1, 12). Не смотря на сіе, гораздо вѣроятнѣе, что образованіе, полученное Павломъ въ Іерусалимѣ, не было предварено изученіемъ въ Тарсѣ греческой мудрости: ибо а) Савлъ отправленъ былъ въ Іерусалимъ въ самыхъ юныхъ лѣтахъ. «Жизнь мою,» говоритъ онъ, «отъ юности моею, которую сначала проводилъ я среди народа моего въ Іерусалимѣ, знаютъ всѣ іудеи (Дѣян. 26, 4).» Тоже, безъ сомнѣнія, означаетъ и выраженіе: быть воспитаннымъ *при ногу Галаіила*, которое употребляетъ о себѣ Павелъ (Дѣян. 22, 3). б) Родители Павла принадлежали къ сектѣ фарисейской; а фарисеи, по словамъ Флавія ****), гнушались не только науками, но и самымъ языкомъ необрѣзанныхъ. в) При тщательномъ разсмотрѣніи посланій ап. Павла, въ самомъ образѣ изложенія оныхъ открывается много доказательствъ на то, что писатель ихъ не былъ знакомъ ни съ какимъ другимъ образованіемъ, кромѣ раввинскаго, бывшаго въ употребленіи у тогдашнихъ палестинскихъ іудеевъ. Языкъ греческій; но изъ всего видно, что на немъ пишетъ іудей, воспитанный въ Палестинѣ, привыкшій къ выраже-

*) Hist. lib. 43.

**) De Bel. Iud. 2, 14.

***) Θεοδωρίτῃ называлъ Павла *Παρθόλον*. Сочиненія новѣйшихъ писателей, относящихся къ сему предмету, исчислены у Витзія (Melet. Leyden.) и Бертольда (Einleitung in Neue Testament.).

****) Geog. Lib. 14, pag. 673, al. 991.

*****) Antiq. Lib. 20, cap. 2.

ніямъ и словосочиненію еврейскому *). Мнѣнія греческихъ поэтовъ, приводимыя Павломъ, такого рода, что могли быть извѣстны всякому сколько нибудь образованному человѣку и безъ особеннаго упражненія въ греческой литературѣ; они походятъ на пословицы, каковыми часто дѣлаются нѣкоторые стихи любимыхъ писателей. Впрочемъ, апостолъ могъ весьма часто слышать ихъ во время своихъ путешествій по Греціи, гдѣ лучшіе стихотворцы многими перечитывались наизусть; самое обращеніе его съ увѣровавшими язычниками доставляло ему много подобныхъ свѣдѣній. Кромѣ того, мы знаемъ, что апостолъ посвящалъ свободное отъ трудовъ время на чтеніе книгъ **). Можно думать, что между сими книгами были нѣкоторыя и греческія. Павелъ, какъ видно изъ 17, 23 Дѣяній, почиталъ за нужное узнавать предварительно духъ и нравы тѣхъ людей, коимъ намѣревался проповѣдывать; но въ семъ отношеніи многіе поэты греческіе могли быть весьма полезны.

Желаніе дать сыну лучшее образованіе, впрочемъ въ духѣ отечественной религіи, примѣръ согражданъ, которые имѣли обыкновеніе посылать своихъ дѣтей путешествовать для усовершенствованія себя въ наукахъ ***), и, можетъ быть, родственныя связи, которыя родители Савла имѣли съ жителями Іерусалима (Дѣян. 23, 16), расположили ихъ послать своего сына для обученія въ Іерусалимъ, который еще почитался тогда средоточіемъ іудейской мудрости. Какъ сынъ фарисея, Савлъ присоединился къ сектѣ фарисеевъ и сдѣлался ученикомъ Гамалиила, знаменитѣйшаго изъ тогдашнихъ еврейскихъ законоучителей ****). Если онъ тотъ самый Гамалиилъ, о коемъ упоминается въ 5 главѣ Дѣяній; то онъ стоилъ быть образователемъ такого ученика, каковъ Павелъ. Отзывъ его о христіанствѣ (Дѣян. 5, 35 — 39) показываетъ въ немъ человѣка здравомыслящаго, который отъ Промысла и времени ожидаетъ разрѣшенія недоумѣній, возбуждаемыхъ необыкновенными событіями, относящимися къ религіи, — въ

*) Vid. Thaleman Dissert. de Eruditione Pavli Judaica, non Graeca.

***) 2 Тим. 4, 13. Выраженіе: *принеси книги, паче же кожаныя*, кажется, показываетъ уже, что апостолъ разумѣлъ подъ сими книгами не одинъ только ветхій завѣтъ, какъ думаютъ нѣкоторые.

****) Strab. Geog. Lib. 14, pag. 673. Edit. Cosaub. pag. 1587.

*****) Гамалиилъ былъ сынъ Смеона, внукъ Гиллела, прозванный за ученость, въ отличіе отъ обыкновенныхъ раввиновъ, *равваноль*. Талмудъ усвоилъ ему главное начальство надъ фарисейскимъ училищемъ въ Іерусалимѣ. Vid. Schettg. Noxae Herb. et Talmud.

твердой увѣренности, что изобрѣтеніе человѣческое, сколько бы ни прикрывалось личною божественнаго происхожденія, не можетъ долго удерживать характеръ божественности, и съ продолженіемъ времени исчезаетъ само собою.

Юный Савлъ былъ тщательно наставленъ въ отеческомъ законѣ (Дѣян. 22, 3): чего и надлежало ожидать, судя по знаменитости его наставника. Чрезвычайныя дарованія вскорѣ отличили его между сверстниками, такъ что немногіе могли равняться съ нимъ въ разумѣніи фарисейскаго богословія (Гал. 1, 14). Природная доброта сердца, а можетъ быть и примѣръ наставника, были причиною того, что Савлъ, не смотря на юныя лѣта свои, въ кои обыкновенно любятъ болѣе знать, нежели исполнять познанное, старался вести жизнь неукоризненную (2 Тим. 1, 3), и былъ по правдѣ законной непороченъ (Филип. 3, 6).

По обыкновенію тогдашнихъ иудеевъ *), обучать дѣтей своихъ какому нибудь искусству, Савлъ съ упражненіемъ въ наукахъ соединялъ упражненіе и въ искусствѣ. Евангелистъ Лука называетъ (Дѣян. 18, 3) его *οικητοποιός*, по нашему славянскому переводу *скинотворецель*. Въ чемъ бы ни состояло сіе искусство (ибо мнѣнія о немъ несогласны **), изъ исторіи путешествій апостола видно, что онъ могъ заниматься имъ всюду, куда ни приходилъ, и что платы за труды доставало на содержаніе его вмѣстѣ съ соудниками въ дѣлѣ проповѣди.

Апостоль Павелъ самъ нѣкоторымъ образомъ характеризуетъ духъ образованія, полученнаго имъ отъ Гамалиила, когда ученіе фарисейское называетъ (Дѣян. 26, 5) строжайшимъ (*ακριβεωτατην*) въ отеческомъ вѣроисповѣданіи. Нравственность фарисеевъ въ новомъ завѣтѣ является большею частію въ безобразномъ видѣ: они вездѣ изображаются лицемѣрами, кои подъ личиною стро-

*) У древнихъ иудеевъ даже обратилось въ пословицу, что кто не обучаетъ сына своего какому нибудь ремеслу или искусству, тотъ учитъ его красть. Schittg. in Dissert. de Christo Rabbin. Summo.

***) Одни (Michael in Einleit. in N. T.) разумѣютъ подъ нимъ дѣланіе инструментовъ; другіе (Luther) ковровъ; иные (Eichhorn. Hug. in Einleit. in N. T.) попоннъ или войлоковъ, изъ коихъ составлялись палатки; многіе — просто дѣланіе палатокъ, которыя на Востокѣ, по причинѣ жаркаго климата и недостатка въ гостиницахъ, были въ великомъ употребленіи у путешественниковъ. Последнее мнѣніе вѣроятнѣе: ибо Златоустъ, который конечно зналъ хорошо силу слова: *οικητοποιός*, употреблялъ вмѣсто его *οικητορραφος* (сшиватель палатокъ). Киликія, отечество Павла, славилась матеріалами для палатокъ. Vid. Svidas sub voce: Kilikia. Plin. Hist. Nat. 6, 28.

гой набожности сокрываютъ сердца, исполненныя гордости и корыстолюбія — черты, безъ сомнѣнія взятыя съ природы! Впрочемъ, основатели секты фарисейской могли имѣть чистые виды. Въ сочиненіяхъ раввиновъ, кои большею частию держались фарисейства, часто встрѣчаются изящныя правила нравственности *). Въ твореніяхъ Юсифа Флавія, который также принадлежалъ къ фарисеямъ **), большею частию господствуетъ здравый образъ мыслей и нерѣдко чистое чувство нравственное. Если между фарисеями многіе носили только личину благочестія; то нѣкоторые, вѣроятно, были тѣмъ, чѣмъ другіе хотѣли только казаться. По крайней мѣрѣ, нельзя думать, чтобы въ ихъ школахъ учили лицемѣрію. А посему образование Павла въ фарисейскомъ училищѣ, при такомъ учителѣ, каковъ Гамалиилъ, могло имѣть благотворное дѣйствіе на развитіе его нравственного характера, по крайней мѣрѣ не могло много вредить чистотѣ характера, какъ могутъ подумать нѣкоторые, основываясь на худомъ понятіи о фарисеяхъ. Чтеніе книгъ ветхаго завета, коимъ постоянно занимались въ фарисейскихъ школахъ ***), способствовало къ обогащенію памяти Савловой лучшими правилами нравственности и высокими образцами благочестія; любимое ихъ упражненіе — изъяснять многія мѣста и писанія въ иносказательномъ смыслѣ, пролагало въ умѣ его путь тому святому искусству — извлекать изъ *мертваго писмени духъ животворящій*, коимъ ознаменованы всѣ посланія его, особенно къ евреямъ и галатамъ. Даже то самое, что въ образованіи фарисейскомъ было предосудительнаго, какъ-то: чрезмѣрная привязанность къ человѣческимъ преданіямъ и мнѣніямъ учителей, страсть все подводить подъ правила, ничего не оставляя нравственному чувству, низведеніе нравственности изъ области духа въ кругъ внѣшнихъ, часто механическихъ дѣйствій ****), — впоследствии, подъ благотворнымъ вліяніемъ христіанской религіи, могло обратиться во благо. Люди съ умомъ сильнымъ и живымъ характеромъ, при душевныхъ перемѣнахъ, съ ними встрѣчающихся, обыкновенно уклоняются въ противоположную сторону, и уклоняются далеко. Это случилось и съ Павломъ. По обращеніи въ христіанство, онъ вездѣ обнаруживаетъ противоположный преж-

* Vid. Berg-er. Moral. Einleit. in N. T. Pag. 478.

**) Joseph de vita sua § 2.

***) Joseph Ant. Lib. 20, cap. 2, sub finem.

****) V. Serarii Trihaeresium.

нему образъ мыслей даже тамъ, гдѣ говоритъ безъ непосредственнаго внушенія Духа Божія, по собственному чувству (наприм. 1 Кор. 7, 25—40). Въ самомъ началѣ своего апостольскаго служенія онъ не только отвергъ нечистыя преданія человѣческія, кои были отвергаемы и прочими апостолами, вразумленными въ ихъ ничтожности ученіемъ и примѣромъ Іисуса Христа (Матѣ. 15, 1—9), но и проповѣдывалъ свободу христіанъ отъ обрядоваго закона, — поступокъ, который долго подвергался едва не всеобщему нареканію, однако же былъ совершенно сообразенъ съ духомъ новозавѣтнаго ученія. — Такимъ образомъ Промыслъ, избравшій Савла отъ чрева матери (Гал. 1, 4) на великое служеніе апостольства, обнаружилъ мудрое водительство свое и въ томъ, что попустилъ ему провести юность свою *при погахъ Гамалиила*.

Первое понятіе о христіанствѣ Павелъ, по всей вѣроятности, получилъ еще въ школѣ Гамалиила: ибо нельзя думать, чтобы фарисейскіе наставники оставляли учениковъ своихъ въ невѣдѣніи о новой сектѣ, которая съ самаго начала своего сдѣлалась весьма значительною и угрожала всѣмъ преданіямъ фарисеевъ. Невѣроятно даже, кажется, чтобы Савлъ никогда не видалъ Іисуса Христа въ продолженіе Его земной жизни. Такъ однако же заставляютъ думать вся послѣдующая исторія и всѣ посланія его. Онъ нигдѣ не упоминаетъ о томъ, чтобы онъ видѣлъ Іисуса Христа, хотя во многихъ случаяхъ было весьма прилично упомянуть о семъ (наприм. во 2 Кор. 4, 22; 12, 11; Гал. 1, 12 случ. послѣд. стихъ съ Дѣян. 1, 21 и друг.); напротивъ, сказываетъ иногда нѣчто такое, изъ чего должно заключить, что Іисусъ Христосъ не былъ ему извѣстенъ лично (наприм. Дѣян. 9, 5). Притомъ, если бы Павелъ находился когда нибудь въ числѣ слушателей Іисуса Христа, то евангелисты, вѣроятно, замѣтили бы сіе обстоятельство, тѣмъ паче, что онъ, судя по его характеру, не могъ быть безмолвнымъ слушателемъ, или зрителемъ Мессіи. Странность сія, то есть, что Савлъ не зналъ Іисуса Христа лично, изъясняется тѣмъ, что время открытаго служенія Іисуса Христа роду человѣческому было непродолжительно *); что большая часть онаго проведена была въ путешествіяхъ по Палестинѣ, особенно по той ея части, которая называлась Галилеею; что

*) Обыкновенно полагаютъ, что служеніе Іисуса Христа продолжалось около трехъ лѣтъ съ половиною. См. Церк. Библ. Истор. Преос. Филарета.

Исусъ Христосъ приходилъ въ Иерусалимъ только на праздники, и то на краткое время, всегда почти удалялся шумныхъ собраній народа и проповѣдывалъ большею частію не тамъ, гдѣ полагали враги его (Іоан. 11, 54—57). (Посему-то были такіе люди, кои, при всемъ желаніи видѣть Его, не находили къ тому случая. Лук. 23, 8). Съ другой стороны, Гамалилъ, сообразно своему характеру, вѣроятно старался держать учениковъ своихъ, особенно юныхъ, какъ Савлъ, въ удаленіи отъ всѣхъ народныхъ собраній, которыя въ то время рѣдко происходили безъ печальныхъ явленій. По окончаніи своего образованія, Савлъ могъ отличиться изъ Иерусалима въ Тарсъ къ своимъ родителямъ. И можно ли исчислить всѣ причины, которыя могли не допустить Павла знать Исуса Христа лично?

Изъ училища Гамалиилова Савлъ вышелъ тѣмъ, чѣмъ надлежало выйти ученику фарисея — жаркимъ ревнителемъ отеческихъ преданій (Гал. 1, 14). Пылкость характера и юность возраста его были причиною, что онъ не перенялъ у своего наставника самой лучшей, можетъ быть, части его наставленій — искусства соединять съ ревностію по вѣрѣ хладнокровное разсужденіе и благоразумную терпимость (Дѣян. 5, 33—39). Участіе въ убіеніи Стефана, по видимому, было не первымъ опытомъ приверженности Савла къ отеческимъ преданіямъ: ибо оно не было столь значительно, чтобы первосвященники іудейскіе вслѣдствіе его рѣшились уполномочить (Дѣян. 26, 10) юнаго фарисея на произведеніе тѣхъ кровавыхъ явленій, которыя, какъ увидимъ, послѣдовали за смертію первомученика. Наклонность многихъ изъ тогдашнихъ іудеевъ къ языческимъ обыкновеніямъ представляла весьма часто случаи къ обнаруженію патріотической ревности. Едва ли даже Савлъ (завлеченный пылкостью характера) не состоялъ въ нѣкоторомъ сношеніи съ ужасною въ тѣ времена сектою зилотовъ *). Наименованіе ревнителя (*Ζηλωτής*) которое онъ даетъ самъ себѣ (Гал. 1, 14), довѣренность къ нему убійцъ Стефановыхъ (Дѣян. 8, 58), которые по всей вѣроятности были зилоты **), дѣлаютъ сію догадку правдоподобною.

*) Зилотами назывались у іудеевъ нѣкоторые безразсудные ревнители отечественной религіи и свободы, которые, проповѣдая, что народъ Божій не долженъ платить дани кесарю, позволяли себѣ убивать тѣхъ, кои, будучи благоразумнѣе, имѣли твердость противиться ихъ возмутительнымъ замысламъ.

**) Ибо они только могли рѣшиться на убіеніе Стефана вопреки узаконенію римлянъ, чтобы смертные приговоры исполнялись не прежде утвержденія ихъ прокураторомъ. Іоан. 8, 31.

Когда такимъ образомъ ученикъ Гамалиловъ, *имѣя ревность по Богѣ, но безъ разсужденія, и не разумѣя праведности Божіей, усиливался поставить собственную свою праведность, — праведность по вѣрѣ* (Рим. 10, 2. 3) въ Иисуса Христа уже оказывала благотворное дѣйствіе свое надъ многими изъ его братій по плоти. Не смотря на гнусную клевету первосвященниковъ о похищеніи тѣла Иисусова учениками Его и на строгія мѣры противъ провозвѣстниковъ Его воскресенія, весь Іерусалимъ исполнялся славою имени Распятаго; *слово Божіе* расло, *число учениковъ* непрестанно *умножалось*; изъ самыхъ *священниковъ* іудейскихъ *очень многіе покорялись вѣрѣ* (Дѣян. 6, 7). Иудейству, и безъ того давно потрясаемому различными толками господствующихъ сектъ, угрожала новая величайшая опасность со стороны возникающаго христіанства. Что долженъ былъ мыслить и чувствовать въ сихъ обстоятельствахъ Савль — юноша съ пылкимъ характеромъ, патріотическимъ чувствомъ, съ умомъ сильнымъ, но помраченнымъ предразсудками, фарисей, отъ всего сердца приверженный къ отеческому закону и обычаямъ, свято чтившій не только Моисея и пророковъ, но и преданія старцевъ, несообразныя съ духомъ христіанства? — Могъ ли онъ обольстительную мечту о Мессіи, царѣ-завоевателѣ, промѣнять на почитаніе креста, который еще недавно былъ предметомъ посмѣянія для Іерусалима? Могъ ли обѣщать себѣ что нибудь добраго отъ той секты, коея Основатель столь строго и часто вооружался противъ порочной жизни фарисеевъ — его наставниковъ и воспитателей? Савль видѣлъ только опасность со стороны христіанства, а посему питалъ къ нему одно отвращеніе. Чудеса Иисуса Христа и Его апостоловъ могли быть изъясняемы имъ такъ, какъ ихъ вообще изъясняли фарисеи — содѣйствіемъ злыхъ духовъ, лековѣріемъ народа и тому подобное. Внутреннее превосходство ученія христіанскаго также не могло трогать его: для сего требовалось спокойное углубленіе въ духъ христіанской религіи и въ свою совѣсть, къ чему умъ, занятый предразсудками, не былъ способенъ; только опытные и разсудительные люди, какъ Гамалилъ, могли ожидать отъ Промысла разрѣшенія недоумѣній, возбуждаемыхъ успѣхами христіанства. Павелъ думалъ, что ему нужно *сильно дѣйствовать противъ имени Иисуса Назорея* (Дѣян. 26, 9), — и дѣйствовалъ!

Первые опыты Савловой вражды на имя Христово, вѣроятно, состояли въ спорахъ съ провозвѣстниками онаго (Дѣян. 6, 9). Но школьная ученость фарисейская не долго могла стоять противъ устъ Стефана, исполненнаго Духа Божія (Дѣян. 6, 10);

сила слова замѣнена была насиліемъ клеветы и оружія (Дѣян. 6, 13). Правота Павлова характера не позволяетъ думать, чтобы онъ участвовалъ въ соплетеніи клеветъ на Стефана; но однако же несомнѣнно, что онъ одобрялъ убіеніе его (Дѣян. 8, 1), и стерегъ одежды безчеловѣчныхъ убійцъ Стефановыхъ (Дѣян. 7, 58). Онъ поступилъ въ семъ случаѣ по совѣсти, — только заблуждающей. На немъ, по замѣчанію Златоуста *), въ точности сбылись слова Спасителя: *иже убіетъ вы, возмнѣтся службу приносити Богу*. Ему казалось, что онъ приноситъ Богу отцевъ своихъ самую пріятную жертву, когда преслѣдуетъ распространителей новой ереси, которая, по его мнѣнію, имѣла цѣлію ниспроверженіе іудейской религіи. Если бы онъ увидѣлъ, подобно Стефану, Іисуса, стоящаго одесную Бога; то вѣрно, не опасаясь участи Стефановой, въ ту же минуту исповѣдалъ бы Его Сыномъ Бога живаго.

Неисповѣдимый Промыслъ попустилъ ненависти Савла къ христіанамъ открыться въ новыхъ разительнѣйшихъ явленіяхъ, дабы, какъ изъясняетъ самъ апостоль, въ немъ *первомъ оказалось все долготерпѣніе Божіе, въ прилѣръ тѣлъ, которые будутъ вѣровать въ Іисуса Христа къ жизни вѣчной* (1 Тим. 1, 16). Разсѣяніе вѣрующихъ по смерти Стефана породило въ умѣ убійцъ его мысль, что усиленное гоненіе положитъ конецъ новой ереси; по крайней мѣрѣ, Савлъ въ ослѣпленіи дерзнулъ на новыя жестокости. Получивъ отъ первосвященниковъ власть преслѣдовать христіанъ, онъ для сего ходилъ по всѣмъ синагогамъ; не довольствуясь симъ, входилъ въ дома ихъ, не щадилъ ни пола, ни возраста, мученіями принуждалъ ихъ хулить имя Іисуса, заключалъ въ темницы, и когда убивали ихъ, то подавалъ на то свой голосъ (Дѣян. 26, 10, 11). Такъ можетъ поступить человекъ съ самою набожною совѣстію, когда онъ не проникъ въ истинное свойство любви къ Богу и ближнему! — Успѣхи разсѣянныхъ христіанъ, которые всюду, гдѣ ни проходили, благовѣствовали имя Христово, подали Савлу случай простерть гоненіе на нихъ за предѣлы Палестины. Еще дыша угрозами и убійствомъ, онъ испросилъ у первосвященниковъ письма къ дамасскимъ синагогамъ **), дабы, связавъ тамошнихъ христіанъ,

*) Homil. in Acta Apost.

***) Дѣян. 9, 2. Спрашивается: какую власть имѣлъ первосвященникъ надъ синагогою чужеземною, какова дамасская? Изъ Joseph Ant. 14, 10, 16, 9 видно,

препроводить ихъ въ Иерусалимъ для суда. Дамаскъ, наполненный іудеями *), представлялъ воображенію Павла обширнѣйшее поле для дѣйствованія. Римская власть, которая не терпѣла такихъ явленій, каково было убіеніе Стефана, не имѣла тамъ силы: ибо онъ былъ завоеванъ незадолго предъ симъ Аретою, царемъ аравійскимъ (2 Кор. II, 32). Новый владѣтель его благоприятствовалъ іудеямъ **). Письма первосвященника, и безъ того уважаемая въ иноземныхъ синагогахъ, въ дамасскихъ должны были имѣть силу закона и полный успѣхъ, который дѣйствительно послѣдовалъ, — только совсѣмъ въ другомъ видѣ!

что чужеземныя синагоги добровольно повиновались верховному іерусалимскому синедріону, особенно въ дѣлахъ, касающихся религіи, какъ-то: въ распознаніи ложнаго ученія, дживыхъ пророковъ и проч., и что римскіе областеначальники не противились сему обыкновенію, которое имѣло видъ нѣкотораго національнаго закона у іудеевъ. *Vitr. de Synag. Veter. Pag. 866. Witsius Melet. Leyden. Pag. 23.*

*) Какъ много было іудеевъ въ Дамаскѣ, можно заключить изъ того, что, по свидѣтельству Флавія (*Bel. Jud. 2, 25*) жители Дамаска въ царствованіе Нерона, захвативъ нечаянно 10,000 іудеевъ въ теплицахъ, предали смерти.

***) Изъ того, что дочь Ареты была въ замужествѣ за Иродомъ Антипою, нѣкоторые заключаютъ даже, что онъ былъ іудейскіи прозелитъ. *Basnag. Exercitat. contra Varon. Pag. 163.*

ОБРАЩЕНІЕ ВЪ ХРИСТИАНСТВО.

Путешествіе въ Дамаскъ было тѣмъ временемъ, которое Промыслъ избралъ для обращенія Савла. Чѣмъ необыкновеннѣе сіе происшествіе, чѣмъ разительнѣе открывается въ немъ божественность христіанской религіи, тѣмъ драгоценнѣе для насъ, что мы имѣемъ о немъ весьма обстоятельныя и несомнѣнныя свѣдѣнія, сообщенныя евангелистомъ Лукою (Дѣян. 9, 1—25) и двукратно самимъ Павломъ (Дѣян. 22, 5—16; 26, 12—19). Среди дня, повѣствуетъ онъ, на пути я увидѣлъ свѣтъ съ неба, превосходящій солнечное сіяніе, который осіялъ меня и шедшихъ со мною. Всѣ мы пали на землю, и я слышалъ голосъ, говорящій ко мнѣ на еврейскомъ языкѣ: «Савлъ, Савлъ! что ты Меня гонишь? — Трудно тебѣ идти противъ рожна (Дѣян. 26, 13. 14)!» Легко представить, сколь сильное впечатлѣніе должно было произвести сіе необыкновенное явленіе въ пылкой душѣ гонителя! Онъ былъ увѣренъ, что всѣ непріязненныя дѣйствія его противъ христіанъ непосредственно относятся къ славіи Божіей; что онъ подражаетъ въ семъ дѣлу Финеесу и Илиу, — и на семъ самомъ пути, который свидѣтельствовалъ о его ревности по Богѣ, видитъ явленіе, котораго онъ не могъ не признать за божественное, слышитъ съ неба голосъ, жалующійся на преслѣдованіе. Въ сію минуту должны были возобновиться въ памяти его всѣ озлобленія, причиненныя имъ въ Иерусалимѣ вѣрнымъ; — должна была предстать воображенію смерть Стефана, безчеловѣчіе его убійць, краткое спокойствіе и небесное незлобіе сего мученика. Совѣсть, конечно, уже внушала ему, предъ кѣмъ онъ виновенъ;

но еще какъ бы не довѣрять несправедливости своего дѣла, какъ бы желая дать знать, что онъ никого не гналъ съ злымъ намѣреніемъ, всегда дѣйствовалъ по закону, Савлъ въ трепетѣ дерзнулъ спросить: *кто ты, Господи? «Я—Иисусъ, котораго ты гонишь»*, отвѣчалъ явившійся! Надлежитъ поставить себя на мѣстѣ Павла, чтобы почувствовать всю силу сихъ словъ. Не было уже мѣста сомнѣнію въ божественности лица Іисусова; осталось только мѣсто для страха и ужаса. Савлъ не зналъ еще, что Іисусъ есть Богъ милосердія и щедротъ, что Онъ пришелъ възыскать и спасти погибшее, и для того взошелъ на крестъ, дабы привлечь къ себѣ всѣхъ обремененныхъ грѣхами: сообразно земному понятію своему о Мессіи, онъ, безъ сомнѣнія, думалъ увидѣть въ Немъ строгаго мстителя за поруганіе имени своего, за мученіе рабовъ Его, — ожидалъ себѣ участи Даѳана и Авирона. Но Гонимый явился не для того, дабы наказать гонителя, но чтобы сдѣлать его своимъ апостоломъ. *Встань и стань на ноги твои*, сказалъ Господь: *ибо Я для того явился тебѣ, чтобы поставить тебя служителемъ и свидѣтелемъ тому, что видѣлъ, и что Я открою тебѣ, избавляя тебя отъ народа іудейскаго и отъ язычниковъ, къ которымъ нынѣ посылаю тебя, открыть имъ глаза, дабы они обратились отъ тьмы къ свѣту и изъ подъ власти сатаны къ Богу, и вѣрою въ Меня получили прощеніе во грѣхахъ и часть наслѣдія съ освященными* (Дѣян. 26, 15—18).

Ободренный сими утѣшительными словами, Савлъ желалъ знать, что требуется отъ него, дабы соответствовать новому служенію, на него возлагаемому; и получилъ въ отвѣтъ, что ему будетъ открыто о семъ въ Дамаскѣ. Послѣ сего видѣніе кончилось, оставивъ глубокіе слѣды на очахъ Савловыхъ (онъ сдѣлался слѣпъ) и еще глубже въ его сердцѣ. Спутники его видѣли только свѣтъ и слышали звукъ голоса, но того, кто говорилъ съ нимъ, не видали и, что говорилъ, не разумѣли *).

*) Въ повѣствованіи евангелиста Луки и апостола Павла о семъ случаѣ усматривается нѣкоторое разногласіе. Первый говоритъ (Дѣян. 9, 7), что спутники Павловы голосъ слышали, но никого не видѣли; послѣдній сказываетъ (Дѣян. 22, 9), что они не слышали словъ того, кто говорилъ съ нимъ. Нѣкоторые (Oscumenius, Beza, Schmidius, Hermanus) думали согласить сіе, разумѣя въ первомъ случаѣ голосъ Павла, а въ послѣднемъ Іисуса Христа; но сего изъясненія не принимаетъ составъ рѣчи: ибо сказаннымъ словамъ въ первомъ случаѣ непосредственно предшествуютъ слова не Павловы, а Христо-

Савль, ведомый спутниками, пришелъ въ Дамаскъ. Слѣпота его продолжалась три дня, проведенные имъ безъ пищи и питія. Состояніе духа его было въ сіе время самое мучительное для ветхаго человѣка, но тѣмъ благодѣтельныѣе для человѣка новаго: всѣ силы ума и сердца должны были какъ бы переродиться для новой жизни во Христѣ Іисусѣ *). Лишенный свѣта внѣшняго, онъ обратился ко внутреннему — молился, и получилъ видѣніе, въ коемъ представилось ему, что нѣкто изъ христіанъ, именемъ Ананія, возвратитъ ему зрѣніе (Дѣян. 9, 12). Въ то же время послѣдовало откровеніе и Ананіи **). Самъ Іисусъ Христосъ (такъ много заботился Онъ о своемъ гонителѣ!), являсь ему, повелѣлъ идти къ Савлу для возвращенія ему зрѣнія. Ананія ужаснулся, представлялъ лютость сего человѣка и его ненависть къ христіанамъ; но былъ успокоенъ тѣмъ, что прежній гонитель теперь есть уже избранное орудіе славы Христовой. Нашелъ Савла въ домѣ нѣкаго іудейнина, именемъ Іуды, онъ возложилъ на него руки и сказалъ: *братъ Савль! Господь Іисусъ, явившійся тебѣ на пути, послалъ меня къ тебѣ, чтобы ты прозрѣлъ и исполнился Святаго Духа.* За словами тотчасъ послѣдовало и дѣйствіе: съ глазъ Савловыхъ спала какъ бы нѣкоторая чешуя: онъ прозрѣлъ и немедленно принялъ крещеніе (Дѣян. 9, 10—18), безъ сомнѣнія отъ рукъ Ананіи.

Обращеніе Павла есть одно изъ необыкновеннѣйшихъ событій, коими прославилась Церковь апостольская: посему-то св. отцы столь часто воспоминали о немъ и съ такимъ удоволь-

вы; а посему, если бы св. Лука разумѣлъ голосъ перваго, то не сказалъ бы просто *φωνη* (голосъ), а присовокупилъ бы *αυτοῦ* (его). Гораздо лучше изъясненіе тѣхъ, кои принимаютъ, что слово: *не слышали*, въ послѣднемъ случаѣ означаетъ: *не разумѣли слышаннаго*: ибо *ἀκούειν*, подобно еврейскому *שָׁמַע*, часто употребляется вмѣсто глагола: *разумѣть*. Такъ употребляетъ слово сіе самъ Павелъ въ другомъ мѣстѣ 1 Кор. 14, 2. Но какъ можно было слыша не разумѣть? — Можетъ быть, спутники Павла не знали еврейскаго языка, на коемъ говорилъ съ нимъ Іисусъ Христосъ, или находились въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ него, или Говорившему угодно было, чтобы слова Его разумѣлъ одинъ Савль.

*) Для чего, спрашиваетъ Златоустъ, Павелъ не ѣлъ и не пилъ? — И отвѣчаетъ: осуждалъ въ совѣсти свои дѣянія, исповѣдывался въ нихъ предъ Богомъ, молился, просилъ о помилованіи. *Нот. 19 in Act. Apost.*

**) По отзыву самого Павла, Ананія былъ мужъ благочестивый по закону, озоряемый всѣми іудеями, живущими въ Дамаскъ. Дѣян. 22, 12. Древнее преданіе говоритъ, что онъ былъ изъ числа 70 Апостоловъ.

ствіемъ углублялись въ него размышленіемъ *). Оно служитъ утѣшительнымъ примѣромъ для всѣхъ грѣшниковъ, особенно тѣхъ, кои имѣли несчастіе питать ревность по Богѣ безъ разсужденія, и въ то же время есть одно изъ самыхъ ощутительныхъ доказательствъ божественности христіанской религіи. Въ самомъ дѣлѣ, не кроткій по природѣ человѣкъ, который самъ по себѣ имѣлъ расположеніе къ благотворному ученію христіанъ, не слушатель Іисуса Христа, о коемъ можно бы сказать, что онъ увлеченъ сладостію словъ Его, не такой человѣкъ видитъ Іисуса, коего іудеи почитали мертвымъ, но упорнѣйшій защитникъ іудейства, непримиримый врагъ имену Христова, жестокій преслѣдователь почитателей Его, въ коемъ первосвященнику видѣли надежный оплотъ противъ разливающагося потока новой ереси, коего одно имя приводило въ трепетъ и такихъ людей, каковъ былъ Ананія, коего прибытія въ Дамаскъ христіане ожидали какъ гнѣва Божія, а іудеи какъ ангела-хранителя, однимъ словомъ, Савлъ видитъ Іисуса, признаетъ Его Мессією, Сыномъ Божиимъ, и содѣлывается ревностнымъ провозвѣстникомъ имену Его, презирающимъ самую смерть за истину новаго ученія. Какое ободреніе для гонимыхъ христіанъ! какой страхъ для іудеевъ! какой ужасъ для убійцъ Стефана, для убійцъ Іисуса!

Савлъ не могъ обѣщать себѣ отъ христіанъ никакихъ земныхъ выгодъ. Искалъ ли онъ чести? Она была оказана ему верховнымъ совѣтомъ іудейскимъ, который возложилъ на него самое важное порученіе: истребить возникающее христіанство. Исполненіе сего порученія покрыло бы его новою славою, вслѣдствіе коей онъ могъ имѣть право на самыя высокія достоинства между фарисеями; напротивъ, христіане какъ сами не искали почестей, такъ не могли и обѣщать ихъ, будучи гонимы и презираемы іудейскими властями. Искалъ ли онъ богатства? Христіане были бѣдны; многіе изъ нихъ жили милосердіемъ своихъ братьевъ по вѣрѣ; ихъ послѣднія стяжанія подлежали расхищеніямъ, самая жизнь находилась въ непрестанной опасности. Напротивъ, секта фарисеевъ изобиловала всѣми временными благами и, пользуясь великимъ уваженіемъ въ народѣ, могла доставлять любимцамъ своимъ все, имъ угодное. Надѣ-

*) V. Svirer. Lex. sub voce *Παυλος*. Duchall presumptive arguments Serm. 5. 6.

ялся ли онъ быть важнымъ лицомъ между христіанами, начальникомъ ихъ ереси? Но что за слава быть главою общества, состоявшаго изъ людей низкаго происхожденія, бѣдныхъ, слабыхъ, незнакомыхъ съ мірскимъ просвѣщеніемъ, проповѣдующихъ произвольную нищету и самоотверженіе? Притомъ, могъ ли Савлъ надѣяться довѣренности къ себѣ христіанъ послѣ многихъ опытовъ своей жестокости къ нимъ *)? — Вся послѣдующая жизнь св. Павла служитъ яснѣйшимъ доказательствомъ, что онъ сдѣлался христіаниномъ не по какимъ либо земнымъ побужденіямъ, но единственно потому, что совершенно убѣдился въ божественности христіанства чудеснымъ явленіемъ Іисуса Христа. Онъ вездѣ показываетъ строжайшее безкорыстіе, имѣя полное право получать содержаніе отъ тѣхъ, кои обязаны ему своимъ спасеніемъ, питается большею частию собственными трудами, собираетъ милостыню по Церквамъ, имъ насажденнымъ, но не для себя, а для бѣдныхъ христіанъ іерусалимскихъ; ищетъ славы, но единственно той, которая состоитъ въ вѣрномъ исполненіи высокихъ обязанностей апостольства; не терпитъ, чтобы кто-либо изъ обращенныхъ имъ назывался по его имени, *Павловымъ*; называетъ себя послѣднимъ изъ Апостоловъ; хочетъ, чтобы его разумѣли не болѣе, какъ служителя Іисуса Христова; въ слухъ всѣхъ говоритъ, что онъ былъ гонитель и хульникъ, и помилванъ единственно по милосердію Спасителя.

Но Савлъ не только не искалъ для себя у христіанъ никакихъ временныхъ пріобрѣтеній, но еще долженъ былъ при переходѣ въ христіанство отказаться отъ тѣхъ, кои имѣлъ въ іудействѣ. Сдѣлавшись христіаниномъ, онъ долженъ былъ потерять славу перваго ревнителя и защитника іудейства; долженъ былъ ниспровергать отеческія преданія, къ коимъ онъ привыкъ изъ—дѣтства; долженъ былъ разорвать нѣжнѣйшія узы родства и дружбы, ибо сродники и друзья его остались въ іудействѣ. Сего мало: за вѣру въ Іисуса Христа ему неминуемо надлежало сдѣлаться предметомъ ненависти всѣхъ фарисеевъ, всего синедріона, всего народа іудейскаго.

Савлъ не былъ мечтатель, который внушенія собственного

*) Conf. Bretschneider Handbuch der Dogmatik der Evang. Luther. Kirche 2 auf. 1822. I. B. S. 191-203.

чувства, мечты воображенія почитаетъ за вдохновенія божественныя *). Энтузіастическая мечтательность происходитъ или отъ чрезмѣрнаго пристрастія къ любимымъ мнѣніямъ, или отъ меланхоліи, или отъ живаго, но необразованнаго воображенія, или отъ дѣтскаго легковѣрія. Савль имѣлъ сильное пристрастіе, но не къ христіанству, а къ преданіямъ фарисейскимъ; между тѣмъ, когда позналъ истину, то немедленно отвергъ ихъ единожды и навсегда. Онъ не былъ мрачнаго характера. Какимъ опасностямъ, скорбямъ, лишеніямъ ни подвергался онъ въ продолженіе своего апостольства, при всемъ томъ въ немъ не было ни малѣйшихъ признаковъ малодушія: онъ былъ совершенно доволенъ своею судьбою, радовался среди самыхъ страданій. Если онъ желалъ окончанія своей жизни, то потому, чтобы скорѣе соединиться съ возлюбленнымъ Спасителемъ. Въ семъ желаніи не было ничего нетерпѣливаго, энтузіастическаго: посемуто, когда онъ увидѣлъ, что для учениковъ его нужнѣе, чтобы онъ оставался въ сей жизни, то употреблялъ всѣ справедливыя способы къ отдаленію ея конца. Савль имѣлъ живое воображеніе; но какъ строго оно было подчинено разсудку! — Читая посланія его, мы находимъ сильные порывы чувствъ; но они никогда не выходятъ за предѣлы: это—невольное изліяніе сердца, преисполненнаго любовію къ Богу и ближнему. Тѣмъ менѣе можно предполагать въ немъ легковѣрія и неосмотрительности. Изъ одной исторіи его можно извлечь подробныя правила христіанскаго благоразумія. Онъ постоянно внушалъ ученикамъ своимъ все испытывать, дабы принимать одно доброе; упрекалъ ихъ, когда они, подобно дѣтямъ, *вляялись всякимъ вѣтромъ ученія*; предостерегалъ ихъ отъ ложныхъ откровеній и пророчествъ; никогда не требовалъ себѣ слѣпой вѣры; напротивъ, хотѣлъ, чтобы они поступали по убѣжденію собственнаго своего ума. Такъ ли поступаютъ люди съ мечтательнымъ характеромъ **)?

Тѣмъ прискорбнѣе для сердца христіанина, когда онъ находитъ, что въ наши времена нѣкоторые изъ такъ называемыхъ христіанскихъ философовъ покушаются чудесное обращеніе апостола Павла изъяснить естественнымъ образомъ. И пусть изъ-

*) Conf. Bailer Grundlehren der Religion 2. Auf. 1814. S. 414—426.

**) V. Lyttleton Observations on the conversion of St. Paul in a Letter to Gilbert West Esqvir. 1747. P. 110.

ясненія ихъ были бы дѣйствительно естественны; напротивъ, они столько принужденны, изысканны, нелѣпы, что едвали бы могли заслужить одобреніе отъ самыхъ враговъ Павловыхъ — іудеевъ.

Весьма вѣроятно, такъ думаютъ тѣ, кои *лудрствуютъ паче, нежели подобаетъ лудрствовать* *), что Савлѣ послѣ смерти Стефана началъ сомнѣваться въ справедливости гоненія, воздвигнутаго на христіанъ. На пути въ Дамаскъ сіе сомнѣніе еще болѣе усилилось. «Что,» размышлялъ онъ, «если христіане невинны; если правда все то, что они повѣствуютъ о Іусусѣ Христѣ; если сей Іусусъ, мною гонимый, есть дѣйствительно Мессія? Чего должны ожидать враги Его, чего долженъ ожидать я? О, если бы Онъ явился мнѣ, и увѣрилъ меня въ своей божественности! Я немедленно сдѣлался бы христіаниномъ.» Когда душа Павлова была наполнена сими мыслями, вдругъ нашло облако, ударилъ громъ, и Савлѣ, ослѣпленный молніею, повергся на землю. Поелику же іудеи почитали громъ за нѣкоторый видъ божественнаго откровенія, коего смыслъ изъясняли сообразно состоянію своего духа; то сіе естественное происшествіе было почтено Савломъ за божественное откровеніе. Ему показалось, что онъ видитъ самого Іусуса Христа и бесѣдуетъ съ Нимъ, между тѣмъ какъ сія бесѣда была не что иное, какъ разглагольствіе его съ собственною совѣстію. Рѣшившись вслѣдствіе сего явленія обратиться ко Христу, онъ достигаетъ Дамаска, вступаетъ въ сообщество съ христіанами и, узнавъ основательнѣе святость и чистоту ихъ ученія, принимаетъ крещеніе.»

Изъясненіе сіе, сколько ни стараются придать ему видъ правдоподобія, никакъ не можетъ быть соглашено съ историческими сказаніями о Павловомъ обращеніи, основывается на недоказанныхъ предположеніяхъ и опровергаетъ само себя.

I. *Несогласно съ историческими сказаніями.* а) Павелъ говоритъ (Дѣян. 26, 14), что онъ слышалъ голосъ, говорящій на

*) Vid Kuinöl Commen. Hist. in Acta Apost. Ammon. de repentina Savli ad doctrinam Chris. conversione. Eckerman. in Theolog. Beiträgen. Eichhorn über die Nachricht von der Bekehrung des A. Paulus in allgemein. Biblioth. der Biblisch. Litter. B. 6. Greuling. Versuch über Plötzlichen Uebergang des Apost. Pavlus zum Christenthum in Henke Museum für Religion. Также Hezzellius, Dindorfius, Rosenmüllerus, Heinrichsius въ толков. на 9 главу Дѣяній.

языкъ еврейскомъ: это непрекаемая черта дѣйствительнаго разговора съ дѣйствительнымъ лицомъ; ибо громъ не можетъ говорить ни по-еврейски, ни на другомъ какомъ-либо языкѣ: это нелѣпость! Съ другой стороны нельзя сказать, чтобы *Павелъ размышлялъ* самъ съ собою на еврейскомъ языкѣ: это также нелѣпость! б) Павелъ сказываетъ (Дѣян. 9, 7), что спутники его голосъ слышали, но никого не видали. Если подъ голосомъ разумѣется громъ; то слова: *никого не видали*, будутъ совершенно лишнія: ибо кто, слыша громъ, будетъ думать, что это говоритъ какоелибо лице? Если же голосъ, слышанный Павломъ, былъ такого свойства, что въ спутникахъ его долженъ былъ возбудить понятіе о лицѣ говорящемъ; то это вѣрный знакъ, что сей голосъ былъ членораздѣльный, сходный съ голосомъ человѣческимъ. в) Павелъ весьма подробно описываетъ явленіе Іисуса Христа, замѣчаетъ мѣсто и время, въ которыхъ оно случилось; какъ бы не упомянуть ему и о томъ, что голосъ (Дѣян. 9, 3; 22, 6), говорящій съ нимъ, выходилъ изъ облака? — Напротивъ, онъ утверждаетъ, что это случилось внезапно (*ἐξαίφνης*) въ полуденное время, когда, то есть, небо было совершенно чисто и нельзя было ожидать подобнаго явленія съ неба. г) Когда удары громовые упадаютъ близко къ человѣку; то въ такомъ случаѣ звукъ слѣдуетъ непосредственно за свѣтомъ; но Павелъ увидѣлъ сначала свѣтъ, потомъ уже, павши на землю, услышалъ голосъ. Если же ударъ палъ въ довольномъ разстояніи отъ Савла, то не могъ повредить его зрѣнію. д) Въ 9, 7 Дѣяній говорится, что спутники Павловы голосъ слышали; а въ 12, 9 написано, что они не слышали словъ Того, кто говорилъ съ Савломъ. Такое противорѣчіе останется неизъяснимымъ, если подъ голосомъ будемъ разумѣть громъ. Ибо въ такомъ случаѣ: *не слышать*, значитъ, просто не слышать, не ощущать слухомъ; но можно ли вмѣстѣ и слышать и не слышать? Но сіе противорѣчіе исчезаетъ само собою, когда голосъ, слышанный Павломъ, принимаемъ за голосъ членораздѣльный; ибо спутники могли слышать звукъ словъ и не понимать ихъ значенія: такимъ образомъ о нихъ можно было сказать, что они и слышали голосъ и не слышали.

2. *Основывается на недоказанныхъ предположеніяхъ.* Мысль, что Савлъ предъ путешествіемъ въ Дамаскъ началъ колебаться въ своей приверженности къ іудейству, раскаяваться въ жестокостяхъ, оказанныхъ христіанамъ, есть произвольная

догадка, противорѣчащая исторіи. Ибо въ какомъ расположеніи духа онъ отправился въ Дамаскъ? — Дыша угрозами и убійствомъ на учениковъ Господнихъ (Дѣян. 9, 1). Это ли признакъ человѣка, начинающаго приходить въ раскаяніе? Въ продолженіе путешествія не было случая перемѣнить ему свой образъ мыслей. Изъ вопроса, сдѣланнаго имъ Іисусу Христу: *кто ты, Господи?* — видно, что онъ непосредственно предъ симъ совѣмъ не думалъ, какъ предполагается, о Іисусѣ Христѣ. Иначе упрекъ Спасителя: *что ты Меня гонишь?* тотчасъ пробудилъ бы въ душѣ его мысль, что это Іисусъ, имъ гонимый.

Не болѣе силы имѣеть и то предположеніе, что іудеи во времена Іисуса Христа почитали громъ за нѣкоторый видъ божественнаго откровенія. Изобрѣтатели и защитники его, вмѣсто убѣдительныхъ доказательствъ, ссылаются на 12, 26 Іоанна; но мѣсто сіе, безъ явнаго насилія составу рѣчи, не можетъ быть почитаемо за доказательство. Ссылаются еще на Флавія; но у него громы суть только признакъ присутствія Божія: мнѣніе, по всей вѣроятности, происшедшее отъ воспоминанія синайскаго законодательства, въ коемъ присутствіе Божіе обнаружилось громами.

3. *Опроверяетъ само себя.* Предполагается, что Савль былъ ослѣпленъ и поверженъ на землю молніею, и въ то же время предполагается, что онъ, поверженный на землю, могъ спокойно размышлять самъ съ собою, давать вопросы, отвѣты, осуждать прежнія дѣянія свои, рѣшиться на перемѣну своей вѣры. Не истребляютъ ли сами себя сіи два противоположенія? — Человѣкъ, пораженный молніею, способенъ ли къ размышленіямъ? Итакъ надлежитъ утверждать, что разговоръ Павла съ своею совѣстію происходилъ не во время грома, а при дальнѣйшемъ продолженіи пути, или въ Дамаскъ. Но если такъ, то могъ ли Павелъ представлять его въ видѣ разговора съ самимъ Іисусомъ Христомъ во время грома? — Это могъ сдѣлать стихотворецъ, а не Апостоль.

Кромѣ сего, надобно замѣтить а), что Павелъ неоднократно поставляетъ явленіе (1 Кор. 9, 1; 15, 8; Гал. 1, 1 — 16) ему Іисуса Христа наряду съ дѣйствительнымъ явленіемъ Его прочимъ Апостоламъ, и производитъ изъ него истину и божественность своего апостольства; но все сіе не иначе можно согласить съ

*) Antiq. 3. 4.

правотою Павлова характера, какъ подъ условіемъ, что ему дѣйствительно явился Іисусъ Христосъ. б) Прочіе Апостолы и всѣ христіане безъ сомнѣнія не прежде приняли Савла въ свое сообщество, какъ по строгомъ изслѣдованіи всѣхъ обстоятельствъ его чудеснаго обращенія, совершенно увѣрившись, что онъ не былъ обманутъ собственнымъ воображеніемъ. Что они не были легковѣрны къ прежнему гонителю своему, ясно изъ апостольскихъ Дѣяній (Дѣян. 9, 27. 28).

ВРЕМЯ ОБРАЩЕНИЯ ПАВЛА.

О многимъ причинамъ полезно знать, въ какой именно годъ по вознесеніи Ісуса Христа случилось обращеніе апостола Павла. Но предпріятіе—опредѣлить въ точности сію эпоху, столь важную по отношенію къ хронологіи Дѣяній Апостольскихъ, — сопряжено съ великими неудобствами, не только по причинѣ недостатка ясныхъ свидѣтельствъ, но и по причинѣ разногласія прикровенныхъ указаній, изъ коихъ посредствомъ соображеній надлежитъ вывести правдоподобнѣйшее мнѣніе. Сдѣлаемъ однако же то, что можно, если нельзя сдѣлать всего.

Многіе изъ прежнихъ библейскихъ хромологовъ *) и недавно Зускиндъ **) полагали, что Павелъ обратился ко Христу въ первый годъ по вознесеніи. Но принявъ сіе мнѣніе, надобно утверждать, что происшествія, описанныя въ книгѣ Дѣяній до 9 главы, содержащей исторію обращенія Павлова, случились въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, что, судя по количеству и качеству ихъ, весьма невѣроятно; невѣроятно также и то, чтобы въ продолженіе столь незначительнаго времени христіане до того умножились въ Дамаскѣ, что для истребленія ихъ нужно было посылать туда Савла. Притомъ Павелъ самъ сказываетъ, что во

*) Vid. Spanhemii Dissert. de tempore conversionis Pavlinae. Также Bengel, ordo temporum, и Pearson Annales Pavlinae.

**) In neuem Versuch über chronologische Standpunkte für die Apostelgeschichte in Bengel Archiv, für die Theologie. B. 1 Th. 2 pag. 303, sq. q.

время его обращенія Дамаскъ находился подъ властію аравійскаго царя Ареты; но Сирія въ 33 и 34 годахъ принадлежала еще римлянамъ, и состояла подъ управленіемъ Вителлія. Правда, защитники вышесказаннаго мнѣнія догадываются, что Арета въ самомъ началѣ войны съ Иродомъ Антиппою за Иродіаду (война сія началась въ 34 году) сдѣлалъ нападеніе на Дамаскъ, дабы такимъ образомъ предупредить римлянъ, въ пріязни и содѣйствиіи коихъ Ироду, своему врагу, онъ не могъ сомнѣваться; но сія догадка весьма неосновательна: ибо Арета конечно не былъ столько безразсуденъ, чтобы нападеніемъ на римскія области раздражать противу себя повелителей свѣта. Исторія напротивъ говоритъ, что Вителлій, правитель Сиріи, оставался спокойнымъ зрителемъ борьбы Ирода съ Аретою, и требовалъ отъ кесаря повелѣнія, какъ ему должно поступать въ семъ случаѣ. Но если Арета до полученнаго Вителліемъ приказанія отъ Тиверія — представить его живаго или мертваго въ Римъ — завладѣлъ Дамаскомъ; то остается неизъяснимымъ, почему славолубивый и мужественный Вителлій, который принудилъ нѣкогда парѣскаго царя принести жертву статуямъ Августа и Калигулы *), не отразилъ тотчасъ силы силою, какъ того требовала честь римскаго имени и собственная его слава? Таковое отраженіе онъ, безъ сомнѣнія, сдѣлалъ бы и въ томъ случаѣ, когда бы Арета только осмѣлился окружить своими войсками Дамаскъ, какъ весьма принужденно изъясняютъ слова Павловы (*ἐφρουρεὶ τὴν Δαμασκηνῶν πόλιν, στρεψάσαι Δαμασκὴν γράδην*, 2 Кор. II, 32) Зускиндъ. Еще менѣе можно предполагать въ Аретѣ рѣшимости осадить Дамаскъ, послѣ того, какъ Вителлій, вслѣдствіе Тиверіева повелѣнія — помогать всѣми силами Ироду — собралъ свои войска для войны съ аравіянами.

Но не завоевалъ ли Арета Дамаска и слѣдственно не могло ли послѣдовать обращеніе Павла въ 39 году по Рождествѣ Христовѣ, когда Вителлій, получивъ извѣстіе о смерти Тиверія, возвратилъ свои войска на зимнія квартиры **)? Также невѣроятно: ибо римскій военачальникъ ни въ какомъ случаѣ не позволилъ бы аравійскому владѣльцу ненаказанно расхищать и присвоить себѣ области, находившіяся подъ его управленіемъ. Вообще, доколѣ Вителлій былъ проконсуломъ Сиріи (до 39 года), Дамаскъ

*) Dion. Cass. Hist. Lib. 59, pag. 661.

***) Такъ думали: Wolfius in Curis ad 2 Кор. I, 1. Michaelis Einleitung in N. T. Th. I. § 2, pag. 55. ed 3. Eichhorn in Einleitung. Th. 2, pag. 49.

не могъ быть отнятъ у римлянъ. Значить, обращеніе Павла могло послѣдовать по крайней мѣрѣ не прежде 39 года нашей эры, или 5 лѣтъ по вознесеніи.

По вѣроятнѣйшему соображенію, обращеніе Павла должно послѣдовать въ 40 годъ по Рождествѣ Христовомъ. Сирія не имѣла тогда побѣдоноснаго Вителлія; недѣятельность и безразсудство преемника Тиверіева Калигулы служили ободреніемъ для враговъ римскаго имени, а посему Арета, который за три года предъ тѣмъ разбилъ войска Иродовы *), могъ, надменный успѣхомъ, отважиться на завоеваніе Дамаска. Съ симъ мнѣніемъ согласуются и важнѣйшія изъ хронологическихъ указаній на время обращенія Павлова, которыя находятся въ его посланіяхъ и въ Дѣяніяхъ апостольскихъ. Изъ 1, 19 посланія къ Галатамъ видно, что первое путешествіе Павла въ Иерусалимъ послѣдовало спустя 3 года по его обращеніи. Поелуку Павелъ называетъ здѣсь Іакова младшаго, съ коимъ онъ видѣлся, братомъ Господнимъ, конечно для того, чтобы отличить его отъ Іакова старшаго; то надобно думать, что послѣдній былъ въ живыхъ, когда Апостоль въ первый разъ былъ въ Иерусалимѣ. Во время вторичнаго посѣщенія Павломъ Иерусалима Іаковъ старшій былъ умерщвленъ. Умерщвленіе его должно предварить смерть царя Агриппы, его убійцы, только нѣсколькими мѣсяцами: ибо евангелистъ Лука о послѣдней повѣствуетъ непосредственно за первымъ. А смерть Агриппы, какъ достовѣрно извѣстно, случилась въ 4 годъ царствованія Клавдіева, или въ 44 годъ нашей эры. Итакъ, если обращеніе Павла, какъ мы видѣли, не могло послѣдовать прежде 39 года, и если Іаковъ старшій былъ въ живыхъ во время перваго пребыванія Павлова во Иерусалимѣ и мертвъ во время втораго, то есть въ 44 годѣ; то значить, что первое путешествіе Павла въ Иерусалимъ послѣдовало въ 43 годѣ, и слѣдственно обращеніе его должно быть отнесено къ 40 году по Рождествѣ Христовомъ, или къ 6 году по Вознесеніи. — То же подтверждаетъ и самая причина, по которой предпринято Апостоломъ второе путешествіе въ Иерусалимъ. Гладъ, отъ коего страдала тогда Іудея и по причинѣ коего антиохійцы посылали чрезъ Павла милостыню въ Иерусалимъ, начался въ 4 годъ Клавдіева правленія (въ 44 годъ по Р. Х.) и продолжался, по свидѣтельству Флавія, около двухъ лѣтъ. Но Павелъ, вслѣдствіе пророчества Агава, долженъ былъ, по всей вѣроятности, въ самомъ началѣ бѣдствія отправиться въ

*) Joseph. Ant. 18, 1, seq.

Иерусалимъ для доставленія пособій тамошнимъ христіанамъ. А посему второе путешествіе его придется въ 44 годъ, первое въ 43, слѣдовательно обращеніе его должно послѣдовать въ 40 годъ.

Сказанному нами, по видимому, противорѣчитъ нѣсколько посланіе къ Галатамъ, гдѣ Апостолъ говоритъ, что второе путешествіе въ Иерусалимъ предпринято имъ, спустя не 4, а 14 лѣтъ по его обращеніи. «*Ποτὸν γὰρ ποτε τεσσαράκοντα ἔτην ἔτις ἐξῆλθεν εἰς Ἱερουσαλήμ.*» Но лучшіе изъ древнихъ и новѣйшихъ критиковъ полагаютъ, что въ показанномъ мѣстѣ надобно читать не *διὰ δεκατέσσαρων* (14), а *διὰ τέσσαρων* (4) ἔτων *). Впрочемъ, нѣтъ особенной нужды перемѣнять настоящее чтеніе: ибо наше мнѣніе можетъ быть соглашено съ нимъ удовлетворительно. Именно, Павелъ не говоритъ, чтобы путешествіе, о коемъ упоминаетъ онъ во 2, 1 Галат., было точно второе, а сказываетъ только, что спустя 14 лѣтъ по обращеніи, онъ опять ходилъ въ Иерусалимъ. Судя по сему времени и по дѣламъ, коими онъ занимался въ Иерусалимѣ, весьма вѣроятно, что онъ разумѣлъ подъ симъ третіе свое путешествіе въ Иерусалимъ, описанное въ 15 главѣ Дѣяній. Причина, почему онъ упомянулъ непосредственно за первымъ о третьемъ путешествіи и прешелъ молчаніемъ второе, состояла въ томъ, что онъ при разсказѣ о своихъ путешествіяхъ имѣлъ цѣлю показать свое равенство съ прочими Апостолами, въ доказательство коего второе путешествіе ничего не представляло **).

*) Въ самомъ дѣлѣ, въ знаменитомъ древностию Временикѣ (Chronicon) Пасхальномъ, или Александріюскомъ (Chronicon Paschale pag. 186, edit. Venet. pag. 233. edit. Paris) читается *διὰ τέσσαρων ἔτων*. Притомъ весьма легко показать, какимъ образомъ могло произойти нынѣшнее чтеніе изъ древняго. Переписчикъ вмѣсто *Α* (4) могъ написать *ΙΑ* (14), или вмѣсто *δ* (4) поставить *δεκα* (10). Грамматикъ какой нибудь, замѣтивъ сию ошибку, написалъ на полѣ страницы *τεσσαρων*, которое потомъ внесено въ текстъ. Могло также статься, что какой нибудь грамматикъ, читая въ своемъ кодексѣ *διὰ τέσσαρων*, вспомнилъ 2 Кор. 12, 2, гдѣ стоитъ *δεκατέσσαρων*, и не имѣя времени или охоты раскрыть и свѣрить послѣднее мѣсто, внесъ въ текстъ, или поставилъ на сторонѣ *δέκα*, которое потомъ вошло въ текстъ.

**) Vid. Vogelius in Versuch über chronologische Standpuncte in der Lebensgeschichte Pavli in Gableri Journal für ausserles. Theol. Litter. B. I. pag. 249.

ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ ПАВЛА ПО ОБРАЩЕНІИ.

о обыкновенному порядку вещей, надлежало думать, что Павелъ по своемъ обращеніи будетъ искать случая вступить въ сообщество съ Апостолами, дабы, научившись отъ нихъ таинствамъ новой вѣры, участвовать въ трудахъ апостольскихъ. Такъ, можетъ быть, поступилъ бы всякій другой, но — не Павелъ. Бывъ призванъ къ христіанству и апостольству не *человѣкомъ, ни чрезъ человѣковъ*, но самимъ Іисусомъ Христомъ, онъ отъ Него одинаго ожидалъ наставленія въ великой должности своей, не почитая нужнымъ совѣтоваться о томъ съ *плотію и кровію*, съ кѣмъ либо изъ людей, себѣ подобныхъ. Ананія, преподавшій ему крещеніе, могъ преподавать и нѣкоторыя первыя понятія о предметахъ вѣры; но могъ ли онъ сообщить ему разумѣніе всѣхъ *тайнъ Христовыхъ*, кои впослѣдствіи раскрыты въ посланіяхъ Павловыхъ, и изъ коихъ нѣкоторыя (на прим. тайна обращенія ко Христу язычниковъ, Еф. 3, 4 — 8) были тогда запечатлѣны еще для самыхъ Апостоловъ? —

Евангеліе къ евреямъ, изъ коего, по мнѣнію нѣкоторыхъ критиковъ *), Павелъ заимствовалъ свѣдѣнія о жизни и духѣ ученія Іисуса Христа, въ первые годы по обращеніи Павла еще не существовало. Изъ того, что въ семъ евангеліи упоминается **) о явленіи Іисуса Христа апостолу Іакову (случай, неупомянутый прочими Евангелистами, но упомянутый Павломъ (1 Кор. 15, 7), не слѣдуетъ еще, чтобы оно было читано послѣднимъ. Павелъ

*) Eichhorn in Einleitung in N. T. § 202. 1810.

**) Hieron. in Catal. Script. Eccles. voce: Iacobus.

упоминаетъ и о другихъ нѣкоторыхъ происшествіяхъ, описанныхъ Евангелистами (наприм. объ учрежденіи тайной вечера, 1 Кор. II, 23 — 28); однако же утвердительно говорить, что онъ узналъ о нихъ не изъ евангелій, а изъ непосредственнаго откровенія. Онъ неоднократно въ посланіяхъ своихъ объявляетъ (и мы должны слушать его, оставя всѣ догадки), что все, чему онъ ни поучалъ, открыто ему Духомъ Святымъ (1 Кор. 2). При семъ Учителѣ не было нужды въ земныхъ наставникахъ.

Отъ жестокаго гонителя христіанства до ревностнаго проповѣдника евангелія, отъ фарисея, помраченнаго предрасудками, до великаго учителя языковъ, проповѣдующаго премудрость, сокровенную въ Богѣ, разстояніе великое! Но для Павла оно не существовало. Едва только получилъ онъ тѣлесное прозрѣніе отъ Ананіи, тотчасъ, сообразно предсказанію Іисуса Христа (Дѣян. 26, 18), началъ отверзать духовныя очи другимъ. Быть христіаниномъ и проповѣдывать имя Христово для него значило одно и то же. Онъ уже имѣлъ всѣ качества, потребныя для высокаго служенія апостольскаго. Апостолу надлежало быть самовидцемъ Іисуса Христа: Павелъ видѣлъ Его, и, что важнѣе, видѣлъ не въ состояніи униженія, но въ состояніи славы. Апостольство должно быть избранъ самимъ Іисусомъ Христомъ: Павелъ пріялъ жребій служенія не отъ кого другаго, какъ отъ самого Христа. Апостольство должно быть пріяно Духомъ Святымъ: Павелъ былъ постоянно храмомъ Святаго Духа.

Могли ли дамасскіе раввины стоять противъ устъ новаго проповѣдника христіанства? Имъ оставалось одно средство, столь пріятное фанатизму, прибѣгнуть къ насилію. Оно немедленно употреблено было въ дѣло: положили умертвить Павла. Градоначальникъ дамасскій *), благопріятствуя врагамъ его, окружилъ стражею всѣ выходы изъ города, дабы обреченная на закланіе жертва не могла спастись бѣгствомъ. Но прозорливая попечительность новыхъ братій Павловыхъ по вѣрѣ была гораздо дѣятельнѣе злобной предусмотрительности враговъ его: въ продолженіе

*) Св. Лука (Дѣян. 9, 24) повѣствуетъ, что сами іудеи стерегли ворота, а, по словамъ Павла, ихъ стерегъ дамасскій градоначальникъ (2 Кор. II, 32). Или іудеямъ приписывается то, что они произвели своими просьбами, или нѣкоторые изъ нихъ присоединились къ аравійской стражѣ, дабы указать ей Павла, для нея неизвѣстнаго, или градоначальникъ разумѣется не язычскій, а іудейскій; ибо іудеи въ нѣкоторыхъ городахъ имѣли своихъ градоначальниковъ. O. Kuinoel. commen. in Act. Apos. ad h. I.

ночи онъ спущенъ былъ въ корзину по городской стѣнѣ. Такъ въ самомъ началѣ апостольскаго служенія Павлова открылся неизмѣримый рядъ опасностей и скорбей, сквозь которыя онъ долженъ былъ проходить до самаго конца своей жизни, дабы получить тотъ неувядаемый *вѣнецъ правды*, коимъ онъ хвалился впоследствии (2 Тим. 10, 8).

Изъ Дамаска Павелъ удалился въ Аравию (Гал. 1, 9). Надлежитъ думать, что сіе путешествіе его, такъ какъ и другія, имѣло цѣлю проповѣдь евангелія: впрочемъ подробности его для насъ неизвѣстны; св. Лука даже не упоминаетъ о немъ. Возвратившись изъ Аравіи, Павелъ снова посѣтилъ Дамаскъ, и не смотря на прошедшую опасность, снова проповѣдалъ въ немъ Христа. Отъ обращенія его къ христіанству протекло уже около трехъ лѣтъ, и онъ рѣшился побывать въ Іерусалимѣ, дабы видѣться съ Петромъ (Гал. 1, 18). Къ сему путешествію могло расположить его частию потребность опредѣлить кругъ своего апостольскаго дѣйствования сообразно дѣйствованію прочихъ апостоловъ, частию желаніе видѣть мать Церквей — Церковь іерусалимскую, и соутѣшиться съ самовидцами жизни Іисусъ Христовой преспѣваніемъ христіанства между іудеями, частию наконецъ ревность возвѣстити имя Христово въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ явился упорнымъ гонителемъ онаго.

Іерусалимскіе христіане не могли не слышать о чудесномъ обращеніи Павла. Но трехлѣтнее пребываніе его въ Аравию, съ коею іудеи палестинскіе, особенно въ то время, не имѣли никакого сообщенія, могло привести въ забвеніе его безпритворное усердіе къ новой вѣрѣ, оказанное имъ въ Дамаскѣ. Между тѣмъ весьма живо помнили смерть Стефана, узы и темницы, въ кои вѣрующіе были повергаемы рукою Савла-гонителя. Посему-то іерусалимскіе христіане, не смотря на то, что Павелъ, пришедши въ Іерусалимъ, всячески старался присоединиться къ нимъ, удалялись его, не вѣря, чтобы онъ былъ ученикъ Іисуса. Надлежало представить поручителя въ искренности своихъ намѣреній; Павелъ нашель его въ Варнавѣ, вѣроятно, познакомившемся съ нимъ въ Дамаскѣ. Сей, пользуясь довѣренностію всей іерусалимской Церкви, представилъ его апостоламъ, рассказавъ подробно какъ о чудесномъ обращеніи его, такъ и о ревности за имя Христово. Подозрѣнія кончились, уступивъ мѣсто братской любви, и Павелъ съ тѣхъ поръ началъ обращаться съ апостолами (Дѣян. 9, 28).

Пребываніе его въ Іерусалимѣ сопряжено было съ великою опасностію; три года отсутствія не могли привести въ забвеніе

его измѣны (такъ, безъ сомнѣнія, называли обращеніе Павла ко Христу) предъ великимъ синадріономъ: причина, весьма достаточная для того, чтобы удержаться отъ проповѣданія евангелія въ Иерусалимѣ. Но Павелъ не зналъ страха въ дѣлѣ проповѣди, и безтрепетно возвѣщалъ въ слухъ всѣхъ и каждаго, что распятый Назорейнинъ, коего онъ прежде сего гналъ, есть истинный Мессія, Сынъ Божій! — Іудеи іерусалимскіе въ семъ отношеніи были ничѣмъ не лучше дамасскихъ: составилъ заговоръ на жизнь проповѣдника. Всѣ вѣрующіе увидѣли опасность; одинъ Павелъ не хотѣлъ видѣть оной. Напрасно братія совѣтовали и просили его удалиться: душа его занята была одною мыслію, что Иерусалимъ, бывшій свидѣтелемъ его гоненія на христіанъ, долженъ быть свидѣтелемъ и его ревности по христіанской религіи (Дѣян. 22, 17). Уже онъ готовъ былъ омытъ предъ лицемъ синадріона своею кровію позоръ соучастія въ убійствѣ Стефана; но Промыслъ, который предопредѣлилъ его къ большимъ подвигамъ, не принялъ сей жертвы.

По обыкновенію Павелъ вошелъ во храмъ для молитвы. Кажется, между предметами его молитвъ было и то, чтобы Промыслъ вразумилъ его, долженъ ли онъ остаться въ Иерусалимѣ, или, послѣдую совѣту братій, удалиться. Среди молитвы онъ пришелъ въ восторгъ; ему явился Іисусъ Христосъ, и повелѣвалъ оставить Иерусалимъ, потому что іудеи не примутъ его свидѣтельства. Въ избыткѣ святой ревности, Павелъ представлялъ, что іерусалимяне, соблазненные его прежнею жестокостію къ христіанамъ, ни отъ кого съ такою убѣдительностію не могутъ слышать проповѣдь евангелія, какъ отъ него, и что примѣръ его можетъ возвратитъ на путь правый тѣхъ, кои, подобно ему, имѣютъ ревность безъ разсужденія. Но Господь объявилъ ему, что онъ предназначенъ быть Апостоломъ язычниковъ, а не іудеевъ (Дѣян. 22, 17—21); Павелъ повиновался, — и былъ препровожденъ вѣрующими сначала въ Кесарію, а потомъ въ Тарсъ, мѣсто его рожденія (Дѣян. 9, 30). — Это было въ началѣ 44 года по Рождествѣ Христовомъ. Между тѣмъ христіане, разсѣянные гоненіемъ Стефана, пронесли слово евангелія до Финикіи, Кипра и Антіохіи (Дѣян. 9, 1—19). Въ послѣдней проповѣдь евангельская оказала силу надъ столь многими душами, что христіане іерусалимскіе, услышавъ о семъ, почли за нужное отправить туда Варнаву, для укрѣпленія ихъ въ вѣрѣ. Господь благословилъ труды сего добродѣтельнаго мужа; но жатва была такъ богата, что требовала не одного, а многихъ дѣлателей. Зная отличныя дарованія и рев-

ность Павла; а можетъ быть, и его предназначеніе въ учителя язычниковъ (изъ коихъ большею частію состояла Церковь антиохійская), Варнава отправился за нимъ въ Киликію, и нашелъ его въ Тарсѣ, привелъ съ собою въ Антиохію (Дѣян. II, 25).

Здѣсь Павелъ вмѣстѣ съ Варнавою цѣлый годъ трудился надъ образованіемъ Церкви. Успѣхъ былъ столь великъ, что Церковь антиохійская впослѣдствіи содѣлалась, какъ извѣстно, матерію восточныхъ Церквей. Св. Лука при семъ случаѣ замѣчаетъ, что ученики въ Антиохіи первые начали называться именемъ христіанъ *); поелику же они такъ названы, какъ полагаютъ, отъ частаго употребленія Христова имени: то черта сія даетъ разумѣть, что имя Христа было непрестанно не только въ сердцѣ, но и на языкѣ учениковъ Павловыхъ. Такъ вѣрно и постоянно исполнялъ онъ свое намѣреніе, не казаться знающимъ что-либо, кромѣ Іисуса Христа и того распятаго! Предсказаніе пророка Агава о имѣющемъ послѣдовать гладѣ, который долженъ былъ отяготѣть особенно надъ христіанами іерусалимскими, потерпѣвшими отъ іудеевъ разграбленіе имуществъ, расположило антиохіянъ сдѣлать имъ братское пособіе. Павелъ по сему случаю снова восходилъ во Іерусалимъ для доставленія собранной милостыни. Если происшествія, описанныя въ 12 главѣ Дѣяній (убіеніе апостола Іакова Иродомъ, заключеніе и чудесное освобожденіе Петра, внезапная смерть Ирода, убійцы Іакова), случились, какъ надлежитъ думать, во время пребыванія Павлова въ Іерусалимѣ; то оно продолжалось около года; подробности его неизвѣстны (Дѣян. II, 26—12 гл.).

*) Что не сами христіане назвали себя симъ именемъ, видно изъ того, что они и послѣ долго не употребляли онаго, довольствуясь прежними именами (учениковъ, вѣрующихъ, назореевъ), и что самъ Павелъ ни однажды не употребилъ его въ своихъ посланіяхъ.

ПРОСВѢЩЕНІЕ ПУТЕШЕСТВІЯ СВ. ПАВЛА.

о возвращеніи изъ Іерусалима Павелъ недолго оставался въ Антиохіи; уже наступило время, въ которое ему надлежало явиться на великомъ поприщѣ учителя язычниковъ. Онъ и прежде проповѣдывалъ имъ евангеліе; но его голосъ сливался съ голосами другихъ проповѣдниковъ: онъ назидалъ на основаніи, положенномъ другими; между тѣмъ какъ ревность къ распространенію истины побудила его проповѣдывать тамъ, гдѣ еще не было извѣстно имя Христово.

Къ толь великому подвигу Павелъ приготовленъ былъ новымъ, чрезвычайнымъ откровеніемъ, о коемъ упоминается въ 12, 1—5 втораго посланія къ Коринѳянамъ, и которое, по вѣроятнѣйшему соображенію хронологическому *), должно быть относимо къ сему времени. Сущность и образъ сего откровенія описаны самимъ Павломъ въ слѣдующихъ чертахъ: *«вѣль чловѣка во Христѣ, прежде лѣтъ четырнадцати (аще въ тѣлѣ, не вѣль, аще ли кроль тѣла, не вѣль; Богъ вѣсть) восхищена бывша таковаго до третяго небесе. И вѣль такова чловѣка; аще въ тѣлѣ, или кроль тѣла, не вѣль, Богъ вѣсть; яко восхищень*

*) Второе посланіе къ Коринѳянамъ написано Павломъ, какъ достовѣрно полагають историки (V. Berthold Einleitung in N. T.), въ 58 годъ по Р. Хр.; поеліку же откровеніе, о коемъ здѣсь говорится, послѣдовало, по словамъ самого Павла, за 14 лѣтъ предъ тѣмъ: то оно приходится въ концѣ 44 или въ началѣ 45 года по Р. Х. — въ то самое время, около котораго начались апостольскія путешествія Павловы.

бысть въ рай, и слыша неизреченны глаголы, ихъ же не лѣтъ есть человѣку глаголати» (которыхъ человѣкъ пересказать не можетъ). Хотя Апостолъ говоритъ здѣсь о себѣ въ третьемъ лицѣ, впрочемъ нельзя сомнѣваться, что онъ изображаетъ себя самого. Къ такому заключенію ведетъ уже краткое вступленіе, коимъ начинается повѣствованіе объ откровеніи: *«похвалитися не пользуетъ ми; прииду бо (однакожь приступлю) въ видѣнія и откровенія.»* Тогоже заключенія требуютъ и слѣдующія за повѣствованіемъ слова: *«и за прелюбая откровенія, да не превозношуся, дадеса ми пакостникъ плоти, ангель сатанитъ, да ми пакости дѣетъ, да не превозношуся»*, — которыя будутъ излишними, по крайней мѣрѣ совершенно неожиданными, если предшествующаго повѣствованія не разумѣть о самомъ Апостолѣ. Самая цѣль, для которой упоминается объ откровеніи, не позволяетъ относить словъ Павловыхъ къ комунибудь другому, кромѣ Павла. Ибо Апостолъ хотѣлъ доказать чрезъ сіе истину своего апостольскаго достоинства, приводимую въ подозрѣніе лжеучителями; но въ семъ отношеніи разсказъ о чужомъ опытѣ ничего не доказывалъ бы въ пользу Павла. — Касательно самаго откровенія представляются вниманію слѣдующіе вопросы: что за состояніе, въ коемъ находился Павелъ? куда онъ былъ восхищенъ и что слышалъ? для чего дано такое откровеніе, коего человѣку невозможно пересказать?

Состояніе Павла въ продолженіе откровенія было таково, что онъ самъ не могъ дать въ немъ отчета. «Въ тѣлѣ ли», говоритъ онъ, «находился я тогда, было ли со мною тѣло, или внѣ тѣла, одна душа оставалась — не знаю; Богъ одинъ знаетъ.» И прочіе св. мужи, когда получали откровенія, разрѣшались, болѣе или менѣе, отъ узъ тѣлесной природы, возносились въ область своего духа; но для Павла въ продолженіе откровенія сіи узы какъ бы вовсе не существовали: онъ весь былъ въ духѣ, а духъ весь въ Богѣ. Для всемогущества Божія, конечно, ничего не значило на время совершенно восхитить душу Павлову изъ тѣла; но трудно усмотрѣть необходимость въ такомъ безпримѣрномъ для самыхъ святыхъ людей отлученіи въ живомъ человѣкѣ души отъ тѣла *). Міръ духовный, куда восхищенъ былъ Павелъ, какъ неподлежащій пространству, существуетъ вездѣ; а посему требуется только, чтобы въ духѣ человѣка раскрылась

* Злат. въ толк: на 2 посл. къ Кор.

способность къ сообщенію съ нимъ, и онъ, оставаясь въ тѣлѣ, безъ всякой перемѣны мѣста, можетъ быть на небѣ — въ обществѣ Ангеловъ и блаженныхъ душъ. Раскрытіе таковой способности, по необходимости, сопряжено съ ослабленіемъ обыкновеннаго союза души съ тѣломъ, съ нѣкоторымъ бездѣйствіемъ низшей, чувственной природы: ибо тѣло тѣлнное, какъ замѣчаетъ Премудрый (Прем. 9, 16. 17), отягощаетъ душу и земное жилище обременяетъ умъ и не попускаетъ ему возноситься въ свойственную ему область духовъ.

Духовная область, въ коей находился Апостоль, называется третьимъ небомъ и раемъ. Позднѣйшіе іудеи отличаютъ семь небесъ *); но ихъ третье небо низко для Павла. Въ св. писаніи, кромѣ воздушнаго и звѣзднаго неба, упоминается о небесахъ небесъ (Псал. 115, 8). Сіи небеса, вѣроятно, разумѣлъ и Апостоль подъ третьимъ небомъ. Названіе рая, хотя также не совсѣмъ опредѣленное, опредѣляетъ однако же понятіе третьяго неба. Основываясь на значеніи сего слова, должно полагать, что Павелъ былъ восхищенъ въ міръ духовный, въ блаженное жилище небожителей: здѣсь-то слышалъ онъ такія слова, кои невозможно пересказать. По видимому, если можно было слышать, то можно и пересказать; но онъ слышалъ ихъ, находясь въ возвышенномъ, сверхъ-естественномъ состояніи духа. Послѣ того, какъ онъ низшелъ съ сея высоты въ обыкновенное состояніе, когда духъ его паки заключился въ темницѣ плоти: хотя осталось въ душѣ нѣкоторое представленіе о предметахъ небесныхъ, но для выраженія ихъ уже не находилось словъ на языкѣ человѣческомъ.

Такое откровеніе, не смотря на то, что его невозможно было пересказать другимъ, имѣло полезную цѣль какъ въ отношеніи къ самому Апостолу, такъ и въ отношеніи ко всѣмъ вѣрующимъ: оно показывало, какъ замѣчаетъ Златоустъ, что Павелъ ничѣмъ не ниже прочихъ Апостоловъ; кромѣ сего, могло служить къ утѣшенію и ободренію Апостола на его многотрудномъ поприщѣ. Подобнымъ образомъ изъ него могутъ почерпнуть назиданіе и утѣшенія всѣ вѣрующіе. Въ апостолѣ Павлѣ, восхищенномъ въ рай, мы имѣемъ очевиднаго свидѣтеля будущаго блаженства праведныхъ.

Упомянувъ объ откровеніи, данномъ Павлу, нельзя прейти

*) 1) Завѣса, 2) протяженіе или твердь, 3) облака, 4) обиталище, 5) обитаніе, 6) постоянное жилище, 7) аработъ. V. Weststenius ad h. I.

молчаніемъ и другаго обстоятельства, о которомъ онъ упоминаетъ непосредственно за симъ откровеніемъ. *За прелюбая откровенія*, говоритъ онъ, *да не превозношуся, дадеся ли пакостникъ плоти* (*σχήλοφ τῆ σαρκί*, жало въ плоть), *ангелъ сатанинъ, да ли пакости дѣтетъ, да не превозношуся*. Нѣкоторые, въ слѣдъ за Златоустомъ, изъяснили сіе о противникахъ, съ коими надлежало бороться Павлу, каковъ былъ напр. Александръ Ковачъ, на коего онъ жаловался во второмъ посланіи къ Тимоѳею (4, 14). Въ самомъ дѣлѣ, ангеломъ, или посланникомъ сатаны, по утребленію сихъ словъ въ ветхомъ завѣтѣ, могъ быть названъ какой нибудь упорный противникъ истины, поощряемый сатаною. Но выраженіе: *жала въ плоть*, показываетъ, что источникъ страданій Апостола сокрывался въ его тѣлѣ — въ какомъ-либо недугѣ тѣлесномъ, который мучилъ Апостола особенно тѣмъ, что препятствовалъ его ревности въ дѣлѣ проповѣди. Съ симъ мнѣніемъ согласуется и древнѣйшее преданіе. Еще Тертуліанъ *) разумѣлъ подъ жаломъ плоти болѣзнь въ ухахъ; а Іеронимъ **) вообще болѣзнь головы. Посланицею сатаны названа сія болѣзнь не потому, чтобы она была непосредственнымъ произведеніемъ духа злобы: ибо, говоря словами Златоуста, могъ ли диаволъ имѣть власть надъ тѣломъ Павла, когда самъ подлежалъ его власти, какъ рабъ? но или по своей лютости, или по ея дѣйствіямъ, которыя клонились во вредъ христіанству, и слѣдственно въ пользу царства тьмы.

Само путешествіе Апостола для проповѣди язычникамъ было предпринято вслѣдствіе откровенія нѣкоторымъ изъ предстоятелей апостольской Церкви (Дѣян. 13, 2). Духъ Святыи повелѣлъ, чтобы Савлъ и Варнава отдѣлены были на дѣло, для котораго Онъ ихъ призвалъ, то есть, на проповѣдь язычникамъ. Въмѣсто всѣхъ напутственныхъ приготовленій совершили постъ, и по молитвѣ, возложивъ руки на избранныхъ, отпустили ихъ въ путь. Въмѣстѣ съ ними отправился и Іоаннъ Маркъ, сродникъ Варнавинъ. Но опытъ вскорѣ докажетъ, что онъ былъ еще неспособенъ раздѣлять съ Павломъ труды апостольства.

Кто, смотря на сихъ бѣдныхъ, безславныхъ путниковъ, могъ думать, что они вскорѣ низпровергнуть тѣхъ идоловъ, предъ коими, послѣ нѣкоторыхъ неудачныхъ опытовъ противоборства, съ благоговѣніемъ преклонилась витійственная мудрость филосо-

*) In libro de Pudicitia.

**) In Catal. illust. vir. sub v. Paulus.

фовъ Греціи и Рима; что они, среди развращеннѣйшихъ городовъ Азіи и Европы, гдѣ нечестіе было уполномочено закономъ, гдѣ былъ самый престолъ сатаны, — изъ ихъ же развращенныхъ гражданъ образуютъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ совершеннѣйшія общества людей, каковыхъ самыя Платоны могли только желать, не имѣя надежды увидѣть на самомъ дѣлѣ? — Но гдѣ творится дѣло Божіе, тамъ все становится возможнымъ. Богъ положилъ буйствомъ проповѣди спасти міръ, — и проповѣдь Павла должна была произвести чудеса.

Бывъ посланы Духомъ Святымъ, путешественники не имѣли и другаго руководителя въ пути, кромѣ сего Духа. Сначала прибыли они въ Селевкію, приморскій городъ, лежащій противъ острова Кипра *). Отсюда отплыли въ Кипръ — отечество Варнавы (Дѣян. 4, 36). Сіе послѣднее обстоятельство и, можетъ быть, слухъ, что въ Кипрѣ находились уже нѣкоторые изъ христіанъ, были причиною того, что сей многолюдный островъ первый удостоился слышать благовѣстіе Павлово. Огласивъ саламинскія **) синагоги именемъ Іисуса Христа, проповѣдники прошли потомъ весь островъ до Пафа, славившагося служеніемъ Венерѣ ***). Здѣсь чудодѣйственная сила Божія открылась (сколько извѣстно) въ первый разъ въ Павлѣ. Тамошній проконсулъ Сергій Павелъ, коего писатель Дѣяній называетъ человѣкомъ разумнымъ, пожелалъ слышать слово Божіе. Но нѣкто іудейнинъ, именемъ Варісусъ, который выдавалъ себя за волшебника и пользовался довѣренностію проконсула, всемѣрно старался отвратить его отъ вѣры. Павелъ, исполнясь Святаго Духа, устремилъ на него взоръ и сказалъ: «О, исполненный всякаго коварства и всякаго злодѣянія, сынъ діавола, врагъ всякой правды! перестанешь ли ты совращать съ прямыхъ путей Господнихъ? — Вотъ нынѣ на тебя рука Господня: ты будешь слѣпъ и не увидишь солнца до времени.» — Волхвъ тотчасъ ослѣпъ; а изумленный симъ чудомъ проконсулъ немедленно принялъ крещеніе.

Отселѣ евангелистъ Лука въ своемъ повѣствованіи о путешествіяхъ Апостола постоянно называетъ его Павломъ, между тѣмъ какъ

*) Plin. Hist. Nat. 5, 18. Strab. Lib. 14.

**) Саламинъ лежитъ на восточной сторонѣ Кипра, а Пафъ на западной. Herod. 4, 162; Strab. 14, 682.

***) Поселу она и называлась: Paphia Venus (Венера Пафская), Paphi Regina (царица Пафская). Hor. Od. 1, 30.

до сего времени всегда называлъ его Савломъ. Такая перемѣна заставляетъ думать, что Апостолъ около сего времени перемѣнилъ прежнее свое имя на новое. Иеронимъ рѣшительно полагалъ, что Савлъ называлъ себя Павломъ по случаю обращенія проконсула Павла, дабы въ новомъ имени своемъ имѣть какъ бы нѣкоторый знакъ столь славной побѣды надъ знаменитымъ римляниномъ, подобно какъ римскіе военачальники получали прозванія отъ имени городовъ и областей, ими покоренныхъ *). Но таковой знакъ очевидно несомѣстенъ съ смиреніемъ Апостола, который весь успѣхъ своей проповѣди всегда приписывалъ не себѣ, а благодати. Посему многіе отцы Церкви (Златоустъ, Амвросій и друг.) держались мнѣнія, что Апостолъ перемѣнилъ свое имя еще при крещеніи. Въ подтвержденіе сего указываютъ на обыкновеніе іудеевъ означать важныя событія въ своей жизни перемѣною имени. Но если такъ, то почему св. Лука началъ употреблять имя Павла не прежде, какъ по обращеніи проконсула? — Нельзя не признать, что сіи два событія (обращеніе проконсула и перемѣна имени) находятся въ связи: итакъ, въ чемъ состоитъ сія связь? — Вѣроятно, проконсулъ, изъ любви и уваженія къ Павлу, предложилъ ему свое имя, какъ то дѣлывали и другіе знаменитые римляне съ людьми, ими любимыми и уважаемыми; а Павелъ не отрекся принять предложеннаго имени, которое по своему значенію совершенно соотвѣтствовало его смиренію, вслѣдствіе коего онъ называлъ себя меньшимъ (*ἐλάχιστος*) изъ Апостоловъ. Впрочемъ, обращеніе проконсула могло имѣть вліяніе на употребленіе имени Павла и въ томъ случаѣ, если Савлъ принялъ сіе имя еще при крещеніи. Доселѣ оно, какъ еще малоизвѣстное, оставалось безъ употребленія; но съ сего времени Апостолъ, изъ уваженія къ вѣрѣ проконсула и, можетъ быть, по его просьбѣ, началъ постоянно употреблять оное: а такимъ образомъ прежнее имя Савла вышло изъ употребленія. — Всего невѣроятнѣе мнѣніе тѣхъ, кои догадываются, что Апостолъ перемѣнилъ имя для того, дабы не узнавали въ немъ прежняго гонителя христіанства. Съ симъ намѣреніемъ онъ не избралъ бы имени *Павла*, которое по сходству звуковъ неволью приводило на память *Савла*. Равнымъ образомъ неважно мнѣніе и тѣхъ, кои говорятъ, что Апостолъ еще при обрѣзаніи получилъ два имени. Іудеи давали иногда при обрѣзаніи по два имени; но всегда избирали несходныя по звуку.

*) In Catal. illust. vir. sub voce: Pavlus.

Изъ Пафа проповѣдники отплыли на твердую землю, въ Малую Азію. Здѣсь Маркъ отсталъ отъ нихъ (Дѣян. 13, 13; сл. 15, 38) и возвратился въ Іерусалимъ вопреки желанію Павла и Варнавы. Послѣдніе чрезъ Пергію Памфілійскую *) достигли Писидійской Антіохіи. Въ слѣдующую субботу Апостоль со своими спутниками явился въ тамошней синагогѣ. Послѣ обыкновеннаго чтенія изъ закона, начальникъ ея предложилъ посѣтителямъ сказать что нибудь въ назиданіе и утѣшеніе братій. Нельзя было ожидать лучшаго случая для проповѣди. — Обширная нива представлялась сама собою, — и Павелъ началъ щедрою рукою бросать сѣмена благовѣстія. Напомнивъ о благодѣяніяхъ, коими Богъ ущедрялъ народъ еврейскій, какъ Онъ извелъ его изъ Египта, питалъ чудеснымъ образомъ въ пустынь, даровалъ имъ судей для управленія и защищенія, наконецъ избралъ на царство прежде Саула, а потомъ Давида, мужа по сердцу своему, Павелъ утверждалъ, что обѣтованіе, данное Давиду о имѣющемъ произойти изъ потомства Его Мессіи, сбылось на Іисусѣ, который предъ появленіемъ своимъ былъ возвѣщенъ Іоанномъ Крестителемъ; но не признанный первосвященниками, осужденъ на смерть и распятъ сообразно предсказаніямъ о немъ пророковъ. Впрочемъ, Богъ воскресилъ Его изъ мертвыхъ, и Онъ явился по воскресеніи многимъ изъ учениковъ, что также предвозвѣщено было пророками и самимъ Давидомъ. Во имя сего-то воскресшаго Мессіи возвѣщается вѣрующимъ въ Него отпущеніе грѣховъ и оправданіе, коего не могъ доставить законъ. А посему іудеямъ должно быть осторожными, дабы, по примѣру первосвященниковъ, отвергнувъ Іисуса Христа, не подвергнуться ужасной казни, коею Богъ угрожаетъ презрителямъ Сына Своего (Дѣян. 13).

Рѣчь сія произвела сильное впечатлѣніе въ слушателей. Многіе изъ іудеевъ и прозелитовъ **) послѣдовали за Апостоломъ, дабы получить отъ него обстоятельнѣйшее наставленіе въ вѣрѣ. Въ слѣдующую субботу почти *весь городъ собрался слушать слово Божіе*. Но толь счастливому началу не соотвѣтствовалъ конецъ. Іудейскіе раввины не могли снести равнодушно, видя, что бѣдныя пришелицы сдѣлались предметомъ уваженія для всего города; можетъ быть, соблазняла ихъ и свобода, съ которою Апостолы, во-

*) Она лежала во Фригіи и названа такъ въ отличіе отъ Антіохіи Сирской Plin. Hist. 5, 27.

**) Прозелитами назывались язычники, обратившіеся къ іудейской религіи.

преки обыкновенію іудеевъ, обращались съ язычниками: исполнившись зависти и злобы, они, вмѣсто того, чтобы примѣромъ своимъ располагать другихъ въ пользу новаго ученія, начали противорѣчить проповѣдникамъ и злословить. «Вамъ,» отвѣчалъ при семъ случаѣ Павелъ со всею важностію божественнаго посланника, вамъ во первыхъ надлежало быть проповѣдану слову Божію; но какъ вы отвергаете оное и сами себя дѣлаете недостойными вѣчной жизни, то мы теперь обращаемся къ язычникамъ, ибо такъ намъ повелѣлъ Господь.» Слова сіи тѣмъ болѣе расположили въ пользу евангелія язычниковъ, кои никогда не замѣчали подобнаго безпристрастія въ іудейскихъ раввинахъ; ибо послѣдніе всегда полагали великое различіе между іудеемъ и еллиномъ. Но тѣмъ болѣе возрастала и ненависть іудеевъ. Не имѣя возможности дѣйствовать противъ Апостоловъ собственными силами, они возбудили противъ нихъ нѣкоторыхъ женщинъ, славившихся набожностію и знаменитостію рода (любимое орудіе фанатизма!). Вліяніе послѣднихъ на городскихъ правителей сдѣлало то, что Павелъ и его спутники, отряси прахъ отъ ногъ своихъ, оставили Антиохію (Дѣян. 13, 44 — 52).

Подобные плоды принесла проповѣдь Павла въ Иконію. Великое число язычниковъ и іудеевъ признало надъ собою побѣду евангелія: но нѣкоторые изъ послѣднихъ были столь упорны, что отвращали отъ вѣры и другихъ. Постоянство Апостоловъ, которые, не смотря на опасность, продолжали трудиться надъ обращеніемъ заблудшихъ, дало время созрѣть злобѣ враговъ ихъ. Дошло до открытаго возмущенія: весь городъ раздѣлился на двѣ части, изъ коихъ одна почитала Павла и Варнаву за посланниковъ Божіихъ, другая обвиняла ихъ, какъ враговъ отечественной религіи. Уже неистовая толпа народа, предводимая своими слѣпыми вождями, текла для умерщвленія свидѣтелей истины; но они, бывъ заблаговременно предварены объ угрожающей имъ опасности, удалились въ ликаонскіе города Листру и Дервію (Дѣян. 14, 1 — 7).

Здѣсь чудодѣйственная сила Павлова оказала самое необыкновенное дѣйствіе на сердца жителей; доказательствомъ сему служитъ слѣдующій случай: между слушателями Павловыми находился одинъ нищій, который не владелъ ногами отъ самаго рожденія. Сила слова, а можетъ быть и слухъ о необыкновенныхъ дѣяніяхъ новыхъ проповѣдниковъ столько расположили его къ христіанству, что онъ въ духѣ живой вѣры ожидалъ отъ нихъ себѣ исцѣленія. Павелъ прочелъ его сердце на его лицѣ и именемъ Ісуса Христа велѣлъ ему встать на ноги и ходить; хромымъ вскочилъ, какъ бы никогда не былъ хромъ. Такое чудо должно

было увѣрить всякаго въ непосредственномъ содѣйствіи Божіемъ тому человѣку, который произвелъ его; но въ глазахъ ликаонцевъ-идолопоклонниковъ оно казалось признакомъ непосредственнаго присутствія самыхъ боговъ. «Боги,» говорили они, «въ человѣческомъ образѣ сошли къ намъ.» Варнава, какъ старшій дѣлами, почтенъ былъ за Юпитера, а Павелъ, отличавшійся даромъ слова, за Меркурія *). Вѣсть о явленіи боговъ немедленно распространилась по всему городу. Жрецъ Юпитера спѣшилъ приготовить жертву и вывелъ за городъ (гдѣ было произведено чудо) воловъ, увѣнчанныхъ вѣнками, дабы вмѣстѣ съ народомъ совершить жертвоприношеніе.

Чудотворцы не менѣе ликаонцевъ поражены были изумленіемъ, когда узнали, что имъ готовится божеская почеть. Раздравъ одежды свои, они бросились въ средину народа (который, вѣроятно, нѣсколько удался отъ нихъ изъ благоговѣнія), восклицая: «Братія! что вы дѣлаете? Мы не боги, а люди, вамъ подобные. Мы проповѣдуемъ, чтобы вы оставили ложныхъ боговъ, вами почитаемыхъ, и обратились къ единому истинному Богу, который есть Творецъ неба и земли. Онъ попустилъ язычникамъ ходить до времени своими путями, слѣдовать своему нечистому образу мыслей о Богѣ; впрочемъ никогда не оставлялъ ихъ безъ свидѣтельства о своемъ бытіи. Блага, коими вы наслаждаетесь, дожди, упадающіе съ неба, благораствореніе воздуха, плодоносіе полей и виноградовъ вашихъ, все сіе есть даръ Его отеческой десницы.» Сіи разительныя слова едва убѣдили суевѣрный народъ оставить свое безумное намѣреніе.

Неумовѣрное уваженіе ликаонцевъ къ Павлу и Варнавѣ заставляло ожидать, что весь городъ ихъ обратится ко Христу. Такъ конечно и было бы; но іудеи превратили все дѣло. Возпрепятствовавъ успѣхамъ евангелія въ Антиохіи и Иконіи, они не могли равнодушно слышать объ успѣхахъ Апостоловъ между ликаонцами,

*) Почему ликаонцы почли Апостоловъ за Юпитера и Меркурія, а не за другихъ какихъ-либо боговъ? 1) Древніе язычники вѣрили, что боги посѣщаютъ иногда города, имъ посвященные, а въ Листрахъ былъ храмъ Юпитера (Дѣян. 14, 3). Вѣроятно также, что и Меркурію, какъ богъ торговли, уважаемый особенно всѣми жителями Малоі Азіи, имѣлъ храмъ въ семь городѣ. 2) Изъ мифологіи извѣстно, что Меркурію имѣлъ обыкновеніе сопровождать Юпитера во время его низшествія на землю (Ovid. Metam. 8, 626; Fast. 5, 495; Plautus Amphit. 1, 1, 1. 3). Каждый ликаонецъ содержалъ въ свѣжей памяти басню о посѣщеніи Филемона и Бавкиды Юпитеромъ и Меркуріемъ, что случилось во Фригіи, смежной съ Листрами. (Ovid. Met. 8, 611).

пришли въ Листру и клеветами своими до того довели безсмысленный народъ, что онъ побилъ камнями того самаго человѣка, который недавно почитаемъ былъ за Меркурія. Изнемогшій подъ ударами, Павелъ палъ на землю и почитаемый за мертваго, былъ вытащенъ за городъ, какъ злодѣй, недостойный погребенія. Какое торжество для злобныхъ враговъ его! Но истина безсмертна. Тѣ изъ лустрянъ, кои остались вѣрными Христу, собрались вокругъ своего полумертваго учителя: подкрѣпляемый богатіемъ и чистою совѣстію, онъ собралъ силы свои, всталъ и въ сопровожденіи ихъ возвратился въ городъ. Поелику нельзя было ожидать успѣха проповѣди надъ ожесточеннымъ народомъ; то Павелъ удалился изъ Листры въ Дервію. Бѣдствіе, претерпѣнное имъ въ первой, вознаграждено было духовнымъ утѣшеніемъ въ послѣдней: здѣсь многіе со всѣмъ усердіемъ присовокупились къ числу учениковъ Господа (Дѣян. 14).

Нельзя при семъ случаѣ не замѣтить, что между противниками христіанской религіи всегда почти первые и упорнѣйшіе были іудеи: замѣчаніе, оправдываемое не только исторіею апостольскаго служенія Павлова, но и всею исторіею христіанства первыхъ вѣковъ. Закоренѣлый предрасудокъ, что они одни, вслѣдствіе завѣта Божія съ Авраамомъ, имѣютъ право на благодѣянія Божіи, ниспосланныя въ лицѣ Мессіи, ложное мнѣніе, что исполненія обрядоваго закона достаточно для оправданія себя предъ судомъ Божиимъ, и другіе предрасудки, питаемые гордостію и корыстолюбіемъ, преграждали путь къ сердцамъ іудеевъ благотворному ученію о вѣрѣ въ Іисуса Христа. Имъ нужна была не такая религія, которая сравнивала бы ихъ съ язычниками, ими презираемыми, а такая, которая еще болѣе возвышала бы ихъ мнимыя права и преимущества. Не таково было состояніе язычниковъ. Имъ не чѣмъ было хвалиться по плоти; они не считали между своими предками Авраамовъ и Давидовъ, *не участвовали въ завѣтахъ обѣтованія, не имѣли надежды и были какъ бы безъ Бога въ мірѣ* (Ефес. 2, 12). Приверженность къ бездушнымъ идоламъ, ослабляемая философіею и здравымъ смысломъ, уже давно погасла во многихъ; потребность новой, лучшей религіи давно пробудилась и содѣлалась почти всеобщею потребностію времени: посему-то многіе изъ язычниковъ уже тайно или явно держались іудейства, которое, при всѣхъ несовершенствахъ своихъ, привлекало сердца служеніемъ единому Богу. Но іудеи, позволяя язычникамъ участвовать въ своихъ благочестивыхъ собраніяхъ и раздѣляя съ ними надежду жизни вѣчной, не преставали однако

же выставять предъ ними свое преимущество; не стыдились твердить, что язычникъ не иначе можетъ войти въ рай, какъ подъ ризою іудея. Итакъ могли ли язычники равнодушно слушать провозвѣстниковъ евангелія, которые отверзали для нихъ врата царствія небеснаго, затворяемыя раввинами; могли ли не прославлять благодѣль Божію (Дѣян, 13, 48), которая простерла и на нихъ отеческій взоръ свой, даруя имъ религію, коея давно искало ихъ сердце? — Естественно, что они охотнѣе іудеевъ преклонялись подъ легкое иго евангелія и постояннѣе носили оное.

На возвратномъ пути въ Антиохію Павелъ снова посѣтилъ учениковъ въ Листрѣ, Иконіи и Антиохіи Писидійскѣй. Въ его отсутствіе они должны были потерпѣть много озлобленій какъ отъ іудеевъ, такъ и отъ язычниковъ, остававшихся во тьмѣ идолопоклонства: а посему присутствіе его было для нихъ присутствіемъ ангела-утѣшителя. Земныя утѣшенія не могли имѣть мѣста въ семъ случаѣ: вѣра питается не землею, а небомъ. Павелъ старался открыть для нихъ неисчерпаемый источникъ утѣшенія въ самомъ существѣ принятой ими религіи, вразумляя ихъ, что царствіе Божіе, внутреннее соединеніе съ Богомъ въ духѣ, не иначе можетъ быть достигаемо, какъ путемъ скорбей и искушеній. Для устроенія внѣшняго порядка между новообращенными и для распространенія истинной вѣры и святой дѣятельности, онъ рукоположилъ къ каждой церкви пресвитеровъ, и препоручивъ ихъ Господу, отправился въ дальнѣйшій путь. Прошедъ чрезъ Пергію, въ коей проповѣдали слово Божіе, путешественники достигли Атталіи, изъ коей отплыли обратно въ Антиохію. По прибытіи ихъ немедленно собрались всѣ вѣрующіе: каждый желалъ слышать объ успѣхахъ проповѣди. Повѣствованіе Павла исполнило сердца всѣхъ радостию и благодареніемъ Промыслу, который отверзъ дверь вѣры для язычниковъ.

Въ апостольскихъ Дѣяніяхъ не сказано, какъ долго продолжалось первое путешествіе Павлово для обращенія язычниковъ. Надобно полагать, что въ продолженіе его протекло около двухъ лѣтъ. Надлежало употреблять время и на путешествіе, и на проповѣдь, и на устроеніе новосоздаемыхъ Церквей. О пребываніи Павла въ Иконіи именно сказано (Дѣян. 14, 3), что оно продолжалось довольно долго (*ικανός χρόνος*). При томъ Апостолы, какъ можно заключать изъ 14, 6, проповѣдывали и въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ, о коихъ не упоминаетъ св. Лука.

Пробывъ не малое время въ Антиохіи, Павелъ долженъ былъ въ третій разъ идти въ Іерусалимъ. Поводомъ къ сему путеше-

ствію было безпокойство, происшедшее въ антиохійской Церкви, коего виновниками были христіане іудействующіе. Пришедъ изъ Іерусалима, сіи безпокойные люди начали внушати братіямъ, что безъ соблюденія обрядоваго закона, особенно безъ обрѣзанія, не возможно получить спасеніе. Павелъ съ Варнавою ревностно стали противъ сего заблужденія, столь несомвѣстнаго съ свободою христіанскою: уваженіе, коимъ они пользовались за апостольскіе труды свои, дѣлало ихъ мнѣніе важнымъ; но палестинскіе выходцы могли ссылаться на примѣръ старѣйшихъ Апостоловъ, на обыкновеніе іерусалимской Церкви и тому подобное. Споры, держанные по сему случаю, остались безъ успѣха, и юная Церковь антиохійская, не имѣя возможности сама собою выдти изъ недоумѣнія, рѣшилась прибѣгнуть къ совѣту своей матери — Церкви іерусалимской. Павелъ и Варнава должны были отправиться по сему дѣлу въ Іерусалимъ. Для отвращенія подозрѣній въ пристрастіи, они взяли съ собою нѣкоторыхъ изъ братій, вѣроятно такихъ, кои держались противнаго мнѣнія.

Проходя Финикію и Самарію, путешественники имѣли утѣшеніе обрадовать тамошнихъ христіанъ повѣствованіемъ объ успѣхахъ ихъ проповѣди къ язычникамъ (Дѣян. 15, 3); съ такимъ же удовольствіемъ слушали ихъ о семъ предметѣ и въ Іерусалимѣ. Торжество вѣры христіанской было тогда торжествомъ каждаго христіанина; между тогдашними учениками евангелія совсѣмъ не было того преступнаго равнодушія къ успѣхамъ своей религіи, которое наконецъ сдѣлалось едва не всеобщимъ, спустя 18 столѣтій.

Для разрѣшенія спорнаго вопроса, предложеннаго Павломъ, собралась вся Церковь іерусалимская. Голоса были несогласны и здѣсь, также какъ и въ Антиохіи. Обращенные въ христіанство фарисеи упорно требовали, чтобы обращающіеся язычники были подвергаемы обрѣзанію. Ожидали мнѣнія предсѣдателей собора — Апостоловъ. Петръ, вразумленный въ тайну спасенія язычниковъ откровеніемъ, первый предложилъ, что не должно возлагать на язычниковъ того ига (закона обрядоваго), котораго не могли понести самые іудеи. Послѣ сего началъ говорить Павелъ. вмѣсто разсужденій и доказательствъ, онъ разсказалъ собранію исторію своего апостольскаго путешествія, изъ коей самымъ очевиднымъ образомъ открывалось, что Духъ Святой въ изліяніи даровъ своихъ на учениковъ Павловыхъ не полагалъ никакого различія между обрѣзанными и необрѣзанными, и что слѣдовательно обрѣзаніе не составляетъ необходимой принадлежности новаго завѣта.

Наконецъ рѣчь Іакова, который сказанное Петромъ и Павломъ подкрѣпилъ пророчествами изъ ветхаго завѣта, утвердила торжество истины надъ предразсудкомъ. Во имя Святаго Духа положено даровать обращающимся язычникамъ свободу отъ обрядоваго закона, съ нѣкоторыми необходимыми ограниченіями *). Павлу и Варнавѣ врученъ былъ отвѣтъ, долженствовавшій успокоить Церковь антиохійскую.

Но Павелъ имѣлъ еще другое дѣло, съ коимъ тѣсно было соединено спокойствіе собственной его совѣсти. Необыкновенные успѣхи, коими Провидѣніе благословляло его проповѣдь, даръ чудесъ, сообщенный ему въ такомъ избыткѣ, служили для него порукою, что онъ вѣрно исполняетъ высокое званіе апостола, *не поддаваясь, подобно другимъ, слова Божія, но проповѣдая искренно* (2 Кор. 2, 17). Но Павелъ всегда помнилъ, что онъ, такъ какъ и другіе апостолы (2 Кор. 4, 7), носитъ *сокровище благодати въ скудельномъ сосудѣ*, что даръ апостольства, подобно другимъ дарамъ духовнымъ, требуетъ отъ обладающаго имъ строгаго надзора за своими поступками, непрестанной повѣрки должнаго употребленія онаго, а посему желалъ повѣрить чистоту ученія, проповѣдуемаго имъ язычникамъ, мнѣніемъ прочихъ апостоловъ, дабы, какъ самъ говоритъ, убѣдиться, не напрасно ли онъ подвизался и подвизается (Гал. 2, 2) въ дѣлѣ проповѣди. Кромѣ спокойствія совѣсти, сего требовалъ и успѣхъ проповѣди. Враги Павловы, то есть враги креста Христова, какъ увидимъ, всюду будутъ разглашать, что онъ учитъ не тому, чему учатъ прочіе апостолы. Чтобы заградить имъ уста, надлежало имѣть одобрительное свидѣтельство о своемъ ученіи отъ прочихъ апостоловъ. Итакъ Павелъ, который почиталъ закономъ *стараться о добротѣ не только предъ Богомъ, но и предъ людьми* (2 Кор. 8, 21), *и представлять себя на судъ совѣсти всякаго челоуѣка* (2 Кор. 4, 2), наединѣ предложилъ Петру, Іакову и Іоанну благовѣствованіе, проповѣдуемое имъ язычникамъ. Они не нашли въ немъ ни излишества, ни недостатка, и единодушно признали его въ великомъ достоинствѣ учителя языковъ, прося объ одномъ, чтобы онъ располагалъ обращающихся язычниковъ ко вспомошествованію палестинскимъ христіанамъ, которые пре-

*) Ограниченія сіи состояли въ томъ, чтобы язычники удерживались отъ оскверненнаго цдолами, отъ блуда, удувленины и крови.

терпѣвали крайнюю бѣдность, — что Павелъ, говоря его словами, *и старался всегда исполнять въ точности* (Гал. 2, 10).

По возвращеніи изъ Іерусалима, Павелъ продолжалъ трудиться надъ устроеніемъ Церкви антиохійской, утверждая въ вѣрѣ и благочестіи членовъ ея (Дѣян. 15, 35). Къ сему времени принадлежитъ обличеніе, слѣланное имъ Петру, о коемъ упоминается во второй главѣ посланія къ Галатамъ. Петръ, по прибытіи въ Антиохію, сначала, подобно Павлу, свободно обращался съ обращенными язычниками и раздѣлялъ съ ними ихъ трапезу; но когда пришли нѣкоторые изъ іерусалимскихъ іудеевъ, то онъ, не желая обнаружить предъ ними свободы христіанской, началъ удаляться отъ трапезы обращенныхъ язычниковъ. Примѣръ его такъ сильно дѣйствовалъ, что къ сему лицемѣрству (такъ названъ Павломъ поступокъ Петра) присталъ даже Варнава, ревностный дотолѣ защитникъ свободы христіанской. Предупреждая соблазнъ нѣкоторыхъ іудеевъ, Петръ уже соблазнялъ всѣхъ язычниковъ, между тѣмъ какъ послѣдніе имѣли большее право на то, чтобы не быть соблазняемыми: ибо они водились истиною, а іудеи предразсудкомъ. Павелъ видѣлъ сію опасность и предъ лицемъ всѣхъ сказалъ Петру: «если ты, іудей, живешь по-язычески (не наблюдаешь различія яствъ, предписываемаго закономъ Моисеевымъ), а не по-іудейски; то для чего язычниковъ принуждаешь жить по-іудейски (Гал. 2, 12 — 15)?» Павелъ не упоминаетъ, какое дѣйствіе произвело въ Петрѣ его обличеніе; безъ сомнѣнія, послѣдній увидѣлъ и исправилъ свою ошибку.

ВТОРОЕ АПОСТОЛЬСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ СР. ПАВЛА.

ерковь антиохійская была богата наставниками, притомъ довольно утверждена на краеугольномъ камени — Іисусѣ Христѣ. Труды Павла престали для нея быть необходимыми; между тѣмъ сердце его стремилось видѣть чадъ своихъ по вѣрѣ и породить новыхъ отъ негнѣннаго сѣмени слова Божія. Въ сихъ чувствахъ онъ предложилъ Варнавѣ предпринять второе путешествіе апостольское. Сей вѣрный соучастникъ намѣреній и трудовъ Павловыхъ со всѣмъ усердіемъ готовился сопутствовать ему; но выборъ сотрудниковъ заставилъ ихъ разлучиться. Варнавѣ хотѣлось имѣть спутникомъ Марка, своего сродника; Павелъ почиталъ недостойнымъ сей чести такого человѣка, который въ предшествующемъ путешествіи оставилъ ихъ безъ всякой достаточной причины (Дѣян. 13, 13). Надлежало опасаться, что онъ, утраченный опасностями и трудами, снова оставитъ ихъ: каковый поступокъ могъ послужить соблазномъ для новопросвѣщенныхъ. Посему Павелъ желалъ взять въ сотрудники Силу, пришедшаго съ нимъ изъ Іерусалима, въ способностяхъ и ревности коего онъ имѣлъ случай увѣриться изъ его проповѣданія слова Божія къ антиохійцамъ. Варнава не согласился; Павелъ еще менѣе способенъ былъ уступить въ истинѣ: произошло *огорченіе* *). Апостоль, взявъ съ собою Силу, отправился въ путь безъ Варнавы, который вмѣстѣ съ Маркомъ поплылъ въ Кипръ (Дѣян. 15, 35—41). Разногласіе сіе не погасило въ душѣ

*) Выраженіе подлинника (*παροξυμῶς*) означаетъ сильную досаду. Такъ слабость поврежденной природы человѣческой обнаруживается иногда и въ такихъ чистыхъ душахъ, какова Павлова, дабы онѣ не превозносились.

апостола христіанской любви къ Варнавѣ и самому Марку. Въ посланіяхъ, писанныхъ послѣ сего, онъ упоминаетъ о первомъ, и всегда съ похвалою (Галат. 2, 12; 1 Кор. 9, 6), не забываетъ и послѣдняго, свидѣтельствуя, что онъ былъ ему полезенъ (Колос. 4, 10): таково свойство чистой ревности по истинѣ! Она всегда предпочитаетъ дѣло Божіе связямъ и расчетамъ человѣческимъ; смѣло говоритъ истину вопреки тому, кого любитъ; готова, если не можетъ разувѣрить, удалиться отъ него, но никогда не измѣняетъ главному закону любви; съ радостію слышитъ объ успѣхахъ того, отъ кого удалась; находитъ въ немъ похвальнымъ все то, что дѣйствительно заслуживаетъ похвалу; и паки охотно соединяется съ нимъ, коль скоро исчезаетъ причина раздѣленія. Таковая миролюбивая ревность есть плодъ зрѣлой мудрости и безкорыстнаго служенія Іисусу Христу.

Прошедъ Сирію и Киликію и увѣрившись въ твердости тамошнихъ христіанъ, Павелъ достигъ Дервіи и Листры. Въ послѣднемъ городѣ онъ нашелъ себѣ юнаго, но неутомимаго сотрудника, который въ послѣдствіи сдѣлался достойнымъ того, чтобы о немъ сказано было филиппійцамъ: «я никого не имѣю единомысленнаго, кто бы столь искренно заботился о вашихъ обстоятельствахъ» (Фил. 2, 20). То былъ Тимоѳей, іудей по матери, по отцу язычникъ. Еще до пришествія апостола онъ уже зналъ Христа, и своимъ поведеніемъ (вѣроятно, и проповѣдію) снискалъ себѣ всеобщее одобреніе не только въ Листрѣ, но и въ Иконіи. Павелъ, обладая даромъ проникать въ души и сердца, тотчасъ замѣтилъ рѣдкія способности юнаго Тимоѳея, и сдѣлалъ его своимъ спутникомъ. Поелику надлежало опасаться, что Тимоѳей, какъ необрѣзанный *), будетъ соблазномъ для христіанъ изъ іудеевъ, коимъ всѣмъ извѣстно было его происхожденіе, отъ язычника; то апостолъ совершилъ надъ нимъ обрядъ обрѣзанія. Онъ, бывши въ Іерусалимѣ, не согласился обрѣзать Тита (Гал. 2, 3), потому что сей и по отцу и по матери былъ язычникъ, а посему обрѣзаніе его было бы соблазнительнымъ нарушеніемъ свободы христіанской; но Тимоѳей, происходя отъ матери іудейки, могъ быть обрѣзанъ безъ нарушенія сей свободы: ибо тогда еще всѣ почти вѣрили, что обрѣзаніе нужно для іудея и въ христіанствѣ.

*) Сынъ іудейки отъ язычника не могъ быть обрѣзанъ безъ согласія отца, какъ видно изъ Талмуда; а отецъ Тимоѳея, вѣроятно, не хотѣлъ видѣть его обрѣзаннымъ. Теперь его не было въ живыхъ.

Учитель язычниковъ и здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, смотрѣлъ на обрѣзаніе какъ на вещь безразличную, и поступилъ подобно своему мнѣнію объ употребленіи безразличныхъ вещей— употребляетъ ихъ такъ, чтобы изъ нихъ выходило какъ можно болѣе пользы. «Павелъ,» говоритъ Златоустъ (толк. на Дѣян.), «обрѣзалъ Тимоѳея, дабы упразднить обрѣзаніе; ибо обрѣзанный будетъ проповѣдывать ученіе апостола о томъ, что не нужно обрѣзаніе.» Таковій поступокъ, по замѣчанію тогоже отца Церкви, обнаруживаетъ, что Павелъ былъ совершенно свободенъ отъ предразсудковъ; что онъ, при всей ревности по свободѣ христіанской, не былъ однако же предубѣжденъ противъ обрѣзанія, зналъ его цѣну и умѣлъ дѣлать изъ него употребленіе.

Взявъ Тимоѳея, Павелъ проходилъ прежніе города, извѣщая учениковъ объ опредѣленіи іерусалимской Церкви касательно свободы обращающихся язычниковъ отъ обрядоваго закона. Извѣщеніе сіе тѣмъ было нужнѣе, что изъ Палестины уже готовились выдти безразсудные ревнители сѣни законной, дабы превращать труды и успѣхи апостола. Павелъ скоро проходилъ тѣ мѣста, въ коихъ проповѣдывалъ евангеліе: конечно потому, что посѣянные сѣмена жизни сами собою давали вожделѣнные плоды. Впрочемъ и краткое посѣщеніе прежняго учителя сопровождаемо было видимымъ умноженіемъ вѣрующихъ и утвержденіемъ въ вѣрѣ слабыхъ (Дѣян. 16, 4—6). Въ сіе время основана Павломъ Церковь галатская, которая сначала принесла весьма много духовной радости, а потомъ еще болѣе сердечной печали своему основателю. Не смотря на бѣдность внѣшняго состоянія Павлова и на гоненія, коимъ онъ всюду подвергался, галаты приняли его со всѣмъ уваженіемъ, приличнымъ посланнику Божію, и слушали Его какъ ангела Божія, какъ самого Іисуса Христа. Любовь къ его ученію, преданность къ его лицу, вскорѣ возрали въ сердцахъ ихъ до того, что они, *если бы возможно было, исторгли бы свои очи, дабы отдать ему.* Толь благословенное сѣяніе, безъ сомнѣнія, принесло бы богатѣйшую жатву, если бы плевелы іудейства, посѣянные руками палестинскихъ выходцевъ, не прозябли на сей удобренной благодатию нивѣ, какъ увидимъ впоследствии (Гал. 2, 3).

Изъ Галатіи апостолъ хотѣлъ итти на проповѣдь въ Азію *),

*) Поедику и прочіе города, чрезъ которые проходилъ апостолъ, и самая Галатія принадлежала къ Малой Азіи; то подъ Азією должно разумѣть здѣсь

но былъ удержанъ Духомъ Святымъ. Подобнымъ образомъ Провидѣніе остановило его, когда онъ изъ Мисіи думалъ перейти въ Виѳинію *). Очевиднѣйшее доказательство, какъ все великое дѣло распространенія христіанской религіи зависѣло отъ невидимаго управленія Духа Божія! Одинъ только сей Водитель, испытующій сердца и утробы, могъ безошибочно видѣть, гдѣ труды проповѣдниковъ евангелія не останутся безъ плода. Азія и Виѳинія, конечно, еще не были способны къ тому, чтобы для нихъ возсіялъ свѣтъ славнаго благовѣствованія о Христвѣ.

Итакъ, вмѣсто Виѳиніи Павелъ пошелъ въ Троаду, городъ, лежавшій недалеко отъ древней Трои, на восточномъ берегу Эгейскаго моря **). Здѣсь въ ночномъ видѣніи предсталъ ему нѣкоторый мужъ ***), и молилъ его придти къ нимъ въ Македонію для поданія духовной помощи. Апостолъ заключилъ изъ сего, что самъ Промыслъ призываетъ его проповѣдывать евангеліе македонцамъ. Вслѣдствіе сего проповѣдники отплыли на островъ Самоѳракію, а на другой день пристали въ Неаполѣ, одномъ изъ приморскихъ городовъ Македоніи. Не останавливаясь въ семъ городѣ, Павелъ поспѣшилъ въ Филиппы ****). Здѣшніе іудеи имѣли за городомъ молитвенницу. Апостолъ, пришедъ къ ней въ слѣдующую субботу, вступилъ въ разговоръ съ женщинами, собравшимися на молитву. Слова его падали на добрую землю; особенно тронута была одна богатая и набожная женщина изъ Фіатира, торговавшая багрянницею, именовъ Лидія. Окрестившись со всѣми

Іонію, которая въ древности извѣстна была подъ симъ именовъ. V. Kuinoel. Comm. in acta Apost. ad 2, 19.

*) Какимъ именно образомъ Павелъ былъ остановленъ Духомъ Святымъ, чтобы не идти въ Азію и Виѳинію, нельзя опредѣлить при молчаніи св. писанія.

***) Plin. Hist. Nat. 5,33; Cellar. Geogr. 3,3.

****) Кто былъ сей мужъ?—Нѣкто въ образѣ македонца. Сей образъ могъ принять Ангелъ, или онъ могъ быть произведенъ въ воображеніи Павла высшею силою.

*****) Strab. 7. p. 511. Св. Лука называетъ Филиппы первымъ городомъ сей части Македоніи. Дѣян. 16, 12. Но главные города Македоніи, раздѣленной на 4 части, были: Амфиполь, Фессалоники, Пела и Пафлагонія. Liv. 45, 29. Несогласіе сіе примиряется тѣмъ, что названіе *πρώτη* (первый), какъ явствуетъ изъ древнихъ монетъ, иногда давалось не однимъ главнымъ, но и знаменитѣйшимъ городамъ. V. Eckhilius doct. vet. num. P. 1, vol. 4, с. 8. Поелуку св. Лука при повѣствованіи о путешествіяхъ Павла съ сихъ поръ третіе лице перемѣн. етъ на первое (Дѣян. 16, 11); то вообще полагають, что онъ въ сіе время слѣдвалъ спутникомъ Павловымъ; но гдѣ именно, и по какому случаю соединились сіи два великіе мужа, не извѣстно.

своими домашними, она убѣдила проповѣдниковъ избрать домъ ея своимъ жилищемъ.

Послѣ сей утѣшительной встрѣчи ожидала апостола новая, весьма непріятная. Въ городѣ одна служанка была одержима духомъ прорицанія. Вѣрили, что она можетъ предсказывать будущее, и сія вѣра доставляла господамъ ея большой доходъ. Принуждаемая духомъ злобы, или собственною совѣстію, сія несчастная сопровождала Павла всякій разъ, когда онъ шелъ на молитву, и кричала въ слухъ всѣхъ: «эти люди рабы Бога Всевышняго, которые возвѣщаютъ намъ путь спасенія.» Павелъ, который, подобно великому Учителю своему, Іисусу Христу, не хотѣлъ, чтобы божественность его ученія получила свидѣтельство изъ такихъ устъ, кои разверзались для пророчества по любостыжанію, именемъ Господа Іисуса повелѣлъ нечистому духу выйти изъ нея. Прорицательныя уста служанки сомкнулись; вмѣстѣ съ симъ исчезли и корыстолюбивыя виды господъ ея. Нечистый духъ, вышедшій изъ первой, какъ бы перешелъ въ послѣднихъ. Они напали на Павла и его спутниковъ, и повлекли ихъ на судилище. Если не совѣсть, то благоприличіе не позволяло открыть истинную причину ихъ негодованія на добродѣтельныхъ и миролюбивыхъ странниковъ; и корыстолюбіе по обыкновенію прикрылось личиною любви къ отечеству и религіи. Говорили: «сіи люди, которые суть іудеи, возмущаютъ нашъ городъ, проповѣдая богослуженіе, котораго намъ римлянамъ принимать и исполнять не слѣдуетъ.» Обвиненіе подѣйствовало; мятежный народъ толпами бросился на невинныхъ проповѣдниковъ евангелія; самые судьи, забывъ свое достоинство, осыпали ихъ ударами. Изъявленные, они ввержены были въ темницу; стражѣ приказано было усугубить надзоръ; для большей безопасности, ноги узниковъ забиты были въ колоду.

Но для слова Божія нѣтъ узъ (2 Тим. 2, 9). Въ полночь, когда земные судьи совершенно не думали объ узникахъ, Павелъ воззвалъ къ Судіи небесному, — не для того, чтобы молить Его объ отмщеніи, но чтобы въ духѣ вѣры и святой преданности излить предъ Нимъ чувства хвалы и благодарности. Оглушаемая воплями ропота и отчаянія темница, можетъ быть, въ первый разъ огласилась звуками чистой равноангельной молитвы: зрѣлище умиленное для всякаго, кто несовершенно закоснѣлъ во грѣхѣхъ, способное пробудить совѣсть самаго упornaго грѣшника! Узники слушали апостоловъ съ безмолвнымъ вниманіемъ; слышалъ и Тотъ, предъ коимъ не таится ни одна слеза невинности, ни одинъ вздохъ правды. Землетрясеніе вдругъ съ такою

силою поколебало основанія темницы, что всѣ двери ея растворились сами собою. Между прочимъ произошло то, чего обыкновенное явленіе въ семь родѣ никогда произвести не можетъ, — съ заключенныхъ спали всѣ узы. За умилительнымъ явленіемъ неколебимой преданности Промыслу послѣдовало явленіе отчаяннаго малодушія. Отверстыя двери темницы не позволяли сомнѣваться, что узники воспользуются симъ случаемъ для своего спасенія; тѣмъ болѣе надлежало опасаться за Павла и его спутниковъ, отданныхъ подъ особенное смотрѣніе. Посему темничный начальникъ извлекъ мечъ и хотѣлъ въ слѣдъ за мнимыми бѣглецами бѣжать — изъ сего міра. Онъ не зналъ Бога Павлова, не зналъ, что на апостолахъ были другія узы, коихъ не могло расторгнуть никакое потрясеніе не только земли, но и неба, что они были связаны Духомъ (Дѣян. 20, 22). «Не дѣлай себѣ никакого зла», воскликнулъ Павелъ, «мы всѣ здѣсь». При сихъ словахъ губельное смятеніе отчаянія уступило мѣсто новому смятенію чувствъ въ душѣ римлянина. Онъ съ трепетомъ входитъ въ темницу, не видитъ болѣе узъ на заключенныхъ, но видитъ, что никто изъ нихъ не помышлялъ о бѣгствѣ. Можно ли было не повергнуться съ благоговѣніемъ предъ симъ явленіемъ торжествующей непорочности? Римлянинъ палъ къ ногамъ Павла и Силы, и молилъ разрѣшить собственныя его узы — узы душевнаго ослѣпленія, въ коихъ содержало его идолослуженіе. — Такова сила добра надъ сердцемъ человѣческимъ! Когда ужасъ римскихъ законовъ и казней не могъ исправить сердца преступныя, одно молитвенное изліяніе сердечныхъ чувствъ, сдѣланное узникомъ, такъ сильно подѣйствовало на преступниковъ, что они явили примѣръ повиновенія законамъ, достойный времени Регула! Но сей узникъ былъ — Павелъ! Проникнутый страхомъ Божиимъ, начальникъ темничныхъ стражей не думалъ болѣе о страхѣ человѣческомъ. Проповѣдники взяты были къ нему въ домъ, ихъ раны омыты; а ему преподано крещеніе.

Когда такимъ образомъ усердствовала къ Павлу и его сотрудникамъ сердечная признательность новыхъ чадъ его по вѣрѣ; самая злоба враговъ должна была преклониться предъ ихъ кротостію и невинностію. Пораженные ужасомъ необыкновеннаго землетрясенія, которое могли представлять наказаніемъ за оказанную несправедливость, или безпристрастиѣ разсмотрѣвъ дѣло и свою опрометчивость, или наконецъ узнавъ о случившемся въ темницѣ, градоправители прислали къ темничному начальнику приказаніе отпустить апостоловъ. Начальникъ съ удовольствіемъ

спѣшили исполнить оное; но напрасно. «Какъ?» возразилъ Павелъ, «насъ гражданъ римскихъ, безъ суда всенародно били и бросили въ темницу, а теперь тайно выпускаютъ? Нѣтъ! пусть придутъ сами (судіи) и освободятъ насъ». Въ самомъ дѣлѣ, наказанъ римскаго гражданина розгами и притомъ безъ суда (какъ былъ наказанъ Павелъ) значило оскорбить величіе Рима и кесаря *). Наказанный такимъ образомъ могъ подвергнутъ судей своихъ строжайшей отвѣтственности **). Но не того хотѣлъ Павелъ. Онъ желалъ только отклонить соблазнъ, могшій произойти отъ того, если бы онъ тайно удался изъ Филиппъ: враги его не преминули бы разгласить, что проповѣдники евангелія спаслись постыднымъ бѣгствомъ, воспользовавшись землетрясеніемъ, разрушившимъ темницу. Посему, когда градоначальники явились ***), и признавая свою несправедливость предъ Павломъ, смиренно молили его оставить городъ, онъ безпрекословно повиновался ихъ желанію. Одно только могло еще удерживать проповѣдниковъ въ Филиппахъ — потребность утвердить въ вѣрѣ новообращенныхъ; но чудо землетрясенія, какъ справедливо замѣчаетъ св. Златоустъ ****), еще сильнѣе должно было располагать въ пользу евангелія филиппійцевъ по отшествіи тѣхъ, для коихъ оно произведено Промысломъ; притомъ, вмѣсто проповѣдника оставался обращенный начальникъ темницы. — Изъ того, что апостолы не рѣшились, хотя имѣли полное право, вопреки просьбамъ градоначальниковъ, остаться въ городѣ, видно, какъ тщательно избѣгали они всѣхъ случаевъ быть поводомъ къ народнымъ безпокойствамъ.

Черезъ Амфиполь и Аполлонію Павелъ пришелъ въ Фессалонику, главный городъ второй области македонской *****). По обык-

*) Cic. Verr. 5, 54, 56; Liv. 10, 9. Посему-то Марцелъ выразилъ неудовольствіе на кесаря тѣмъ, что приказалъ высѣчь розгами одного изъ новоконцевъ, коимъ дано было право римскаго гражданства. Appian. de bell. civ. Lib. 2, p. 433.

**) Наказавшій тѣлесно римскаго гражданина подвергался лишенію имуществъ и даже смерти. Dion. Halic. Ant. Rom. 2, p. 725. Родосцы лишены были свободы Клавдіемъ за то, что распяли нѣкоторыхъ римлянъ. Dio. Cas. Lib. 6, p. 785.

***) Они безъ всякихъ розысканій повѣрили Павлову праву римскаго гражданства потому, что ложно присвоившіе оное наказывались смертію; а посему нельзя было подозрѣвать въ подлогъ. Svet. in vita Claudii.

****) Hom. in Acta Apost.

*****) Strab. Hist. 7.

новенію, проповѣдь его первоначально обращена была къ своимъ единоплеменникамъ. Въ продолженіе трехъ субботъ (дни обыкновенныхъ собраній въ синагогахъ) онъ доказывалъ имъ изъ книгъ пророческихъ, что Мессіи надлежало пострадать и воскреснуть, и что проповѣдуемый имъ Іисусъ есть истинный Мессія. Множество іудеевъ, прозелитовъ и въ томъ числѣ знатныхъ женщинъ сдѣлались его учениками. Павелъ обходился съ ними, какъ мать обходится съ младенцемъ (1 Фессал. 2, 7); впрочемъ не скрывалъ отъ нихъ бѣдствій, коимъ они могутъ подвергнуться за искреннее исповѣданіе Христа (1 Фессал. 3, 4). Въ предостереженіе и утѣшеніе ихъ, онъ раскрылъ предъ ними ученіе о послѣднихъ временахъ и послѣднемъ противникѣ христіанства — антихристѣ, которое, какъ увидимъ, послужило для нихъ, по причинѣ суемудрія нѣкоторыхъ людей, поводомъ къ недоразумѣніямъ (2 Фессал. 2, 5). Не смотря на то, что проповѣдь не оставляла апостолу времени на другіе труды, онъ не хотѣлъ получать пропитанія отъ учениковъ своихъ, и содержался собственными трудами, коими занимался по ночамъ (1 Фессал. 2, 9), а частію милостынею, которую присылали къ нему филиппійцы (Филипп. 4, 16). Фессалоникійцы чувствовали его апостольское безкорыстіе и принимали слово его не какъ человѣческое, но какъ слово Божіе (1 Фессал. 2, 13). Не было недостатка и въ упорныхъ врагахъ истины, которые, подговоривъ нѣкоторыхъ негодныхъ людей, произвели возмущеніе. Неустоявая толпа съ крикомъ устремилась къ дому Іасона, въ коемъ пребывалъ Павелъ съ своими спутниками, и не найдя ихъ, повлекла Іасона на судилище. «Эти всесвѣтные возмутители», кричали возмутители, «пришли и сюда; Іасонъ принялъ ихъ; всѣ они поступаютъ противъ кесаря, почитая царемъ не его, а другаго — Іисуса». Нельзя было клеветѣ избрать удачнѣе обвиненія. Отъ него пострадалъ божественный Основатель христіанства; отъ него преимущественно, какъ явствуетъ изъ исторіи гоненій на христіанъ, страдали и его распространители. — Градоначальники приведены были въ великое смущеніе: надлежало ожидать самыхъ печальныхъ слѣдствій. Но Іасонъ успокоилъ ихъ и себя, убѣдивъ, что нѣтъ ни малѣйшаго повода къ возмущенію, и, можетъ быть, давъ обѣщаніе, что принятыхъ имъ странниковъ скоро не будетъ въ городѣ.

Въ слѣдующую ночь Павелъ и Сила дѣйствительно препровождены были въ Верію, городъ, принадлежавшій къ третьей македонской области. Жители здѣшніе, какъ замѣчаетъ св. Лука,

были гораздо благомысленнѣе (*ευγενεστεροι*) ѳессалоникійцевъ. Выслушавъ проповѣдь о Мессіи, они поступили такъ, какъ надлежало поступить каждому здравомыслящему іудею — случали слышанное съ тѣмъ, что находится въ книгахъ ветхаго завѣта, — черты возвѣщаемаго Мессіи съ чертами обѣтованнаго. Слѣдствіемъ столь благоразумнаго испытанія новой вѣры по необходимости было усердное принятіе ея. Но ѳессалоникскіе враги Павловы не дали продолжиться духовному торжеству его надъ сердцами благомыслящихъ веріанъ; пришедъ въ Верію, они возмутили народъ, и подвижнику евангелія снова должны были исполнить совѣтъ Спасителя: «если гонятъ васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой.» Оставивъ Тимоѳея и Силу, съ повелѣніемъ скоро послѣдовать за нимъ, Павелъ удался въ Аѳины (Дѣян. 17, 1 — 15).

Появленіе его въ Аѳинахъ есть одно изъ занимательнѣйшихъ зрѣлищъ, представляемыхъ новымъ завѣтомъ и въ особенности исторією дѣяній апостольскихъ. Здѣсь великій учитель языковъ имѣлъ случай явить все величіе своего духа, всю мудрость, приличную посланнику Божію. Доселѣ онъ имѣлъ дѣло или съ суевѣрными почитателями обрѣзанія и субботы, или съ язычниками, слѣпо кланяющимися бездушнымъ истуканамъ: надлежало возвѣстить слово крестное и мудрымъ вѣка сего, водрузить крестъ тамъ,* гдѣ доселѣ видны были только портики философовъ. Аѳины были полны философами и—идолами! Мудрость грековъ еще имѣла здѣсь свою столицу *); но духъ Сократа, который почиталъ философію образовательницею благоденствія человѣческаго, давно исчезъ. Послѣдователи выпрениаго Платона были жалкіе мечтатели; ученики привлекательно-мудраго Епикура были низкіе плотоугодники; воспитанники суровой Стои были лицемерные самохвалы. Религія была для здѣшнихъ философовъ частію гражданскаго законоположенія, которое, не смотря на всѣ нелѣпности свои, должно оставаться неприкосновеннымъ изъ уваженія къ народнымъ предразсудкамъ. Они смѣялись надъ богами внутри своихъ кабинетовъ, и съ благоговѣніемъ падали предъ ними на торжищахъ. Образованнѣйшая часть народа раздѣляла съ философами внутреннее равнодушіе къ религіи; менѣе просвѣщенная погружена была въ суевѣріе самое грубое. Впрочемъ, духъ набожности, можетъ быть, слѣдствіе прежней здравой философіи, продолжалъ быть характеромъ аѳинянъ **): го-

*) Cic. de orat. 1, 4; Orat. pro Flac. 26.

**) Pausanias in Attic. 1, 24; Strab. 10, p. 472.

родъ ихъ былъ наполненъ храмами и жертвенниками, изъ коихъ нѣкоторые посвящены были *неизвѣстнымъ богамъ* *).

Среди сего-то народа, который изъ прежней мудрости сохранилъ только одно свойство ея — любознательность, и то въ превратномъ видѣ, Павелъ долженъ былъ возвѣститъ имъ распятаго Богочеловѣка. Онъ хотѣлъ отложить начало своей проповѣди до прибытія Тимоѳея и Силы, дабы въ соединеніи съ ними тѣмъ слышнѣе былъ голосъ истины. Но сердце его раздиралось отъ жалости при видѣ множества истукановъ, коими просвѣщенные аѳиняне гордились, какъ нѣкою драгоценностію; и онъ началъ проповѣдывать одинъ, сначала въ синагогѣ—иудеямъ, потомъ на площади всѣмъ жителямъ безъ разбора. Въ числѣ слушателей были стоики и эпикурейцы; тѣ и другіе остались недовольны, ибо онъ проповѣдывалъ о Іисусѣ и воскресеніи, коему не вѣрили ни тѣ, ни другіе **). Одни думали видѣть въ немъ пустослова, который хочетъ увѣрить людей въ томъ, чему нельзя вѣрить; другіе почитали его за проповѣдника новыхъ, неслыханныхъ боговъ. Однакоже проповѣдь Павла показала достойною любопытства; его привели въ ареопагъ, и просили повторить оную ***). Это было случаемъ къ той рѣчи, которая въ полной мѣрѣ показала, что божественный Основатель христіанства всегда вѣрно исполнялъ обѣщаніе свое подавать распространителямъ Его ученія, въ случаѣ нужды, *уста и премудрость*. Павелъ принялъ такой тонъ, какой долженъ принимать каждый защитникъ христіанства, имѣющій дѣло съ строптивою философіею.

*) Аѳиняне, чтобы не оставить ниодного бога безъ своего знака уваженія, ставили алтари съ сею надписью. Иеронимъ говоритъ, что на одномъ жертвенникѣ была слѣдующая надпись: *Θεῶς Ἀδίας, καὶ Ἐυρωπίης, καὶ Λιβύης, Θεοὺ ἀγνώστου, καὶ ξένοιο*. V. Comment. in Epist. ad Titum.

***) Послѣдователи Эпикура не вѣрили Провидѣнію и безсмертію души, и одобряли добродѣтель единственно за удовольствіе, ею доставляемое. Cic. de fin. bon. 2, 31; Tusc. 5, 31; Diog. Laërt. 9. Стоики и вѣрили и не вѣрили въ безсмертіе. Клеантъ утверждалъ, что души будутъ существовать до сожженія міра. Cic. Tusc. 1. 31. 32; Laërt. 7. 156. Хризиппъ усвоивалъ сіе преимущество только душамъ добродѣтельнымъ. Plut. de placit. Phil. 4. 7; Laërt. 7. 57. Другіе думали, что души по разрѣшеніи отъ тѣла возвращаются въ огненную природу Божества. V. Tiedemann. Geist. de Specul. Philosoph. 13. 2, pag. 453.

***)) Нѣкоторые думали, что Павелъ былъ представленъ въ ареопагъ на судъ. Но изъ всѣхъ обстоятельствъ, изъ всей рѣчи его видно, что онъ говорилъ въ ареопагѣ не какъ обвиняемый, а какъ разномыслящій, новый учитель религіи.

Онъ забылъ на время всю историческую часть христіанской вѣры, началъ съ истинъ здраваго смысла, почерпнутыхъ изъ разсматриванія природы, общества человѣческаго и совѣсти, — гѣхъ высокихъ истинъ, кои составляютъ внутреннее основаніе христіанства. Какъ проповѣдуя іудеямъ, онъ находилъ приступъ для проповѣдуемаго христіанства въ самой іудейской религіи, такъ и здѣсь онъ открылъ въ мертвомъ деревѣ язычества мѣсто, гдѣ можно было привить живоносную отрасль новой религіи.

«Аѳиняне!» воскликнулъ Павелъ, «по всему вижу я, что вы очень набожны; ибо я, обходя и обозрѣвая ваши святыни, нашелъ и жертвенникъ, на которомъ написано: *неизвѣстному Богу*. Сего-то Бога, котораго вы, не зная, почитаете, я проповѣдую вамъ.» — Слова сіи должны были возбудить величайшее вниманіе въ аѳинянахъ. Многозначительная надпись: *неизвѣстному Богу*, вѣроятно уже давно заставляла, хотя немногихъ изъ нихъ, погружаться въ размышленіе; впрочемъ, если они и не были доселѣ внимательны къ ней, то напоминаніе, сдѣланное Павломъ, должно было вдругъ возбудить въ душѣ ихъ всѣ мысли, кои заключались въ словахъ: *Божество неизвѣстное!* Павелъ вызывался быть Его провозвѣстникомъ: можно ли было не обратить на слова его вниманія? Впрочемъ, аѳиняне могли еще ожидать отъ него не болѣе, какъ повѣсти о какомъ нибудь иноземномъ, для нихъ неслыханномъ, но обыкновенномъ, подобномъ ихъ истуканамъ, божествѣ. Надлежало изобразить въ краткихъ чертахъ величіе того Бога, коего онъ проповѣдывалъ, дабы, приведши въ забвеніе идоловъ, вознести ихъ умъ и сердце на высоту истиннаго боговѣдѣнія.

«Богъ,» вѣщалъ богодухновенный витія, «сотворившій міръ и все, что въ немъ, будучи Господь неба и земли, не живетъ въ созданныхъ руками храмахъ и не требуетъ служенія рукъ человѣческихъ по какой-либо нуждѣ, но самъ даетъ всему жизнь, и дыханіе, и все.»

Предъ сею безпредѣльною идеею о всемогущемъ Творцѣ всѣхъ вещей, сами собою исчезали всѣ неправильныя понятія о божествахъ, заключаемыхъ въ капища, и истуканахъ.

«Произведши,» продолжалъ Павелъ, «отъ одной крови всѣхъ человѣковъ, Онъ расселилъ народы по всему лицу земли, опредѣливъ жительству каждому изъ нихъ предназначенныя времена и предѣлы, дабы они искали Бога, не ощутятъ ли и не найдутъ ли Его; хотя впрочемъ Онъ недалеко отъ каждого изъ насъ: ибо

мы Имъ живемъ и движемся и существуемъ, такъ какъ нѣкоторые изъ вашихъ стихотворцевъ говорили: мы Его и родъ.»

Изъ сихъ высокихъ понятій о намѣреніи Творца въ устройствѣ міра и общества человѣческаго, какъ средствъ къ распространенію познанія о Немъ между тварями разумными, апостолъ заключалъ объ истинномъ почитаніи, которое прилично всесовершенному Существу.

«Итакъ мы, будучи, родъ Божій,» говорилъ онъ, «не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, обдѣланному художествомъ и вымысломъ человѣческимъ.»

Озаривъ такимъ образомъ свѣтомъ естественной религіи безобразіе идоловъ и безславіе ихъ почитателей, Павелъ начинаетъ приподнимать завѣсу, сокрывающую величественное зданіе откровенной религіи, имъ возвѣщаемой.

«Богъ, попустивъ бытъ временамъ невѣдѣнія, нынѣ всѣмъ человѣкамъ проповѣдуетъ покаяніе. Ибо Онъ назначилъ день, въ который будетъ праведно судить вселенную посредствомъ предопредѣленнаго Имъ Мужа: о чемъ далъ Онъ доказательство всѣмъ, воскресивъ Его изъ мертвыхъ.»

Услышавъ о воскресеніи мертвыхъ, многіе изъ мнимыхъ мудрецовъ не хотѣли болѣе слушать. Такъ самая утѣшительная истина здраваго смысла была нестерпима для гордыхъ безумцевъ, кои, не обращая вниманія на то, чтобы имѣть Бога въ разумѣ, осуетились умствованіями своими, и преданы были похотямъ сердець ихъ (Рим. 1, 21—28). Павелъ умолкъ.—Впрочемъ слова его не всѣ пали на камень и въ терны: нѣкоторые изъ слушателей скрыли ихъ въ сердцѣ и увѣровали въ Іисуса Христа, въ томъ числѣ и членъ ареопага, знаменитый Діонисій (Дѣян. 17, 34).

Заботясь объ умноженіи новыхъ членовъ Церкви Христовой, Павелъ не оставлялъ попеченія и о прежнихъ чадахъ своихъ. Испытавъ тяжкое гоненіе отъ ѳессалоникскихъ іудеевъ, онъ по необходимости думалъ, что юная Церковь ѳессалоникская находится подъ тяжкимъ крестомъ. Посему два раза рѣшался возвратиться въ ѳессалонику (1 ѳессал. 2, 16); но бывъ удержанъ непредвидѣнными препятствіями, отправилъ туда Тимоѳея, для укрѣпленія въ вѣрѣ тамошнихъ христіанъ (1 ѳессал. 3, 1. 2).

Между тѣмъ онъ недолго оставался въ Аѳинахъ. Склонность къ новостямъ, по коей его слушали пытливые аѳиняне, должна была скоро наскучить неизмѣняемыми истинами, кои возвѣщалъ проповѣдникъ креста Христова, и онъ удалился въ Коринѳъ.

Здѣсь одинъ іудеянинъ, по имени Аквила, который незадолго

предъ тѣмъ пришелъ изъ Рима (вслѣдствіе Клавдіева указа объ изгнаніи іудеевъ изъ римской столицы), принявъ его въ домъ свой. Поелику Аквила занимался тѣмъ же художествомъ, въ коемъ искусенъ былъ Павелъ, то послѣдній раздѣлялъ съ нимъ труды его. Впрочемъ главный долгъ, лежавшій на немъ, не оставался безъ исполненія. Каждую субботу синагога была оглашена именованъ Іисуса Христа. Безуспѣшность проповѣди была нѣкоторымъ образомъ вознаграждена утѣшительнымъ извѣстіемъ, которое принесли Тимоѳеи и Сила, возвратившись изъ Фессалоники.

Тамошніе христіане, при всѣхъ озлобленіяхъ со стороны іудеевъ и язычниковъ, оставались вѣрными, но колебались различными сомнѣніями касательно пришествія Іисуса Христа и весьма много скорбѣли о умершихъ (1 послан. къ Фессалон.). Могъ ли Павелъ оставить безъ ободренія и утѣшенія возлюбленныхъ и вѣрныхъ чадъ своихъ? Онъ написалъ къ нимъ посланіе (первое по времени изъ посланій Павловыхъ), исполненное отеческой любви и заботливости. Возблагодаривъ ихъ за твердость въ вѣрѣ, онъ увѣщевалъ ихъ не скорбѣть о умершихъ, подобно неимѣющимъ упованія, представляя, что наступитъ непременно тотъ великій день, когда всѣ мертвые возстанутъ изъ гробовъ для наслажденія жизнію вѣчною. Касательно времени пришествія Христова поставлялъ на видъ одно обстоятельство — столь благотворное по своему вліянію на нравственность — его внезапность; умолялъ вести себя во всемъ неукоризненно, какъ надлежитъ святымъ, быть миролюбивыми и удаляться лѣности. Нѣкоторыя недоразумѣнія, происшедшія за симъ въ умѣ фессалоникійцевъ, побудили апостола отправить къ нимъ другое письмо. Фессалоникійцы, частію не выразумѣвъ смысла апостольскаго ученія о будущемъ пришествіи Іисуса Христа, частію смущаемые нѣкоторыми подложными письмами, писанными яко бы Павломъ (2 Фессал. 2, 2), получили мысль, что Іисусъ Христосъ долженъ придти въ непродолжительномъ времени. Нѣкоторые изъ нихъ, вѣроятно вслѣдствіе сей мысли, оставили свои работы и занимались единственно праздными сужденіями. Апостолъ во второмъ посланіи, опровергнувъ первый предразсудокъ и показавъ, что явленію Спасителя должно предшествовать еще явленіе антихриста и отступленіе отъ вѣры, снова заповѣдуетъ имъ, подражая его примѣру, удаляться праздности, не вдаваться въ бесполезныя мечты и вести жизнь трудолюбивую. Въ предостереженіе отъ подложныхъ посланій онъ далъ имъ знакъ подлинныхъ своихъ писемъ, который состоялъ въ томъ, что онъ имѣлъ обык-

новеніе приписывать въ концѣ посланія собственной рукою слѣдующее привѣтствіе: «благодать Господа нашего Ісуса Христа со всѣми вами» (2 посланіе къ Фессал. послѣдній стихъ).

Поелику коринѣскіе іудеи оставались упорными; то Павелъ, сказавъ имъ: «кровь ваша на главахъ вашихъ, я чистъ отъ нея, и съ сего времени пойду къ язычникамъ,» перешелъ отъ Аквилы въ домъ нѣкоего язычника Густа. Близость новаго жилища его къ синагогѣ (ибо домъ Густовъ былъ подлѣ нея) показывала, что онъ въ семъ случаѣ поступилъ сообразно мудрому правилу своему — мнимымъ пристрастіемъ къ язычникамъ возбуждать ревность въ сродникахъ своихъ по плоти, для ихъ спасенія. Таковая заботливость его о своихъ единоплеменникахъ не осталась безъ успѣха: вскорѣ крестился самъ начальникъ синагоги Криспъ со всѣмъ домою своимъ. Изъ язычниковъ также обратилось не малое число; но еще гораздо большее готовилось обратиться. Павелъ былъ извѣщенъ о семъ откровеніемъ. Кажется, угрожающія опасности возбудили было въ немъ намѣреніе оставить Коринѣ. Посему Господь, являсь ему, сказалъ: «не бойся, говори и не умолкай: ибо Я съ тобою, и никто не сдѣлаетъ тебѣ зла; потому что у Меня много людей въ семъ городѣ». Вслѣдствіе сего онъ проповѣдывалъ коринѣянамъ въ теченіе осьмнадцати мѣсяцевъ. Сими продолжительными трудами столько была утверждена и благоустроена Церковь коринѣская, что Павелъ впоследствии называлъ оную печатью своего апостольства (1 Кор. 9, 2). Не менѣе была дѣятельна и злоба враговъ Павловыхъ. Улучивъ удобное время, они напали на него и привели къ проконсулу. Обвиненіе было обыкновенное: «этотъ человекъ,» говорили, «распространяетъ въ народѣ почитаніе, несогласное съ закономъ.» Обвиняемый хотѣлъ было говорить въ свое оправданіе; но проконсулъ, примѣтивъ, что дѣло идетъ о ученіи, именахъ и законѣ іудейскомъ — предметахъ, совершенно чуждыхъ римской политикѣ, прогналъ обвинителей отъ судилища.

Пробывъ еще немалое время въ Коринѣ, Павелъ, въ сопровожденіи Аквилы и Прискиллы, отплылъ изъ Кенхрей (коринѣской пристани на берегу Эгейскаго моря, что къ востоку) въ Сирію и остановился въ Ефесѣ. Тамошніе іудеи, услышавъ его проповѣдь, просили его помедлить у нихъ; но онъ, давъ обѣщаніе возвратиться къ нимъ, спѣшилъ въ Іерусалимъ, дабы провеститамъ наступающій праздникъ (неизвѣстно, какой). Новые спутники его (Аквила и Прискилла) остались въ Ефесѣ. Въ Іерусалимѣ, повидимому, Павелъ былъ весьма недолго и возвра-

тился въ Антиохію, которая, бывъ мѣстомъ его посвященія на проповѣдь, была нѣкоторымъ образомъ и мѣстомъ его отдохновенія. О дѣяніяхъ его въ Іерусалимѣ евангелистъ Лука ничего не говоритъ. Вѣроятно впрочемъ, что онъ доставилъ туда милостыни, собранныя въ Церквахъ, имъ основанныхъ. Такимъ образомъ кончилось второе апостольское путешествіе Павла.

ТРЕТІЕ АПОСТОЛЬСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ СР. ПАВЛА.

пустя немного времени, Павелъ предпринялъ изъ Антиохіи третье путешествіе апостольское (Дѣян. 18, 22). Прошедъ Фригію и посѣтивъ галатійскую Церковь, онъ, по общанію своему, прибылъ въ Ефесъ. Здѣсь нашелъ онъ нѣкоторыхъ учениковъ, но не нашелъ въ нихъ того, безъ чего въ первенствующей Церкви нельзя было называться вѣрующимъ — видимыхъ даровъ Святаго Духа. На вопросъ: сообщенъ ли имъ Святой Духъ послѣ крещенія? отвѣчали: «мы даже и не слышали, есть ли Духъ Святой.» При дальнѣйшемъ розысканіи оказалось, что они крещены только Іоанновымъ крещеніемъ *). Апостоль немедленно изъяснилъ имъ недостаточность сего крещенія, показавъ, что Іоаннъ крестилъ въ покаяніе, заставляя вѣровать въ грядущаго Мессію, который давно пришелъ, и есть Господь Іисусъ. Вслѣдствіе сего, ученики Іоанна снова крестились во имя Іисуса Христа. Павелъ возложилъ на нихъ руки; они исполнились Святаго Духа, стали говорить иными языками и пророчествовать.

Послѣ сего учитель язычниковъ занялся, по обыкновенію, проповѣдію въ синагогѣ. Іудеи спокойно слушали его въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ; но потомъ вступили съ нимъ въ неблагонамѣренные споры, не устыдились даже злословить его лице и

*) Кто крестилъ ихъ? — Аполосъ? Но онъ, наученный Аквиллою и Прискиллою (Дѣян. 18, 25. 26) внушилъ бы имъ вѣру въ Іисуса Христа. Вѣроятно, это палестинскіе выходцы, которые, принявъ отъ Іоанна, или ученика его, крещеніе, оставили Іудею прежде, нежели тамъ распространилось христіанство.

ученіе. Смиреніе проповѣдника спокойно могло переносить подобныя оскорбленія; но клеветы приводили въ соблазнъ новообращенныхъ язычниковъ, которые, вслѣдствіе прежняго уваженія къ іудейскимъ учителямъ, еще продолжали смотрѣть на нихъ, какъ на образцы. Павелъ увидѣвъ опасность и, отдѣливъ послушныхъ учениковъ отъ упорныхъ противниковъ истины, оставилъ синагогу и избралъ мѣстомъ своей проповѣди училище одного язычника, именованнаго Тиранна *), или уже христіанина, или расположеннаго къ христіанству. Здѣсь, будучи свободенъ отъ бесполезнаго пренія съ іудеями, онъ провелъ два года въ непрерывной проповѣди. Толь долговременное сѣяніе, совершаемое руками Павла, который не разъ сѣянное омочалъ собственными слезами (Дѣян. 20, 31), долженствовало произрастить богатую жатву. Такъ и было. Поелуку въ Ефесѣ непрестанно стекалось множество народа, частію для торговли, частію для поклоненія Діанину образу **); то вся Азія (какъ іудеи, такъ и еллины) услышала проповѣдь о Іисусѣ Христѣ.

Сила истины ученія, возвѣщаемаго апостоломъ, была подкрѣпляема силою чудесъ, которыя въ такомъ избыткѣ совершались руками Павла, что наконецъ самые платки и полотенца, бывшія на тѣлѣ его, начали употреблять для уврачеванія болѣзней и прогнанія духовъ нечистыхъ. Это послужило поводомъ къ самому странному происшествію, въ которомъ съ одной стороны обнаружилась вся гнусность корыстолюбія, съ другой достоинство и святость чудесъ Павловыхъ.

Въ Ефесѣ было семь сыновъ какого-то іудейскаго первосвященника ***) Скевы, которые, выдавая себя за повелителей духовъ нечистыхъ, обманывали легковѣрный народъ ****). Наслышавшись, какъ Павелъ именованъ Іисуса Христа совершалъ чудеса, они стали употреблять сіе имя при заклинаніяхъ надъ бѣснова-

*) Это былъ какой нибудь софистъ, или народный учитель, каковыхъ въ греческихъ городахъ было весьма много. Что онъ не іудей, видно изъ того, что Павелъ отдѣлился отъ іудеевъ.

**) Strab. 14, pag. 948; Plin. Hist. Nat. 5, 29; Joseph. Ant. 14, 17.

***) Скева не былъ собственно первосвященникомъ іудейскимъ, а только начальникомъ одного изъ отдѣленій, на которыя раздѣлялись священники. 2 Пар. 36, 14; 1 Пар. 24, 6; Мат. 3, 4; 26, 3.

****) Флавій повѣствуетъ, что искусство заклинать нечистыхъ духовъ было въ великомъ употребленіи между его соотечественниками, и что его производили отъ Соломона. Смот. Ant. 8, II, гдѣ описывается и способъ заклинанія.

тыми, говоря: «заклинаемъ васъ Иисусомъ, коего Павелъ проповѣдуетъ.» Успѣхъ таковаго безстыдства естественно клонился бы ко вреду христіанства. Промыслъ употребилъ въ семь случаевъ такого обличителя, какого только стоили обличаемые—злаго духа. «Иисуса,» отвѣчалъ онъ на заклинанія, «я знаю, и Павелъ мнѣ извѣстенъ; но вы кто?» Къ сей укоризнѣ присоединились жестокіе удары отъ бѣсноватаго, — и низкіе корыстолюбцы принуждены были спасать жизнь свою бѣгствомъ. Случай сей, вскорѣ сдѣлавшись извѣстнымъ въ цѣломъ Ефесѣ, усилилъ уваженіе къ христіанской религіи. Всѣ увидѣли, что даръ чудотворенія, украшавшій проповѣдниковъ оной, не есть естественная какая-либо недовѣдомая сила, которая можетъ быть подчинена произволу человѣческому и обращена въ предметъ купли; но живая сила Божія, которая оказываетъ свое дѣйствіе только тамъ, гдѣ угодно Промыслу. Особенно обстоятельство сіе подѣйствовало на нѣкоторыхъ людей, занимавшихся тайными знаніями и волшебствомъ*): они снесли въ одно мѣсто всѣ книги свои, служившія источникомъ губельнаго искусства, и не смотря на великую цѣну ихъ**), предали оныя огню.

Устроивъ такимъ образомъ Церковь ефесскую, Павелъ помышлялъ о новыхъ путешествіяхъ, гораздо обширнѣйшихъ въ сравненіи съ прежними. Именно, онъ намѣревался идти въ Коринѣ, потомъ въ Иерусалимъ (2 Кор. 1, 15, 16); изъ Иерусалима думалъ предпринять путешествіе въ Римъ, а отсюда пройти въ Испанію (Дѣян. 19, 21; Рим. 15, 24—28). Въ семь предположеніи онъ послалъ предварительно въ Македонію двоихъ сотрудниковъ своихъ, Тимофея и Ераста, повидимому (1 Кор. 16, 8), для того, чтобы они собрали приношенія различныхъ Церквей, которыя онъ долженъ былъ доставить бѣднымъ христіанамъ іерусалимскимъ.

Въ сіе время пришелъ къ апостолу изъ Коринѣа Аполлосъ (1 Кор. 16, 12), трудившійся, подобно ему, надъ обращеніемъ язычниковъ; съ нимъ пришли и нѣкоторые изъ братьевъ, чрезъ коихъ коринѣяне писали къ апостолу, прося совѣта касательно

*) Ефесъ такъ былъ богатъ сими людьми, что всюду были въ употребленіи такъ называемыя ефесскія граматки (*εφέσια γραμμάτια*), коимъ приписывали сверхъестественное дѣйствіе. Онѣ не заключали въ себѣ почти никакого смысла. Вотъ одна для примѣра: *ἀβι κατὰβι αἰξ Γέτραξ δαμπαμενὺς αἰβιον*. Diogenian. Cent. 4, prov. 78; Erasmus adagg. Cent. 2, p. 578.

**) Онѣ стоили 50,000 драхмъ серебра, что на наши деньги составитъ около 6,250 имперіаловъ. V. Kuinoel. Comm. in Act. Apost. ad. h. 1.

супружескаго и безбрачнаго состоянія (1 Кор. 7, 1). Отъ нихъ узналъ Павелъ о многихъ безпорядкахъ, вкравшихся въ коринѳскую Церковь, что было поводомъ къ написанію перваго посланія къ коринѳянамъ. Обличивъ въ немъ заблужденія коринѳянь, Павелъ общался самъ, послѣ праздника пятидесятницы, придти въ Коринѳъ (1 Кор. 7, 18. 19; 11, 34; 16, 5—8). Посланіе отправлено было съ Стефаномъ, Фортунатомъ и Ахаикомъ: ибо Аполлосъ, съ коимъ Павлу хотѣлось послать его, не рѣшался такъ скоро возвратиться въ Коринѳъ, конечно изъ опасенія, чтобы его присутствіе снова не послужило для коринѳянь поводомъ къ разногласіямъ касательно важности учителей, отъ коихъ каждый изъ нихъ получилъ крещеніе (1 Кор. 1, 11, 12).

Въ семъ посланіи апостолъ Павелъ упоминаетъ объ одномъ обстоятельстве своего пребыванія въ Ефесѣ, опущенномъ св. Лукою, которое весьма замѣчательно и по своему свойству, и по тѣмъ разногласіямъ, въ кои толкователи св. писанія впали при изъясненіи его. Въ 15, 32 говорится, что онъ боролся со звѣрями въ Ефесѣ. Спрашивается: въ самомъ ли дѣлѣ апостолъ въ Ефесѣ былъ осужденъ на употребительную въ тѣ времена казнь сраженія съ звѣрями? Никифоръ, писатель XIV вѣка, такъ подробно описываетъ сіе сраженіе *), какъ бы онъ самъ былъ его очевидцемъ; но его повѣствованія, въ коихъ онъ никогда не даетъ историческаго отчета, давно уже потеряли довѣріе у тѣхъ, кои въ исторіи ищутъ строгой достовѣрности. Все, что можно привести въ оправданіе сказанія Никифорова о дѣйствительномъ сраженіи апостола Павла съ звѣрьми въ Ефесѣ, состоитъ въ томъ, что жизнь его въ семъ городѣ подвергалась крайней опас-

*) Nicerphorus lib. 2, cap. 25. Вотъ сущность сказанія: разъяренный народъ заключилъ апостола въ темницу, въ намѣреніи бросить его на пищу звѣрямъ. Во время ночи Павелъ чудесно выходитъ изъ темницы для преподаванія крещенія двумъ женщинамъ, и паки возвращается, не бывъ никѣмъ примѣченъ. Левъ, пущенный на Павла, упадаетъ со смиреніемъ къ его ногамъ; то же дѣлаютъ и другіе звѣри. Необыкновенный градъ убиваетъ многихъ зрителей и звѣрей, исключая льва, который убѣгаетъ въ лѣсъ; апостолъ освобождается. Очевидно, что Никифоръ, или кто другой, смѣшалъ два рода наказаній, совершенно различныхъ. *Θηριολαχίην* означаетъ борьбу со звѣрями, на которую осужденный выходилъ въ вооруженіи и нерѣдко оставался побѣдителемъ, а не поверженіе на съденіе звѣрямъ: это была другая казнь. Павелъ, если принять слова его: *боролся со звѣрьми*, въ собственномъ смыслѣ, осужденъ былъ на первую.

ности, какъ явствуетъ изъ 2 Кор. 1, 9. Но подъ сею опасностію, сообразно обстоятельствамъ пребыванія его въ Ефесѣ, всего приличнѣе разумѣть ту опасность, коей подвергался онъ во время возмущенія, произведеннаго Димитріемъ серебрянникомъ, какъ увидимъ впослѣдствіи. Если бы Павелъ сражался въ Ефесѣ съ звѣрями: то 1) св. Лука не преминулъ бы, хотя кратко, упомянуть о семъ въ Дѣяніяхъ; 2) самъ Павелъ не пропустилъ бы сего обстоятельства при исчисленіи коринѳянамъ всѣхъ видовъ бѣдствій, коимъ онъ подвергался за имя Христово (2 Кор. 11, 24—32). Притомъ древніе отцы Церкви, какъ-то: Златоустъ и Иеронимъ, коимъ исторія Павлова, безъ сомнѣнія, была извѣстнѣе, нежели Никифору, принимаютъ выраженіе Павлово: *сражался со звѣрями*, за метафору. Въ самомъ дѣлѣ, это—метафора. Греки, на языкѣ коихъ писалъ Павелъ, также какъ и мы, сравнивали людей свирѣпыхъ съ звѣрями. Игнатію Богоносцу въ посланіи своемъ къ смирянамъ употребляетъ тоже самое слово, какое употреблено Павломъ (*θηριοναχῶν*), разумѣя подъ нимъ свое обхождение съ жестокими приставниками своими. Самъ Павелъ употребляетъ подобное выраженіе въ посланіи къ Тимоѳею, когда говоритъ о себѣ, что онъ былъ избавленъ изъ львиныхъ челюстей, то есть, отъ гнѣва императора римскаго (2 Тим. 4, 17).

Въ сіе же время, то есть въ концѣ трехлѣтняго пребыванія Павлова въ Ефесѣ, должно полагать, написаны имъ посланія къ Титу и галатамъ. Первое видно изъ того, что апостоль повелѣваетъ Титу скорѣе придти къ нему въ Никополь (Тит. 3, 12); а Титъ дѣйствительно является спутникомъ его вскорѣ по выходѣ изъ Ефеса (2 Кор. 7, 6. 7. 13), — и изъ того, что заповѣдуетъ ему принять Аполлоса (Тит. 3, 13), который, какъ мы замѣтили, отказавшись возвратиться въ Коринѳъ, пошелъ въ Критъ. Послѣднее открывается изъ жалобы писателя на галатовъ за то, что они такъ скоро измѣнились въ вѣрѣ (Гал. 1, 6), ибо апостоль посѣтилъ, какъ мы видѣли, галатійскую Церковь на своемъ пути въ Ефесѣ. Сущность посланія къ Титу состоитъ въ преподаваніи ему правилъ пастырскаго благочинія, а къ галатамъ — въ защищеніи своего апостольскаго достоинства отъ клеветъ иудействующихъ лжеучителей, которые старались унижить его предъ галатами, и въ защищеніи свободы христіанской отъ ига законнаго, которое первые хотѣли возложить на послѣднихъ.

Когда такимъ образомъ Павелъ сражался вездѣ за истину, по его выраженію, *съ оружіемъ правды въ правой и лѣвой рукѣ* (2 Кор. 6, 7), сатана, коего онъ поразилъ въ самое сердце осно-

ваніемъ Церквей въ знаменитыхъ городахъ Азіи, приготовлялъ на него новую бурю. Ефесъ, какъ замѣчено, славился храмомъ Діаны, который, по своей огромности и несмѣтнымъ сокровищамъ, считался въ числѣ семи чудесъ свѣта *). Корыстолюбіе художниковъ, ободряемое слѣпымъ суевѣріемъ почитателей Діанниныхъ, вымыслило искусственныя подобія храма ея, которыя покупались молещиками, какъ нѣкая святыня. Сею работою особенно славился и обогатился нѣкоторый серебрянникъ Димитрій. Въ его-то сердце вошелъ сатана для исполненія своихъ злоумышленій на Павла. Собравъ подобныхъ себѣ ремесленниковъ, онъ описалъ имъ всю опасность, коею угрожаетъ прибыткамъ ихъ распространеніе христіанства. «Друзья!» говорилъ онъ имъ, «вамъ извѣстно, что отъ сей прибыли зависитъ все содержаніе наше; между тѣмъ вы видите и слышите, что Павелъ не только въ Ефесѣ, но и почти во всей Азіи, не малое число людей переувѣрилъ, что боги, дѣлаемые руками, не суть боги. Что выйдеть изъ сего? То, что не только ремесло наше придетъ въ презрѣніе, но и храмъ великія богини Діаны будетъ почитаемъ за ничто, и испровергнется величіе той, которую вся Азія и вселенная почитаетъ.» Выслушавъ сіе, толпа корыстолюбивыхъ лицемѣровъ, исполнившись фанатическаго восторга, начала кричать: «велика Діана Ефесская!» Возмущеніе тотчасъ распространилось по всему городу. Двое изъ спутниковъ Павловыхъ (Гай и Аристархъ) были схвачены. Наступила минута рѣшительная и вмѣстѣ опасная. Явиться предъ разъяренною толпою возмутителей, значило принести самого себя добровольно въ жертву ихъ лютости; искать спасенія въ бѣгствѣ, значило измѣнить истинѣ, измѣнить своимъ спутникамъ, кои находились въ величайшей опасности. Павелъ избралъ первое; но вѣрующіе удержали его. Даже асіархи **) старались отклонить его отъ сей опасности. Между тѣмъ изъ возмутителей одни кричали одно, другіе другое: большая часть собранія не знала, въ чемъ состоитъ дѣло. Поелику Павла почитали всѣ іудеи, то обвиненіе пало на іудеевъ (единственный случай, когда іудеи подверглись опас-

*) Plin. Hist. Nat. 36, 14—16, 40.

**) Областные начальники надъ играми народными и жертвоприношеніями, такъ названные отъ провинціи, имъ подчиненной: подобно какъ таковыя начальники въ Сиріи назывались сиріархами, въ Кипрѣ — кипріархами. V. Kuinöl Comm. in Acta Apost. ad. XIX, 31.

ности за христіанъ, которые, по свидѣтельству исторіи, не однократно терпѣли гоненіе за іудеевъ). Послѣдніе избрали нѣкоего Александра, который долженъ былъ защитить ихъ предъ народомъ, сложивъ всю вину на Павла. Но Промыслъ разрушилъ ихъ намѣреніе. Узнавъ, что Александръ іудей, язычники прогнали его съ зрѣлища, и снова въ продолженіе двухъ часовъ кричали: «велика Діана Ефесская!» Честь утишить столь бурное волненіе народа и освободить проповѣдниковъ христіанства отъ опасности досталась одному книжнику, вѣроятно, благопріятствовавшему христіанамъ. «Граждане ефесскіе!» сказалъ сей искусный витія, «какой же человекъ не знаетъ, что городъ Ефесъ есть служитель великія богини Діаны?... Когда же въ семь нѣтъ спора, то надобно намъ оставаться въ покоѣ и не поступать опрометчиво; ибо вы привели сихъ людей, незамѣченныхъ ни въ святотатствѣ, ни въ хуленіи богини вашей. И такъ, если Димитрій и его товарищи имѣютъ причину жаловаться на кого нибудь: на то естъ судебныя собранія, естъ проконсулы... Мы находимся въ опасности за происшедшее сегодня быть обвиненными въ возмущеніи, тогда какъ нѣтъ законной причины, коею мы могли бы оправдать сіе стеченіе народа.» Успокоенное сими словами собраніе разсѣялось.

Изъ словъ книжника видно, что проповѣдники евангелія, открывая язычникамъ ничтожность ихъ истукановъ, не хулили однако же боговъ. Въ самомъ дѣлѣ, доколѣ ефесеяне увѣрены были въ божествѣ Діаны, то безъ нарушенія закона совѣсти не могли спокойно слушать хулы на оное. Насмѣшки вообще ведутъ не къ убѣжденію, а къ досадѣ и ненависти. Когда истина ученія евангельскаго о Богѣ была признаваема, то божества язычскія падали сами собою. Сей поступокъ Павла служитъ прекраснымъ примѣромъ того, какъ должно поступать съ мнѣніями другихъ касательно религіи. Наставляя, выводы изъ заблужденія, обличай; но доколѣ не переувѣришь, не издѣвайся надъ тѣмъ, что другой почитаетъ священнымъ *).

По утишеніи мятежа, Павелъ рѣшился оставить Ефесъ. Созвавъ вѣрующихъ и преподавъ имъ наставленіе, онъ пошелъ въ Македонію. На семь пути онъ остановился въ Троадѣ. Здѣсь

*) Иосифъ Флавій говоритъ (Ant. IV, 8—10), что между Моисеевыми законами (неписанными) былъ одинъ, запрещавшій іудеямъ хулить божества язычниковъ. Иудейскій историкъ заблуждался, почитая Моисея виновникомъ сего закона; но законъ стоитъ законодателя синайскаго.

отверзлась для него *дверь* вѣры; но онъ, не имѣя покоя духу своему (2 Кор. 2, 12. 13), потому что не нашелъ тамъ Тита, спѣшилъ въ Македонію, гдѣ полагалъ встрѣтиться съ нимъ. Въ Македонію онъ дѣйствительно былъ утѣшенъ свиданіемъ съ симъ ревностнымъ сотрудникомъ своего апостольства. Извѣстія, принесенныя Титомъ изъ Коринѳа, еще болѣе умножили радость апостола (2 Кор. 7, 5—16). Онъ узналъ, что коринѳяне приняли посланіе его со всѣмъ уваженіемъ, немедленно исправили замѣченные у нихъ беспорядки и что они готовы участвовать вмѣстѣ съ другими въ милостынѣ, собираемой для Церкви іерусалимской. Но тутъ же узналъ, что неисполненіе обѣщанія придти къ нимъ нѣкоторыми злонамѣренными людьми выставляется какъ признакъ непостоянства, и что сіи же люди стараются вообще унижить его апостольское достоинство предъ коринѳянами. *Уста его* при семъ, какъ онъ самъ говоритъ, *отверзлись къ коринѳянамъ, сердце распространилось* (2 Кор. 6, 11) отъ любви къ нимъ и ревности по ихъ спасенію, и онъ написалъ посланіе, исполненное усердія и отеческой заботы. Въ немъ апостоль представляетъ истинныя причины, удержавшія его отъ путешествія въ Коринѳъ, благодарить за послушаніе, защищаетъ свое апостольское достоинство и чистоту поведенія своего, побуждаетъ къ дѣятельнѣйшему участию въ милостынѣ для іерусалимскихъ христіанъ.

Изъ Македонію Павелъ перешелъ въ Грецію (собственно такъ называемую) и провелъ въ ней три мѣсяца, вѣроятно, большею частію въ Коринѳѣ. Отсюда и въ сіе время написано имъ славное посланіе къ римской Церкви. Павелъ давно желалъ видѣть оную, утѣшаясь слухомъ о ея преспѣваніи въ вѣрѣ (Рим. 1, 11. 12); но обстоятельства до сихъ поръ препятствовали ему исполнить сіе намѣреніе. Между тѣмъ онъ слышалъ, что въ римской Церкви происходятъ несогласія: язычники презираютъ іудеевъ, а іудеи язычниковъ. Отшествіе Фивы, кенхрейской діакониссы, въ Римъ представило ему случай писать къ тамошнимъ христіанамъ (Рим. 16, 1). Поелику разногласіе іудеевъ съ язычниками было почти общимъ недугомъ, отъ коего страдали тогдашняя Церква; то учитель языковъ въ посланіи къ римской Церкви, какъ знаменитѣйшей между Церквами новоустроенными, пространно изложилъ свое ученіе касательно взаимнаго отношенія обрѣзанныхъ и необрѣзанныхъ христіанъ: а сіе привело его къ изъясненію догматовъ о духовномъ безсиліи и *безотвѣтности* предъ Богомъ всего рода человѣческаго, свойствахъ вѣры оправдывающей и о тѣхъ обязанностяхъ, кои она ведетъ за собою.

Посему-то посланіе къ римлянамъ всегда почиталось важнѣйшимъ изъ посланій Павловыхъ и какъ бы сокращеніемъ его ученія.

Собравъ въ Греціи приношенія всѣхъ Церквей, имъ основанныхъ, Павелъ избралъ было самый кратчайшій путь въ Іерусалимъ чрезъ Сирію; но извѣстіе о злоумышленіи іудеевъ (можетъ быть, хотѣвшихъ воспользоваться милостынею, которую онъ несъ съ собою) заставило его предпринять другой путь чрезъ Македонію (Дѣян. 20, 3). Посѣтивъ Церковь филиппійскую, онъ достигъ Троады, гдѣ провель семь дней. Въ послѣдній день пребыванія (недѣльный) троадскіе христіане собрались по обыкновенію, для общественной молитвы. Павелъ предложилъ имъ поученіе, которое простерлось до полуночи. Столь благочестивое собраніе, гдѣ, по выраженію Златоуста *), любовь проповѣдывала, любовь и слушала, возмущено было внезапно однимъ неприятнымъ случаемъ. Одинъ юноша (Евтихъ), сидѣвшій на окнѣ, погрузился въ сонъ; окно было открыто, и онъ упалъ съ третьяго этажа. Соннаго подняли мертвымъ. Но Павелъ нашелъ въ немъ признаки жизни и успокоилъ братьевъ. За проповѣдію слѣдовала вечера любви, потомъ опять слово вѣры, такъ что вся ночь проведена была въ бесѣдѣ. Къ утру отрока привели живаго.

Съ разсвѣтомъ дня Павелъ оставилъ Троаду. Спутники его поплыли въ Ассъ, а самъ онъ пошелъ туда пѣшкомъ, вѣроятно для того, чтобы на пути преподать наставленіе вѣрующимъ. Въ Ассѣ сѣлъ онъ на корабль, и въ нѣсколько дней прибылъ въ Милетъ. Церковь ефесская осталась въ сторонѣ, ибо онъ спѣшилъ въ Іерусалимъ. Она не знала еще, что никогда не увидитъ его; но Павелъ зналъ сіе, а посему изъ Милета послалъ за ефесскими пресвитерами, дабы изъяснить имъ послѣднюю волю свою. Прощальная рѣчь его къ симъ пастырямъ есть изліяніе истинно отеческаго сердца, и невольно напоминаетъ прощальную рѣчь Іисуса Христа къ ученикамъ своимъ.

«Вы знаете», говорилъ онъ, «какъ я жилъ съ вами во все время съ перваго дня, въ который пришелъ я въ Азію: служилъ Господу со всѣмъ смиреніемъ, со многими слезами, среди искушеній, случавшихся со мною по злоумышленію іудеевъ; и что я не пропустилъ ничего полезнаго, о чемъ бы не сказалъ вамъ, и чему бы не поучалъ васъ при народѣ и по домамъ. Я пропо-

*) Hom. in. Act. Apost.

вѣдывалъ іудеямъ и еллинамъ покаяніе, и обращеніе къ Богу, и вѣру въ Господа нашего Іисуса Христа. И вотъ нынѣ, по влеченію Духа, иду я въ Іерусалимъ, не зная, что тамъ со мною встрѣтится; только Духъ Святыи по городамъ свидѣтельствуетъ мнѣ, что меня ожидаютъ узы и бѣдствія. Но я ни на что не взираю и не дорожу своею жизнію, только бы совершить съ радостію свой путь и служеніе, которое принялъ я отъ Господа Іисуса, проповѣдать евангеліе благодати Божіей. И нынѣ вотъ, я знаю, что всѣ вы, между которыми я ходилъ и проповѣдывалъ царствіе Божіе, уже не увидите лица моего. И потому свидѣтельствую вамъ въ сей день, что неповиненъ я въ крови всѣхъ васъ; ибо я не опускалъ возвѣщать вамъ всю волю Божію. Итакъ берегите себя и все стадо, въ которомъ Духъ Святыи поставилъ васъ блюстителями, пасты Церковь Господа и Бога, которую онъ пріобрѣлъ себѣ кровію своею. Ибо я знаю, что по отшествіи моемъ войдутъ къ вамъ лютые волки, не щадящіе стада; и что изъ васъ самихъ явятся люди, которые будутъ говорить превратно, дабы увлечь за собою учениковъ. Итакъ бодрствуйте, помня, что я три года непрестанно день и ночь со слезами поучалъ каждаго изъ васъ. А нынѣ, братія, поручаю я васъ Богу и Его благодатному слову, могущему назидать васъ болѣе, и дать вамъ наслѣдіе со всѣми освященными. Ни сребра, ни золота, ни одежды я ни отъ кого не пожелалъ. Сами вы знаете, что нуждамъ моимъ и нуждамъ бывшихъ при мнѣ, служили сіи мои руки. Во всемъ показалъ я вамъ, что такъ надобно, трудясь, поддерживать слабыхъ, и помнить слова Господа Іисуса; ибо Онъ самъ сказалъ: болѣе блаженства въ томъ, чтобы давать, нежели брать».

Окончивъ увѣщаніе, Павелъ повергся на землю и молился вмѣстѣ съ вѣрующими. При мысли, что не увидятъ его болѣе, глубокая скорбь овладѣла сердцама всѣхъ: всѣ молчали, и всѣ плакали; наконецъ невольнo разстались.

Корабль, на коемъ отплылъ Павелъ, долженъ былъ пристать въ Турѣ для выгрузки товаровъ. Нашедъ здѣсь вѣрующихъ, путешественники пробыли у нихъ семь дней. Предвидя бѣдствія, коимъ апостолъ имѣетъ подвергнуться въ Іерусалимѣ, тиряне молили его не ходить въ оный: но могъ ли сдѣлать сіе Павелъ, который шелъ туда по влеченію Духа Божія? — Отшествіе его изъ Тира былю отшествіемъ отца семейства: всѣ вѣрующіе, не исключая малыхъ дѣтей, провожали его до самаго берега; здѣсь, ставъ на колѣни, они испрашивали ему у Отца небеснаго счаст-

ливаго пути. Какой утѣшительный видъ для чистаго сердца Павлова! Какъ ничтожны въ сравненіи съ симъ выраженіемъ безпритворной любви всѣ пышные и принужденные клику въ честь земныхъ исполиновъ!

Сошедъ съ корабля въ Птолемаидской пристани, путешественники вскорѣ достигли Кесарію, гдѣ были приняты Филиппомъ, однимъ изъ числа семи діаконовъ, коего дочери, дѣвицы, обладали духомъ пророчества. Въ сіе время пришелъ въ Кесарію изъ Іудеи Агапъ, тотъ самый, который въ Антіохіи предсказалъ нѣкогда голодъ. Нашедши Павла, онъ взялъ его поясъ и, связавъ имъ руки и ноги, сказалъ, что такъ будетъ связанъ въ Іерусалимѣ владѣтель сего пояса. При сихъ словахъ кесарійскіе христіане, подобно турецкимъ, начали отклонять Павла отъ его намѣренія быть въ Іерусалимѣ. Убѣжденія растворены были слезами: такъ крѣпко они любили его! Павелъ любилъ ихъ не менѣе; но чувствованія его сердца всегда были подчинены гласу долга. Онъ зналъ, что узы, ожидающія его въ Іерусалимѣ, по намѣренію Промысла, должны послужить къ славѣ евангелія: высшаго блаженства для него не было на землѣ. «Что вы дѣлаете?» сказалъ онъ плачущимъ ученикамъ своимъ. «Зачѣмъ плачете и разстроиваете сердце мое? Я готовъ быть не только узникомъ, но и умереть въ Іерусалимѣ за имя Господа Іисуса». Видя безуспѣшность своихъ прошеній, вѣрующіе наконецъ успокоились, сказавъ: «да будетъ воля Господня!» — Чрезъ нѣсколько дней Павелъ прибылъ въ Іерусалимъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ учениковъ кесарійскихъ, кои хотѣли указать ему пристанище въ домѣ одного христіанина, по имени Мнасона (Дѣян. 20, 21).

Здѣсь оканчивается исторія апостольскихъ путешествій Павла. По вѣроятнѣйшему счисленію, они продолжались 12 лѣтъ. Пространство, измѣренное стопами апостола, начинается Аравією и оканчивается Илирією *). Главнымъ мѣстомъ дѣйствованія его была Малая Азія и Греція: конечно потому, что сюда стекалось множество народа изъ всѣхъ странъ свѣта, что могло служить къ скорѣйшему распространенію христіанства. Въ самомъ дѣлѣ, оно столь успѣшно распространилось проповѣдію Павла, что въ посланіи къ римлянамъ можно уже было сказать: *голосъ*

*) Рим. 15. Илирикомъ, или Илирією называлась страна, лежащая между Италією, Германією, Македонією и Фракією. Съ одной стороны она граничила съ Адриатическимъ моремъ, а съ другою съ Дунаемъ. Wits. Melet. Leyd. pag. 105.

проповѣдниковъ разнесся по всей землѣ, и слова ихъ до предѣловъ вселенныя (Рим. 10, 18). Учитель языковъ имѣлъ ревностныхъ сотрудниковъ; но они всѣ дѣйствовали по его распоряженію, большею частію поливали то, что имъ посѣяно: притомъ они были, такъ сказать, его воспитанники. Основавъ множество Церквей, Павелъ не далъ ни одной изъ нихъ письменно своего ученія; оно должно было сохраниться не въ книгахъ, а въ сердцахъ учениковъ его. Новообращенные слушали его, какъ самого Бога: впрочемъ онъ все уваженіе, какое было оказываемо его лицу, старался обратить въ пользу религіи; онъ желалъ, чтобы ученики его, если можно, вовсе не знали своихъ земныхъ наставниковъ, а знали одного небеснаго Учителя Іисуса Христа. «Что Павелъ?» писалъ онъ къ коринѣянамъ, «что Аполлосъ? Они только служители, посредствомъ которыхъ вы увѣрвали (1 Кор. 3, 5).» Дѣйствуя именемъ Бога, онъ отъ Него единственно ожидалъ успѣха трудовъ своихъ; Ему препоручилъ возвращеніе того, что имъ было сѣяно.

УЗЫ ПАВЛА ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ.

ъ Іерусалимѣ Павелъ былъ принятъ вѣрующими со всеобщемою радостію. Первымъ дѣломъ его было раздѣленіе милостыни, принесенной бѣднымъ братьямъ. На другой день онъ посѣтилъ апостола Іакова, тогдашняго предстоятеля іерусалимской Церкви, куда собрались и всѣ пресвитеры, желая слышать отъ него объ успѣхахъ христіанства. Павелъ рассказывалъ подробно о всемъ, что сотворилъ Богъ у язычниковъ посредствомъ его проповѣди. Всѣ слушали съ удовольствіемъ и славли Бога, призрѣвшаго благодатию своею и на бѣдныхъ язычниковъ. Пресвитеры съ своей стороны увѣдомили Павла о состояніи іерусалимской Церкви. «Многія тысячи іудеевъ», говорили они, «признали Іисуса Христа Мессіею, но продолжаютъ крѣпко держаться закона Моисеева. Всѣ они наслышались о тебѣ, что ты противнаго образа мыслей, и учишь отступленію отъ Моисея, запрещая обрѣзаніе *). Всего вѣроятнѣе, что сіи ревнителі закона обратятъ все вниманіе на твое поведеніе въ Іерусалимѣ. Итакъ послѣдуй нашему совѣту: у насъ есть четыре челоуѣка, которые дали обѣтъ Богу; присоединись къ нимъ и возьми на себя ихъ издержки для жертвоприношенія **). Такимъ образомъ

*) Обвиненіе сіе было несправедливо. Апостоль не запрещалъ іудеямъ обрѣзываться; училъ только, что язычники не должны сего дѣлать, и что обрѣзаніе вообще есть вещь безразличная.

***) У іудеевъ почиталось признакомъ особенной набожности, если кто такимъ образомъ участвовалъ въ чужихъ обѣтахъ. Участвующій могъ, если хотѣлъ, подобно обѣщавшимся, воздерживаться отъ употребленія извѣстныхъ снѣдей и питія: въ противномъ случаѣ участіе состояло только въ принятіи на себя издержекъ, съ коими соединенъ былъ обѣтъ. Ioseph. Ant. 19, 6; Bell. Iud. 2, 15, 1.

узнають всѣ, что слышанное ими о тебѣ неправда, и что ты продолжаешь соблюдать законъ. Впрочемъ, — продолжали они, мы далеки отъ того, чтобы лишить свободы христіанской обращенныхъ язычниковъ; въ отношеніи ихъ мы постоянно держимся прежняго положенія нашей Церкви: но что касается до іудеевъ, то почитаемъ за нужное не соблазнять ихъ неуваженіемъ къ закону».

Павель, который твердо зналъ, что и обрѣзаніе и не обрѣзаніе для христіанина ничто, а важна вѣра, споспѣшествуемая любовью, и что главный долгъ свободы христіанской — не соблазнять слабыхъ совѣстію, быть съ іудеемъ какъ іудей, съ язычникомъ какъ язычникъ, охотно послѣдовалъ совѣту братьевъ. Уже наступилъ седьмой день, когда надлежало окончиться обѣту, въ коемъ участвовалъ Павель, жертвоприношеніемъ во храмѣ. Апостоль явился туда, — но для того только, чтобы самому содѣлаться жертвою непредвидѣннаго возмущенія. Казалось, что самъ Промыслъ, избравшій сію минуту для лишенія его свободы, не хотѣлъ, чтобы учитель язычниковъ, первѣйшій защитникъ свободы христіанской, явился въ видѣ почитателя сѣни законной въ томъ храмѣ, который давно уже потерялъ истинное свое значеніе. Онъ тотчасъ былъ замѣченъ нѣкоторыми изъ азіатскихъ іудеевъ, которые пришли въ Іерусалимъ для поклоненія. Въ памяти сихъ суевѣрныхъ людей мгновенно возбудились всѣ тѣ случаи, въ коихъ Павель казался имъ презрителемъ отечественнаго закона. И сей врагъ Бога и Моисея — въ глазахъ ихъ осмѣлился войти въ святилище, съ явнымъ или тайнымъ, какъ они думали, презрѣніемъ святыни его! — Въ жару безразсудной ревности они полагали, что онъ вводилъ съ собою въ храмъ и язычниковъ, коими видѣли его недавно окруженнымъ. «Израильтяне!» воскликнули сіи безразсудные люди, «помогите: вотъ человѣкъ, который повсюду всѣхъ учитъ противъ народа еврейскаго, закона и сего священнаго мѣста; который осквернилъ храмъ, введши въ него язычниковъ». Вопль сей разнесся по всему городу; со всѣхъ сторонъ стеклись толпы народа, и безъ того во множествѣ окружавшаго храмъ. Многіе помнили еще измѣну Павла іудейству на пути въ Дамаскъ; всѣ слышали о его проповѣди между язычниками, которая также почиталась измѣною. Мнимый врагъ религіи Моисеевой былъ схваченъ и извлеченъ изъ храма, который тотчасъ заперли, по видимому для того, чтобы онъ не воспользовался правомъ прибѣжища къ алтарю (1 Цар. 1, 50; 2, 29).

Но прибѣжищемъ Павла былъ Тотъ, кто въ нерукотворенныхъ храмахъ живетъ. Гонимый обрѣзанными, онъ спасенъ былъ отъ смерти язычниками, какъ бы въ благодарность за его апостольское служеніе язычникамъ. Римская стража, особенно во время праздниковъ, тщательно наблюдала за всѣмъ, что происходило въ народѣ; часть ея была и при храмѣ *): посему о происшедшемъ возмущеніи тотчасъ дано было знать тысященачальнику. Появленіе его съ вооруженными воинами принудило враговъ Павловыхъ остановиться. Онъ былъ взятъ подъ стражу и обремененъ цѣпями. Поелику въ обвиненіе его одни кричали то, другіе другое; то тысященачальникъ велѣлъ его отвести въ крѣпость **), дабы впослѣдствіи рассмотреть дѣло. Мятажники преслѣдовали его до самаго входа въ крѣпость, такъ что воины должны были нести его на рукахъ, дабы онъ не былъ растерзанъ ими до суда. Павелъ просилъ позволенія у тысященачальника сказать ему нѣчто: сей услышавъ, что онъ говоритъ по-гречески, подумалъ было, что онъ тотъ самый египтянинъ, который незадолго предъ тѣмъ произвелъ возмущеніе противъ римлянъ и сдѣлался виною многихъ убійствъ и грабежей ***); но вышелъ изъ заблужденія, когда узналъ, что узникъ его происходитъ изъ Куликіи, и никогда не думалъ быть главою заговорщиковъ.

Обвиняемый просилъ дозволенія говорить къ народу. Римлянинъ согласился, и онъ, въ намѣреніи возбудить вниманіе къ себѣ, началъ говорить употребительнымъ въ тѣ времена нарѣчіемъ іудейскимъ (сиро-халдейскимъ, или арамейскимъ). Средство сіе подѣйствовало: народъ умолкъ. Павелъ представилъ кратко исторію своей жизни, приводилъ на память, что онъ былъ упорнымъ гонителемъ христіанства, но выведенъ изъ своего заблужденія чудеснымъ явленіемъ ему Іисуса Христа; ссымался на божественное откровеніе, вслѣдствіе коего онъ сдѣлался апостоломъ для язычниковъ. Едва онъ произнесъ послѣднее слово, какъ сердца іудеевъ снова закупѣли яростію; не хотѣли болѣе

*) Ioseph. Ant. 20, 4, 3; Bell. Iud. 5, 5, 8.

**) Она находилась близъ храма, на горѣ Моріагъ, и названа Иродомъ Великимъ въ честь Антонія Антоніевою. Ioseph. Bell. Iud. 20, 4, 3.

***) Сей египтянинъ, по сказанію Флавія, собравъ толпу праздныхъ и непріимчивыхъ людей, вывелъ ихъ на гору Елеонскую, съ обѣщаніемъ, что по слову его падутъ стѣны іерусалимскія. Но вмѣсто паденія стѣнъ на нихъ напало войско, посланное отъ Феликса; разбитый лжепророкъ принужденъ былъ спастись бѣгствомъ. Ant. 20, 8; Bell. Iud. 2, 13.

слушать того, кто благопріятствовалъ необрѣзаннымъ, вопреки выгодамъ потомковъ Авраамовыхъ. Со всѣхъ сторонъ раздались тысячи голосовъ къ военачальнику: «истреби отъ земли такого; не должно ему жить!»

Столь неудачное слѣдствіе Павловой бесѣды и новое ожесточеніе мятежнаго народа, коего спокойствіе было первымъ предметомъ попеченія для римскихъ правителей, расположили тысященачальника къ строгимъ мѣрамъ. Онъ велѣлъ Павла подвергнуть пыткѣ, желая вывѣдать чрезъ сіе истинную причину всеобщаго негодованія на него. Павелъ никогда не отрекался претерпѣть самую смерть для славы Божіей. Но мученія, коимъ онъ теперь долженъ былъ подвергнуться, не могли принести никакой пользы евангелію: посему онъ рѣшился освободить себя отъ нихъ правомъ римскаго гражданина. «Развѣ можно бить римскихъ гражданъ, да и безъ суда?» спросилъ онъ своихъ будущихъ мучителей. Произнестъ сіи слова значило остановить весь судъ. Сотникъ въ страхѣ спѣшилъ съ извѣстіемъ къ тысященачальнику. «Что ты хочешь дѣлать?» говорилъ онъ, «это римскій гражданинъ.» Послѣдній очень хорошо зналъ цѣну римскаго гражданства, заплативъ за него великую сумму (Дѣян. 22, 28). Увѣрившись въ истинѣ Павловыхъ словъ, онъ велѣлъ отложить не только пытку, но и узы.

Не оставалось другаго средства разобрать дѣло, какъ заставить обвинителей говорить въ присутствіи обвиняемаго, и обратно. Назначено общее собраніе, въ коемъ должны были присутствовать первосвященники и весь синедріонъ. Павелъ безтрепетно выступилъ, дабы защищать имя Іисуса предъ людьми, отъ коихъ онъ нѣкогда домогался полномочія гнать Его. Чувство собственной невинности, желаніе перелить его въ сердца своихъ соотечественниковъ, все еще любезныхъ для него, исполнило всю его душу. «Братія!» воскликнулъ онъ, «я со всею чистотою совѣсти жилъ предъ Богомъ даже до сего дня.» Сей голосъ искренности могъ тронуть всякаго; но въ собраніи не было сердецъ, способныхъ внимать ему. Первосвященникъ Ананія первый почелъ слова сіи выраженіемъ дерзости, и приказалъ Павла бить по устамъ. Столь явная несправедливость исторгла изъ сихъ кроткихъ устъ строгій упрекъ: «Богъ будетъ бить тебя, стѣна подбѣленная (лицемѣръ)! Ты сидишь, дабы судить меня по закону, а вопреки закону велишь бить меня?» Предстоящіе изумились: Ананія былъ первосвященникъ, а Павелъ назвалъ его подбѣленною стѣною! «Какъ!» возразили нѣкоторые, «ты злосло-

вишь первосвященника Божія?» — «Я не зналъ, братія, — отвѣчалъ Павелъ, что онъ первосвященникъ; ибо въ писаніи сказано: начальствующаго въ народѣ твоёмъ не злословь (Исх. 22, 28).» Таковъ отвѣтъ совсѣмъ не былъ хитрымъ оборотомъ, какъ представляютъ его себѣ *). Прежній первосвященникъ, извѣстный Павлу, или уже не былъ въ живыхъ, или давно пересталъ быть первосвященникомъ. Корыстолюбіе римскихъ правителей часто перемѣняло преемниковъ Аароновыхъ; иногда въ продолженіе одного года являлось ихъ по два и болѣе. Таковыя перемѣны апостолу, удаленному отъ Іерусалима, могли быть вовсе неизвѣстны. Одежда первосвященника отличала его отъ прочихъ только въ храмѣ **). А посему весьма возможно, что Павелъ не зналъ о первосвященствѣ Ананіи ***).

Но жестокія укоризны противъ судіи вообще приличны ли подсудимому, христіанину, апостолу? Возраженіе сіе казалось столь сильнымъ даже нѣкоторымъ отцамъ Церкви ****), что они признавали на сей случай въ Павлѣ неумѣстный порывъ оскорбленнаго сердца. Напрасно! Должно думать, что Павелъ поступилъ въ семъ случаѣ не какъ обыкновенный человѣкъ, а какъ посланникъ Божій; а извѣстно, что пророки имѣли право обличать всѣхъ въ преступленіяхъ (3 Цар. 18, 18; 4 Цар. 3, 13; Ис. 1, 10—23; Езек. 21, 25). Опытъ показалъ, что его укоризна дѣйствительно произнесена была въ пророческомъ духѣ; ибо впоследствии, когда возмутители, подъ предводительствомъ Менахема, овладѣли Іерусалимомъ, Ананія, скрывавшійся въ водопроводѣ, былъ пойманъ и умерщвленъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Гизкіею *****). Іисусъ Христосъ заповѣдалъ, чтобы послѣдователи Его готовы были подставить правую ланиту, когда ударяютъ ихъ въ

*) Такъ многіе (Camerarius, Thiessius, Heinrichsius) полагали, что слова Павловы: *я не зналъ, что онъ первосвященникъ*, суть иронія и заключаютъ въ себѣ слѣдующую мысль: онъ поступаетъ не такъ, какъ должно первосвященнику. Другіе находили въ нихъ другой смыслъ: я не признаю первосвященникомъ того, кто достигъ первосвященства беззаконнымъ образомъ. Но въ томъ и другомъ случаѣ Павлу надлежало бы сказать не *ὄνκ ἴδειν*, а *ὄνκ ὀίδα τούτου ἀρχιερέα*. Притомъ таковымъ отвѣтомъ апостолъ еще болѣе раздражилъ бы противъ себя своихъ судей, чего онъ, какъ показываютъ всѣ слова его, старался избѣжать.

***) Joseph. Ant. 6, 15; Braunius de Vest. Sacerd. Hebr. 2, 26.

****) V. Gatackeri Miscell. sacr. 1, 6; Wolfius in Curis, Witsius in Melet. Leyden.

*****) Иерониму, contra Pelag. 3, init. Августину, epist. 5, pag. 23.

*****) Joseph. Bell. Iud. 2, 17, 9.

лѣвую (Матѳ. 5, 24); но симъ требуетъ Онъ отъ нихъ только удаленія отъ мщенія, а не такого молчанія, коимъ питается дерзость людей нечестивыхъ. Павелъ вѣрнѣе всякаго исполнялъ волю Іисуса Христа въ семъ отношеніи; ибо онъ самъ говоритъ о себѣ: «злословятъ насъ, а мы благословляемъ; насъ гонятъ, а мы терпимъ; насъ хулятъ, мы молимся (2 Кор. 4, 12. 13)». Но въ настоящемъ случаѣ онъ поступилъ по примѣру Іисуса Христа, который также обличилъ несправедливость ударившаго Его прежде осужденія.—Но если такъ, то зачѣмъ Павелъ извиняетъ свой поступокъ?—Для того, чтобы устранить подозрѣніе, яко-бы онъ нарушилъ законъ, повелѣвающій не злословить первосвященника *).

Послѣ укоризны, сдѣланной Ананію Павломъ, надлежало отложить совершенно надежду на успѣхъ отъ обыкновеннаго защищенія своего дѣла. Раздраженное самолюбіе первосвященника неспособно было ни видѣть, ни слышать истины; прочіе судіи, безъ сомнѣнія, были большею частію его угодниками. Павелъ нашелъ другой способъ обнаружить свою невинность, по крайней мѣрѣ, предъ римскимъ судіею, который уже долженъ былъ принимать въ немъ дѣятельное участіе, какъ въ гражданствѣ римскомъ. Толпа обвинителей его состояла изъ фарисеевъ и саддукеевъ; тѣ и другіе думали совершенно различно о важнѣйшихъ предметахъ религіи: первые допускали воскресеніе и бытіе духовъ, послѣдніе отвергали оба сіи догмата **). Въ семъ-то разногласіи обвинителей обвиняемый нашелъ себѣ надежное убѣжище. «Братія!» сказалъ онъ, «я фарисей и сынъ фарисея; меня судятъ за чаяніе воскресенія мертвыхъ ***)». Если бы іудеи способны

*) При семъ должно примѣтить, что Ананія былъ человѣкъ самыхъ худыхъ свойствъ и достигъ первосвященства куплею и проусками. Joseph. Ant. 28, 8.

**) Дѣян. 23, 8; Joseph. Ant. 17, 11.

***) Правду ли сказалъ Павелъ?—Правду. Ибо воскресеніе мертвыхъ, и въ особенноти воскресеніе Іисуса Христа, составляло главный предметъ его проповѣди (Дѣян. 17, 18), такой догматъ, съ опроверженіемъ коего падало все христіанство (1 Кор. 15, 13, 14); а его судили главнымъ образомъ за то, что онъ христіанинъ и проповѣдуетъ Іисуса Христа. Павелъ умалчиваетъ здѣсь о другихъ частныхъ причинахъ ненависти къ нему іудеевъ, которые преслѣдовали его особенно за то, что онъ распятаго ими Іисуса признавалъ Мессіею, почиталъ обрядовый законъ ненужнымъ ко спасенію и пр. Но умолчаніе не есть ложь; въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно не только позволено, но и одобряется нравственнымъ закономъ. Павелъ, конечно, разъяснилъ бы впоследствии и

были судить хладнокровно, то они въ семь случаѣ обратили бы зніманіе на прочіе члены ученія Павлова, дабы видѣть, точно ли онъ не болѣе, какъ фарисей. Но такая хладнокровность была несомѣстна съ ихъ опрометчивымъ характеромъ. Секта фарисейская, не противорѣча самой себѣ, не могла не принять подъ свою защиту чловѣка, котораго осуждаютъ за то, чему она вѣритъ. Сильнѣе всего располагала фарисеевъ въ пользу Павла ихъ закоренѣлая ненависть къ саддукеямъ. Защищеніе его представляло ей самую пріятную пищу. Произошелъ сильный споръ между обѣими сектами. Фарисеи въ жару энтузіазма объявляли невиннымъ Павла и въ томъ случаѣ, если бы онъ училъ чему нибудь новому, предполагая, сообразно началамъ своей секты, что, можетъ быть, онъ удостоился божественнаго откровенія. Взаимное ожесточеніе спорящихъ сторонъ подвергало Павла новой опасности. Саддукеи, имѣя на своей сторонѣ первосвященника, могли безъ суда растерзать его на части. Римскій военачальникъ примѣтилъ сію опасность, и велѣлъ воинамъ проводить его въ крѣпость.

Что должно было происходить въ сіе время въ душѣ Павла? Вся нація, любезнѣйшая для него нація, въ лицѣ вождей своихъ почитала его врагомъ своимъ и искала его смерти у судіи римскаго. Онъ не видѣлъ никакого средства разувѣрить ее въ семь прискорбномъ для его сердца заблужденіи; принужденъ былъ, оставя отеческіе законы, священные для каждаго патріота, прибѣгнуть къ праву римскаго гражданина — убѣжищу ненавистному для его согражданъ, кои уже въ полной мѣрѣ чувствовали тягость римскаго ига, не совсѣмъ пріятному, безъ сомнѣнія, и для Павла, который вмѣнялъ въ тщету и не такія пріобрѣтенія, какъ римское гражданство. Сколько и другихъ мыслей могли волновать душу апостола, особенно если предположить, что благодать Божія предоставила его въ семь случаѣ (какъ сіе бываетъ съ людьми самыми высокими въ святости) силамъ собственного немощнаго естества чловѣческаго. Какъ бы то ни было, но духъ Павловъ ослабѣлъ въ сіе время и имѣлъ нужду въ подкрѣпленіи; посему въ слѣдующую ночь ему явился самъ Іисусъ Христосъ и сказалъ: «дерзай, Павелъ; ибо какъ ты свидѣтельство-

то, что имъ въ началѣ умолчано, если бы судіи его потребовали разъясненія. Но когда они не сдѣлали сего, то не онъ виноватъ въ происшедшемъ недоразумѣніи, а они сами.

валъ о мнѣ въ Иерусалимѣ, такъ надлежитъ тебѣ и въ Римѣ свидѣльствовать». Утѣшеніе истинно апостольское, или паче божественное! Павла тяготили не узы, но невозможность проповѣдывать евангеліе; и вотъ ему обѣщается исполненіе любимаго его желанія — проповѣдать Іисуса Христа въ столицѣ міра! Большею отрады и не желалъ онъ въ сей жизни.

Въ слѣдующій день составился противъ Павла самый гнусный заговоръ. Болѣе сорока человекъ, едва ли не подушенные Ананіею, заклинали себя (*ἀναθέματα ἀναθεματίσαντο ἑαυτοὺς*) не вкушать пищи, доколѣ не успѣютъ лишить его жизни *). Обѣтъ сей открытъ былъ ими верховному совѣту іудейскому, который не только одобрилъ сей умыселъ, но взялся споспѣшествовать его исполненію, то есть, взялся быть орудіемъ злодѣевъ! — Таковы уже были въ сіе время вожди народа, нѣкогда возлюбленнаго Богомъ! — Согласились потребовать у тысященачальника на судъ Павла, какъ бы для дальнѣйшаго разсмотрѣнія дѣла, въ самой же вещи для того, чтобы дать случай заговорщикамъ напасть на него. Но дѣла тьмы рѣдко не измѣняютъ сами себѣ. Молодые заговорщики были нескромны; Павелъ былъ извѣщенъ о ихъ злоумышленіи отъ одного юноши, своего племянника. Увѣренный явленіемъ Іисуса Христа, что ему надлежитъ быть въ Римѣ, онъ могъ спокойно ожидать отъ Промысла разрушенія заговора; но онъ зналъ, что Промыслу угодно, дабы мы употребляли и естественныя средства для своего спасенія, — зналъ, что ожидать во всякомъ случаѣ чудодѣйственной помощи свыше — значитъ искушать Бога. Посему чрезъ того же юношу немедленно извѣстилъ о своей опасности тысященачальника. Сей слишкомъ увѣренъ былъ въ мятежномъ нравѣ іудеевъ, чтобы не повѣрить донесенію юноши; притомъ онъ уже видѣлъ опытъ ихъ безумной ненависти къ Павлу. Съ другой стороны, безъ всякой нужды подвергнуть римскаго гражданина опасности было предосудительно для того, кто самъ столько дорожилъ симъ титуломъ. Всего благоразумнѣе казалось отправить узника къ іудейскому прокуратору, находившемуся тогда въ Кесаріи, коего суду и безъ того принадлежало дѣло Павлово по своей важности. Такъ и сдѣлано.

*) Павелъ желалъ быть самъ анаѣемою, только бы получили спасеніе іудеи, его братія по плоти (Рим. 9, 1—4), а сіи жестокосердые братія подвергаютъ себя добровольно анаѣемѣ, если не убьютъ Павла! Какая протвѣположность! *Tantum Religio, замѣчаетъ одинъ писатель, potuit svadere, si Paulum spectas, bonorum, si hostes ipsius, malorum! Witsius Melet. Leyd. pag. 121.*

Тысященачальникъ, призвавъ къ себѣ двухъ сотниковъ, велѣлъ имъ приготовить двѣсти воиновъ пѣшихъ, семьдесятъ конныхъ и двѣсти тѣлохранителей, чтобы съ третьяго часа ночи идти въ Кесарію; велѣлъ также приготовить ословъ, чтобы, посадивъ Павла, въ безопасности препроводить его къ Феликсу. Подъ столь сильнымъ прикрытіемъ *) Павелъ въ слѣдующую ночь былъ отвезенъ въ Антипатриду. Поелуку дальнѣйшій путь, по причинѣ отдаленности отъ Іерусалима, былъ менѣе опасенъ для узника; то тѣлохранители и пѣшіе воины возвратились отсюда въ Іерусалимъ, предоставивъ охраненіе его однимъ коннымъ воинамъ. По прибытіи въ Кесарію, Павелъ немедленно былъ представленъ Феликсу вмѣстѣ съ письмомъ отъ тысященачальника слѣдующаго содержанія **):

«Клавдій Лусій достопочтенному правителю Феликсу желаетъ здравствовать.

«Сего человекъ, котораго іудеи схватили и готовы были убить, я, пришедши съ воинами, отнял, узнавъ, что онъ гражданинъ римскій. Потомъ, желая узнать, въ чемъ обвиняли его, привелъ его въ рунедріонъ ихъ, и нашелъ, что его обвиняютъ въ нѣкоторыхъ спорныхъ мнѣніяхъ, относящихся до закона ихъ, но что нѣтъ въ немъ никакой вины, достойной смерти или оковъ. А какъ до меня дошло, что іудеи на него злоумышляли; то я немедленно послалъ его къ тебѣ, объявивъ и обвинителямъ, чтобы они говорили на него предъ тобою. Прошай.»

Прочитавъ письмо сіе, Феликсъ спросилъ Павла, изъ какой онъ области, и узнавъ, что онъ киликіянинъ, сказалъ: «я выслушаю тебя, когда явятся обвинители.» До того времени велѣно Павлу находиться подъ стражею въ Иродовой преторіи ***).

*) Оно нужно было потому, что къ заговорщикамъ, коихъ число само по себѣ было немаловажно, а дерзость отчаянна, могли присоединиться другіе фанатики.

**) Евангелистъ Лука передаетъ только сущность письма, а не самое письмо. Слово *τύπος*, которое въ нашемъ руссійскомъ переводѣ переложено *содержаніемъ*, а въ славянскомъ *образомъ*, означаетъ легкое очертаніе какого нибудь предмета, и противопоставляется изображенію точному, подлинному: *τῷ ἀκριβεῖ* (Plat. Polit. 3, pag. 414). Дѣйствительно, невѣроятно, чтобы подлинное письмо Лусія перешло въ руки Павла или Луки. Но содержаніе его могло быть извѣстно Павлу, а отъ него Лукѣ.

***) Дворецъ Иродовъ, который потомъ слѣдился жилищемъ римскаго правителя. При дворцахъ главныхъ правителей находились мѣста для содержанія узниковъ. V. Kuinól. Comment. ad Act. Apost. Cap. 23, 35.

Чрезъ пять дней обвинители явились, имѣя при себѣ, для большаго успѣха въ своемъ дѣлѣ, судебного оратора, именемъ Тертулла. Наемный защитникъ жи, величая Феликса миротворцемъ и благодѣтелемъ іудейской страны (который, по свидѣтельству Тацита, съ властію царскою соединялъ сердце раба, и очернилъ память свою многими злодѣйствами *), обвинялъ Павла въ возмущеніи народнаго благоденствія, въ пренебреженіи закона и оскверненіи храма іудейскаго. Іудеи единогласно засвидѣтельствовали истину его словъ. Феликсъ далъ знакъ, чтобы Павелъ отвѣчалъ; и онъ началъ говорить такъ:

«Какъ я знаю, что ты многіе годы (справедливо) судишь сей народъ **), то тѣмъ свободнѣе могу я говорить въ защищеніе себя. Ты можешь знать, что не болѣе двѣнадцати дней тому, какъ я пришелъ въ Іерусалимъ для поклоненія ***). И они не находили, чтобы я съ кѣмъ-либо спорилъ въ храмѣ, или производилъ народное возмущеніе въ синагогахъ или по городу; и они не могутъ доказать того, въ чемъ нынѣ обвиняютъ меня. Но въ томъ признаюсь я тебѣ, что подлинно тѣмъ образомъ богопочтанія, который они называютъ ересію, служу Богу отцевъ моихъ, вѣруя всему написанному въ законѣ и пророкахъ, имѣя надежду на Бога (чего и они сами ожидаютъ), что будетъ воскресеніе мертвыхъ, праведныхъ и неправедныхъ».

Такимъ образомъ Павелъ не скрывалъ сущности дѣла, всего образа мыслей и отношенія христіанства къ іудейству, и не думалъ, какъ клеветалъ нѣкогда Оробій ****), обманывать своихъ судей тѣмъ, что онъ продолжаетъ держаться іудейства въ прежнемъ его видѣ.

«Для сего и подвизаюсь я, чтобы имѣть всегда неукоризненную совѣсть предъ Богомъ и человѣками. Послѣ многихъ лѣтъ отсутствія моего, я пришелъ отдать милостыню народу моему и приношенія».

Чего, конечно, никогда не сдѣлалъ бы врагъ іудейской націи и религіи.

«Между тѣмъ нашли меня очистившагося въ храмѣ, не съ толпою народа и не съ шумомъ. Это были азіискіе іудеи, коимъ

*) *Annal.* II.

**) По счету Уссерія, Феликсъ правилъ Іудеею до сего времени уже десять лѣтъ.

***) А не для оскверненія храма, какъ клеветалъ Тертулла.

****) *Orob. Script.* 3, Num. 3, pag. 139, 140.

надлежало бы предстать предъ тебя, и обвинять меня, ежели что на меня имѣютъ».

Требованіе совершенно справедливое, безъ исполненія коего нельзя было и судить Павла.

«Или пусть сіи самые скажутъ, нашли ли они во мнѣ какую вину, когда я стоялъ предъ синедріономъ. Развѣ только вина моя въ одномъ словѣ, которое я громко сказалъ, стоя предъ ними: я сегодня судимъ предъ вами за ученіе о воскресеніи мертвыхъ».

То есть, развѣ меня захотятъ осудить совершенно невинно.

Феликсъ, который уже изъ письма Лисія ясно видѣлъ невинность Павла, тотчасъ примѣтилъ, что обвинители его дѣйствуютъ по одной злобѣ; но образъ судопроизводства требовалъ, чтобы клеветы, взводимыя на него, были разсмотрѣны законнымъ порядкомъ. Надлежало узнать, точно ли ересь Назорейская, въ коей признавался Павелъ, была противна закону Моисееву, неприкосновенность коего римская политика брала подъ свою защиту, и точно ли онъ производилъ возмущеніе въ народѣ. О послѣднемъ долженъ былъ дать свидѣтельство Лисій. Итакъ Феликсъ въ ожиданіи сего тысященачальника, отпустилъ первосвященниковъ и старѣйшинъ, собственно говоря, ни съ чѣмъ. Павелъ остался подъ стражею, которая, по приказанію прокуратора, ослаблена была до того, что онъ имѣлъ полную свободу видѣться съ своими знакомыми и получать отъ нихъ все нужное.

И собственное любопытство слышать начальника (какъ называлъ Тертулъ Павла) новой ереси, которая начинала уже обращать на себя всеобщее вниманіе, а болѣе, вѣроятно, Феликсовой жены Друзиллы, которая, какъ іудейка и знатнаго происхожденія *), могла принимать живое участіе въ дѣлѣ Павла, въ коемъ участвовалъ весь синедріонъ, расположили прокуратора слышать проповѣдь о христіанской религіи. Павелъ былъ позванъ для сего предъ Феликса и Друзиллу. Развращенный язычникъ спокойно и со вниманіемъ слушалъ проповѣдника, когда онъ говорилъ о жизни и чудесахъ Іисуса Христа. Повѣствованіе сіе находило себѣ въ его памяти удобно мѣсто въ ряду съ извѣстными разсказами

*) Она была дочь Ирода Агриппы старшаго, который обручилъ было ее Антиоху Елѣфану, подъ условіемъ его обращенія къ іудейству. Joseph. Ant. 19, 9, 1. Но поелику Антиохъ не устоялъ въ обѣщаніи; то братъ ея Агриппа младшій отдалъ ее въ супружество Агизу, царю емесенскому. Ant. 20, 7. Феликсъ, прельщенный красотой Друзиллы, убѣдилъ ее, оставивъ мужа, вступить съ нимъ въ бракъ. Ant. 20, 7.

о полубогахъ. Но когда Павелъ началъ разсуждать о чистотѣ, воздержаніи, справедливости и о будущемъ судѣ; то Феликсъ пришелъ въ страхъ, язвы совѣсти его раскрылись, онъ не могъ долѣе слушать, и отпустилъ Павла, сказавъ: «теперь поди; а когда буду имѣть время, позову тебя.» О преступное отлагательство! — восклицаетъ при семъ случаѣ блаженный Августинъ, — о слова, исполненные вражды на благодать Божию! Любовь къ міру, разсѣянность, непрестанныя забавы никогда не позволяютъ снова найти удобнаго времени; пренебреженная благодать удалится, и грѣшникъ пробудится отъ своего усыпленія развѣ только въ адѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, Феликсъ уже не чувствовалъ вполнѣдствіи благотворнаго страха въ совѣсти, хотя часто призывалъ къ себѣ и слушалъ Павла. Невинность узника совершенно была ясна для него. Онъ готовъ былъ возвратить ему свободу; ожидалъ только награды за свое правосудіе. Узы и рубища Павловы не могли питать надежды въ корыстолюбивомъ сердцѣ. Но онъ слышалъ отъ самого Павла о деньгахъ, принесенныхъ имъ въ Іерусалимъ; полагалъ, безъ сомнѣнія, что и назореи (христіане) не пожалѣютъ сокровищъ, дабы доставить свободу своему начальнику. Напрасно! Павелъ разсуждалъ о правосудіи, воздержаніи, судѣ, но ни слова о томъ, чего хотѣлось корыстолюбцу. Протекло два года. Феликсъ долженъ былъ уступить мѣсто свое Фесту Порцію. Желая угодить іудеямъ, онъ оставилъ Павла въ узахъ; но и въ семъ, несчастный, обманулся: ибо они, по удаленіи его отъ должности, тотчасъ явились въ Римъ съ жалобами на его жестокости *).

Съ новымъ прокураторомъ ожила надежда враговъ Павловыхъ. Едва онъ явился въ Іерусалимъ, они предстали предъ него съ жалобами. Сначала требовали смертнаго приговора; но получивъ отвѣтъ, что у римлянъ нѣтъ обыкновенія осуждать человѣка безъ разсмотрѣнія его вины, просили вызвать Павла изъ Кесаріи въ Іерусалимъ, имѣя намѣреніе умертвить его на пути. Фестъ обѣщаль разсмотрѣть дѣло, но — въ Кесаріи, куда приглашалъ явиться и обвинителей. Они явились, взводили на Павла самыя тяжкія вины, но безъ доказательствъ. Обвиняемый рѣшительно и спокойно отвѣчалъ, что онъ не сдѣлалъ никакого преступленія ни противъ народа іудейскаго, ни противъ храма, ни противъ кесаря. Фестъ, желая приобрести благосклонность іудеевъ, предложилъ

*) Joseph. Ant. Lib. 20, cap. 7.

Павлу, не согласится ли онъ, чтобы его дѣло было рассмотрѣно въ Иерусалимѣ, какъ того недавно требовали враги его. Согласиться на сіе значило предать себя въ жертву ихъ ярости и коварству. «Я требую суда у кесаря», отвѣчалъ Павелъ. Это значило, что онъ не хочетъ быть судимъ областными правителями, и пользуется правомъ римскаго гражданина. Фестъ, поговоривъ по обыкновенію съ совѣтниками своими, сказалъ: «ты потребовалъ суда у кесаря, и отправишься къ кесарю».

Между тѣмъ какъ Фестъ ожидалъ случая отправить Павла вмѣстѣ съ другими узниками къ кесарю, для поздравленія его съ должностію іудейскаго правителя прибылъ въ Кесарію Агриппа, царь халкидскій *). Вмѣстѣ съ нимъ прибыла и знаменитая красотою сестра его Вереника, которая, послѣ развода съ Полемономъ, царемъ киликійскимъ, жила у Агриппы **). Прибытіе ихъ послужило для Павла поводомъ еще разъ торжественно засвидѣтельствовать предъ лицемъ іудеевъ о упованіи, ради котораго онъ былъ связанъ. Поелику Агриппѣ, какъ природному іудею, совершенно извѣстна была іудейская религія, и поелику онъ имѣлъ право назначать первосвященниковъ и пеущись о благоустройствѣ іерусалимскаго храма ***), въ оскверненіи коего обвиняли Павла; то Фестъ, желая воспользоваться его свѣдѣніями и совѣтомъ, пересказалъ ему образъ судопроизводства надъ Павломъ. Разказъ сей возбудилъ въ Агриппѣ охоту выслушать самого Павла; Фестъ согласился; назначено собраніе, въ коемъ должны были присутствовать Агриппа, Вереника, тысящачальники и всѣ почетные граждане кесарійскіе. Когда Павелъ былъ приведенъ въ сіе собраніе, то Фестъ сказалъ: «Царь Агриппа и всѣ присутствующіе съ нами! вы видите человѣка, противъ котораго и въ Иерусалимѣ и здѣсь іудеи во множествѣ приступали ко мнѣ съ крикомъ, что ему не должно болѣе жить. Но я нашелъ, что онъ ничего не сдѣлалъ достойнаго смерти; и какъ онъ самъ требовалъ суда у государя, то я рѣшился послать его къ нему. Теперь, не имѣя ничего вѣрнаго писать о немъ къ государю, я представ-

*) Правнукъ Ирода Великаго, внукъ Аристовула, сынъ Агриппы старшаго, послѣдній изъ царей Антипатрова племени. Joseph. Ant. 20, 8, 5.

***) Женщина, по словамъ іудейскихъ и римскихъ историковъ, весьма зорнаго поведенія. Joseph. Ant. 20, 7, 3; Tac. Hist. 2, 81; Iuven. Satyr. 16, 156.

****) Право сіе вмѣстѣ съ халкидскимъ престоломъ перешло къ нему, по милости Клавдія, отъ дяди его по отцѣ, Ирода, царя Халкиды сирійской. Joseph. Ant. 19.

ляю его вамъ, и наипаче тебѣ, царь Агриппа, чтобы, по разсмотрѣніи, было мнѣ что написать. Ибо, мнѣ кажется, неприлично послать узника и не показать, въ чемъ его обвиняютъ.» Послѣ сего Агриппа далъ позволеніе Павлу защищать себя, и онъ, простерши вверхъ руку *), началъ говорить такъ:

«Царь Агриппа! я почитаю себя счастливымъ, что предъ тобою сегодня могу защищаться во всемъ томъ, въ чемъ обвиняютъ меня іудеи **), гдѣмъ болѣе, что ты знаешь всѣ обычаи и спорныя мнѣнія іудейскія. И потому прошу тебя выслушать меня великодушно. Жизнь мою отъ юности моей, которую сначала проводилъ я среди народа моего въ Іерусалимѣ, знаютъ всѣ іудеи. Знаютъ также обо мнѣ издавна (ежели захотятъ свидѣтельствовать), что я жилъ по ученію фарисейскому, строжайшему въ нашемъ вѣроисповѣданіи. И нынѣ я стою предъ судомъ за надежду на обѣщаніе, данное отъ Бога отцамъ нашимъ, котораго событіе увидѣть надѣются всѣ наши двѣнадцать колѣнъ, непрестанно служа Богу день и ночь. Сію-то надежду, царь Агриппа, ставятъ мнѣ въ вину іудеи. Что? ужели невѣроятнымъ почитаете вы, что Богъ воскрешаетъ мертвыхъ? Правда, я и самъ думалъ, что мнѣ должно сильно дѣйствовать противу имени Іисуса Назорея, и я дѣлалъ это въ Іерусалимѣ.»

Послѣ сего, изобразивъ свои жестокости въ Іерусалимѣ надъ христіанами и описавъ явленіе Іисуса Христа во время путешествія въ Дамаскъ, Павелъ продолжалъ: «посему, царь Агриппа, я не воспротивился небесному явленію; но сперва жителямъ Дамаска и Іерусалима, потомъ по всей землѣ іудейской и у язычниковъ, проповѣдывалъ, чтобы покались и обратились къ Богу, и дѣлали дѣла, достойныя покаянія. За сіе іудеи схватили меня во храмъ и покушались убить. Получивъ же отъ Бога помощь, до сего дня я живъ и свидѣтельствую малому и большому, не говоря ничего болѣе, какъ то, о чемъ пророки и Моисей говорили, что это будетъ, то есть, что Христосъ долженъ былъ пострадать, и возставъ первый изъ мертвыхъ, возвѣститъ свѣтъ сему народу іудейскому и язычникамъ».

Послѣднія слова о Іисусѣ Христѣ, коего поносная смерть со-

*) По обыкновенію древнихъ, кои при началѣ рѣчи простирали вверхъ руку. *Aruleus Metamor.* 2, pag, 59.

***) Нравъ Агриппы дѣйствительно во многомъ не сходствовалъ съ ненавистнымъ характеромъ его прадеда и отца, и отличался умѣренностію и рассудительностію. *Joseph. Ant.* 28, 7.

дѣлалась источникомъ благословеній для всего рода человѣческаго, Фесту, надменному предразсудками язычества, показались столь странными и несбыточными, что онъ, прервавъ рѣчь Павлову, вслухъ всѣхъ сказалъ: «съ ума сошелъ ты, Павелъ! Большая ученость доводитъ тебя до сумасшествія». — «Нѣтъ, достопочтенный Фестъ», отвѣчалъ апостолю, «я не сошелъ съ ума, но говорю слова истины и здраваго смысла. Ибо знаетъ объ этомъ царь, предъ которымъ я и говорю свободно. Я отнюдь не вѣрю, чтобы отъ него что нибудь о семъ (о смерти и воскресеніи Іисуса Христа) было сокрыто, ибо это не въ углу происходило. Вѣришь ли», продолжалъ онъ, обратившись къ Агриппѣ, «вѣришь ли, царь Агриппа, пророкамъ? Знаю, что вѣришь». Слова сіи такъ сильно подѣйствовали на царя, что онъ какъ бы неволью сказалъ: «ты немного не убѣдилъ меня сдѣлаться христіаниномъ». — «Молилъ бы я Бога», отвѣчалъ Павелъ, «чтобы мало ли, много ли, не только ты, но и всѣ слушающіе меня сегодня, сдѣлались такими, какъ я, кромѣ сихъ узъ». Симъ прекратилась бесѣда; всѣ присутствовавшіе встали, и отошедши отъ Павла, разсуждали о его дѣлѣ. Агриппа рѣшительно объявилъ Фесту, что, по его мнѣнію, Павелъ совершенно невиненъ, и что его можно было бы освободить, если бы онъ уже не потребовалъ суда кесарева. Посему рѣшено было отправить его въ Римъ.

Къ чему, могутъ спросить здѣсь, послужили долговременныя узы (онѣ продолжались два года) Павловы въ Іудеѣ? Не лучше ли было бы, еслибъ онъ провелъ сіе время въ проповѣдываніи евангелія язычникамъ? Сколько тысячъ душъ, ослѣпленныхъ идолопоклонствомъ, выведено было бы имъ изъ тьмы въ свѣтъ? — Дабы уразумѣть въ семъ случаѣ достопокланяемые пути Промысла, надлежитъ припомнить, какая цѣль назначена самимъ Іисусомъ Христомъ для пребыванія Павлова у іудеевъ: онъ долженъ былъ дать торжественное свидѣтельство о божественности Іисуса Христа, ими отверженнаго и гонимаго (Дѣян. 23, 11). Это было послѣднее воззваніе, коимъ Промыслъ вразумлялъ потомковъ Авраама, прежде нежели наступило время предать ихъ конечному отверженію за убіеніе Богочеловѣка. Въ семъ отношеніи нельзя было найти провозвѣстника покаянія лучше Павла, прежняго гонителя христіанъ, теперь ревностнѣйшаго ихъ защитника. Самыя узы его, очевидно, входили въ составъ его свидѣтельства о божественности Іисуса Христа; онѣ обратили на него вниманіе всего верховнаго совѣта іудейскаго и, слѣдовательно, всего Іерусалима,

всей Іудеи. Въ лицѣ Павла нѣкоторымъ образомъ снова предсталъ на судъ іудеевъ самъ Іисусъ Христосъ. Большая часть іудеевъ, ослѣпленныхъ предразсудками, снова не узнали, отвергли Его; но были, конечно, и такіе, для коихъ примѣръ обращеннаго Савла послужилъ во спасеніе.

ПЛАВАНІЕ ПАВЛА ВО РИМЪ.

Для препровожденія Павла вмѣстѣ съ прочими узниками въ Римъ назначенъ былъ сотникъ Августова полка, именемъ Іулій, человѣкъ, какъ видно изъ его обхожденія съ апостоломъ, кроткій и человѣколюбивый. Двое изъ учениковъ и друзей Павловыхъ, Лука и Аристархъ, находившіеся при немъ во время заключенія его въ Іерусалимѣ и Кесаріи, сопутствовали ему и въ Римъ. Многотрудное плаваніе ихъ къ сему городу служитъ рѣшительнымъ доказательствомъ той утѣшительной истины, что вѣрующимъ все споспѣшествуетъ на благое, и что Промыслъ блюдетъ праведниковъ, какъ зѣницу ока. Не касаясь мѣстныхъ подробностей сего плаванія, изобразимъ оное такъ, какъ описалъ его самъ Лука.

Корабль, на которомъ помѣстили узниковъ, плылъ не въ Италію, а въ приморскіе города Азіи. Сотникъ избралъ его по причинѣ недостатка кораблей, плывущихъ въ Римъ, въ той надеждѣ, что въ какой нибудь пристани на пути найдется корабль, идущій въ Италію. О мѣстѣ, откуда началось плаваніе, не упоминается; но весьма вѣроятно, что оно началось изъ Кесаріи. Время было осеннее. На другой день приплыли въ Сидонъ. Сотникъ такъ расположенъ былъ къ Павлу, что позволилъ ему безъ всякой стражи идти къ тамошнимъ христіанамъ и воспользоваться ихъ усердіемъ. На пути изъ Сидона противные вѣтры занесли ихъ въ Кипръ. Отсюда, чрезъ Киликійское и Памфілійское

море, они достигли Миръ лукійскихъ, гдѣ корабль ихъ долженъ былъ остаться. Узниковъ перевели на другой, плившій въ Италію. Между тѣмъ наступилъ октябрь — время, съ котораго море у древнихъ почиталось заключеннымъ для плаванія *). Противные вѣтры непрестанно усиливались. Павелъ совѣтовалъ сотнику провести зиму въ портѣ, называемомъ *Хорошія пристани*, предсказывая, въ противномъ случаѣ, крайнюю опасность; но корабельщикъ и многіе другіе, находя сей портъ неудобнымъ для перезимованія, хотѣли плыть на зиму въ одну изъ критскихъ пристаней. Сотникъ, къ несчастію, предпочелъ ихъ мнѣніе совѣту Павлову. Вышли въ море при благоприятномъ вѣтрѣ; но вскорѣ поднялась опасная буря. Корабль захватило вихремъ; неслись, сами не зная куда. Товары, а потомъ и прочія вещи были брошены въ море для облегченія корабля; но опасность продолжалась. Въ теченіе четырнадцати дней не видали ни солнца, ни звѣздъ; не вкушали пищи, ожидая единственно смерти.

Одинъ Павелъ не зналъ страха и увѣрялъ своихъ спутниковъ, что вся потеря ихъ будетъ состоять въ кораблѣ, а они всѣ спасутся. Такъ говорилъ онъ вслѣдствіе откровенія: ибо ангелъ, явись ему ночью, возвѣстилъ, что Богъ ради его избавить отъ смерти всѣхъ его спутниковъ. Между тѣмъ мореплаватели, извѣдавъ глубину водъ, заключили, что корабль ихъ приближается къ землѣ. Боясь попасть на камни, они бросили четыре якоря, а сами спустивъ лодку, приготовлялись бѣжать. Павелъ примѣтилъ ихъ умыселъ и далъ знать о семъ сотнику, который немедленно отвратилъ побѣгъ ихъ, велѣвъ оттолкнуть лодку отъ корабля. Послѣ сего Павелъ снова ободрялъ своихъ путниковъ, и просилъ ихъ подкрѣпить себя пищею, увѣряя именемъ Божиимъ, что ни у одного изъ нихъ не пропадетъ и волоса съ головы. Послѣдуя его примѣру, они дѣйствительно ободрились и вкусили пищи.

Съ наступленіемъ дня увидѣли землю, но не знали, какую. Вытащивъ якоря и поднявъ парусъ, спѣшили войти въ заливъ. Но потеря корабля, предсказанная Павломъ, была неизбѣжна. Попали на мѣль, корабль увязъ носомъ въ песокъ, между тѣмъ какъ корма его разбилась стремленіемъ волнъ. Нельзя было долѣе оставаться на немъ. Воины, въ намѣреніи предупредить неизбѣжный, по ихъ мнѣнію, въ семъ случаѣ побѣгъ узниковъ,

*) Vegetius de re militari 4, 39.

хотѣли предать ихъ смерти; но сотникъ, желая спасти Павла, удержалъ ихъ отъ сего варварства. Начали спасаться, одни вплавь, другіе на доскахъ; предсказаніе Павла сбылось въ точности: никто не погибъ. «Такова», говоритъ св. Златоустъ, «польза отъ сожитія съ праведникомъ, хотя и узникомъ: съ нимъ всюду безопасно *)».

Земля, на которую выбросила буря Павла, былъ островъ Мелитъ **), подвластный Риму. Жители приняли потерпѣвшихъ кораблекрушеніе весьма челоуѣколюбиво. Для обсушенія ихъ разведенъ былъ на берегу огонь. Когда Павелъ вмѣстѣ съ другими клалъ на него хворостъ, то изъ сухихъ прутьевъ вышла эхидна и обвилась около его руки. Мелетійцы, увидя сіе, подумали, что гнѣвъ небесный преслѣдуетъ его за какое нибудь челоуѣкоубійство, и ожидали Павловой смерти; но онъ спокойно бросилъ змѣю въ огонь, не потерпѣвъ никакого вреда. Обстоятельство сіе привело ихъ, подобно какъ ликаонцевъ, къ той мысли, что онъ не челоуѣкъ, а Богъ. Павелъ вскорѣ доказалъ, что онъ и не Богъ и не простой челоуѣкъ: бывъ принятъ въ домъ начальника острова, онъ исцѣлилъ своими молитвами его отца, страдавшаго горячкою. Когда слухъ о семъ чудѣ разнесся по острову, то къ новому врачу со всѣхъ сторонъ стеклись всякаго рода больные, и всѣ получили исцѣленіе. Изъ благодарности за такое благодѣяніе островитяне снабжали Павла и его спутниковъ всѣмъ нужнымъ.

Чрезъ три мѣсяца снова открылось мореплаваніе. Узники посажены были на корабль, который, перезимовавъ въ Мелитѣ, шель въ Италію. На семъ пути они приставали на три дня въ Сиракузахъ, что въ Сициліи, потомъ въ Ригіи, что въ Калабріи; наконецъ вышли на италіянскій берегъ, близъ Неаполя, въ Путольской пристани. Здѣшніе христіане удержали ихъ у себя цѣлую недѣлю. Входъ Павла въ Римъ походилъ на торжественное шествіе героя, возвращающагося съ побѣды. Римскіе христіане вышли къ нему на встрѣчу за городъ, одни до Трехъ-гостиницъ, другіе до Анніевой площади ***). Усердіе сіе было для Павла

*) Ном. 53 in Acta.

***) Мальта.

***) Три гостиницы отстояли отъ Рима на 6, а Анніева площадь (село) на 8 тысячъ шаговъ геометрическихъ. V. Michael. ad Act. 28, 15.

новымъ залогомъ, что Промыслъ не оставитъ его своею защитою въ Римѣ: онъ ободрился въ духѣ и возблагодарилъ Бога. Это было въ началѣ весны, около шестьдесятъ перваго года нашей эры, въ седьмое лѣто царствованія Неронова.

ПОРЫА УЗЫ ПАРДОРЫ ВЪ РИДѢ.

зники, по обыкновенію, сданы были преторіанскому начальнику, въ каковой должности находился тогда Буръ, знаменитый наставникъ юнаго Нерона и другъ Сенеки *). Павлу, безъ сомнѣнія въ слѣдствіе хорошаго отзыва о немъ Феста и Юлія, позволено жить въ наемномъ домѣ, подѣ такъ называемою благородною или легкою стражею. Для уразумѣнія свойства сей стражи должно знать, что у римлянъ она вообще была троякаго рода. Одни узники содержались въ темницѣ (въ коей также было три отдѣленія); другіе, менѣе виновные, при судебныхъ мѣстахъ; иныя жили въ наемныхъ и даже собственныхъ домахъ. Надзоръ за послѣдними состоялъ въ томъ, что при каждомъ изъ нихъ находился воинъ, который былъ соединенъ съ узникомъ продолговатою веревочкою. У воина привязывалась она къ лѣвой, а у подсудимаго къ правой рукѣ. Въ такомъ видѣ они могли ходить всюду **). Стража, подѣ которою находился Павелъ, была послѣдняго рода.

На третій день по прибытіи въ Римъ Павелъ призвалъ къ себѣ единоплеменниковъ, дабы изъяснить имъ причину своихъ узъ, и то намѣреніе, съ коимъ онъ желалъ явиться на судъ кесаря: безъ сего они не преминули бы почестъ его за человѣка подозрительнаго, который ищетъ случая клеветать предѣ импе-

*) Witsii. Melet. Leyden. p. 136.

**) Witsii. Melet. Leyden. p. 155.

раторомъ на свое отечество, какъ то часто случалось въ тѣ времена. «Братія!» сказалъ имъ Павелъ, «не сдѣлавъ ничего противъ народа и установленій отеческихъ, я во узахъ изъ Иерусалима преданъ въ руки римлянъ. Они, судивъ меня, хотѣли освободить, потому что не было во мнѣ ничего достойнаго смерти. Но какъ іудеи противорѣчили, то я принужденъ былъ потребовать суда у кесаря, не съ тѣмъ въпрочемъ, чтобы обвинять въ чемъ-либо народъ мой... ибо за надежду Израилеву обложенъ я сими цѣпями». Іудеи отвѣчали, что они не слышали о немъ ничего худаго; просили однакожь открыть имъ свой образъ мыслей о религіи: «ибо намъ, говорили они, извѣстно, что ученіе, тобою проповѣдуемое, всюду служить предметомъ споровъ». Въ назначенный день они собрались для сего въ домъ Павла, который отъ утра до самаго вечера изъяснялъ имъ христіанскую религію со всею подробностію. Одни убѣждались, другіе оставались упорными, такъ что апостоль невольно долженъ былъ повторить къ нимъ упрекъ, сдѣланный нѣкогда пророкомъ Исаіею еврейскому народу. «Хорошо,» сказалъ онъ, «Духъ Святой говорилъ чрезъ пророка Исаію отцамъ нашимъ: поди къ сему народу и скажи: слухомъ услышите, и не уразумѣете, и очами смотрѣть будете, и не увидите; ибо огрубѣло сердце людей сихъ... Итакъ да будетъ извѣстно вамъ», продолжалъ Павелъ, «что спасеніе отъ Бога послано язычникамъ; они и услышатъ». Слова сіи нѣкоторыхъ изъ іудеевъ заставили пристальнѣе размышлять о христіанствѣ, а въ другихъ возбудили негодованіе (Дѣян. 28).

Поелику обвинители Павла не являлись (ожидая, вѣроятно, благоприятныхъ обстоятельствъ и вымышляя болѣе правдоподобныя клеветы), то онъ провелъ цѣлые два года въ ожиданіи суда, и пользуясь свободою, возвѣщалъ имя Христова всѣмъ, кои приходили къ нему (Дѣян. 28, 30. 31). Въ сіе время должно быть сдѣлано весьма много въ пользу евангелія, хотя мы и не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній объ успѣхахъ Павловой проповѣди въ Римѣ. Между тогдашними жителями Рима, не смотря на упадокъ нравовъ, еще были люди, расположенные къ добру. Въ посланіи къ филиппійцамъ Павелъ утвердительно говоритъ, что узы его послужили въ пользу евангелія и сдѣлались извѣстны всей преторіи, то есть, или всему дому кесареву, или, по крайней мѣрѣ, всѣмъ преторіанцамъ (Фил. 1, 12. 13. 14). Что извѣстность сія не ограничивалась однимъ слухомъ о Христѣ, котораго проповѣдывалъ апостоль, видно изъ того же посланія, гдѣ онъ привѣт-

ствуеѣтъ филиппійцевѣ отъ лица христіанѣ, принадлежавшихъ къ кесареву дому (Фил. 4, 22).

Кто именно были сіи христіане—неизвѣстно. Бароній упоминаеѣтъ о нѣкоторомъ Торпетѣ, который, по свидѣтельству римской минеи, впоследствии сдѣлался мученикомъ. Нѣкоторые причисляютъ къ нимъ Сабину Помпею, которая, по словамъ Флавія *), была ревностною покровительницею іудейскаго народа. Но въ семъ отношеніи большее вѣроятіе заслуживаетъ Тацитъ, по сказанію коего, сей женщинѣ ничего не доставало, кромѣ доброй души **). Гораздо вѣроятнѣе догадка тѣхъ, кои думаютъ видѣтъ христіанку, обращенную Павломъ, въ Помпоніи Грецинѣ, женѣ Плавта ***). Подозрѣніе ея въ чужестранной ереси, ея долговременная жизнь, проведенная въ постоянной набожности, заставляють думать, что она принадлежала къ числу христіанѣ. Весьма вѣроятно также, что извѣстный философъ Сенека, какъ повѣствуетъ преданіе (древнее, хотя не совсѣмъ вѣрное), былъ знакомъ апостолу Павлу. За сіе ручается дружество Сенеки съ Буромъ, подъ главнымъ надзоромъ коего находился Павелъ; также и то, что сей философъ жилъ при дворѣ, коему Павелъ былъ весьма извѣстенъ. Но переписка философа съ апостоломъ, какъ увидимъ, совсѣмъ не имѣетъ исторической достовѣрности.

Между тѣмъ, когда дошелъ слухъ объ узакъ апостола въ Римѣ до филиппійской Церкви, она отправила къ нему одного изъ своихъ предстоятелей, Епафродита, съ пособіемъ (Фил. 2, 25. 4, 14; 18). Усердіе сіе было весьма пріятно для апостола, *не потому*, говоря его словами, *чтобы онъ былъ бѣденъ*, ибо онъ научился всегда быть довольнымъ своимъ состояніемъ, но потому, что усердіе филиппійцевъ къ учителю религіи ручалось за ихъ усердіе къ самой религіи (Фил. 4, 10—34). Къ прискорбію Павла, Епафродитъ, находясь у него, впалъ въ опасную болѣзнь. Но Господь не восхотѣлъ къ печали его приложить новую печаль: больной выздоровѣлъ (Фил. 2, 26. 27). Съ нимъ отправлено посланіе къ филиппійцамъ, по замѣчанію Златоуста ****), самое богатое сердечными чувствованіями. Благодаря ихъ за усердіе къ себѣ, писатель побуждаетъ ихъ быть твердыми въ вѣрѣ

*) Ant. 20. 7,

**) Annal. 13.

***) Eus. Lib. 2, cap. 25.

****) Hom. in Epist. ad Philipp.

и благочестію, совѣтуя въ тоже время остерегаться іудействующихъ лжеучителей, кои внушали искать оправданія не въ вѣрѣ въ Іисуса Христа, а въ дѣлахъ закона — въ обрѣзаніи.

Около сего времени Павелъ обратилъ въ христіанство Онисима, бѣлаго раба, принадлежавшаго Филимону, одному изъ почетнѣйшихъ христіанъ и гражданъ колосскихъ. Ища себѣ убѣжища въ Римѣ, куда, по словамъ Тацита, стекалось со всѣхъ концовъ земли все нечистое, и можетъ быть, мучимый совѣстію, онъ присталъ къ апостолу, въ надеждѣ примириться посредствомъ его съ своимъ разгнѣваннымъ господиномъ. Наставленія и увѣщанія Павловы совершенно перемѣнили его нравъ: онъ сдѣлался истиннымъ христіаниномъ, коего апостоль не усомнился послѣ того назвать своимъ сыномъ, даже своимъ сердцемъ (Филим. ст. 12). Сколько Онисимъ былъ прежде бесполезенъ для Филимона, столько сдѣлался теперь полезнымъ для Павла. Послѣднему хотѣлось даже оставить его при себѣ; но онъ не рѣшился на сіе безъ согласія господина Онисимова, *дабы доброе дѣло было не вынужденно, но произвольно*. Посему Онисимъ былъ отправленъ къ Филимону съ письмомъ, въ коемъ апостоль, принимая его вину на себя, просилъ принять его уже не какъ раба, а какъ брата возлюбленнаго. Безъ сомнѣнія, Филимонъ исполнилъ желаніе столь высокаго просителя. Есть преданіе, что Онисимъ сдѣлался впослѣдствіи преемникомъ Тимоѳея въ ефесскомъ епископствѣ.

Съ Онисимомъ же и Тихикомъ послано письмо къ колоссянамъ *). Поводомъ къ нему, послѣ общей попечительности Павла о благосостояніи всѣхъ Церквей христіанскихъ, было пришествіе въ Римъ Епафраса, учителя (если не основателя) Церкви колосской, который извѣстилъ апостола о вѣрѣ и благочестіи своихъ учениковъ. Увѣщевая колоссянъ сохранять дары духовные, быть твердыми въ вѣрѣ и добродѣтели, Павелъ остерегаетъ ихъ отъ нѣкоторыхъ лжеучителей, кои старались обольщать христіанъ ложною философіею, суевѣрнымъ почитаніемъ ангеловъ, слѣпою привязанностію къ обрядовому закону.

Въ продолженіе первыхъ же узъ римскихъ написано Павломъ посланіе къ евреямъ. Въ немъ утверждается божественное достоинство Іисуса Христа, и Его вѣчное священство по чину Мелхиседекову; показывается, что законъ обрядовъ съ пришествіемъ

*) Wits. Mel. Leyd. pag. 142.

Мессіи долженъ потерять свою дѣйствительность и уступить новому закону благодати. Споры о писателѣ сего посланія не принадлежатъ къ нашему предмету. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что они давно были бы окончены, если бы критики обращали болѣе вниманія на духъ Павлова богословія.

Послѣ двухлѣтняго ожиданія, Павелъ позванъ былъ на судъ Нерона (2 Тим. 4, 16). Друзья и ученики его, вслѣдствіе римскихъ обыкновений, имѣли право быть свидѣтелями судопроизводства надъ нимъ; но въ семъ случаѣ всѣ оставили его (2 Тим. 4, 21): такъ страшно было явиться предъ сего льва (какъ называется Нерона Павелъ)! Такъ непостоянна природа человѣческая въ самой чистой дружбѣ! Одинъ небесный другъ, Господь Іисусъ, ради котораго Павелъ приносилъ себя въ жертву, не оставлялъ его: Онъ предсталъ ему и укрѣпилъ его духъ. Явились ли іерусалимскіе враги Павловы на сей судъ, или нѣтъ, въ чемъ обвиняли его, и какъ онъ защищалъ себя отъ ихъ клеветъ, неизвѣстно. Упомянувъ о семъ судѣ во второмъ посланіи къ Тимоѳею, апостоль непосредственно предъ тѣмъ жалуется на одного кузнеца Александра (2 Тим. 4, 14). Не былъ ли онъ въ числѣ обвинителей Павловыхъ? Но кто онъ и чѣмъ вредилъ апостолу, также неизвѣстно. Даже спорятъ о томъ, чѣмъ кончился судъ надъ Павломъ: смертію его, или освобожденіемъ.

Полагали, и нынѣ полагаютъ нѣкоторые *), что первыя узы Павловы въ Римѣ были вмѣстѣ и послѣдними. Но сему мнѣнію, при всей учености защитниковъ онаго, не достаетъ основательныхъ доказательствъ. За истину противнаго мнѣнія, то есть, что первыя узы Павловы окончились освобожденіемъ, ручается а) *всеобщее преданіе Церкви*. Правда, сіе преданіе становится извѣстнымъ со временъ Евсевія **); но тѣмъ не менѣе оно важно: ибо Евсевій заимствовалъ его изъ сочиненій (нынѣ потерянныхъ) Діонисія Коринѳскаго, во время коего послѣдняя судьба Павла была еще у всѣхъ въ свѣжей памяти. Выраженіе *ιος λόγος ἔχει* (какъ носится слухъ, какъ говорятъ), не показываетъ еще того, чтобы Евсевій считалъ сіе преданіе недостовернымъ, ибо онъ ясно говоритъ, что преданіе сіе пересказано имъ для того, дабы кто нибудь не подумалъ, что первыя узы Павловы въ Римѣ окончи-

*) Schmidt. Histor. kritisch. Einleitung in N. T. 1818, pag. 199, 207; также Eichhorn Einleit. 1811, 2 Band. 2, pag. 353—372.

***) Euseb. Hist. Eccles. Lib. 2, cap. 21.

лись его смертію. Историки, пересказывая преданія, нерѣдко употребляютъ выраженія обоюдныя, сила коихъ должна быть опредѣляема, смотря по ходу повѣствованія *). Со времянь Евсевія преданіе объ освобожденіи Павла изъ римскихъ узъ становится общеупотребительнымъ для всѣхъ писателей. Нельзя думать, чтобы они основывались въ семъ случаѣ на одной важности Евсевія. б) *Многія мѣста въ посланіяхъ Павловыхъ*, писанныхъ изъ Рима (Фил. 2, 19, 24; Филим. ст. 28; Евр. 12, 22). Писатель вездѣ показываетъ твердую надежду на свое освобожденіе и общается снова посѣтитъ учениковъ своихъ. Даже надлежитъ думать, что посланіе къ евреямъ написано Павломъ по окончаніи узъ: ибо онъ въ заключеніи его говоритъ: «знайте, что братъ нашъ Тимоѳей освобожденъ, и я вмѣстѣ съ нимъ (ежели онъ скоро придетъ) увижу васъ». в) *Заключеніе Дѣяній Апостольскихъ*. «И жилъ (*δέμεινε*)», пишетъ св. Лука, «Павель цѣлые два года въ нанятомъ имъ домѣ, и принималъ (*ἀπεδέχετο*) всѣхъ проходящихъ къ нему, проповѣдая царствіе Божіе и невозбранно уча о Господѣ Іисусѣ Христѣ со всею смѣлостью». Если бы апостолъ Павелъ, когда написаны Дѣянія Апостольскія, носилъ еще узы, то св. Лука не сказалъ бы: *жилъ и принималъ*; равно, если бы Павла въ сіе время не было уже въ живыхъ, онъ не преминулъ бы въ концѣ своей книги упомянуть, хотя кратко, о кончинѣ, тѣмъ паче, что большая часть Дѣяній Апостольскихъ есть не что иное, какъ исторія Павловыхъ путешествій. Весьма вѣроятно, что обвинители Павла (если только они имѣли безстыдство явиться на судъ кесаря) не могли доказать своихъ клеветъ; между тѣмъ какъ въ пользу обвиняемаго ходатайствовали и одобреніе Феста и Юлія, и собственная его безпорочная жизнь, и усердіе римскихъ христіанъ, особенно принадлежавшихъ къ дому кесареву. Неронъ въ сіе время, по замѣчанію Евсевія **), еще не совсѣмъ забылъ прежнюю свою кротость и слушалъ иногда своихъ мудрыхъ и добродѣтельныхъ наставниковъ, а посему могъ быть справедливымъ въ дѣлѣ іудейскаго узника, оправданія коего требовала, нѣкоторымъ образомъ, самая честь римскаго имени.

Касательно самаго образа и времени освобожденія Павлова нѣтъ никакихъ извѣстій. Бароніи ***)) догадывается, что съ Павла

*) V. Bertinold. Einleitung in N. T. des 5 Theils 2 hälfte pag. 2748. 1806.

**) Hist. Eccles. Lib. 2. cap. 21. Quinquennium Neronis обратилось даже въ пословицу.

***)) Ad annum Christ. 51 num. X.

сняты узы по случаю умерщвленія Агриппины, матери Нероной, когда въ Римѣ торжественно праздновали сіе злодѣяніе, и когда, въ память спасенія императора отъ мнимой опасности со стороны Агриппины, многимъ узникамъ была дарована свобода. Догадка довольно правдоподобная, но едва ли согласная съ хронологією *).

*) Wits. Mel. Leyd. pag. 159.

ЧЕТВЕРТОЕ АПОСТОЛСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПАВЛА И ПОСЛѢДНІЯ УЗЫ ВЪ РАПѢ.

 стальная часть Павловой жизни, по сознанию всѣхъ историковъ, подлежитъ многимъ недоумѣніямъ и спорамъ. Причиною сего недостатокъ историческихъ источниковъ. Ибо повѣствованіе св. Луки о дѣяніяхъ Павла оканчивается вмѣстѣ съ его первыми узамъ; а изъ послѣдующихъ писателей первыхъ трехъ вѣковъ никто не обращалъ особеннаго вниманія на дѣянія апостоловъ. Самые собиратели христіанскихъ древностей, Паній и Егезиппъ, не могли бы служить пособіемъ въ семъ случаѣ: ибо Евсеій, который пользовался ихъ трудами (для насъ давно потерянными), сообщаетъ весьма немногое о послѣдней судьбѣ Павла. Почему намъ остается употребить въ дѣло только нѣкоторыя указанія на остальную часть Павловой жизни, кои находятся въ его посланіяхъ и сочиненіяхъ нѣкоторыхъ древнихъ писателей Церкви. Въ угѣшеніе тѣхъ, кои желали бы въ точности видѣть, какъ сей великій свѣтильникъ Церкви скончалъ свѣтозарное теченіе свое, можетъ служить слѣдующее прекрасное мѣсто изъ бесѣды Златоуста на Дѣянія: «для чего ты», вопрошаетъ онъ, «желаешь знать послѣдующія дѣянія (Павловы)? Они таковы же, какъ и предшествующія: узы, мученія, томительные подвиги, темницы, навѣты, клеветы, ежедневная смерть. Ты видѣлъ малую часть: таковыми же представляй и остальные. Когда ты смотришь на небо, то хотя видишь малую часть неба, но съ нею сходны всѣ прочія, такъ что, сколько бы ты ни перемѣнялъ мѣстъ, небо все то же: точно такъ разсуждай и о Павлѣ *)».

*) Hom. 55. Edit. Montfauconii 1741. Venetiis.

Не подвергаясь упреку въ историческомъ невѣріи, нельзя сомнѣваться, что апостоль Павелъ по своемъ освобожденіи предпринималъ четвертое апостольское путешествіе, продолжавшееся до его послѣднихъ узъ. Таковое сомнѣніе было бы несомнѣстно и съ посланіями Павловыми, писанными изъ Рима, въ коихъ онъ даетъ многократныя обѣщанія снова посѣтить учениковъ своихъ, и съ всеобщимъ преданіемъ Церкви. Даже вопросъ: куда было предпринято четвертое путешествіе?—можетъ быть разрѣшенъ, хотя несовершенно. Если мы не знаемъ всѣхъ мѣстъ, посѣщенныхъ въ сіе время апостоломъ, то съ достовѣрностію знаемъ нѣкоторыя изъ нихъ. Изъ втораго посланія къ Тимоѳею, писаннаго во время послѣднихъ узъ, открывается, что писатель онаго незадолго предъ тѣмъ былъ въ Коринѣ, Мелитѣ, Иконіи, Листрахъ и Антиохіи, и въ трехъ послѣднихъ городахъ весьма много претерпѣлъ (2 Тим. 3, 11; 4, 13. 20). Значить, послѣднее путешествіе было предпринято Павломъ на востокъ, и именно по тѣмъ Церквамъ, кои почитали его своимъ учителемъ. Бывши на востокѣ, онъ, безъ сомнѣнія, исполнилъ обѣщаніе свое посѣтить Колоссъ (Кол. 3, 22) и Филиппы (Филип. 1, 25); сопредѣльныя съ ними Церкви (исключая ефесской, которой Павелъ, во время прощанія съ нею, предсказалъ, что она не увидитъ болѣе его лица) также, конечно, имѣли утѣшеніе насладиться лицезрѣніемъ своего основателя.

Есть мнѣніе, что послѣднее путешествіе Павлово простерлось до Палестины; оно основывается на 13, 23 посланія къ евреямъ, гдѣ апостоль изъясняетъ надежду увидѣться съ евреями, къ коимъ онъ писалъ. Но основаніе сіе слабо. По признанію едва не всѣхъ критиковъ *), посланіе сіе написано не къ евреямъ палестинскимъ, по крайней мѣрѣ не къ нимъ однимъ, а ко всѣмъ христіанамъ изъ евреевъ. Возраженіе, что подъ именемъ евреевъ во время апостоловъ разумѣлись евреи палестинскіе, а жившіе внѣ Палестины назывались еллинистами, не важно уже потому, что надписаніе сего посланія произошло не отъ руки самого писателя. Впрочемъ, весьма сомнительно и то, чтобы евреи, жившіе внѣ Палестины, никогда не назывались евреями, а всегда еллинистами **). Предпринять путешествіе въ Іудею зна-

*) V. Rosenmüller, Schol. in Epist. ad Hebr.

**) Karpzov. in Proleg. ad Sacr. exercit. in Epist. ad Hebr. ex Philone Alex. pag. 10.

чло безъ нужды подвергать себя неизбѣжнымъ опасностямъ. Въ Палестинѣ не было Церквей, основанныхъ Павломъ; жребій служенія его былъ — проповѣдывать язычникамъ, а не обрѣзаннымъ; для палестинскихъ іудеевъ назначены были Промысломъ другіе апостолы. Павелъ и прежде сего всегда являлся въ Иерусалимѣ не столько какъ апостолъ, а болѣе какъ посѣтитель.

Гораздо вѣроятнѣе мнѣніе тѣхъ, кои полагаютъ, что Павелъ, послѣ обозрѣнія восточныхъ Церквей, посѣтилъ испанію *). Выраженіе Климента Римскаго **): *καὶ ἐπὶ τὸ τέρμα τῆς οὐβέως ἐλθὼν* (доходившій до послѣднихъ предѣловъ запада), именно заставляетъ такъ думать. Ибо послѣднимъ предѣломъ запада не можетъ быть, какъ толковали нѣкоторые ***), ни Италія, ни Британія: это безспорно Испанія, коей послѣдній предѣлъ назывался концомъ земли (*finis terrae*). Павелъ еще въ посланіи къ римлянамъ изъяснялъ желаніе свое побывать въ Испаніи. «Но время, протекшее отъ освобожденія Павлова до послѣднихъ узъ, недостаточно для того, чтобы съ востока предпринять путешествіе въ Испанію ****)». Возраженіе не очень сильное. Въ четыре года можно было совершить путешествіе и на востокъ и на западъ, тѣмъ паче, что послѣднее путешествіе Павлово по востоку было предпринято не столько для новой проповѣди, сколько для преподанія послѣдняго утѣшенія вѣрующимъ *****).

Между тѣмъ какъ великій учитель язычниковъ обтекалъ въ послѣдній разъ красными стопами своими востокъ и западъ, въ Римѣ возгорѣлось гоненіе на христіанъ. Неронъ, зажегшій въ безуміи сію столицу міра, дабы видѣть подобіе горящей Трои, въ избѣжаніе ненависти за злодѣйство тѣмъ охотнѣе сложилъ вину онаго на христіанъ, что суевѣрный народъ уже давно расположенъ былъ почитать ихъ врагами общественнаго благоденствія. Мишеніе за мнимое произведеніе пожара искало всюду жертвъ: однихъ изъ христіанъ въ звѣриныхъ кожахъ предавали на растерзаніе псамъ; другіе, съ ногъ до главы облитые горючими веществами, должны были, старая постепенно, освѣщать собою, во время ночи, сады Нероновы. Для римской Церкви потребна была

*) Pearson. Annal. Paulinae.

**) 1 Epist. ad Cor. sect. V.

***) Stillingfleetus in originibus Britannicis, cap. I.

****) Berthold in Einleitung.

*****) V. Weber de verosimili Pauli in Hispania martyrio, 1787. Spier Historia critica de Hispanico Pauli itinere, 1742.

вся вѣра и терпѣніе, дабы не пасть подѣ тяжестію креста. Могъ ли Павелъ оставаться равнодушнымъ слушателемъ о кровавой борьбѣ христіанства съ язычествомъ? Могъ ли онъ оставить безъ утѣшенія возлюбленныхъ чадъ своихъ въ Римѣ? — Напротивъ, онъ немедленно явился къ нимъ, дабы раздѣлится съ ними вѣнецъ мученической, въ полученіи коего онъ увѣренъ былъ, по словамъ Аѳанасія *), предварительнымъ откровеніемъ. Таже, вѣроятно, причина привела въ Римъ и апостола Петра. Узы немедленно соединили сихъ первоверховныхъ апостоловъ, коихъ жребій служенія раздѣлялъ въ продолженіе цѣлой жизни. Неронъ въ сіе время былъ уже чудовищемъ, а не человѣкомъ; почему апостоль еще до рѣшительнаго приговора надъ собою писалъ къ Тимошею о скоромъ отшествіи своемъ изъ сего міра, и просилъ его придти къ себѣ (2 Тим. 4, 9). Судя по сей просьбѣ, должно однакожь думать, что послѣднія узы Павловы продолжались по крайней мѣрѣ нѣсколько мѣсяцевъ.

Послѣднимъ побужденіемъ къ осужденію Павла на смерть для Нерона, по сказанію Златоуста **), было слѣдующее: апостоль, не смотря на опасность, продолжалъ возвѣщать имя Христово и обратилъ одну изъ наложницъ тирана, имъ страстно любимую. Обращенная рѣшительно отказалась раздѣлять съ нимъ безчестное ложе. Матереубійца воскипѣлъ гнѣвомъ, и узнавъ, что Павелъ виною сего случая, осудилъ его на казнь.

Преданіе, почти общее, говорить, что апостоль Павелъ былъ замученъ вмѣстѣ съ апостоломъ Петромъ. Но есть и другое преданіе, что Павелъ пострадалъ, спустя годъ по смерти Петра, впрочемъ въ тотъ же самый день, то есть 29 іюня ***).

Лактанцій ****) пишетъ, что сіи апостолы предъ концемъ своей жизни изрекали пророчество о томъ, что Богъ вскорѣ воздвигнетъ царя въ Римѣ, который опустошитъ Іерусалимъ, разрушитъ храмъ іудейскій и разсѣетъ іудеевъ по всему міру. Орудіемъ казни Павла, какъ римскаго гражданина, былъ мечъ. Она послѣдовала въ преклонныхъ лѣтахъ апостола на мѣстѣ, называемомъ Салвіанскими источниками, въ правленіе Гелія и Поликлета *****),

*) In Apolog. pro fuga sua.

**) In Orat. adversus vitae Monast. vituperatores.

***) Чет. мин. на 29 іюня.

****) Lib. 4, cap. 21.

*****) Clem. Rom. 1; Epist. ad Cor.. sect. 5.

коимъ Неронъ, во время путешествія своего въ Грецію, поручилъ верховную власть, около 67 года по Рождествѣ Христовомъ *). Священные останки Павловы погребены вѣрующими близъ Рима. Св. Златоустъ говоритъ **), что ихъ страшились демоны и уважали ангелы, и что вѣрующіе со всѣхъ странъ стекались для поклоненія гробу Павлову. Надъ симъ гробомъ Константинъ Великій, по совѣту Сильвестра, римскаго епископа, создалъ малую церковь, которая потомъ распространена была Валентианомъ.

«Такъ скончалъ теченіе свое сосудъ Христовъ избранный, учитель языковъ, всемірный проповѣдникъ небесныхъ высотъ, и райскихъ добротъ видѣцъ, ангеловъ и челоуѣковъ позоръ и удивленіе, великій подвижникъ и страдалецъ, язвы Господа своего на тѣлѣ своемъ понесый, святыи верховный апостолъ Павелъ, и вторицею, еще и кромѣ тѣла, до третіяго небесе взятся ***)!»

*) Отъ времени Златоуста и Амвросія идетъ преданіе, что изъ усѣченной выи апостола вмѣсто крови истекло молоко. См. Чет. Мин. 29 іюня.

**) Нот. 8, in Ephes.

***) Св. Дим. Рост. въ Чет. Мин. на 29 іюня.

ЗАМѢЧАНІЯ

касательно внѣшняго вида апостола Павла, его природныхъ дарованій, характера, писаній подлинныхъ и подложныхъ, уваженія къ нему отцевъ Церкви и особенно Златоуста.

Здѣ 2 Кор. 10, 20 заключаютъ, что апостоль Павелъ былъ весьма незамѣчателенъ по виду и малъ ростомъ. Св. Златоустъ въ одной бесѣдѣ называетъ его человѣкомъ въ три локтя (*ἀνδρὸς τρεπλήρον*) *). Думаютъ, что сочинитель Филопатриды (Луціанъ, или кто другой) имѣлъ въ умѣ Павла, когда выводилъ на зрѣлище Галилея, у коего на верхней части головы нѣтъ волосъ, съ орлинымъ носомъ, по воздуху восходившаго до третьяго неба **). Но никто не оставилъ намъ такого подробнаго описанія Павла по внѣшнему виду, какъ Никифоръ Каллистъ ***). «Павелъ», говоритъ онъ, «былъ ростомъ малъ, непрямя и нѣсколько согбенъ; лице у него было чистое и являло признаки долгихъ лѣтъ; голова плѣшива; въ глазахъ его усматривалось весьма много пріятности; брови поднятыя вверхъ и какъ бы разбѣгающіяся; носъ продолговатъ съ пріятною неровностію; борода густая и довольно длинная, по мѣстамъ съ сѣдиной, также какъ и голова». Портретъ весьма выразительный; жаль только, что онъ писанъ,

*) Hom. in 2 Epist. ad Cor.

***) Wits. Mel. Leyd. pag. 162.

****) Hist. Lib. 2, cap. 37.

спустя із вѣковъ по смерти апостола, и неизвѣстно съ какого подлинника!

Если въ самомъ дѣлѣ апостолъ Павелъ былъ малъ ростомъ, то на немъ оправдалось мнѣніе, что въ маломъ тѣлѣ нерѣдко бываетъ душа истинно великая. Благодать, безъ сомнѣнія, преобразовала и усовершила въ немъ дары природы; но сіи дары сами по себѣ были весьма велики. Нѣтъ ни одного качества, потребнаго для великихъ умовъ и характеровъ, коего не усматривалось бы въ Павлѣ. Св. Златоустъ равнялъ его по естественнымъ дарованіямъ къ любомудрію съ Платономъ: сравненіе неопредѣленное; ибо тотъ и другой дѣйствовали при совершенно различныхъ обстоятельствахъ: одинъ во свѣтѣ Духа Божія, другой при слабомъ свѣтильникѣ разума; но то несомнѣнно, что гений Павла, еслибы Промыслъ судилъ ему явиться подъ небомъ Греціи, не потерялся бы въ толпѣ послѣдователей Платоновыхъ, и къ спуску мудрецовъ греческихъ прибавилось бы еще одно великое имя.

Характеръ Павла есть характеръ вселенскаго учителя, характеръ посланника Божія къ роду человѣческому. «Когда», вѣстиваетъ Златоустъ *), «ты скажешь: апостолъ, всѣ разумѣютъ Павла, точно также какъ при имени: креститель, всякому приходитъ на мысль Іоаннъ». У Павла все служитъ въ пользу евангелія, къ славѣ Божіей,—и довольство, и нищета, и похвала, и поруганія, и свобода, и узы, друзья и враги, жизнь и смерть. Предъ нимъ, какъ предъ Богомъ, коего онъ посланникъ, нѣтъ ни іудея, ни елима, ни раба, ни свободнаго, ни мужескаго пола, ни женскаго: всѣ едино во Христѣ Іисусѣ. Съ язычникомъ — онъ язычникъ, бесѣдуетъ о естественной религіи; ссылается на ихъ поэтовъ, извиняетъ лѣта ихъ невѣдѣнія о истинномъ Богѣ; съ іудеями—іудей, разсуждаетъ о знаменованіи обрядоваго закона, совершаетъ обѣты, наблюдаетъ различіе яствъ, предписанное закономъ; съ слабыми совѣстію—слабъ, умѣряетъ свободу христіанскую, воздерживается отъ идоложертвенныхъ, хотя совершенно увѣренъ, что идолъ есть ничто. Но во всѣхъ случаяхъ видѣнъ учитель истины, образецъ чистоты нравственной, сосудъ благодати. «Не погрѣшитъ тотъ», по словамъ Златоуста **), «кто назоветъ душу Павлову моремъ и небомъ: небомъ по чистотѣ,

*) Hom. 55, in Acta Apost. Edit. Montfauc. 1742.

***) Hom. 55, in Acta Apost.

моремъ по глубинѣ. Въ семь морѣ нѣтъ драгоцѣнныхъ зеренъ, но есть вещи, драгоцѣннѣйшія всякаго перла. Кто пожелаетъ углубиться въ сіе море, тотъ найдетъ въ немъ всѣ сокровища, кои сокрыты въ царствѣ небесномъ».

Ни одинъ изъ апостоловъ не оставилъ намъ столько писаній, какъ Павелъ. Четырнадцать посланій его всегда признавались Церковію за источникъ истиннаго христіанскаго ученія. По нѣкоторымъ особеннымъ обстоятельствамъ, посланіе къ евреямъ было приписываемо другимъ писателямъ, впрочемъ — безъ достаточныхъ причинъ *); о прочихъ никогда не было спора. Древніе еретики **), поражаемые истинами, въ нихъ содержащимися, старались повреждать нѣкоторыя мѣста; но сіи поврежденія были немедленно замѣчены, обличены, и нимаго не повредили подлинности Павловыхъ посланій.

Духъ сихъ посланій есть духъ живой вѣры въ Іисуса Христа въ противоположность съ мертвою дѣятельностію подзаконной праведности. Здѣсь видимъ, какъ падшій человѣкъ неспособенъ самъ по себѣ и помыслить о чемъ-либо добромъ, тѣмъ менѣе — исполнить въ точности всѣ повелѣнія закона Божія; какъ Богъ Отецъ, по неизреченной любви своей къ преступному роду человѣческому, опредѣляетъ извлечь его изъ бездны золь, въ которую увлекло его паденіе праотца; какъ Богъ Сынъ въ тайнѣ предвѣчнаго совѣта пріемлетъ на себя великое дѣло искупленія, въ предопредѣленное время является на землѣ въ образѣ человѣка, смертію своею упраздняетъ царство грѣха и смерти и потомъ, вознесшись на небо, посаждается одесную Отца, ожидая, доколѣ всѣ враги Его царства будутъ положены въ подножіе ногъ Его; какъ Духъ Святой своимъ благодатнымъ дѣйствіемъ усваиваетъ вѣрующимъ заслуги Сына Божія, написуетъ новый законъ жизни на сердцахъ ихъ, изливаетъ въ нихъ любовь Божію, ходатайствуетъ о нихъ предъ Богомъ и содѣлываетъ ихъ новою тварію, созданною во Христѣ на дѣла благія. Павелъ часто вводитъ читателей во мракъ ветхозавѣтныхъ прообразованій; но сіи прообразованія теряютъ у него свою мрачность и являются свѣтлыми и живыми образами, въ коихъ всякій безъ труда находитъ для себя назиданіе и утѣшеніе. Какъ учитель вѣры, онъ большею частію учитъ, обличаетъ и исправляетъ; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ къ утѣшенію

*) Euseb. Hist. Eccl. Lib. 3, cap. 3.

***) Гностики и маркіониты. Iren. Lib. 3, cap. 12.

вѣрующихъ повѣствуетъ какъ дѣписатель, и предсказываетъ будущее какъ пророкъ. Ему принадлежатъ предсказанія объ умноженіи въ послѣднія времена лжеучителей и обращеніи народа іудейскаго къ Іисусу Христу предъ Его вторымъ пришествіемъ, о явленіи антихриста, о безумной его гордости, ложныхъ чудесахъ и ужасной казни.—По выспенности созерцанія Павелъ можетъ столь же справедливо, какъ и Іоаннъ, именоваться орломъ богословія. Въ первой главѣ посланія къ евреямъ господствуетъ возвышенность мыслей, подобная той, коею удивляемся въ первой главѣ Іоаннова евангелія *).

О внѣшнемъ образѣ изложенія мыслей Павелъ самъ даетъ отзывъ, когда говоритъ, что слово и проповѣдь его состояли не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, а въ явленіи духа и силы (1 Кор. 2, 4). Въ другомъ мѣстѣ онъ даже называетъ себя *невѣждою* (*ἄσύνετος*) въ словахъ (2 Кор. 11, 6). Безъ сомнѣнія, онъ разумѣетъ здѣсь то буйство проповѣди, коимъ благоволилъ Богъ спасти міръ, не познавшій Бога въ премудрости Божіей,—то буре Божіе, которое мудрѣе всѣхъ человѣковъ. Впрочемъ, хотя Павелъ не заботился о томъ, чтобы льстить слуху и вкусу тѣхъ, къ коимъ онъ писалъ; но естественный даръ къ краснорѣчію, освященный Духомъ Божіимъ, никогда не оставлялъ его. Нѣтъ почти ни одного украшенія мыслей и словъ, для коихъ не находилось бы прекрасныхъ образцовъ въ посланіяхъ Павловыхъ; изъ нихъ однихъ можно извлечь всѣ правила для церковнаго витійства **). Лонгинъ, не будучи христіаниномъ, поставялъ Павла за краснорѣчіе наряду съ лучшими витіями греческими ***).

Не излишне замѣтить, что посланія Павловы писаны не имъ самимъ, а писцомъ, коему они были диктованы (Римл. 16, 22). Павелъ только имѣлъ обыкновеніе подписывать собственноручно въ концѣ посланія привѣтствіе, что служило отличительнымъ знакомъ его истинныхъ писаній (Кор. 16, 21; Кол. 4, 8). Причина сего, по сказанію св. Златоуста ****), состояла въ томъ, что почеркъ его письма былъ весьма неисправенъ и нечетокъ.

Неблагоразумное усердіе къ памяти апостола, или нечистое

*) V. Tzschirner Observationes Pauli Ap. Epistolarum, Scriptoris ingenium concernentes. Wit.b. 1800, 4.

***) V. Bauer Rhetorica Paulina. Hal. 8, 1783.

****) V. Berthold in Einleitung.

*****) Hom. in Epist. ad Gal. 6, 11. Тоже сказаніе находится у Іеронима Оеодорита.

намѣреніе приккрыть свои вымыслы высокимъ именемъ его, или предосудительное желаніе пополнить собственными догадками нѣкоторыя пустыя мѣста въ его исторіи, было причиною, что подъ именемъ апостола появились нѣкоторыя ложныя сочиненія, какъ-то: *Вознесеніе Павла*, *Апокалипсисъ*, *Дѣянія Павла и Феклы*, *Переписка Павлова съ Сенекою*, *Посланіе къ Лаодикійцямъ*.

О *Вознесеніи ἀναβατικῶν* Павла такъ говоритъ Епифаній *): «еще и другую книгу вымыслили (кауниты) подъ именемъ апостола, исполненную нестерпимыхъ соблазновъ, обращающуюся въ употребленіи и у тѣхъ, кои называются гностиками. Называютъ же ее *Вознесеніемъ Павла*. Поводъ къ такому подлогу взять ими изъ 2 Кор. 12, 7, гдѣ апостолъ говоритъ, что онъ восхищенъ былъ до третьяго неба и слышалъ тамъ неизреченныя глаголы. Изъ сихъ-то глаголовъ, по ихъ увѣренію, составила оная книга». Августинъ также зналъ сію книгу, равно какъ и подложность ея **). «Нѣкоторые изъ людей, живущихъ въ духѣ», говоритъ онъ, «достигли того, о чемъ нельзя человѣку и говорить; по какому случаю пустые люди съ неимовѣрною дерзостію вымыслили *Вознесеніе Павла*, отвергаемое Церковію, исполненное нелѣпныхъ вымысловъ. Еще бы нѣсколько сносна была ихъ дерзость, если бы апостолъ сказалъ, что онъ слышалъ то, чего нельзя еще человѣку говорить: но когда онъ безъ ограниченія скажетъ, что человѣкъ не можетъ говорить о томъ, что имъ слышано: то кто сіи люди, кои дерзаютъ безстыдно и нелѣпо говорить о сихъ предметахъ?» Болѣе о *Вознесеніи* Павла ничего неизвѣстно.

Подобнаго достоинства *Апокалипсисъ Павловъ*. Созоменъ сказываетъ ***), что онъ въ его время пользовался уваженіемъ нѣкоторыхъ монаховъ, и былъ найденъ, по откровенію, въ тарсскомъ домѣ апостола Павла, подъ землею, въ мраморномъ ящикѣ. Тотъ же писатель увѣряетъ, что когда онъ, сомнѣваясь въ истинѣ сего происшествія, спросилъ о немъ престарѣлаго пресвитера тарскаго, то сей рѣшительно отвѣчалъ, что въ Тарсѣ никто не слыхалъ о семъ происшествіи, и что оно, равно какъ и книга, безъ сомнѣнія, суть вымыселъ еретиковъ. — Обѣ предшествующія книги давно потеряны, если только можно назвать сіе потерю.

*) De Hair. 38, num. 2.

**) Tract. 98, in Ioh.

***) Hist. Eccl. Lib. 7, cap. 19.

О *Дьяніяхъ Павла и Феклы* упоминалъ еще Тертуліанъ *). Онъ же говоритъ, что сочинитель ихъ есть одинъ азійскій пресвитеръ, который, бывъ обличенъ въ подлогъ, признался, что онъ сдѣлалъ его изъ любви къ Павлу. *Дьянія* сіи дошли до нашихъ временъ съ нѣкоторыми прибавленіями и перемѣнами **). Содержаніе ихъ составляютъ: чудесное обращеніе Павломъ Феклы, разнообразное мученичество послѣдней, и множество чудесъ, съ нимъ соединенныхъ. Основую вымысла могло быть истинное происшествіе; ибо многіе изъ древнихъ писателей упоминаютъ о мученицѣ Феклѣ ***).

Переписка Павла съ Сенекою, хотя Иеронимъ вѣрилъ ея подлинности ****), не стоитъ и Сенеки, не только Павла. Она состоитъ изъ тринадцати писемъ, весьма бѣдныхъ по содержанію. Всѣ они суть произведеніе одного пера. Языкъ (латинскій) непрестанно измѣняетъ автору. Не смотря на краткость, въ нихъ находится много историческихъ ошибокъ, вовсе неумѣстныхъ въ Сенеку *****). Философъ удивляется мудрости апостола, производитъ ее отъ Духа Святаго, и въ тоже время совѣтуетъ ему поболѣе заботиться о слогѣ.

Посланіе къ Лаодикійцямъ состоитъ изъ двадцати стиховъ: такъ лѣнивъ былъ сочинитель, несмотря на свою охоту писать за другихъ! И сіи двадцать стиховъ суть не что иное, какъ буквальныи выборъ изъ другихъ посланій Павловыхъ, такъ что нельзя сыскать произведенія, которое было бы по содержанію незначительнѣе сего посланія. Иеронимъ зналъ оное и почиталъ подложнымъ *****).

Кромѣ сего, на армянскомъ языкѣ есть два письма—одно къ Павлу отъ коринѳянъ, другое къ нимъ отъ Павла *****). Сочинитель думалъ, безъ сомнѣнія, замѣнить мнимую потерю посланія Павлова къ коринѳянамъ, которое, повидимому, никогда не существовало (1 Кор. 5, 9).

*) De Bapt. 17.

**) V. Grabii specil. Pat. sec. 1.

***) Куприанъ in Orat. pro Mart., Иеронимъ Epist. 22, также Григорію Назіанзинъ, Амвросій, Златоустъ, Исидоръ Пелусіотъ и др.

****) Catal. 5.

*****) Наприм. онъ говоритъ, что во время пожара въ Римѣ выгорѣло только 132 дома, или четыре квартала; между тѣмъ какъ, по свидѣтельству Тацита, изъ 14 частей города только 4 остались цѣлы.

*****) Catal. g.

*****) Schmidt. Handbuch der Kirchengesch. 1 Theil. pag. 423, 1801.

Самыя подложныя сочиненія, нами исчисленныя, показываютъ уже, что имя Павла еще въ первыхъ вѣкахъ христіанства было именемъ, возбуждающимъ уваженіе. Изъ однихъ наименованій, коими христіанскіе писатели старались выражать величіе и доблести души Павловой, можетъ составиться цѣлое слово въ похвалу сему апостолу. Церковь усвоила ему вмѣстѣ съ Петромъ наименование *первоверховнаго*; но по трудамъ апостольскимъ всегда признавала его первымъ изъ апостоловъ. Св. Златоустъ, кажется, никогда такъ не былъ краснорѣчивъ, какъ когда разсуждалъ о Павлѣ. Онъ написалъ ему нѣсколько похвальныхъ словъ, съ особеннымъ тщаніемъ изъяснялъ его посланія, называлъ его своимъ учителемъ, посвятилъ ему (если вѣрить темному преданію) свои Толкованія на св. писаніе, весьма часто и въ бесѣдахъ и въ другихъ сочиненіяхъ обращался къ дѣяніямъ Павловымъ, подражалъ ему въ образѣ мыслей и въ самыхъ выраженіяхъ. Вотъ слова, коими онъ заключаетъ свое толкованіе на посланіе къ римлянамъ, и коими столь же прилично заключить жизнеописаніе Павлово:

«Кто дастъ мнѣ нынѣ, да обниму тѣло Павлово, да повернусь на гробъ его, да узрю прахъ того тѣла, въ коемъ восполнялось лишеніе скорбей Христовыхъ, которое носило на себѣ язвы Господа своего;—да узрю прахъ тѣхъ устъ, кои изрекли блаженныя оныя слова: «я желалъ бы самъ ѳыть отлученъ отъ Христа за братьевъ моихъ» (Рим. 9, 3), — кои вѣщали предъ царями и не стыдились... чрезъ коихъ Христосъ провѣщалъ величайшія тайны, большія нежели чрезъ себя самого... Чего не совершали сіи уста? Демоновъ изгоняли, грѣхи разрѣшали, тирановъ приводили къ молчанію, связывали языки философовъ, вселенную обратили къ Богу, варварамъ внушили любомудріе, все, что на землѣ, привели въ порядокъ, располагали по волѣ всѣмъ, что на небѣ, связывали, разрѣшали, по данной имъ власти. Желалъ бы видѣть прахъ и онаго сердца, которое всякій можетъ смѣло назвать сердцемъ вселенныя... Такъ пространно было сіе сердце, что могло вмѣщать цѣлые города, области, народы. Ибо онъ говоритъ: *сердце наше разширено*. Сердце, которое жило новою жизнію, не сею нашею: *уже не я живу*, говоритъ, *а живетъ во мнѣ Христосъ* (Гал. 2, 20). Итакъ сердце Павла было сердцемъ Христовымъ, скрижалями Духа Святаго, книгою благодати... Желалъ бы видѣть и прахъ рукъ, узами связанныхъ, возложеніемъ преподававшихъ Духа Святаго, написавшихъ сіи строки: *спотрите, какъ много написалъ я вамъ своею рукою* (Гал. 4, 11), оныхъ,

говоря, рукъ, кои увидѣвъ, ехидна упала въ огонь. Желалъ бы видѣть прахъ очей, претерпѣвшихъ счастливую слѣпоту и снова прозрѣвшихъ для блага всего міра, удостоившихся видѣть тѣлесно Іисуса Христа, очей, кои земное видя, не видѣли, а созерцали невидимое, кои сна не знали, въ полунощи были бодры, въ коихъ не было никакой зависти. Желалъ бы видѣть и прахъ ногъ, кои, не утруждаясь, проходили вселенную, которыя были забиты въ колоду, но освобождены землетрясеніемъ.

«Но для чего исчислять все въ подробности? Желалъ бы видѣть гробъ, гдѣ лежитъ оружіе правды, оружіе свѣта, члены теперь живые, но когда онъ (Павелъ) жилъ, мертвые, въ коихъ всѣхъ жилъ Христосъ, кои распяты были міру, члены Христовы, во Христа облеченные, храмъ Духа, жилище святыни...

«Все сіе представляя, будемъ стоять мужественно; ибо и Павелъ былъ человѣкъ одной съ нами природы, имѣя все то, что есть и у насъ. Но поелику онъ показалъ величайшую любовь къ Іисусу Христу, то прошелъ небеса и находится теперь между ангелами. Итакъ, если и мы рѣшимся возстать отъ духовной недѣятельности и оживить въ сердцѣ нашемъ оный огонь (любви), то въ состояніи будемъ подражать сему праведнику. Если бы это было для насъ невозможно, то онъ не воскликнулъ бы, говоря: «подражайте мнѣ, какъ я Христу!» (1 Кор. 4, 16). Итакъ намъ должно не удивляться только Павлу, но и подражать ему, дабы, прешедъ изъ сей жизни, мы удостоились насладиться его лицезрѣніемъ и раздѣлить съ нимъ неизрѣченную славу, которая да будетъ удѣломъ всѣхъ насъ, по благодати и милости Іисуса Христа, коему со Отцемъ и Святымъ Духомъ слава, честь, держава нынѣ, всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь.»

ЖИЗНЬ

СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КИПРИАНА

ЕПИСКОПА КАРФАГЕНСКАГО.

ЖИЗНЬ СВЯТАГО СВЯЩЕННОУЧЕНИКА КИПРИАНА. *)

асцій Цецилій Кипріанъ (полное наименованіе святителя) родился въ Карѳагенѣ, знаменитомъ городѣ Африки, около 201 года. Неизвѣстно, кто именно были его родители, ибо ни онъ самъ, ни его дѣписатели не упоминаютъ о нихъ. Извѣстно только, что онъ произошелъ отъ знаменитой карѳагенской фамиліи **), и что родители его, обладая великими богатствами, не имѣли единаго истиннаго сокровища—вѣры во Христа.

Воспитаніе, полученное Кипріаномъ, соотвѣтствовало знатности происхожденія и отличнымъ его дарованіямъ. Онъ былъ обученъ всѣмъ наукамъ, которыя входили въ составъ тогдашняго языческаго образованія, особенно же изящнымъ ***). Въ послѣднихъ оказалъ онъ столько успѣха, что изъ слушателя краснорѣчія непосредственно сдѣлался наставникомъ онаго въ карѳагенскомъ училищѣ ****). Изъ обыкновенія, по коему въ древности

*) Свѣдѣнія сіи почерпнуты а) изъ собственныхъ сочиненій св. Кипріана и особенно изъ его писемъ; б) изъ жизни Кипріана, писанной Понтіемъ Діакономъ, который неотлучно находился при немъ въ послѣдніе годы его жизни; в) изъ похвальнаго слова св. Кипріану Григорію Назіанзину и бесѣды Августина о мученичествѣ св. Кипріана; г) изъ нѣкоторыхъ мѣстъ въ писаніяхъ Іеронима, Августина и другихъ, гдѣ они сказываютъ что-либо о св. Кипріанѣ.

***) Григ. Наз. въ похвальн. словѣ св. Кипр.

****) Понтій въ жизни св. Кипр.

*****) Іерон. въ катал. знам. мужей.

должность публичнаго учителя краснорѣчія большею частію была соединяема съ званіемъ судебного оратора, и изъ слога нѣкоторыхъ писемъ Кипріановыхъ *) заключаютъ, что онъ даръ слова своего употреблялъ между прочимъ и на защищеніе невинности предъ зеркаломъ правосудія.—Съ основательнымъ знаніемъ отечественнаго (латинскаго) языка Кипріанъ соединялъ обширныя свѣдѣнія въ греческомъ. Посему-то, слѣвавшись христіаниномъ, въ сочиненіяхъ своихъ онъ нигдѣ почти не держался какого-либо латинскаго перевода св. писанія, а слѣдовалъ (особенно въ книгѣ псалмовъ) собственному разумѣнію греческаго текста и, подобно Тертуліану, всегда приводилъ евангелія съ греческимъ заглавіемъ (напр. *κατά Matthaeum* и проч).

Рожденный и воспитанный въ языческой религіи, Фасцій не былъ однакоже изъ числа тѣхъ язычниковъ, которые, бывъ ослѣплены предразсудками рожденія и воспитанія, не усматривали ничего нелѣпаго въ язычествѣ. Онъ не могъ безъ негодованія присутствовать въ цркѣ, гдѣ несмысленные юноши искали безразсудной славы въ сраженіи съ звѣрями, и гдѣ безумныя матери съ торжественными кликами возбуждали къ новымъ сраженіямъ дѣтей, уже истерзанныхъ лютыми животными **). Безстыдныя представленія позорныхъ дѣйствій на театрѣ, сопровождаемая всеобщимъ восторгомъ и одобреніемъ, также не нравились Фасцію, и производили въ немъ одно сожалѣніе о томъ, что порокъ не только остается ненаказаннымъ, но и живетъ съ похвалою въ памяти потомства ***). Особенно же сокрушалось сердце его при мысли о безстыдныхъ дѣянїяхъ, коими мифологія старалась украсить исторію своихъ боговъ. Чего добраго, думалъ онъ, можно ожидать отъ тѣхъ людей, кои поклоняются столь развратнымъ богамъ ****)? Печальный опытъ еще болѣе укрѣплялъ его въ сей мысли! Развратъ царствовалъ во всѣхъ состоянїяхъ: въ судилищахъ, чертогахъ царей, даже въ храмахъ совершаемы были такія преступленія, коихъ можно было ожидать только въ вертепахъ разбойниковъ; благоразумнѣйшіе люди старались быть только сокровеннѣйшими злодѣями; нравственность, изгнанная изъ сердецъ, оставалась на одномъ языкѣ и вмѣстѣ съ нимъ обра-

*) Письмо къ Донату.

***) Письмо къ Донату.

****) Письмо къ Донату.

*****) Письмо къ Донату.

щалась и превращалась по прихотямъ страстей *). Все сіе, произведя въ Кипріанѣ отвращеніе отъ язычества, возбудило въ душѣ его спасительный гадъ истинной религіи.

Духъ Кипріана находился въ самомъ мучительномъ состояніи. Онъ видѣлъ ложь и суету того, что другіе и онъ самъ почитали за истину; ощущалъ въ душѣ своей непреодолимую потребность истины, и не находилъ никакого способа удовлетворить оной. Умъ его боролся съ тысячею сомнѣній, изъ коихъ каждое превышало его силы. Сердце его изнемогало среди множества противоположныхъ желаній, изъ коихъ одни привлекали своею чистотою, другія увлекали своею грубостію **). Кипріанъ, такъ сказать, висѣлъ между небомъ и землею. Но поелику онъ искренно алкалъ правды, искренно жаждалъ истины; то Промыслъ не умедлилъ ниспослать ему хлѣбъ небесный и воду жизни.

Кипріанъ находился въ дружеской связи съ однимъ христіанскимъ пресвитеромъ, по имени Цециліемъ. Сей другъ-христіанинъ не могъ безъ сердечнаго сокрушенія видѣть, какъ жалко блуждалъ Кипріанъ во тьмѣ невѣрія. Онъ обнаружилъ предъ нимъ недостатки языческой религіи, которые еще могли укрываться отъ него, какъ язычника, и изобразилъ духъ христіанства во всемъ его благотворномъ величіи. Святость жизни его ручалась за истину его словъ, — и Кипріанъ, которому надлежало только видѣть истину, дабы полюбить ее, рѣшился быть христіаниномъ. Другъ его, образованный своимъ успѣхомъ, принялъ на себя обязанность наставить его въ первоначальныхъ истинахъ христіанской вѣры. Изъ благодарности къ таковому попеченію о себѣ, Кипріанъ принялъ его имя ***), не отпуская отъ себя до самой его кончины, любилъ и уважалъ, какъ отца, и по смерти его принялъ на себя попеченіе о его семействѣ ****).

Благія качества сердца Кипріанова, нашедши сродную себѣ пищу въ высокой нравственности христіанской, скоро начали раскрываться во всей силѣ. Кипріанъ рѣшился быть истиннымъ христіаниномъ. Онъ совсѣмъ не думалъ искать способа, какъ согласить пышность своего прежняго состоянія съ строгостію принимаемой имъ религіи. Ему казалось, что слова Спасителя, повелѣвшаго юношѣ продать имѣніе и раздать нищимъ, сказаны были именно ему.

*) Письмо къ Донату.

***) Письмо къ Донату.

****) Письмо къ Флорентину.

*****) Понтій въ жизни Кипр.

Посему онъ продалъ немедленно имѣніе свое, состоявшее въ домахъ, садахъ и украшеніяхъ, и полученные за оное деньги роздалъ нищимъ—будущимъ братіямъ во Христвъ. Сей дивный опытъ любви ко Христу Кипріанъ оказалъ, не получивъ еще залога вѣры—крещенія, такъ что онъ отрекся міра и похоти его прежде дѣлами, нежели долженъ былъ отречься онаго предъ купелью крещенія словами *).

Вскорѣ за симъ послѣдовало крещеніе (246). Къ умноженію духовной радости Кипріана, Донатъ, искренній другъ, бывшій со товарищемъ его въ изученіи мудрости языческой, содѣлался участникомъ его въ мудрости христіанской **). Дѣйствія Духа Божія при крещеніи и послѣ онаго такъ были ощутительны для обоихъ, что они въ письмахъ своихъ не находили словъ къ выраженію превосходства настоящаго своего состоянія предъ состояніемъ въ язычествѣ. «Когда я», — писалъ Кипріанъ, — «былъ окруженъ тьмою язычества и въ нерѣшимости сердечной блуждалъ умомъ своимъ, не находя ни въ чемъ успокоенія:—для меня казалось совершенно невозможнымъ оставить прежнюю грѣховную жизнь, и содѣлаться истинно добродѣтельнымъ человекомъ. Я не могъ представить себѣ, чтобы живоносныя воды крещенія могли омывать грѣхи и возродить человекъ для новой жизни въ Богѣ. Возможно ли, размышлялъ я самъ съ собою, чтобы вдругъ' ускорилося столько привычекъ, которыя перешли въ самую природу; чтобы законъ грѣха потерялъ силу надъ сердцемъ, которое питалось беззаконіемъ; чтобы изъ человекъ слабого, преданнаго грѣху отъ юности, сдѣлался новый человекъ, любящій и дѣлающій одну правду; и чтобы всѣ сіи чудеса совершились въ той же брэнной плоти, которая была источникомъ зла, пищею разврата, сдѣлаищемъ діавола? Въ сихъ мысляхъ, я считалъ излишнимъ всякое покушеніе противъ грѣха, во мнѣ живущаго; ненавидѣлъ его и мирился съ нимъ, какъ съ непобѣдимымъ противникомъ; желалъ быть добродѣтельнымъ и полагалъ навсегда оставаться въ области грѣха... Но когда свѣтъ благодати проникъ мракъ, окружавшій мою душу, и я ощутилъ въ сердцѣ своемъ присутствіе божественной силы: всѣ сомнѣнія исчезли, благія намѣренія укрѣпились, святыя надежды ожили, невозможное сдѣлалось возможнымъ, и духъ мой, окрпленный

*) Понтій въ жизни св. Кипр.

***) Письмо къ Донату.

вѣрою, подобно орлу воспарилъ надъ бездною собственнаго растлѣнія. Ты знаешь сіе, любезный другъ, такъ же хорошо, какъ и я, мы оба удостоены незаслуженной милости Божіей. А посему намъ должно теперь упражнять по возможности силы, сообщенныя намъ свыше, дабы благоразумнымъ и вѣрнымъ употребленіемъ ихъ сдѣлаться достойными новыхъ даровъ божественныхъ: Богъ нашъ неистощимъ въ своихъ щедротахъ» *).

Достоинно замѣчанія, что первое по обращеніи письмо къ Донату написано самымъ красивымъ слогомъ и исполнено всею роскошію языческаго витійства **), между тѣмъ какъ всѣ прочія письма и сочиненія Кипріана писаны, хотя сильнымъ и трогательнымъ, но простымъ и безъискусственнымъ слогомъ. По замѣчанію Августина ***), сіе сдѣлано было Кипріаномъ не безъ намѣренія: ему хотѣлось, чтобы послѣдующіе роды, зная, какъ писалъ Кипріанъ до христіанства и какъ писалъ, сдѣлавшись христіаниномъ, могли тѣмъ удобнѣе судить о благотворномъ дѣйстви христіанскаго ученія, которое преобразовало на лучшее не только сердце, но и самый языкъ Кипріана.

Возбуждая друга своего къ дѣятельной жизни въ духѣ христіанства, Кипріанъ самого себя непрестанно упражнялъ въ подвигахъ добродѣтели. Не было ни одного добраго дѣла, къ совершенію котораго онъ не почиталъ себя обязаннымъ. Понимая всю высоту духовнаго совершенства, котораго Іисусъ Христосъ требуетъ отъ своихъ послѣдователей, и зная, что высота сія не иначе можетъ быть достигнута, какъ по совершенномъ обузданіи мятежной плоти, онъ наложилъ на сего домашняго врага крѣпкія узы воздержанія и самоумерщвленія ****). Язычникамъ, знавшимъ прежній образъ жизни Кипріана, казалось, что онъ сдѣлался безплотнымъ. Для него осталась одна роскошь — любви къ ближнимъ. Въ семъ случаѣ онъ, подобно Моисею и Павлу, не любилъ наблюдать мѣры. Вообще, поведеніе новообращеннаго Кипріана было таково, что ему могли подражать многіе даже изъ тѣхъ, кои всю жизнь провели въ христіанствѣ *****).

Около сего времени, по всей вѣроятности, написана Кипріаномъ книга «о суетѣ идоловъ.» Сіе видно какъ изъ того, что

*) Письмо къ Донату о благодати.

**) Руфинъ въ предувѣдом. къ бесѣд. Ориг. на книгу Числъ.

***) Август. о учен. христ. книг. 4, гл. 14.

****) Понтій въ жизни Кипр.

*****) Тамъ же.

Понтій, говоря о сочиненіяхъ Кипріана, написанныхъ имъ во время уединенія, не упоминаетъ о сей книгѣ, такъ и изъ того, что новообращеннымъ прежде всего старались внушить ничтожность идоловъ *), а если они были изъ числа ученыхъ, то заставляли ихъ писать о семъ предметѣ въ видѣ защищенія противъ язычниковъ. Самый составъ книги указываетъ на сіе время; въ немъ невидно ничего такого, о чемъ Кипріанъ не преминалъ бы упомянуть, если бы писалъ оную, будучи пресвитеромъ или епископомъ. Всего приличнѣе было начать Кипріану поприще христіанскаго писателя опроверженіемъ идоловъ, коихъ онъ, по свѣдѣтельству Иеронима **), защищалъ, будучи язычникомъ.

Всеобщее удивленіе, возбуждаемое добродѣтелями Кипріана, недолго оставалось безъ плода. Не смотря на то, что онъ былъ между самыми новообращенными новообращенный, его, по общему согласію, причислили къ сословію клира, а вскорѣ сдѣлали и пресвитеромъ ***). Всѣ видѣли, пишетъ Понтій, что уснѣхи Кипріана въ духовной жизни не подчинены обыкновенному порядку времени; а посему никто не почиталъ нужнымъ подчинять его принятому порядку церковныхъ степеней. Гласъ народа въ семъ случаѣ былъ только отголоскомъ гласа Божія.

Съ распространеніемъ круга обязанностей, распространялась и ревность Кипріана. Домъ его отверстъ былъ для всякаго: гладный находилъ въ немъ пищу, нагій—одежду, угнѣтаемый—защиту, кающійся—утѣшеніе, слабый совѣстію—здравый совѣтъ ****). Никто не возвращался изъ него недовольнымъ, развѣ токмо собственнымъ недостойнствомъ.

Между тѣмъ, преимущественнымъ занятіемъ Кипріана было проповѣданіе божественнаго слова. Зная, что примѣры гораздо сильнѣе дѣйствуютъ на сердце, онъ старался не столько указывать, какъ должно поступать, сколько показывать, какъ поступали святые Божіи человеки. Въ изображеніи каждаго изъ нихъ онъ наблюдалъ нѣкоторое святое искусство *****). Проходя жизнь какого либо святаго мужа, онъ останавливалъ вниманіе своихъ слушателей на тѣхъ качествахъ его сердца и на тѣхъ подвигахъ его, коими онъ заслужилъ особенное благоволеніе Божіе, дабы, возводя

*) Оригенъ, противъ Цельса.

**) Катал. знам. мужей.

***) Понтій, въ жизни Кипр.

****) Тамъ-же.

*****) Тамъ-же.

слушателей къ самому источнику духовнаго величія прославляемаго праведника, открыть имъ тѣмъ удобнѣйшій способъ подражать его добродѣтелямъ. Слушатели Кипріана съ радостію примѣчали во многихъ поступкахъ его близкое и вѣрное подражаніе нѣкоторымъ знаменитымъ дѣяніямъ св. мужей *).

Вскорѣ послѣдовавшая смерть карѳагенскаго епископа подала народу случай снова изъявить глубокое уваженіе, которое всѣ имѣли къ пастырскимъ добродѣтелямъ Кипріана. Онъ по времени принадлежалъ еще къ числу новообращенныхъ; не смотря на сіе, всѣ желали имѣть его епископомъ. Не столько бы тяжела была вѣсть о гоненіи для малодушія слабыхъ, сколько тяжело было извѣстіе о семъ для Кипріана. Никто болѣе его не сознавалъ достоинства другихъ, и никто менѣе его не чувствовалъ собственныхъ совершенствъ. Онъ рѣшительно отказался отъ епископскаго престола. Но народъ, наученный его же примѣромъ не ослабѣвать въ совершеніи похвальныхъ предпріятій, не отсталъ отъ своего намѣренія. Произошло странное зрѣлище! Одни собрались во множествѣ предъ домомъ будущаго святителя, другіе заняли всѣ входы и исходы онаго; прочіе, оставшись во храмѣ, молились, какъ бы ожидая отъ него приговора надъ собою **). Кипріанъ, такъ сказать, осажденный усердіемъ будущей паствы, внялъ въ ея гласъ гласу Божию, и мѣсто унынія заступили всеобщая радость и торжество.

Побѣжденный любовію своей паствы, св. Кипріанъ нашель способъ, сдѣлаться въ свою чреду побѣдителемъ. Нѣкоторымъ не нравилось видѣть епископа изъ новообращенныхъ. Кипріанъ не только не показывалъ имъ никакого нерасположенія, но и удостоилъ ихъ особенной близости къ себѣ, довѣрія и дружества, какъ-бы они были первѣйшими изъ его доброжелателей. Зависть сихъ людей, противустоя всѣмъ прочимъ добродѣтелямъ Кипріана, не могла устоять противъ любви ко врагамъ, въ такомъ избыткѣ украшавшей сего святителя: они смирились и содѣлали искренними почитателями его добродѣтелей ***).

Когда Кипріанъ принялъ жезлъ пастырскій, Церковь наслаждалась миромъ. Миръ сей сдѣлался вреднымъ для нея по сла-

*) Понтій, въ жизни св. Кипр.

***) Понтій, въ жизни Кипр.

***) Тамъ-же.

бости ея членовъ. Благочиніе начало ослабѣвать во многихъ: святыя обѣты исполняемы были только по наружности *). Особенно замѣтно было сіе въ дѣвахъ, посвятившихъ себя безбрачному состоянію. Сей, по выраженію Кипріана, цвѣтъ Церкви, вмѣсто благоуханія Христова, издавалъ воню мірскихъ ароматовъ. Кипріанъ мужественно ополчился прогиву сего злоупотребленія, и написалъ книгу «о благочиніи и объ одеждѣ дѣвственницъ.» Восхвалявши въ началѣ ея добродѣтель дѣвства, и доказавъ превосходство его предъ супружествомъ изъ многихъ мѣстъ св. писанія, онъ со всею основательностію опытнаго наставника изъяснялъ, что добродѣтель сія не состоитъ въ одномъ сохраненіи чистоты тѣлесной, но въ цѣломудріи души, непрічастной плотскимъ помысламъ. Отсюда заключалъ, что дѣвамъ посвятившимъ себя Христу, не только неприлично искать соблазнительныхъ связей, но и присутствовать въ тѣхъ мѣстахъ и между тѣми лицами, которыя могутъ быть опасны для невинности. Отрекшись міра, онѣ не должны привлекать на себя взоры міролюбцевъ пышными украшеніями, но, уготовляя себя въ невѣсты Христу, должны заботиться объ одномъ украшеніи души благими дѣлами. Богатство не даетъ имъ никакого права на роскошь; ибо всегда и вездѣ есть много бѣдныхъ людей, которые имѣютъ полное право на ихъ вспоможеніе. Мнимое внутреннее безстрастіе не оправдываетъ ихъ внѣшняго великолѣпія: ибо трудно повѣрить, чтобы тотъ сохранить могъ цѣлымъ сердце, кто не имѣетъ столько твердости, чтобы отказаться отъ красоты тѣлесной. Въ заключеніи св. Кипріанъ умолялъ дѣвственницъ памятовать о важности своего обѣта и не забывать о немъ въ молитвахъ, если какая-либо изъ нихъ, разрѣшившись отъ узъ тѣла, предстанетъ небесному Жениху **).

Сему же времени (250) и сему же попеченію о благочиніи обявано появленіемъ своимъ посланіе Кипріана къ Евстратію о нѣкоторомъ актерѣ, который, по обращеніи въ христіанство, хотя оставилъ театръ, но занимался въ домѣ обученіемъ актеровъ, также къ Рогаціану о безчинномъ діаконѣ, дерзнувшемъ поносить своего пресвитера, и къ Помпонію о дѣвственницахъ, позволявшихъ себѣ опасную и соблазнительную близость къ мужескому полу. Кипріанъ ни слова не говоритъ въ нихъ о гоненіяхъ: но еслибы они писаны были въ послѣдующее время, то опасность

*) Письмо 55 и книга о благочиніи.

***) Книга объ одеждѣ дѣвственницъ.

со стороны гонителей послужила бы для него новымъ источникомъ убѣжденій къ нарушителямъ церковныхъ правилъ.

Среди сихъ попеченій о благоустройствѣ Церкви возгорѣлось гоненіе на христіанъ: однихъ заточали, другихъ повергали въ темницы; иныхъ подвергали осмѣянію и лишенію имущества. Кипріанъ осужденъ былъ на послѣднее *). Но мятежная чернь изъ ненависти къ толь знаменитому епископу непрестанно требовала его на сраженіе его со львами **). Кипріанъ не страшился мукъ; уже онъ оказалъ опытъ своей непоколебимости въ цркѣ ***). Но вдругъ, подобно апостолу, увидѣлъ, что если для него лучше разрѣшиться и быть со Христомъ, то для паствы его полезнѣе, чтобы онъ оставался въ тѣлѣ. Онъ еще могъ сомнѣваться, дѣйствительно ли откладываніе (умереть мученикомъ онъ почиталъ необходимою принадлежностію своего епископства) мученичества происходило не изъ естественнаго страха смерти, а изъ любви къ ближнимъ. Но откровеніе, повелѣвавшее ему удалиться, прекратило его благочестивую нерѣшимость ****). Послѣ сего самый вѣнецъ мученической былъ бы только признакомъ гордости и непослушанія, и Кипріанъ, препоручивъ управленіе Церковію четыремъ испытаннымъ въ вѣрѣ и добродѣтели мужамъ (Бридію, Нумидину и Тертилу пресвитерамъ, изъ коихъ послѣдній послѣ былъ епископомъ, и Рогаціану старцу, послѣ мученику) удалился съ діакономъ Викторомъ въ нѣкоторое сокровенное мѣсто *****).

Первыя извѣстія, полученныя Кипріаномъ въ своемъ убѣжищѣ, были весьма радостны. Нѣкоторые изъ паствы его украсились уже вѣнцемъ мученическимъ; другіе, заключенные въ темницахъ, съ радостію готовились пролить кровь свою за Христа. Отъ полноты пастырской радости, онъ писалъ къ послѣднимъ въ темницу, благодарилъ ихъ за постоянство въ вѣрѣ, изъявлялъ желаніе насладиться ихъ лицезрѣніемъ, укрѣплялъ ихъ надежду и ублажалъ ихъ участь *****). Въ то же время писалъ къ карфагенскому клиру, повелѣвая ему пещись о сохраненіи въ народѣ благочинія среди смутностей гоненія, доставлять все нужное лишеннымъ за

*) Письмо къ Пупіану 69.

**) Письмо 15 къ римск. клиру.

***) Письмо 55. Въ чемъ именно состоялъ сей опытъ, не извѣстно.

****) Письмо 10 къ карфаген. клиру.

*****) Письмо 6 къ нему же.

*****) Письмо къ карф. исповѣдникамъ.

Христа и имущества и заключеннымъ въ темницу, воздавать по слѣдній долгъ тѣламъ мучениковъ, и замѣчать день ихъ исхода для будущаго празднованія онаго, воздерживать народъ отъ многочисленныхъ собраній предъ темницами, дабы язычники, по своей злобѣ, не нашли въ нихъ чего-либо опаснаго для общественаго благоденствія *). Вслѣдъ за симъ, Кипріанъ снова писалъ къ своему клиру, препоручая его попеченію всѣхъ страдавшихъ отъ гоненія **). Поелуку общественное имущество, находившееся въ распоряженіи клира, могло быть недостаточнымъ для удовлетворенія нуждамъ великаго числа бѣдныхъ, то онъ повелѣвалъ присоединить къ оному остатки собственнаго своего имѣнія.

Но вскорѣ радость Кипріана возмущена была печалью. Многіе, устрасая мукъ, отвергались Христа и приносили жертвы идоламъ; другіе, не отваживаясь на сію крайность, покупали у корыстолюбивыхъ градоправителей рукописанія свободы ***). Зло сіе само по себѣ немаловажное, было предвѣстіемъ еще большихъ бѣдствій. Когда, съ удаленіемъ изъ Карфагена проконсула, гоненіе ослабѣло, то многіе изъ тѣхъ, кои изгнаны были за Христа изъ отечества, пользуясь симъ случаемъ, самовольно возвращались въ свои дома, подвергая симъ и себя и всѣхъ христіанъ нареканію въ неповиновеніи императорскимъ законамъ. Кипріанъ немедленно обличилъ виновныхъ строгимъ посланіемъ ****). Къ большому огорченію его, нѣкоторые исповѣдники, освободившись изъ темницъ, поступали недостойно имени Христа, ими исповѣданнаго. Кипріанъ писалъ и къ нимъ, напоминалъ, откуда они низпали, изображалъ опасное состояніе тѣхъ, кои, подобно имъ, отвергаются познанной уже истины, представлялъ пагубныя слѣдствія ихъ пороковъ для Церкви, которая взираетъ на нихъ, какъ на примѣръ, и въ заключеніе собственными ранами ихъ, претерпѣнными за Христа, умолялъ ходить достойно высокаго своего званія *****).

Къ довершенію сихъ неприятностей открылся новый источникъ огорченій, который, при всемъ терпѣннн и дѣятельности Кипріана, не могъ быть исчерпанъ имъ до самаго конца его жизни.

*) Письмо 5 и 12 къ карф. клиру.

***) Письмо 7 къ нему же.

****) Письмо 15 къ римскому клиру.

*****) Тамъ же.

*****) Письмо 13 къ Робау. и исповѣд.

Это — споры о падшихъ, возмутившіе въ послѣдствіи всѣ Церкви христіанскія. Виною оныхъ были частію сами падшіе, частію нѣкоторые исповѣдники. Первые, желая примириться съ Церковію, не хотѣли подвергать себя строгости покаянія, предписываемаго древними церковными правилами, и надѣясь замѣнить недостатокъ онаго ходатайствомъ исповѣдниковъ, употребляли всѣ способы для испрошенія у нихъ разрѣшительныхъ грамотъ. Послѣдніе, частію отъ излишняго снисхожденія къ слабости своихъ братьевъ, частію не предвидя пагубныхъ слѣдствій своей неосмотрительности, давали разрѣшенія безъ должнаго вниманія къ свойству и преступленіямъ разрѣшаемыхъ. Разрѣшенные съ наглостію требовали мира отъ пресвитеровъ; сіи вмѣсто того, чтобы единодушно защищать строгость древнихъ постановленій о падшихъ, сами раздѣлялись во мнѣніяхъ. Дѣла Церкви приведены были симъ въ великое замѣшательство. Ненаказанность преступленія явно клонилась къ ослабленію правилъ Церкви и самой вѣры. Съ другой стороны, часть исповѣдниковъ требовала, чтобы данныя ими свидѣтельства имѣли какую либо силу *). Надлежало дѣйствовать со всѣмъ христіанскимъ благоразуміемъ, дабы, врачуя сіе зло, не причинить большаго бѣдствія Церкви.

Киприанъ такъ и дѣйствовалъ. Обличивъ исповѣдниковъ за неосмотрительность въ такомъ дѣлѣ, гдѣ разрѣшаемое на земли разрѣшается на небесахъ **), а пресвитеровъ за отступленіе отъ древнихъ постановленій Церкви, онъ сначала предписалъ было, не смотря на разрѣшительныя грамоты исповѣдниковъ, отлучить всѣхъ падшихъ отъ сообщенія съ вѣрными, до будущаго мира Церкви, во время коего намѣревался соборомъ разсмотрѣть ихъ дѣло ***). Но послѣ, услышавъ, что римская Церковь смягчила судъ свой касательно падшихъ христіанъ, и разсуждая о злокачественности наступающей поры года (лѣта) ****), въ продолженіе которой многіе изъ падшихъ могли умереть, не примирившись съ Церковію, смягчилъ и самъ свое опредѣленіе. Въ новомъ посланіи къ своему клиру *****), онъ позволилъ изъ уваженія къ ходатайству исповѣдниковъ, принимать въ сообщеніе съ Церковію тѣхъ изъ

*) Письмо 15 къ исповѣд.

***) Письмо 20 къ римскому клиру.

****) Письмо 17 къ клиру.

*****) Въ сіе время года въ Карфагенѣ обыкновенно свирѣпствовали мѣстные болѣзни.

*****) Письмо къ клиру.

падшихъ, кои подвергаются какой-либо опасности жизни. Прочихъ же, не допуская до сообщенія, препоручалъ попечительности и совѣтамъ клира. Простирая свое попеченіе и на оглашенныхъ, общалъ и имъ милосердіе Божіе, хотя бы они, по какому-либо случаю, отошли изъ сей жизни до крещенія.

Между тѣмъ до Кипріана достигла вѣсть, что удаленіе его отъ паствы соблазняетъ многихъ. Соблазнъ сей, повергнуи нѣкоторыхъ слабыхъ членовъ Церкви карфагенской, особенно подѣйствовалъ на Церкву итальянскія. Римскій клиръ отправилъ по сему случаю два посланія — одно къ карфагенскому клиру увѣщательное, другое къ самому Кипріану очистительное *).

Кипріанъ, для котораго всегдашнимъ закономъ было не только соблюдать совѣсть свою чистою предъ Богомъ, но и подобно апостолу, представлять себя совѣсти всякаго человѣка (2 Кор. 4, 2), не могъ оставаться въ молчаніи, и хотя для него весьма тяжело было говорить о своихъ трудахъ и благихъ намѣреніяхъ, рѣшился сіе сдѣлать для уврачеванія зла, коего онъ безъ вины содѣлался виною. «Поелуку, любезные братія», писалъ онъ по сему случаю къ римскимъ пресвитерамъ, «поступокъ мой преданъ вамъ совѣтъ въ превратномъ видѣ, то я почелъ нужнымъ дать вамъ письменный отчетъ въ моемъ поведеніи. Когда мятежная чернь непрестанно требовала меня на сраженіе со львами, я, помня слова Спасителя**), удалися, имѣя въ виду не собственную безопасность, а благоденствіе моея паствы, дабы неблаговременнымъ присутствіемъ своимъ не ожесточить враговъ, и безъ того весьма жестокихъ. Но отсутствуя тѣломъ, я не отсутствовалъ духомъ, совѣтами, попеченіемъ... не былъ оставляемъ мною ни клиръ безъ совѣта, ни исповѣдники безъ увѣщанія, ни нарушители церковныхъ правилъ безъ обличенія, ни народъ безъ побужденія къ тишинѣ и молитвамъ». Вмѣстѣ съ симъ посланіемъ Кипріанъ отправилъ къ римскому клиру тринадцать посланій, писанныхъ имъ изъ своего уединенія, частію ко всей Церкви, частію къ особеннымъ лицамъ, для того, какъ писалъ онъ, дабы римская Церковь могла видѣть изъ нихъ, что онъ въ уединеніи не преставалъ, по долгу епископа, пеущись о своей Церкви. Подобнымъ образомъ писалъ онъ и къ Церкви карфагенской, хотя прямо не

*) Письмо римск. клир. къ карфаген. клиру.

**) Безъ сомнѣнія слѣдующія: «когда будутъ гнать васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой». Матѣ. 10, 23.

извинялъ предъ нею своего удаленія отъ ней: ибо въ Карѳагенѣ всѣ благомыслящіе и безъ того были увѣрены, что епископъ ихъ сокрылся не изъ страха смерти, а изъ любви къ ихъ благу. Такимъ образомъ соблазнъ, произведенный удаленіемъ Кипріана отъ своей паствы, потерялъ всю свою силу для вѣрныхъ.

Напротивъ, расколъ о падшихъ непрестанно усиливался. Одинъ изъ исповѣдниковъ, по имени Луціанъ, дошелъ до такой дерзости, что именемъ прочихъ исповѣдниковъ писалъ къ Кипріану, повѣлявая ему разрѣшить всѣхъ падшихъ въ его Церкви и дать знать прочимъ епископамъ, чтобы они поступили такимъ же образомъ. Кипріанъ извѣстилъ свой клиръ о нагломъ требованіи Луціана, отправилъ къ нему письмо сего послѣдняго; впрочемъ приказалъ держаться неуклонно прежнихъ правилъ *). Для подкрѣпленія своей стороны, которая угрожаема была нападеніемъ множества враговъ, Кипріанъ писалъ о семъ и къ римскому клиру, укрѣпляя между прочимъ въ вѣрѣ исповѣдниковъ его, которые лишены были пастырскаго наставленія, ибо въ Римѣ не было тогда епископа **). Къ удивленію Кипріана, римскій клиръ весьма долго медлилъ отвѣтомъ, но причиною сей медленности было не сомнѣніе въ истинѣ ученія Кипріанова о падшихъ, а желаніе придать сему ученію болѣе силы. Въ продолженіе почти цѣлаго года при всѣхъ опасностяхъ со стороны гонителей, дѣлаемы были по сему предмету совѣщанія между всѣми западными епископами, и когда общимъ мнѣніемъ положено утвердить постановленіе Кипріана о падшихъ, отправлено къ нему извѣстительное и вмѣстѣ благодарственное письмо ***). Кипріанъ препроводилъ оное къ своей Церкви, дабы вѣрующіе утѣшились имъ, какъ знакомъ единодушія съ ними всего запада. Немного спустя, онъ посѣщенъ былъ въ уединеніи Целериномъ, знаменитымъ исповѣдникомъ римскимъ.

Предъ праздникомъ Рождества Христова (250) гоненіе на христіанъ карѳагенскихъ прекратилось. Окрестные епископы, обрадованные миромъ, дарованнымъ карѳагенской Церкви (въ римской гоненіе еще свирѣствовало), собрались къ Кипріану. Время было самое удобное къ посвященію священнослужителей, и Кипріанъ не замедлилъ воспользоваться присутствіемъ еписко-

*) Письмо 27 къ карѳ. клиру.

***) Письмо 28 къ римскому клиру.

****) Письмо 30 къ римскому клиру.

повь для сего святаго дѣла. Въ сіе время посвящены имъ были въ чтецовъ между прочими два знаменитые исповѣдника, Аврелій и Целеринъ *). Послѣдній доколѣ не соглашался на принятіе посвященія, доколѣ не получилъ во снѣ повелѣнія повиноваться волѣ епископа. Въ то же время Кипріанъ по откровенію причислилъ къ сословію карфагенскихъ пресвитеровъ нѣкоего пресвитера Нумидина, который въ предшествующее гоненіе отличился возбужденіемъ въ мученикахъ святаго мужества за вѣру. О всѣхъ сихъ новопосвященныхъ Кипріанъ писалъ къ своему клиру, одобряя предъ нимъ ихъ похвальныя качества, особенно же хвалилъ послѣдняго и выставялъ его, какъ чело-вѣка, достойнаго высшихъ степеней церковныхъ **).

Когда Кипріанъ подвизался такимъ образомъ для созиданія Церкви, враги его не преставали трудиться для ея разоренія. Новагъ, карфагенскій пресвитеръ, который за различныя безчинства подвергался изверженію изъ сего сана, но удержалъ оный за смутностію времени, безъ воли св. Кипріана сдѣлалъ своимъ діакономъ Фелициссима ***). Очевидно было, къ чему клонится сей поступокъ, ибо Фелициссимъ былъ одинъ изъ непримири-мыхъ враговъ Кипріана. Сдѣлавшись діакономъ Новага, онъ тотчасъ обнаружилъ всю злобу своего сердца, отторгнувъ отъ св. Кипріана значительную часть народа, отдѣлился отъ Церкви и избралъ съ своими сообщниками для молитвенныхъ собраній нѣкоторую гору. Поселуку онъ принималъ всѣхъ, то падшіе сте-кались къ нему со всѣхъ сторонъ толпами.

Напрасно Калдоній и Геркуланъ епископы и Нумидинъ пре-свитеръ, коимъ Кипріанъ препоручилъ вмѣсто себя управленіе карфагенскою Церковію, старались обратить Фелициссима на путь истины. Онъ со всѣми сообщниками своими торжественно объявилъ, что нагорные христіане (такъ назывались его послѣ-дователи) не хотятъ имѣть никакого сношенія съ тѣми, кои по-винуются Кипріану. Намѣстники Кипріановы немедленно извѣ-стили о семъ Кипріана, жаловались на возмутителей между про-чимъ за то, что они препятствуютъ имъ вникать въ поведеніе

*) Письмо 39 къ римскому клиру.

***) Письмо 40 къ карфаг. клиру.‡

***) Письмо 15 къ Корнел. Изъ сего нѣкоторые заключали, что Новагъ былъ епископъ; но св. Кипріанъ въ посланіи своемъ не говоритъ, чтобы онъ посвя-тилъ Фелициссима; онъ только, по обыкновенію тогдашнихъ пресвитеровъ имѣть при себѣ многихъ діаконовъ, причислилъ его къ своему клиру.

братіи (что повелѣно было имъ сдѣлать для того, дабы представить Кипріану списокъ людей, достойныхъ возведенія на праздныя степени въ Церкву) и просили рѣшительнаго суда на Фелициссима *). Кипріанъ повелѣлъ отсѣчь сей гнилый членъ отъ Церкви, и тоже совѣтовалъ сдѣлать съ Авгендомъ діакономъ, который, подражая Фелициссиму, замышлялъ возмущеніе **). Повелѣніе сіе немедленно было исполнено ***).

Всѣ обстоятельства клонились къ тому, чтобы св. Кипріану возвратиться на свой престолъ. Онъ самъ нетерпѣливо желалъ сего. Но вдругъ пришло къ нему извѣстіе, что пять карѳагенскихъ пресвитеровъ, древнихъ недоброжелателей его, перешли на сторону Фелициссима. Сіи безпокойные люди, несогласавшіеся на избраніе Кипріана въ епископа, постоянно питали тайную ненависть къ нему; они-то возбуждали исповѣдниковъ давать всѣмъ падшимъ разрѣшительныя грамоты, вопреки желанію епископа, а разрѣшаемыхъ, противъ его же опредѣленій, требовать мира. Въ возмущеніи Фелициссима, ихъ приснаго сообщника въ ненависти къ Кипріану, они нашли благопріятный случай объявить себя противъ него. Примѣру ихъ послѣдовали многіе изъ клира и народа.

Сіе новое гоненіе (такъ называлъ его Кипріанъ) удержало его въ уединеніи еще на нѣсколько мѣсяцевъ, не смотря на то, что онъ обѣщалъ своей паствѣ возвратиться къ ней съ наступающимъ праздникомъ пасхи ****). Онъ ожидалъ прибытія въ Карѳагенъ окружныхъ епископовъ, которые ежегодно имѣли обыкновеніе собираться у главнаго епископа послѣ сего праздника *****). Когда сіе ожиданіе исполнилось, то Кипріанъ прибылъ въ Карѳагенъ, пробывъ въ уединеніи около двухъ лѣтъ. Изъ собравшихся епископовъ немедленно составленъ соборъ (251). Главнымъ предметомъ совѣщанія былъ вопросъ о падшихъ. Еще не успѣли сдѣлать никакого рѣшительнаго опредѣленія, какъ получено изъ Рима извѣстіе о распрѣ, происшедшей по случаю избранія епископа.

Положеніе дѣлъ въ Римѣ было таково. Большая часть римскаго клира и народа избрали епископомъ пресвитера Корнелія,

*) Письмо 41 къ своимъ намѣстникамъ.

***) Тамъ же.

****) Письмо 42.

*****) Письмо 43 къ народу.

*****) Письмо 56 къ Фортунату и друг. епископ.

мужа извѣстнаго всѣмъ своими добродѣтелями и твердостію въ вѣрѣ во время гоненій. Но коварный Новагъ, который, не надѣясь большихъ успѣховъ отъ возмущенія противъ Кипріана, удался изъ Карфагена въ Римъ, предвидя въ Корнеліи будущаго сообщника Кипріанова, рѣшился воспротивиться его избранію. Соединившись съ Новаціаномъ, римскимъ пресвитеромъ (который обратился къ христіанству изъ стоиковъ и питалъ въ себѣ многія заблужденія), онъ суровою наружностію своею и мнимою святостію жизни привлекъ на свою сторону часть клира и даже исповѣдниковъ, и при ихъ содѣйствіи поставилъ Новаціана римскимъ епископомъ. Кромѣ несогласія въ избраніи епископа, скопище Новага отличалось еще тѣмъ, что вопреки опредѣленіямъ карфагенской и римской Церкви, падшихъ христіанъ почитало совершенно потерянными для Церкви и отнимало у нихъ всю надежду на примиреніе съ Богомъ. Расколъ сей, обнимая собою всѣ Церкви африканскія и европейскія, угрожалъ величайшими бѣдствіями для всего христіанства, еще неуспокоеннаго отъ гоненія.

Тогда-то, какъ замѣчаетъ Понтій *), явно открылась высокая цѣль, для которой св. Кипріанъ сохраненъ рукою Провидѣнія отъ прошедшаго гоненія. Никто не былъ способнѣе его къ примиренію враждующихъ между собою сторонъ. Кромѣ того, что отличительною чертою характера его была умѣренность и способность дѣйствовать приспособительно къ обстоятельствамъ Церкви,—два качества, особенно важныя въ предстоятелѣ тогдашняго христіанства,—онъ обладалъ въ изыткѣ рѣдкою способностію щадить и любить преступниковъ тогда, когда со всею строгостію поражаются преступленія, ими сдѣланныя. Притомъ его мудрость и добродѣтели столько уважаемы были, какъ въ Африкѣ, такъ и въ Европѣ, что всѣ любители истины и порядка признавали въ немъ достойнаго примирителя первопрестольныхъ Церквей. — Новагъ, предвидя, что соборъ карфагенскій будетъ имѣть сильное вліяніе на дѣла римской Церкви, поспѣшно отправилъ на него своихъ посланниковъ съ извѣщеніемъ о избраніи Новаціана въ римскаго епископа и съ цѣлымъ свиткомъ клеветъ на Корнелія, якобы незаконно избраннаго. Корнелій также писалъ къ собору, извѣщая о своемъ избраніи и о расколѣ Новаціана. Кипріанъ, зная изъ многихъ опытовъ нечистоту души Новага и

*) Въ жизни св. Кипріана.

сообщника его Новаціана, запретилъ посланникамъ ихъ обнародовать, по ихъ требованію, клеветы на Корнелія. Впрочемъ, не имѣя подробныхъ свѣдѣній о законности избранія Корнелія, положилъ не признавать его за епископа дотолѣ, доколѣ не возвратятся посланные въ Римъ по сему случаю пресвитеры. Когда по возвращеніи ихъ узвано было, что Корнелій законно возведенъ на епископскій престолъ, Кипріанъ, подтвердивъ соборнымъ опредѣленіемъ его избраніе, извѣстилъ о семъ окружнымъ письмомъ всѣхъ африканскихъ епископовъ. Послѣ сего писалъ и къ Корнелію, поздравляя его со вступленіемъ на епископскій престолъ, извиняясь предъ нимъ въ своей медленности въ признаніи его епископомъ, и извѣщая его о положеніи дѣла касательно падшихъ и о будущихъ своихъ намѣреніяхъ по сему предмету *). Посламъ Новата, которые снова домогались быть выслушанными всенародно, отказано еще рѣшительнѣе прежняго, такъ что они весь успѣхъ своего посольства принуждены были ограничить соблазномъ нѣкоторыхъ частныхъ домовъ въ Карѳагенѣ **).

Успокоившись нѣсколько въ разсужденіи бѣдствія, постигшаго римскую Церковь, Кипріанъ съ соборомъ паки обратился къ своему предмету. Послѣ многихъ совѣщаній, разсужденій и углубленія въ многія мѣста св. писанія, положено единодушно, чтобы падшіе не были лишаемы совершенно надежды на примиреніе съ Церковію, какъ того требовалъ Новатъ, впрочемъ и не были допускаемы къ сообщенію съ вѣрными, безъ строгаго предварительнаго покаянія, на что настаивалъ Фелициссимъ. Послѣдній съ пятью пресвитерами, его сообщниками, отлученъ отъ Церкви ***). Списокъ съ соборнаго опредѣленія немедленно отправленъ былъ къ Корнелію, который, подтвердивъ соборомъ мнѣніе карѳагенской Церкви, соборомъ же отлучилъ отъ своей Церкви Новаціана съ его сообщниками, о чемъ вскорѣ извѣстилъ и Кипріана ****).

Кипріанъ, обрадованный умиреніемъ столь знаменитой Церкви, какова римская, не могъ равнодушно перенести, чтобы жертвою прошедшаго раздора остались лучшіе изъ ея членовъ—исповѣдники,

*) Письмо 44 къ Корнел.

***) Тамъ же.

***) Письмо къ Антонину.

****) Тамъ же.

соблазненные Новатомъ. Онъ написалъ къ нимъ увѣщательное посланіе. Чтеніе сего посланія и книги о единствѣ Церкви, написанной имъ по случаю сего же раскола, столь сильно подѣйствовало на нихъ, что они, отложивъ всякое предубѣжденіе къ себѣ, явились предъ собравшимися въ Римъ епископами со всѣмъ смиреніемъ кающихся, признали свое заблужденіе, просили разрѣшенія и забвенія ихъ проступковъ *). Получивъ отъ Корнелія извѣстіе о такомъ обращеніи исповѣдниковъ, Кипріанъ написалъ къ нимъ благодарственное письмо **).

Новатъ, пристыженный неудачею своего возмущенія въ Римѣ, какъ прежде въ Карфагенѣ, подобно разрушительной бурѣ, снова перенесся съ сообщниками своими въ Африку. Корнелій, зная по опыту всю опасность со стороны его беззаконнаго скопища, предварительно извѣстивъ о семъ африканскую Церковь, описывая подробно развратныя качества будущихъ ея гостей ***). Но Церковь сія, опираясь на своего епископа, какъ на неподвижную скалу, не имѣла почти нужды въ такомъ предостереженіи. Еще менѣе нуждался въ немъ Кипріанъ, который болѣе всѣхъ римскихъ христіанъ зналъ силу яда, сокрывавшагося въ сердцѣ Новата. Предшествующими соборами, посланіями, а болѣе всего святостию своей жизни и молитвами, онъ такъ оградилъ всѣхъ вѣрующихъ, что всѣ стрѣлы сего отступника и его сообщниковъ падали на землю, или обращались на нихъ самихъ. Только личные враги Кипріановы боготворили сего ересеначальника: всѣ прочіе бѣжали отъ него, какъ отъ язвы.

Впрочемъ ядъ Новата оказалъ было нѣкоторое дѣйствіе, и притомъ надъ такимъ членомъ, который былъ ближе прочихъ къ самой главѣ африканской Церкви. Антонинъ, епископъ нумидійскій, за святость жизни уважаемый всѣми, а еще болѣе Кипріаномъ, столько смущенъ былъ худыми слухами о Церкви, которые распространялись отъ сообщниковъ Новата, а особенно клеветническимъ письмомъ Новаціана о непозволительномъ сообщеніи Корнелія съ еретиками, что въ письмѣ къ Кипріану ясно обнаружилъ сомнѣнія свои, касательно законности Корнеліева епископства, и вообще касательно хода церковныхъ дѣлъ со времени перваго карфагенскаго собора ***). Кипріанъ поспѣшилъ на

*) Письмо 49 Корнел. къ Кипріану.

***) Письмо 59 къ римск. исповѣдникамъ.

****) Письмо Корнел. къ карфаген. клиру.

*****) Письмо Антонина 55.

помощь къ падающему брату со всѣмъ оружіемъ духовнаго воина. Посланіе, написанное имъ по сему случаю къ Антонину, навсегда останется прекраснымъ образцемъ пастырскихъ совѣщательныхъ посланій. Въ немъ онъ разсуждаетъ о состояніи падшихъ христіанъ, объясняетъ духъ соборныхъ опредѣленій касательно ихъ, показываетъ невинность Корнелія, обличаетъ клеветы Новаціана, обнажаетъ его распутства и открываетъ свои благотворные виды, кои имѣлъ онъ, подписывая приговоры на падших *). Свѣтъ истины, исполнявшій душу Кипріана, окружилъ и Антонина, и тѣма сомнѣнія исчезла.

Для совершеннаго успокоенія умовъ и для приведенія въ большую извѣстность основаній, на коихъ утверждались соборныя опредѣленія о падшихъ, св. Кипріанъ написалъ въ сіе время (252) книгу о падшихъ **). Онъ самъ въ письмѣ къ римскимъ исповѣдникамъ изобразилъ духъ ея, сказавъ, что «въ ней есть столько наказанія для тѣхъ, кои допустили себя ранить, сколько врачевства для ихъ ранъ». Сообразно смыслу соборныхъ опредѣленій, она вся направлена къ тому, чтобы, вселяя страхъ къ преступленію, спасти самихъ преступниковъ. Книга сія вмѣстѣ съ книгою о единствѣ Церкви разослана была по всѣмъ африканскимъ и европейскимъ Церквамъ.

Когда епископы послѣ праздника пасхи, по своему обыкновенію собрались въ Карѳагенъ, Кипріанъ составилъ (252) изъ нихъ соборъ, зная изъ многихъ частныхъ откровеній о гоненіи, угрожающемъ Церкви, и предвидя опасность, если мечъ гонителей застанетъ христіанъ раздѣленными; онъ предложилъ на немъ, всѣхъ кающихся допустить до сообщенія съ вѣрными, дабы Церковь, какъ говорилъ онъ, съ дѣвственною чистотою могла явиться подъ вѣнецъ мученической. Предложеніе сіе было принято единодушно, и кающіеся, утѣшенные таковымъ снисхожденіемъ, пламенѣли ревностію омыть своею кровію позоръ прежняго малодушія. Но перемѣна опредѣленія, съ такимъ постоянствомъ защищаемаго прежде самимъ Кипріаномъ, могла произвести соблазнъ, особенно чрезъ превратное истолкованіе оной со стороны еретиковъ. Для предупрежденія сего зла св. Кипріанъ въ посланіи къ римской Церкви со всею подробностію и силою изложилъ причины, на основаніи которыхъ карѳагенскій соборъ почелъ нуж-

*) Письмо къ Антонину.

***) Книга о падшихъ.

нымъ отмѣнить прежнее опредѣленіе. «Будучи извѣщаемы», писалъ онъ, «частыми откровеніями о гоненіи, угрожающемъ Церкви, мы положили дать миръ живымъ, который былъ обѣщанъ только умирающимъ дабы кающіеся вышли на брань не безоружными, а облеченными въ заслуги Іисуса Христа. Иначе, какъ намъ побуждать къ чашѣ мученій, если они не содѣлаются способными къ сему чрезъ участіе съ нами въ чашѣ общенія? Надобно, любезные братія, надобно быть великому различію между тѣми, которые, отвергшись Христа, пристали или къ язычникамъ или къ еретикамъ, и между тѣми, кои со дня своего паденія не престають повергаться во прахъ предъ вратами Церкви. Если кающіеся мужественно сразятся со врагомъ, изшедъ противъ него во второй разъ, то намъ не для чего будетъ жалѣть о мирѣ, данномъ столь храбрымъ воинамъ. Если же (чего не дай Богъ!) найдутся между ними такіе, кои, теперь прося коварно мира, не окажутъ мужества на брани: то они обманутъ не насъ, а самихъ себя. Мы можемъ видѣть только лица кающихся: но есть Богъ, испытующій сердца. Впрочемъ, злые не могутъ повредить въ сечь случаѣ добрымъ; напротивъ, добрые будутъ полезны для худыхъ. Изъ опасенія, что нѣкоторые, можетъ быть, снова падутъ на брани, несправедливо было бы лишитъ мира прочихъ, кои будутъ стоять до крови. Гораздо лучше даровать миръ всѣмъ сражающимся, дабы по невѣдѣнію, кто падетъ изъ нихъ и кто устоитъ, не былъ оставленъ безъ оружія тотъ, кто имѣетъ быть увѣнчанъ. Никто не говори, что, подвергшись мученію, будетъ крещенъ кровію, что онъ, получивъ награду за сіе отъ Бога, не имѣетъ нужды въ разрѣшеніи епископа. Онъ неспособенъ къ сраженію, если не будетъ вооруженъ Церковію. Душа, неукрѣпленная святымъ причащеніемъ, слаба и беззащитна. Господь сказалъ: «когда васъ поведутъ предъ царей и владыкъ, то не заботьтесь о томъ, что вамъ говорить; ибо не вы будете говорить, а Духъ Отца моего будетъ говорить въ васъ» (Матѳ. 10, 19). Если же Духъ Отца долженъ говорить въ тѣхъ, кои находятся въ состояніи исповѣдничества: то какъ можетъ быть способенъ къ сему подвигу тотъ, кто не примирился съ Церковію? Ибо сей благій Духъ нисходитъ въ душу посредствомъ таинствъ, коихъ хранительница—Церковь.... При томъ, весьма легко можетъ случиться, что многіе, за мужественное исповѣданіе имени Христова подвергшись заточенію въ непроходимыя мѣста, впадутъ въ руки разбойниковъ, или подвергнутся другой какой опасности жизни. Не намъ ли должно вмѣняться въ грѣхъ, если сіи вѣрные слуги Христовы отойдутъ

изъ сей жизни безъ напутствія вѣры? Не припишется ли намъ, пастырямъ, на страшномъ судѣ Христовомъ, или крайняя небрежность, или непростительная жестокость?... По симъ-то причинамъ разсудилось намъ, не безъ внушенія Духа Божія, собрать всѣхъ воиновъ Христовыхъ подъ одни знамена, и дать каждому изъ нихъ оружіе. Кто не одобритъ нашего снисхожденія, тотъ дастъ отвѣтъ предъ Богомъ или въ жестокости или въ невниманіи ко спасенію своихъ братій *)». При семъ посланіи отправленъ былъ къ Корнелію и списокъ епископовъ африканскихъ, пребывавшихъ вѣрными Церкви и Кипріану, дабы онъ зналъ, къ кому въ Африкѣ, не нарушая мира съ Кипріаномъ, можно ему писать и отъ кого принимать письма.

Въ сіе время появился въ Карѳагенѣ Приватъ, который былъ нѣкогда епископомъ въ Нумидіи, но за различныя преступленія лишень сего сана приговоромъ девяноста епископовъ, и который послѣ сего безъ успѣха домогался въ Италиі римскаго епископства **). Окруженный же-епископами и же-пресвитерами, которые имъ безъ всякаго права возведены были на сіи степени, онъ съ наглостію требовалъ отъ карѳагенскаго собора, чтобы дѣло его снова было разсмотрѣно. Получивъ отказъ, онъ отважился на неслыханное безстыдство: объявилъ св. Кипріана недостойнымъ епископства, и посвятилъ вмѣсто его Фортуната, одного изъ еретиковъ и личныхъ враговъ святителя. Новый африканскій же-епископъ, не смотря на несчастную участь, постигшую въ Италиі Новаціана за подобное возмущеніе противъ законнаго епископа, отправилъ въ Римъ многочисленное посольство подъ начальствомъ Фелициссима, съ извѣстіемъ о возшествіи своемъ на епископскій престоль.

Кипріанъ и самъ немедленно отправилъ къ Корнелію письмо съ аколоуомъ Фелиціаномъ, извѣщая его о возмущеніи Привата. Но Фелиціанъ замедлил на пути. Между тѣмъ Фелициссимъ, прибывъ въ Римъ, явился съ письмами къ Корнелію. Сей, зная о содержаніи ихъ по свойству лицъ, коими они писаны, сначала отвергъ ихъ со всею важностію епископа, и написалъ о семъ къ Кипріану письмо, исполненное братской любви и уваженія. Но послѣ, когда Фелициссимъ, огорченный отказомъ, употребилъ угрозы, Корнелій началъ колебаться, тѣмъ паче, что не получалъ

*) Соборное посланіе къ римскому клиру 57.

***) Письмо 59 къ Корнелію.

отъ Кипріана никакихъ извѣстій о такомъ дѣлѣ, которое касалось его и притомъ съ столь важной стороны. Написано другое письмо къ Кипріану, въ коемъ довольно выражалась нетвердость духа Корнеліева и его неудовольствіе на молчаніе Кипріана. Получивъ его, Кипріанъ поспѣшно отвѣчалъ. Благодаря римскаго епископа за постоянство, оказанное имъ вначалѣ противъ Фелициссима, не одобрялъ послѣдовавшаго за симъ малодушія, изъясняя причину своего молчанія и описывалъ порочную жизнь Привата и его сообщниковъ *). Корнелій вскорѣ загладилъ свою слабость мужественнымъ защищеніемъ Кипріана противъ враговъ, а впоследствии мужественною смертію за Христа въ заточеніи. А скопище Привата, не смотря на грозный видъ свой, вскорѣ ослабѣло до того, что самъ начальникъ его принужденъ былъ питаться милостынею.

Избавившись отъ внутренняго бѣдствія со стороны Привата, Церковь карѳагенская подверглась всей тяжести внѣшнихъ золъ. Ужасная язва опустошала города и села. Чувство человѣколюбія, какъ обыкновенно бываетъ среди общественныхъ бѣдствій, притупилось: живые равнодушно взирали на умирающихъ; непогребенные трупы наполняли дома, улицы и площади; не надѣясь сохранить жизни, не думали о тѣхъ, кои сдѣлались жертвою смерти. Язычники, почитая сіе бѣдствіе наказаніемъ за презрѣніе, оказываемое христіанами богамъ, воздвигли на нихъ жестокое гоненіе. Казалось, что небо и земля устремились на разрушеніе Церкви.

Кипріанъ, подобно ангелу-хранителю, явился среди позорища смерти. Будучи вознесенъ надъ страхомъ ея, онъ старался и въ другихъ возбуждать презрѣніе къ ней, но презрѣніе не безчувственное, а соединенное съ дѣлами любви и милосердія. Въ семь намѣреніи онъ написалъ два трактата «о смертности» и «о милостынѣ.» Смерть обнажала суету и ничтожество благъ земныхъ; Кипріанъ указывалъ въ милосердіи способъ придать имъ цѣну. «Прежде», говорилъ онъ, «одни богатые обладали возможностью оказывать благотѣнія, теперь сіе сдѣлалось равно возможнымъ и для бѣдныхъ. Требуются не деньги, а усердіе; ибо предметомъ благотѣнія сдѣлались не живые, а умирающіе, которые имѣютъ нужду только въ состраданіи и призрѣніи, или мертвые, для коихъ потребна одна могила. Вотъ случай», восклицалъ Кипріанъ, «пока-

*) Письмо 59 къ Корнелію.

затѣ христіанамъ свое истинное достоинство предѣ язычниками. Прострите руку помощи къ тѣмъ, надѣ коими тяготѣеть рука смерти. Не смотрите на лица страждущихъ, они всѣ ваши братья, дѣти единого Отца небеснаго. Пусть язычники узнають, что самая смерть не можетъ угасить въ христіанинѣ любви ко врагамъ *).»

Что касается до клеветы язычниковъ, якобы язва и другія бѣдствія, удручавшія Римскую имперію, были казнію за оставленіе христіанами боговъ, то св. Кипріанъ для отраженія ея написалъ цѣлую книгу. Деметріанъ, къ коему она надписана, по мнѣнію нѣкоторыхъ, былъ тогдашнимъ проконсуломъ Африки. Весьма вѣроятно. Ибо, если св. Кипріанъ рѣшился торжественно обличить заблужденія язычниковъ, касательно источника общественныхъ бѣдствій, то всего приличнѣе было обратитъ сіе обличеніе къ главѣ африканскаго язычества **). Не смотря на сіе, карфагенская чернь въ продолженіе гоненія, по обыкновенію своему, неоднократно требовала Кипріана на сраженіе со львами: но часть его, назначенный Промысломъ, еще не пришелъ; онъ пережилъ и сіе гоненіе, которое вскорѣ прекратилось.

Преемникъ Корнелія въ римскомъ епископствѣ былъ Луцій, который вскорѣ по своемъ избраніи удостоился чести исповѣдать имя Христово. Св. Кипріанъ, услышавъ о семъ, поздравилъ его посланіемъ съ сугубою честію епископа и исповѣдника ***).

Въ началѣ слѣдующаго года (253), варвары, напавъ на нумидійскія области, плѣнили великое число христіанъ. Кипріанъ писалъ къ нумидійскимъ епископамъ о выкупѣ ихъ, и, когда они извинялись недостаткомъ своихъ имуществъ, открылъ для сего въ своей Церкви подписку. Народъ, побуждаемый примѣромъ епископа, дѣлалъ великія пожертвованія, которыя немедленно отправлены были въ Нумидію ****).

Вскорѣ за симъ писалъ Кипріанъ къ Цецилію о таинствѣ евхаристіи. Поводомъ къ сему было погрѣшительное обыкновеніе нѣкоторыхъ пресвитеровъ и даже епископовъ, употреблять при священнодѣйствіи, вмѣсто вина съ водою, одну воду. Обыкновеніе сіе извиняли примѣромъ нѣкоего въ древности епископа, и

*) Тракт. о смертности и милостыни.

***) Книга къ Деметріану.

****) Письмо къ Луцію.

*****) Письмо къ нумидійск. еписк.

тѣсными обстоятельствами Церкви. Кипріанъ доказалъ, что примѣръ епископа, употребившаго одну воду или по незнанію, или по простотѣ, недѣйствителенъ, и что кровь и вода, истекшія изъ ребра Спасителя, во время страданій, самымъ временемъ истеченія своего показали, что гоненія не должны разлучать ихъ *).

Съ возвращеніемъ мира Церкви при концѣ сего года (253) въ Карѳагенѣ снова составилъ соборъ подъ предсѣдательствомъ Кипріана, вѣроятно, для приведенія въ порядокъ дѣлъ церковныхъ, разстроенныхъ гоненіемъ. На немъ разрѣшены были нѣкоторые вопросы касательно крещенія младенцевъ. Желаніе епископовъ и пресвитеровъ, лишенныхъ своего званія за непостоянство во время гоненія, возвратитъ себѣ прежнія степени, объявлено незаконнымъ **).

Начало слѣдующаго года (254) для Кипріана было весьма неприятно. Онъ получилъ оскорбительное письмо отъ нѣкотораго епископа Пупіана, прославившагося въ Дакіево гоненіе исповѣданіемъ Христа. Въ немъ обнаруживалось, что Пупіанъ до сего времени не можетъ увѣрить себя, чтобы Кипріанъ достоинъ былъ епископства; что онъ почиталъ и почитаетъ нечистыми всѣхъ тѣхъ, кои повинуются Кипріану, и что Кипріанъ, по его мнѣнію, есть главная вина всѣхъ несогласій, раздирающихъ Церковь. Не трудно было угадать, какимъ духомъ внушены были сіи клеветы Пупіану, обольщенному сообщниками Новаціана. Кипріанъ, предвидя всю опасность для Церкви, если самые епископы будутъ столь легкомысленны и дерзки, какъ Пупіанъ, какъ бы забылъ на время свою умѣренность и возгремѣлъ противъ него со всею силою словесъ Божіихъ. Посланіе, отправленное къ нему по сему случаю, весьма примѣчательно по многимъ отношеніямъ. Вотъ оно.

«Оасцій Кипріанъ брату Флоренцію Пупіану здравія желаетъ.

«Я полагалъ, что ты, любезный братъ, давно перемѣнилъ мысль и раскаялся въ томъ, что внималъ тяжкимъ клеветамъ на меня. Но изъ письма твоего вижу, что ты совершенно таковъ же, какъ и былъ, вѣришь со всѣмъ легкомысліемъ тому же, чему и прежде вѣрилъ, и какъ будто опасаясь затмить славу своего мученичества сообщеніемъ со мною, прилежно вникаешь въ мое поведеніе; презрѣвъ судъ Божій, желаешь поставить самого себя судіею не только надо мною (ибо что за слава быть

*) Письмо къ Цецилію.

***) Дѣян. собор. писан. св. Кипр.

моимъ судіею?), но и надъ самимъ Іисусомъ Христомъ, дарующимъ своей Церкви епископовъ и пресвитеровъ. Такъ поступать, значить не вѣрять самому Богу, значить противиться Іисусу Христу и Его евангелію. Онъ сказалъ: «не два ли воробья продаются за одинъ ассарій, и ни одинъ изъ нихъ не упадетъ безъ воли Отца небеснаго» (Матѳ. 10, 29). Ты, напротивъ, думаешь, что самые священники поставляются въ Церкви безъ воли Божіей. Ибо почитать недостойными и нечистыми тѣхъ, кои возводятся на сію степень, что другое значить, какъ не вѣрять, что священники въ Церкви поставляются безъ воли Божіей?... Но ты лучше согласишься слѣпо слѣдовать внушеніямъ безумныхъ враговъ Церкви, нежели вѣрять опредѣленію божественнаго Промысла и свидѣтельству моей совѣсти, какъ будто бы у враговъ Церкви, лишенныхъ Духа Божія, можно было найти что либо, кромѣ развращенія сердца, лживаго языка, ядовитой ненависти и святотатственныхъ обмановъ!

«Пишешь, что пресвитерамъ должно быть смиренными, изъ подражанія смиренію Господа и Его апостоловъ. Но смиреніе мое извѣстно всѣмъ, не только братіямъ, но и язычникамъ. Ты самъ уважалъ и любилъ меня за смиреніе, доколѣ не отдѣлился отъ Церкви и отъ меня. Кто изъ насъ далѣе отъ смиренія, я ли, служащій ежедневно братіямъ и съ радостію принимающій и упокоивающій всѣхъ, приходящихъ къ нашей Церкви; или ты, поставляющій себя епископомъ епископовъ и судіею судей?... Когда святому Павлу было сказано: «какъ ты злословишь первосвященника Божія», то онъ извинялся невѣдѣніемъ и не говорилъ болѣе ничего обиднаго для первосвященника, хотя имѣлъ право многое сказать противъ того, кто осудилъ на распятіе Господа славы. Онъ почтилъ въ семъ случаѣ, такъ сказать, тѣнь первосвященства. А ты поступаешь напротивъ. Если ты не вѣрилъ моему епископству до гоненія, то долженъ былъ повѣрить оному послѣ гоненія. Ибо тоже самое гоненіе, которое вознесло тебя на степень мученичества, меня подвергло лишенію имущества. Всенародно было читано: «если кто имѣетъ что либо принадлежащее Цецилію Кипріану, христіанскому епископу» и проч., какъ будто для того, чтобы тѣ, кои не вѣрили Богу, поставившему епископа, повѣрили діаволу, изгоняющему онаго.

«Съ великою горестію и не для хвалы упоминаю о семъ, видя, что ты поставляешь себя судіею самого Іисуса Христа, который о апостолахъ и ихъ намѣстникахъ, епископахъ, сказалъ: «кто васъ слушаетъ, тотъ слушаетъ Меня, а кто отвергаетъ васъ, тотъ отвергаетъ Меня» (Лук. 10, 16). Отсюда-то произошли и происхо-

дять всѣ ереси и расколы, что епископъ, который одинъ долженъ распоряжать Церковію, по причинѣ буйной гордости нѣкоторыхъ, подвергается презрѣнію, и удостоенный божественнаго избранія, почитается недостойнымъ человѣческаго одобренія. Разсуди самъ, куда заводитъ тебя гордость. Изъ твоихъ словъ выходитъ, что въ продолженіе шести лѣтъ ни братство не имѣло епископа, ни народъ вождя, ни Церковь правителя, ни Іисусъ Христосъ строителя таинъ Его. Куда же смотрѣлъ Пупіанъ? для чего давно не произнесъ суда на насъ, дабы толикое число вѣрныхъ, скончавшихся въ продолженіе моего епископства, не отошли безъ надежды, мира и спасенія, и дабы остающіеся въ живыхъ не оставались безъ даровъ Духа Святаго, коего я не могъ имъ сообщить. Удостой, удостой благосклоннаго подтвержденія твоею властію мое епископство; окажи Іисусу Христу благодареніе; дай алтарю и народу предстоятеля...

Жалуешься, что ты впалъ въ сомнѣніе; но кого винить въ сѣмъ, какъ не твое легкомысліе, не твою безчестную склонность слушать самыя нелѣпыя клеветы на брата; не твою постыдную страсть защищать чужую ложь, не твое невниманіе мудрымъ совѣтамъ Соломона, который говоритъ: «злыи послушаетъ языка законопреступныхъ: праведный же не внимаеть устнамъ лъстивымъ» (Притч. 17, 4). Почему не впали въ сѣ сомнѣніе мученики, исполненные Св. Духа, готовые прейти путемъ смерти предъ лице Іисуса Христа? Напротивъ, они писали ко мнѣ изъ темницы, именуя меня епископомъ Божиимъ. Почему не впали въ сѣ сомнѣніе епископы, мои согрудники, которые всѣ различными образами удостоились исповѣдать имя Христово? Почему не впало въ сѣ сомнѣніе толикое число исповѣдниковъ, покрытыхъ язвами за Іисуса Христа—чистыхъ дѣвъ, служащихъ укоризною для житія языческаго, — благоговѣйныхъ вдовъ, не знающихъ другаго увеселенія, кромѣ поста и молитвы? Почему не впало въ сомнѣніе множество Церквей, разсѣянныхъ по всему міру, которыя состоятъ со мною въ согласіи и любви? Если всѣ сіи отъ сообщенія со мною сдѣлались нечистыми, какъ ты суемудрствуешь, и потеряли право на вѣчную жизнь, то одинъ Пупіанъ, отрекающійся отъ сообщенія со мною, остается чистъ, невиненъ, святъ; одинъ онъ будетъ населять блаженныя жилища, уготованныя на небесахъ для праведныхъ.

«Поставляешь меня виною того, что часть стада Христова находится въ разсѣяніи. Неправда! Истинные члены Церкви Христовой всѣ соединены союзомъ любви и мира, и составляютъ

одно тѣло. Одни тѣ блуждаютъ внѣ ограды, которыхъ надлежало бы изгнать вонъ, еслибы они и были внутрѣ двора. Но что же, если нѣкоторые сдѣлались невѣрны? Неужели невѣрность ихъ уничтожить вѣрность Божию? Никакъ! Богъ вѣренъ, а всякій чловѣкъ лживъ (Рим. 3, 3. 4). Когда нѣкоторые ученики, соблазвившись словами Іисуса Христа, оставили Его, то Онъ вопрошалъ прочихъ учениковъ: не хотятъ ли и они идти? Петръ именемъ всѣхъ отвѣтствовалъ: «Господи! къ кому намъ идти? Ты имѣешь глаголы вѣчной жизни» (Іоан. 6, 67). Вотъ законъ и уложеніе истинной Церкви! Она всегда съ Іисусомъ Христомъ. Гдѣ епископъ, тамъ и Церковь. Епископъ въ Церкви, Церковь въ епископѣ. Кто не съ епископомъ, тотъ внѣ Церкви. Напрасно обольщаютъ себя нѣкоторые, думая священный союзъ съ епископомъ замѣнить тайными союзами съ нѣкоторыми слабыми членами. Истинная Церковь нераздѣлима. Кто въ брани съ главою, тотъ не можетъ быть въ мирѣ съ членами.

Посему, любезный братъ, если ты, размысливъ прилежнѣе о величіи Бога, по волѣ коего поставляются пресвитеры, и оставивъ пагубную привычку судить о достоинствахъ епископовъ по ложнымъ слухамъ, а не по отзыву Церкви, раскаяешься чисто-сердечно въ своей гордости, и покажешь плоды, достойные покаянія, то я не отрицаюсь возобновить съ тобою прежняго общенія, предоставляя, впрочемъ, себѣ право отложить сіе дотолѣ, пока не вопрошу Бога и не получу отъ Него наставленія, какъ поступить съ тобою. Ибо я не могу забыть того, что мнѣ было открыто, не могу забыть, что между прочимъ въ откровеніи, мнѣ данномъ, Богу угодно было сказать и сіе: «кто не вѣритъ Іисусу Христу, содѣлавшему священника, тотъ повѣритъ Ему, мстящему за священника, Имъ содѣланнаго». Знаю, что нѣкоторымъ всѣ сновидѣнія кажутся пустыми, всѣ видѣнія ложными. Но такъ кажется только тѣмъ, кои лучше соглашаются вѣрить чемунибудь на священника, нежели священнику. Такъ и братья Іосифовы не вѣрили снамъ Іосифа. Но когда сны исполнились, они принуждены были вѣрить. Не могу произнести никакого суда на то, что ты дѣлалъ во время гоненія и во время мира, ибо вижу, что тебѣ хочется быть моимъ судіею. Вотъ, что я почелъ нужнымъ написать тебѣ, въ чистотѣ совѣсти и упованіи на Бога! Я имѣю письмо отъ тебя, ты будешь имѣть мое письмо; въ день суда предъ лицемъ Іисуса Христа будетъ прочтено то и другое» *).

*) Письмо 66 къ Флор. Пупіану.

Иннокентій. Сочиненія. IX.

Неизвѣстно, какое дѣйствіе произвело письмо его въ Пупіанѣ, только въ сочиненіяхъ Кипріана, написанныхъ послѣ сего времени, не видно жалобъ на его возмущеніе. Вѣроятно, онъ обратился на путь истины.

На соборѣ, бывшемъ, по обыкновенію, послѣ праздника пасхи, получено Кипріаномъ письмо отъ испанской Церкви, въ которомъ она просила совѣта касательно епископовъ Василида и Марціала, лишенныхъ ею епископскаго сана за непостоянство въ вѣрѣ во время гоненія, но помогавшихся удержать оный при содѣйствіи римскаго епископа Стефана *). Вслѣдъ за симъ получено еще письмо отъ галликанскихъ, испанскихъ и англійскихъ епископовъ, въ которомъ они жаловались на Стефана за то, что онъ, вопреки ихъ просьбѣ, продолжаетъ держать сторону низверженныхъ епископовъ, и просили Кипріана вразумить его посланіемъ. Кипріанъ немедленно подтвердилъ соборомъ приговоръ галликанскихъ церквей на Василида и Марціала съ ихъ сообщниками. Вслѣдствіе чего отправлено было два посланія, одно къ симъ Церквамъ успокоительное, другое къ Стефану совѣщательное.

Трудное дѣло было и обличить Стефана въ погрѣшительномъ сношеніи съ еретиками, и соблюсти уваженіе, которое принадлежало ему какъ предстоятелю западныхъ Церквей. Тѣмъ не пріятнѣе были дѣла сего рода св. Кипріану, который со всевозможнымъ тщаніемъ избѣгалъ всѣхъ случаевъ, въ коихъ могло выказываться соблазнительное превосходство одной Церкви предъ другою равною. Впрочемъ, его благоразуміе и христіанская кротость внушали ему такія выраженія, что письмо, отправленное къ Стефану, столько же клонилось къ славѣ обличаемаго, какъ и обличителя. Въ немъ не примѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ полномасштабна суждія, а вездѣ слышенъ голосъ друга, который, побуждаясь любовію, открываетъ ложь и показываетъ истину. Между прочимъ Кипріанъ совѣтовалъ Стефану немедленно извѣстить епископовъ окружнымъ посланіемъ о законности низверженія Василида и Марціала, обѣщаясь и самъ сдѣлать тоже. Нужнымъ сіе находилъ онъ потому, что низверженные еретики хвалились, якобы они находятся въ союзѣ съ римскою и карфагенскою Церквами **). Стефанъ вразумился, но онъ, какъ увидимъ, не проститъ Кипріану сего вразумленія.

*) Письмо къ испанск. Церкви.

***) Письмо 68 къ Стеф.

Около сего времени (255) въ Африкѣ возникъ споръ о крещеніи еретиковъ. Нѣкто Магнусъ, епископъ нумидійскій, спрашивалъ письменно Кипріана, нужно ли крестить и тѣхъ еретиковъ (прочихъ еретиковъ, вслѣдствіе опредѣленія собора, бывшаго подъ предсѣдательствомъ Агриппина, предшественника Кипріанова, крестили), которые обращаются отъ Новаціана *). Кипріанъ, котораго и примѣръ предшественника и духъ любимаго наставника его Тертуліана **), и, можетъ быть, желаніе поставить оплотъ противъ усиливающейся секты Новаціана, располагали въ семъ случаѣ къ строгому образу мыслей, отвѣчалъ, что кающіеся новаціане, подобно всѣмъ прочимъ еретикамъ, должны быть принимаемы въ Церковь посредствомъ крещенія ***).

Когда о спорномъ предметѣ услышался голосъ первенствующаго епископа, то прочіе голоса, дотолѣ раздѣленные, начали сливаться съ нимъ въ одинъ общественный голосъ: но вмѣстѣ съ симъ и голоса противниковъ сдѣлались слышнѣе, особливо въ Нумидіи. Пятнадцать нумидійскихъ епископовъ, не находя никакого способа прекратить разномысліе въ своихъ епархіяхъ, обратились къ Кипріану съ требованіемъ помощи. Сей, послѣ совѣщанія съ старѣйшими изъ своихъ сотрудниковъ карѣагенскихъ, далъ соборомъ опредѣленіе, коимъ повелѣвалось крестить всѣхъ обращающихся отъ заблужденія къ истинной Церкви. Опредѣленіе сіе немедленно отправлено въ Нумидію ****).

Не смотря на то, что голосъ Кипріана подкрѣпленъ уже былъ голосами другихъ епископовъ, нѣкоторые даже изъ карѣагенскихъ епископовъ не хотѣли согласиться съ нимъ по двумъ причинамъ: по древнему обыкновенію, не повторяютъ крещенія надъ еретиками, и по единству св. крещенія. Кипріанъ, узнавъ о такомъ разномысліи отъ Луціана, своего сопредседателя, написалъ письмо къ Квинту, мавританскому епископу (вѣроятно, принадлежавшему къ разномыслящимъ), въ коемъ отвѣчалъ на вышепредставленныя причины сообразно своему образу мыслей о крещеніи и еретикахъ. Главнымъ основаніемъ къ повторенію крещенія надъ еретиками служила для него увѣренность, что внѣ Церкви нѣтъ Духа Божія, и слѣдственно нѣтъ истинныхъ таинствъ. При письмѣ отправленъ къ Квинту и списокъ соборнаго посланія карѣаген-

*) Август. книга 6 о крещеніи.

**) Смотр. книг. о скромности.

***) Письмо 6) къ Магнусу.

****) Письмо 70 къ нум. еписк.

скою Церкву къ нумидійскимъ епископамъ, дабы мнѣніе Карфагена сдѣлать извѣстнымъ и въ Мавританіи *). Между тѣмъ видя, что нѣкоторые епископы не убѣждаются ни опредѣленіемъ недавно бывшаго, ни важностію прежняго собора, держаннаго предшественникомъ его Агриппиномъ, и утверждаясь на древнемъ обыкновеніи, существовавшемъ въ Церкву до Агриппина, учатъ, что для законнаго принятія еретиковъ въ нѣдра Церкву, достаточно одного возложенія рукъ, Кипріанъ рѣшился употребить другой способъ къ примиренію умовъ—написалъ книгу о благѣ терпѣнія. Идя совѣсть разномыслящихъ, не желая казаться предубѣжденнымъ къ своему мнѣнію и чрезъ мѣру настойчивымъ, онъ ограничился въ ней общимъ разсужденіемъ о преимуществѣ единомыслія предъ разномысліемъ, и только слегка коснулся спорнаго предмета **). Поскольку успѣхъ сего труда не вполне соотвѣтствовалъ его желанію, онъ принужденъ былъ скорѣе созвать новый соборъ, на коемъ присутствовали уже не одни карфагенскіе, но и мавританскіе и нумидійскіе епископы, въ области коихъ особенно спорили о крещеніи. На семъ соборѣ снова разсмотрѣно и утверждено опредѣленіе о крещеніи обращающихся еретиковъ; частное обыкновеніе нѣкоторыхъ Церквей — не возвращать обращающимся изъ ереси епископамъ и пресвитерамъ ихъ степеней, обращено въ общій законъ. По закону согласія и общенія, существовавшаго между карфагенскою и римскою Церквами, Кипріанъ извѣстилъ о сихъ опредѣленіяхъ послѣднюю въ полной увѣренности, что предстоятель ея Стефанъ, своимъ согласіемъ съ ними, введетъ ихъ въ употребленіе и въ западныхъ Церквахъ ***). Но Стефанъ въ духѣ своемъ уже былъ далекъ отъ Кипріана. Несогласіе, происшедшее въ карфагенской Церкву, показалось ему самымъ удобнымъ случаемъ къ уничтоженію ея епископа. Древнее обыкновеніе не повторять крещенія надъ еретиками, могло служить благовиднымъ предлогомъ дѣйствовать открыто противъ всей африканской Церкву, особенно противъ главы ея, не обнаруживая, впрочемъ, личнаго къ ней недоброжелательства. Предлогъ сей тотчасъ употребленъ въ дѣло. Въмѣсто того, чтобы сохраняя уваженіе къ столь знаменитому пастырю, каковъ былъ Кипріанъ, обнаружить дружески свои сомнѣнія касательно справедливости его мнѣнія и посредствомъ дружескихъ совѣщаній

*) Письмо къ Квинту 71.

**) Смотри книг. о падшихъ.

***) Письмо 72 къ Стеф.

безъ всякаго соблазна для Церкви согласиться съ нимъ въ истинѣ, Стефанъ, открыто принявъ сторону противниковъ Кипріана, отвѣчалъ карѳагенскому собору обличительною грамотою, въ коей, осуждая мнѣніе ея касательно крещенія еретиковъ, угрожалъ отлученіемъ всѣмъ карѳагенскимъ епископамъ отъ Церкви, не включая и Кипріана *). Такимъ образомъ, говоритъ Августинъ **), два епископа знаменитѣйшихъ Церквей, римской и карѳагенской, объ одномъ и томъ же предметѣ утверждали совершенно противное. Стефанъ полагалъ, что для законнаго принятія въ Церковь всѣхъ вообще еретиковъ достаточно одного возложенія рукъ. Кипріанъ, напротивъ, утверждалъ, что должно крестить каждаго обращающагося еретика. Истины надлежало искать въ срединѣ между сими двумя крайностями, какъ и дѣйствительно Церковь впоследствии времени нашла ее здѣсь, положивъ закономъ крестить только тѣхъ еретиковъ, кои неправо мыслили объ основныхъ догматахъ христіанства. Но Кипріанъ дѣйствовалъ въ простотѣ сердца и по чистому отвращенію ко всему еретическому. А Стефанъ своимъ высокоумнымъ тономъ ясно обнаруживалъ, что онъ пользуется случаемъ выказать свое нерасположеніе къ прежнему увѣщателю своему. Посему, хотя впоследствии почтено нужнымъ ограничить мнѣніе Кипріана касательно повторенія крещенія, споръ его по сему предмету съ Стефаномъ, обнаруживая всю умѣренность и скромность его характера, особенно въ противоположности съ высокоуміемъ послѣдняго, составляетъ назидательнѣйшую часть его дѣяній.

Тяжело было для Кипріана видѣть непріятность отъ той Церкви, которая недавно была обязана ему своимъ умиреніемъ! Но къ утѣшенію своему онъ зналъ, что римскій клиръ и народъ не участвуютъ въ неблагорасположеніи къ нему ихъ епископа, и что сіе неблагорасположеніе есть слѣдствіе личнаго неудовольствія противъ него. Посему, явившись на соборъ (онъ еще продолжался), хотя изъявилъ сильную скорбь и принесъ жалобу на гордость, съ которою Стефанъ именовалъ себя епископомъ епископовъ, впрочемъ не отчаялся въ будущемъ успѣхѣ дѣла ***). Письмо Стефаново, столь оскорбительное для чести карѳагенской Церкви, извѣстно было еще немногимъ; можно было надѣяться, что Сте-

*) Смотр. письмо къ Помпею.

***) Книг. прот. Петиліана, гл. 14.

***) Письмо къ Помпею 74.

фанъ перемѣнить свои мысли, и несогласіе прекращено будетъ въ самомъ началѣ и безъ соблазна Церквей.

Но Стефанъ не хотѣлъ чести удовлетворить сей надеждѣ. Не надѣясь на силу прежняго обличенія, онъ произнесъ всенародно приговоръ противъ карѳагенскаго собора и предсѣдателя его Киприана, и снова угрожалъ ему отлученіемъ, если онъ не перемѣнитъ своихъ мыслей. Узнавъ о согласіи восточныхъ епископовъ съ Киприаномъ въ разсужденіи крещенія еретиковъ, Стефанъ писалъ и къ нимъ, угрожая тѣмъ же *). Съ другой стороны, нѣкоторые изъ африканскихъ епископовъ, услышавъ о необыкновенномъ посланіи Стефана къ ихъ предсѣдателю, изъявили письменное желаніе имѣть списки съ онаго **). Нельзя было безъ соблазна скрывать отъ Церкви положеніе дѣлъ: надлежало извѣстить ее о поступкахъ Стефана и дать судъ на нихъ.

Впрочемъ Киприанъ и въ семъ случаѣ показалъ свое благоуміе и умѣренность. Зная, что упорное защищеніе продолжаетъ только борьбу, онъ не рѣшился писать особаго опроверженія на письмо Стефана. Неумѣренный тонъ, въ немъ господствовавшій, измѣнялъ самъ себѣ. Надѣясь на справедливость своего дѣла, онъ не усомнился даже обнародовать посланіе Стефана во всѣхъ африканскихъ Церквахъ, удовлетворившись только краткими примѣчаніями на нѣкоторыя мѣста онаго ***). Потомъ написалъ посланіе къ Фирмилиану, старѣйшему изъ восточныхъ епископовъ, утверждая его въ согласіи съ собою и объясняя несправедливость Стефана. Наконецъ, для успѣшнѣйшаго защищенія свободы карѳагенской Церкви отъ притязаній римскаго епископа созванъ многочисленный соборъ. Какъ будто предвидя въ поступкѣ Стефана начало незаконнаго стремленія къ владычеству надъ всею Церковію, которое впослѣдствіи сдѣлалось отличительною чертою римской кафедры, африканскіе отцы положили, чтобы никто изъ епископовъ не дерзалъ именовать себя главою всѣхъ епископовъ и присвоить право суда надъ всею Церковію, и чтобы Церковь Карѳагенская не искала суда у Церкви римской. Списки съ сего опредѣленія отправлены были ко всѣмъ восточнымъ епископамъ, и къ самому Стефану.

По сему случаю надлежало ожидать отъ высокоумѣрія Стефана еще печальнѣйшихъ явленій для Церкви. Но Промыслу не-

*) Письмо Фирмилиана 75.

***) Письмо къ Полпею 74.

***) Письмо Фирмилиана 75.

угодно было подвергнуть ее сему искушенію, можетъ быть, опаснѣйшему изъ всѣхъ, которыя она тогда претерпѣла. Открывшееся гоненіе на христіанъ, въ началѣ коего Стефанъ скончался, положило конецъ спорамъ *). Св. Кипріану уже уготовляемъ былъ рукою Провидѣнія вѣнецъ мученической, но въ ожиданіи его, онъ долженъ былъ прославлять Бога заточеніемъ, дабы, какъ замѣчаетъ Понтій, сей великій подвижникъ, отличившійся разнообразіемъ добродѣтелей, былъ отличенъ и разнообразіемъ страданій.

Патернъ проконсулъ, явившись въ Карфагенъ съ повелѣніемъ преслѣдовать христіанъ, немедленно велѣлъ представить къ себѣ Кипріана. Когда сей безтрепетно явился, проконсулъ началъ съ нимъ слѣдующій разговоръ:

Прокон. Августѣйшіе! императоры, Валеріанъ и Галіенъ, возложили на меня обязанность принуждать христіанъ къ поклоненію богамъ. Итакъ я спрашиваю тебя о твоёмъ имени и намѣреніи: отвѣчай.

Св. Кипріанъ съ важностію и смиреніемъ отвѣчалъ: я—христіанинъ и епископъ. Не знаю другаго Бога, кромѣ того, который сотворилъ небо и землю, и море и все, что въ нихъ; сему-то Богу мы, христіане, служимъ и поклоняемся, моля Его не только о себѣ, но и о всѣхъ людяхъ, и о благоденствіи самихъ императоровъ.

Прокон. Итакъ ты остаешься непремѣннымъ въ своемъ образѣ мыслей?

Кипр. Благая воля, единожды познавъ Бога, не можетъ перемѣняться.

Прокон. Значитъ, ты соглашаешься, по волѣ Валеріана и Галіена, отправиться въ заточеніе въ городъ Курубитъ?

Кипр. Согласенъ.

Прокон. Но повелѣніе, мнѣ данное, касается не однихъ епископовъ, но и пресвитеровъ. А посему желаю знать отъ тебя, кто здѣшніе пресвитеры?

*) Бароній, заботясь о сохраненіи славы Стефана, или лучше, римской каѳедры, говоритъ, что Кипріанъ переимѣнилъ въ послѣдствіи свои мысли касательно крещенія еретиковъ; но Августинъ, который могъ знать и зналъ сіе дѣло вѣрнѣ всякаго Баронія, утвердительно говоритъ (въ книгѣ о крещеніи), что онъ остался при своихъ мысляхъ. Хотя Церковь не приняла въ послѣдствіи мнѣнія Кипріанова также какъ и Стефанова; впрочемъ, если судить строго и безпристрастно, въ мнѣніи Кипріана болѣе истиннаго, нежели въ мнѣніи Стефана, особенно если смотрѣть на еретиковъ съ той стороны, съ которой смотрѣлъ онъ, — со стороны истинной Церкви, какъ единственной хранительницы даровъ Святаго Духа.

Кипр. Вы сами нашли полезнымъ издать законъ противъ доносчиковъ на христіанъ. Посему я не могу тебѣ открыть здѣшнихъ пресвитеровъ; впрочемъ ты можешь найти каждаго изъ нихъ въ его церкви.

Прокон. Но я намѣренъ сдѣлать розыскъ, не выѣзжая изъ сего города.

Кипр. Вѣрю; но поелику правила наши возбраняютъ самимъ вызываться на мученія, и при томъ сіе несогласно и съ духомъ римскаго правленія: то ни я не могу указать тебѣ пресвитеровъ, ни они не могутъ представить самихъ себя. Но если ты рѣшишься искать ихъ, то они, безъ сомнѣнія, найдутся.

Прок. Безъ сомнѣнія, я найду ихъ, если захочу; но мнѣ поручено еще смотрѣть, чтобы между христіанами не было никакихъ собраній, и чтобы тотъ, кто не будетъ повиноваться сему полезному узаконенію, былъ наказываемъ смертію.

Кипр. Поступай, какъ тебѣ повелѣно.

Послѣ сего проконсулъ далъ повелѣніе, заточить св. Кипріана въ Корубитъ *). Вмѣстѣ съ нимъ отправился и Понтій діаконъ, который впослѣдствіи описалъ жизнь Кипріана со времени вступленія его въ христіанство.

Въ семъ случаѣ еще разъ оправдалась утѣшительная истина, что тѣмъ, кои ищутъ царствія Божія и правды его, все прилагается. Курубитъ, назначенный мѣстомъ заточенія для Кипріана, не смотря на то, что его окружали сухія и неплодныя степи, по великому числу деревъ и источникамъ своимъ уподоблялся увеселительному саду **). Гонители, думая удручить старость Кипріанову, симъ заточеніемъ доставили ему пріятное отдохновеніе послѣ непрестанныхъ трудовъ. Впрочемъ, добрая душа св. старца не преставала трудиться и въ изгнаніи. Онъ писалъ по своему обыкновенію посланія, совѣтовалъ, одобрялъ, запрещалъ, умолялъ, и скончавая теченіе свое, еще заставлялъ радоваться вѣрныхъ въ свѣтлѣніи своемъ.

Въ самомъ началѣ пребыванія своего въ Курубитѣ св. Кипріанъ былъ предувѣдомленъ о будущей участи своей видѣніемъ. Ему снилось, будто юноша, коего величественный видъ свидѣтельствовалъ о ангельскомъ достоинствѣ, привелъ его къ проконсулу. Сей послѣ обыкновеннаго вопроса началъ писать приговоръ.

*) Страд. св. Кипріана по древнимъ рук. кодекс. edit. Johan Oxonii 1682.

***) Понтій въ жизни Кипр.

Юноша, который въ сіе время стоялъ позади проконсула, различными знаками далъ выразумѣть Кипріану, что проконсулъ осудилъ его на смерть. «Я», говоритъ св. Кипріанъ, «немедленно обратился къ нему съ усиленнымъ прошеніемъ, чтобы исполненіе приговора отложено было хотя на одинъ день, дабы я могъ привести въ порядокъ свои дѣла. Проконсулъ, тронутый, какъ казалось, справедливостію и неважностію моей просьбы, началъ снова писать на досчечкѣ. Изъ его вида я заключилъ уже, что онъ пишетъ что-либо въ мою пользу. Юноша, который наблюдалъ за тѣмъ, что пишетъ проконсулъ, снова далъ мнѣ знать, что мнѣ дается одинъ день на приведеніе въ порядокъ моихъ дѣлъ *)».

Не смотря на то, что видѣніе сіе было довольно темно, св. Кипріанъ, который отъ частаго сообщенія съ міромъ духовнымъ приобрѣлъ способность проникать въ смыслъ видѣній, безъ труда уразумѣлъ, что Промыслу угодно было отложить кончину его еще на одинъ годъ, означенный въ видѣніи днемъ. Событіе, какъ свидѣтельствуемъ Понтій, очевидецъ заточенія и смерти Кипріана, совершенно оправдало таковое изъясненіе. Св. Кипріанъ принялъ мученическій вѣнецъ именно чрезъ годъ послѣ сего видѣнія, и въ тотъ самый день, въ который оное было ему дано.

Подъ конецъ сего года (258) новый проконсулъ предписалъ Кипріану возвратиться изъ своего заточенія, и до окончательнаго приговора надъ нимъ быть въ своихъ садахъ *). Вскорѣ за симъ получено изъ Рима повелѣніе усугубить преслѣдованіе христіанъ. Проконсулъ, находясь въ сіе время для поправленія здоровья въ Утикѣ, отправилъ стражей для приведенія туда Кипріана. Но Кипріанъ еще разъ выказалъ характеръ свой—дѣлать добро такъ, чтобы изъ него выходило какъ можно болѣе пользы. Предвидя, что мученіе его гораздо назидательнѣе будетъ для его паствы, если его замучать въ Карѳагенѣ, онъ удалился изъ своего дома въ тайное мѣсто, давъ знать между тѣмъ проконсулу, что онъ готовъ предстать предъ него, только не въ Утикѣ, а въ Карѳагенѣ. Изъ сего-то уединенія написано имъ послѣднее письмо къ своей паствѣ, въ которомъ онъ, увѣщевая ее сохранить тишину и умѣряя благочестивую ея ревность—страдать за вѣру, обѣщавъ по отшествіи своемъ ходатайствовать за нее у престола Божія ***).

По возвращеніи проконсула въ Карѳагенъ, св. Кипріанъ не-

*) Понтій въ жизни св. Кипріана.

***) Понтій въ жизни св. Кипріана.

***) Письмо 81 къ народу.

медленно возвратился въ свое жилище. Въ городѣ тотчасъ пронесся слухъ о угрожающей ему опасности. Не только всѣ вѣрные, даже многіе изъ знатныхъ язычниковъ собрались въ домѣ Кипріана, и не желая лишиться такого великаго мужа, умоляли его спасти жизнь свою удаленіемъ, предлагая для сего надежныя мѣста. Но Кипріанъ, внявъ гласу Бога, призывающаго его къ себѣ, не могъ уже пользоваться ихъ усердіемъ. Между тѣмъ проконсулъ, опасаясь, чтобы Кипріанъ не употребилъ своей свободы для спасенія себя бѣгствомъ, послалъ воиновъ взять его и привести къ себѣ. Напрасное опасеніе! Кипріанъ, подражая великому Образцу страдальцевъ, самъ вышелъ на встрѣчу воинамъ, и съ торжествомъ, свойственнымъ столь важному подвигу, каково исповѣданіе имени Христова, отправился въ преторъ. Но проконсулъ безъ всякой удовлетворительной съ его стороны причины отложилъ судъ надъ Кипріаномъ до слѣдующаго утра. Причина сія сокрывалась въ опредѣленіи Промысла. Надлежало еще пройти одному дню, дабы исполнился годъ послѣ видѣнія. Кипріана для провожденія ночи отвели въ домъ проконсула. Стражамъ дано было повелѣніе пускать къ нему всякаго, кто пожелаетъ. Собралось великое множество друзей и почитателей Кипріановыхъ. Народъ, опасаясь, чтобы въ продолженіе ночи не былъ похищенъ любезный ихъ епископъ, пробылъ до самаго утра безъ сна предъ темницею. Такимъ образомъ ночь предъ страданіемъ Кипріана представляла собою ночь предъ страданіемъ Спасителя, которую вѣрные такъ же проводили безъ сна. Св. Кипріанъ не умолкалъ во все продолженіе ея, давая совѣты и утѣшенія оставляемой имъ паствѣ. Отъ избытка сердечныхъ чувствъ, такъ полны были уста его, что онъ желалъ, чтобы бесѣда его не иначе пресѣклась, какъ съ самою жизнію.

Наконецъ насталъ вождѣнный для Кипріана день, тотъ день, который не могъ не быть послѣднимъ для него, хотя бы желали того всѣ римскіе проконсулы. Окруженный безчисленною толпою вѣрныхъ, онъ явился въ преторъ. Начался обыкновенный допросъ: «ты ли Фасцій Кипріанъ?»—«Я». «Ты ли былъ папою у святотатцевъ?»—«Я».—Благочестивѣйшіе императоры повелѣваютъ тебѣ принести богамъ жертву.»—«Не могу».—«Размысли о участи, тебя ожидающей.»—«Поступай, какъ тебѣ предписано; въ настоящемъ случаѣ нѣтъ мѣста размышленію». Тогда проконсулъ, поговоривши съ совѣтниками своими, сказалъ, обратясь къ св. Кипріану: «долго жилъ ты святотатственнымъ образомъ, совращая многихъ во слѣдъ твоей злоторной ереси и враждуя противу римскихъ законовъ и боговъ. Самая снисходительность благоче-

стивѣйшихъ императоровъ, Валеріана и Галіена, не могла обратити тебя къ поклоненію богамъ. Бывъ виновникомъ ужаснѣйшихъ злодѣяній, ты будешь служить примѣромъ для тѣхъ, кои оболъщены твоимъ коварствомъ; мудрованіе твое запечатлѣтся твоею кровію». Такъ самое осужденіе Кипріана выражало его славу, и проконсулъ, подобно Каіаѳѣ, невольно произнесъ пророчество о утвержденіи Церкви его кровію! За симъ произнесъ окончательный приговоръ: «Оасціи Кипріанъ осуждается умереть отъ меча». Св. Кипріанъ сказалъ: «слава Богу». Народъ, услышавъ сіе, столько воспламенился ревностію страдать за вѣру, что всѣ воскликнули: «и мы умремъ со св. епископомъ!»

Воины, изведши изъ претора св. Кипріана, повели его на нѣкоторое мѣсто, называвшееся Ксистою. Въ продолженіе пути онъ увѣщевалъ вѣрныхъ, не подвергать себя мечу язычниковъ безъ нужды. Достигши Ксисты, снялъ съ себя верхнюю одежду и отдалъ находившимся при немъ діаконамъ; потомъ, стоя на колѣнахъ, произнесъ краткую молитву; послѣ сего, завѣщавъ дать совершителю казни тридцать сребренниковъ, завязалъ себѣ, по обыкновенію казнимыхъ, глаза; руки же, по тому же обыкновенію, связаны были однимъ изъ діаконовъ. Въ семъ положеніи съ обнаженною выею, онъ долженъ былъ стоять дотолѣ, пока палачъ не получитъ отъ центуріона знака, совершить ударъ. Множество народа, опасаясь по причинѣ тѣсноты и отдаленности потерять изъ вида св. Кипріана, взлѣзло на деревья, окружавшія мѣсто казни. Наконецъ знакъ поданъ—и святѣйшая глава отдѣлилась отъ чистѣйшаго тѣла. Священные останки Кипріана погребены въ близъ-лежащемъ холмѣ, съ торжествомъ, приличнымъ усердію паствы, столь пламенно любившей своего пастыря. Такъ скончалъ теченіе свое священномученикъ Кипріанъ, проживши въ земной юдоли около 57, подвизавшійся въ христіанствѣ 13, управлявшій африканскою Церковію 8 лѣтъ!—Мученіе его совершилось 258 года, мѣсяца октября, въ 18 день, при императорахъ Валеріанѣ и Галіенѣ.

На лицѣ Кипріана, пишетъ Понтій, всегда сіяла радость, отсвѣтъ души, обрѣтшей успокоеніе въ Богѣ. Во взорахъ его всегда выражалось нѣчто величественное, исторгающее благоговѣніе. Видѣвшіе Кипріана не знали, что болѣе возбуждаетъ видъ его: любовь или уваженіе; но чувствовали, что онъ вполне достоинъ того и другаго *). Въ одеждѣ Кипріана не примѣтно было ни

*) Понтій, въ жизни Кипріана.

той пышности, которая совершенно неприлична почитателю, тѣмъ паче, служителю Распятаго; ни той небрежности и скудости, которыя равно измѣняютъ душѣ и тогда, какъ служатъ выраженіемъ ея духовной бѣдности, и тогда, какъ не прикрываютъ духовнаго богатства.

Таже умѣренность видна и въ управленіи Церковію. Кипріанъ не могъ сносить въ подчиненныхъ своихъ непослушанія и гордости, и изъ сихъ пороковъ изъяснялъ всѣ внутреннія бѣдствія, отъ коихъ страдала тогда Церковь. Но не могъ потерпѣть и того, когда пастыри, забывъ себя самихъ, почитаютъ волю свою непреложнымъ закономъ для пасомыхъ. Съ самаго начала епископства своего онъ поставилъ себѣ непремѣннымъ правиломъ, ничего не дѣлать въ своей паствѣ безъ совѣта пресвитеровъ. Пользуясь отличнымъ уваженіемъ всѣхъ христіанскихъ Церквей, и подавая каждой изъ нихъ спасительные совѣты, онъ не пренебрегалъ голосомъ самаго послѣдняго члена Церкви, и не зналъ другаго титула, кромѣ смиреннаго наименованія себя сопресвитеромъ.

Между отпечатками духа Кипріанова и услугами его тогдашнему христіанству должно почестъ его попеченіе о сохраненіи христіанъ отъ произвольныхъ опасностей со стороны гонителей. Ревность, страдать за вѣру, столь похвальная сама по себѣ, въ нѣкоторыхъ близка къ тому, чтобы обратиться въ страсть. Св. Кипріанъ собственнымъ примѣромъ показалъ, что можно, а иногда и необходимо скрываться отъ гоненія. Внушеніе сей истины онъ находилъ столько нужнымъ по тогдашнимъ обстоятельствамъ Церкви, что на пути къ мѣсту казни снова завѣщавъ вѣрующимъ, не вызываться безъ нужды на мученія.

Обстоятельства Церкви, колеблемой то внѣшними, то внутренними бѣдствіями, не позволили св. Кипріану посвятить дарованій своихъ, по примѣру другихъ отцевъ Церкви, на изъясненіе св. писанія. Всѣ почти писанія его содержатъ поясненіе вопросовъ, обращавшихся тогда въ спорѣ, и разрѣшеніе недоумѣній церковныхъ. Впрочемъ, не смотря на то, что ученіе христіанское является въ нихъ въ приложеніи къ частнымъ случаямъ, изъ сего видно, что Кипріанъ обладалъ глубокимъ познаніемъ умозрительной и дѣятельной истины христіанской вѣры. Хорошее приложеніе началъ еще болѣе ручается за основательное познаніе началъ, нежели хорошее изложеніе оныхъ; сдѣлавшись христіанскимъ писателемъ, св. Кипріанъ совсѣмъ почти не пользовался мудростію языческою. Если бы онъ въ нѣкоторыхъ письмахъ не

былъ принужденъ упомянуть о своемъ состояніи въ язычествѣ, изъ его сочиненій нельзя было бы догадаться, что онъ до обращенія въ христіанство былъ ученымъ язычникомъ. Отличный даръ краснорѣчія видѣнъ во всѣхъ произведеніяхъ Кипріана, но вездѣ видно также, что онъ, по примѣру апостола, полагалъ достоинство слова своего не въ убѣдительныхъ словахъ человѣческой мудрости, но въ явленіяхъ духа и силы (1 Кор. 2, 3). Изъ духовныхъ писателей св. Кипріанъ любилъ преимущественно Тертуліана *). Отъ частаго чтенія сего писателя въ Кипріанѣ произошло нѣкоторое нравственное содружество съ нимъ, которое простерлось и на ихъ сочиненія. Кипріанъ, подобно Тертуліану, повидимому, всегда выражается первыми, попавшимися ему словами; отъ чего слогъ его нѣсколько тяжелъ и не совсѣмъ обработанъ; за то въ каждомъ выраженіи его видно сердце. Послѣ Лактанція онъ долженъ занимать первое мѣсто между западными христіанскими писателями.

Подобно всѣмъ великимъ мужамъ, св. Кипріанъ имѣлъ много враговъ. Впрочемъ въ самой исторіи не много такихъ святителей, коихъ паства любила бы съ такою горячностію, какъ св. Кипріана. Мы видѣли уже, что она вмѣстѣ съ нимъ желала идти подъ мечъ. Еще сильнѣе было сіе желаніе въ тѣхъ, кои, будучи удостоены отъ св. Кипріана близости къ нему, имѣли случай видѣть все величіе души его. Вотъ слова, коими Понтій заключаетъ жизнеописаніе св. Кипріана, и которыя столько же дѣлаютъ чести жизнеописателю, какъ и самому Кипріану: «не знаю, что мнѣ дѣлать? Сердце мое волнуется отъ полноты различныхъ чувствованій; душа моя какъ бы раздѣлена на двое. Съ одной стороны объемлетъ радость о прославленіи священномученика, съ другой я погружаюсь въ скорбь, что не послѣдовалъ за нимъ. Не знаю, что мнѣ дѣлать. Предаться ли скорби? Но надлежитъ торжествовать его побѣду! Радоваться ли о его побѣдѣ? Но я не участвовалъ въ ней. Впрочемъ скажу откровенно и въ простогѣ сердца, скажу то, о чемъ вы уже знаете, много радуюсь я торжеству Кипріана, но еще болѣе скорблю, что не послѣдовалъ за нимъ **»).

КОНЕЦЪ ДВЯТАГО ТОМА.

*) Требуя сочиненіе Тертул., Кипріанъ обыкновенно говорилъ: *da magistrum* (подай учителя).

***) Понтій въ жизни св. Кипріана.

ОГЛАВЛЕНІЕ ІХ ТОМА.

А. ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ЗЕМНОЙ ЖИЗНИ ГОСПОДА НАШЕГО ИСУСА ХРИСТА.

	стр.
ПРЕДИСЛОВІЕ	I
Обозрѣніе земной жизни Иисуса Христа, по отношенію къ Его послѣднимъ днямъ на землѣ.	
ПОСЛѢДНЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ИСУСА ХРИСТА ИЗЪ ГАЛИЛЕИ ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ.	I
(Вѣсть о болѣзни Лазаря и предсказаніе о его воскресеніи. — Бесѣда съ учениками по случаю путешествія въ Іудею. — Мечтательное прошеніе двухъ учениковъ. — Исцѣленіе слѣпцовъ Іерихонскихъ. — Обращеніе Закхея. — Поучительная притча ученикамъ.)	
ВОСКРЕСЕНІЕ ЛАЗАРЯ СЪ ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯМИ	21
(Горестное положеніе Вифанскихъ друзей Иисусовыхъ. — Нерѣшительность вѣры сестеръ Лазаревыхъ. — Чудо воскресенія. — Совѣщаніе по сему случаю синедріона, съ его рѣшеніемъ. — Удаленіе Иисуса Христа въ Ефраимъ. — Мнѣніе о немъ народа. — Вечера въ дому Симона прокаженнаго.)	
ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВХОДЪ ИСУСА ХРИСТА ВЪ ІЕРУСАЛИМЪ, ЕГО ЦѢЛЬ И ЗНАЧЕНІЕ.	48
(Отправленіе двухъ учениковъ въ Висфагію за ослятемъ. — Усердіе и любовь народа. — Слезы Иисуса и Его пророчества объ Іерусалимѣ. — Входъ во храмъ. — Исцѣленіе недужныхъ. — Возвращеніе въ Вифанію. — Намѣреніе первосвященниковъ — умертвить Иисуса Христа и Лазаря. — Размышленіе о входѣ во Іерусалимъ.)	
ПРОКЛЯТІЕ СМОКОВНИЦЫ И ИЗГНАНІЕ ИЗЪ ХРАМА ТОРЖНИКОВЪ	65
(Возвращеніе въ Іерусалимъ по утру изъ Вифаніи. — Гладь. — Проклятіе смоковницы. — Его значеніе. — Изгнаніе изъ храма торжниковъ. — Приличіе и необходимость сего поступка. — Наставленіе ученикамъ по случаю изсохшей смоковницы.)	
ВСЕНАРОДНОЕ ПОСОЛЬСТВО КЪ ИСУСУ ХРИСТУ ОТЪ СИНЕДРІОНА	74
(Поводъ къ посольству. — Вопросъ, имъ предложенный. — Отвѣтъ. — Притчи — для вопрошавшихъ, для народа.)	
ПОСАМЛЕНІЕ СЕКТЪ ІУДЕЙСКИХЪ И ОБЛИЧЕНІЕ ИХЪ ПОРОКОВЪ ПРЕДЪ НАРОДОМЪ	87
(Искушенія со стороны фарисеевъ, саддукеевъ, законника — съ отвѣтами на нихъ Иисуса Христа. — Вопросъ о достоинствѣ Мессіи. — Послѣднее обличеніе законоучителей іудейскихъ.)	

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО СЛУЖЕНИЯ ИСУСОВА ВЪ КАЧЕСТВЪ МЕССИИ. 103

(Замѣчаніе касательно двухъ лептъ вдовицы. — Желаніе елминовъ видѣть Иисуса. — Его душевное смущеніе. — Гласъ къ Нему съ неба. — Вразумленіе отъ Него по сему случаю народу. — Важность настоящихъ минутъ и ихъ всемірное значеніе.)

БЕСѢДА СЪ УЧЕНИКАМИ О СУДЬБѢ ІЕРУСАЛИМА И ПОСЛѢДНИХЪ ДНЯХЪ МІРА 113

(Замѣчаніе учениковъ о величіи и красотѣ храма, съ отвѣтами на нихъ Учителя. — Бесѣда съ ними на Елеонѣ о судьбѣ Іерусалима, о послѣднихъ дняхъ міра и будущемъ пришествіи Мессіи. — Определеннѣйшее предсказаніе Его о своей смерти.)

ПРЕДАНИЕ ИСУСА ХРИСТА ІУДОЮ 139

(Перемѣна мыслей въ синадріонѣ касательно времени умерщвленія Иисуса Христа. — Предательство Іуды съ его причинами. — Замѣчаніе о мѣстопребываніи и дѣяніяхъ Иисуса Христа въ продолженіе сего дня.)

ОМОВЕНІЕ НОГЪ И ТАЙНАЯ ВЕЧЕРЯ 149

(Праздникъ пасхи. — Его отношеніе къ великому предназначенію Сына человѣческаго. — Опасность, съ кою сопряжено было настоящее совершеніе пасхи для Иисуса. — Двое изъ учениковъ посылаются въ Іерусалимъ для ея приготовленія. — Какъ совершалась она во время Иисуса Христа? — Особенное состояніе Его духа на пасхальной вечери. — Споръ учениковъ между собою о первенствѣ. — Омовеніе ногъ. — Пасхальная вечеря. — Многократное указаніе предателя. — Его удаленіе. — Учрежденіе Тайной Вечери.)

ПРОЩАЛЬНАЯ БЕСѢДА ИСУСА ХРИСТА СЪ УЧЕНИКАМИ 168

(Объявленіе о своемъ удаленіи изъ сего міра. — Самонадѣянный вызовъ Петра слѣдовать всюду за Учителемъ. — Предсказаніе о его троекратномъ отреченіи въ эту же наступающую ночь. — Ободреніе учениковъ. — Ихъ разныя недоумѣнія и вопросы съ отвѣтами на нихъ. — Призывъ къ сохраненію взаимной любви и заповѣдей. — Общаніе своего видимаго возврата и невидимаго постоянного общенія. — Обѣтованіе пришествія Духа Утѣшителя. — Восстаніе отъ вечера съ изреченіемъ міра вечерявшимъ. — Отшествіе съ пѣніемъ съ горницы сіонской въ Геосиманію. — Продолженіе прежней бесѣды на пути. — Различныя утѣшенія ученикамъ. — Новое обѣтованіе Духа Утѣшителя. — Молитва къ Отцу о ученикахъ и всѣхъ вѣрующихъ.)

ГЕОСИМАНСКИЙ ПОДВИГЪ ИСУСА ХРИСТА 184

(Важность сего подвига и его значеніе въ дѣлѣ служенія Иисусова. — Въ чемъ состояло внутреннее искушеніе? — Какъ оно возникло? — И почему допущено? — Троекратная молитва о чашѣ. — Рѣшительная побѣда надъ собственнымъ желаніемъ. — Сонъ учениковъ. — Кровавый потъ и Ангель укрѣпляющій.)

- ПРЕДАНИЕ 198
 (Презатель со спирою. — *Азь есмь!* — Великодушное самопредание. — Необдуманная ревность Петра. — Исцѣленіе урѣзаннаго уха. — Разсѣяніе учениковъ. — Стража ведетъ Иисуса Христа связаннаго въ Иерусалимъ. — Приключеніе съ однимъ юношею. — Иоаннъ и Петръ слѣдуютъ изъдали за Учителемъ.)
- ИИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА СУДѢ ПЕРВОСВЯЩЕННИКОВЪ И СИНЕДРИОНА . 205
 (Стража приводитъ Христа во дворецъ первосвященника Анана. — Частный допросъ. — Отвѣтъ Иисуса. — Первое заушеніе отъ раба. — Первое отреченіе Петра. — Божественный Узникъ отсылается къ Каиаѣ. — Полночное собраніе и судъ синедріона. — Жесвидѣтели и ихъ недостаточность. — Молчаніе Господа. — Клятвенный вопросъ первосвященника. — Величественный отвѣтъ Иисуса. — Первый смертный приговоръ. — Поношеніе отъ слугъ и стражей. — Второе и третье отреченіе Петра. — Алекторъ и слезы покаянія.)
- ОКОНЧАТЕЛЬНЫЙ ПРИГОВОРЪ ПРОТИВЪ ИИСУСА ХРИСТА СИНЕДРИОНА . 219
 (Второе — утреннее собраніе синедріона. — Второй смертный приговоръ. — Его совершенная неправильность. — I. Христосъ препровождается къ Пилату. — Почему и зачѣмъ?)
- СУДЬБА ПРЕДАТЕЛЯ 224
 (Раскаяніе Иуды. — Свидѣтельство о невинности преданнаго Учителя. — Онъ повергаетъ сребренники. — Самоубійство. — *Село крови.* — Исполненіе пророчествъ. — Характеръ предателя. — Что побудило его быть въ числѣ учениковъ Иисусовыхъ? — Почему и для чего онъ принятъ? — Страсть сребролюбія — непрестанно возрастающая. — Какъ могла образоваться мысль о преданіи? — Иуда не ожидалъ отъ него *такого* конца. — Естественность раскаянія. — Тяжесть грѣха Иудина.)
- ИИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА СУДѢ ПИЛАТА 231
 (Характеръ Пилата и его отношеніе къ синедріону. — Голословное обвиненіе I. Христа первосвященниками. — Прѣкураторъ имъ не довольствуется. — Всенародный допросъ. — Отвѣтъ на него величественный, но противный ожиданію и видамъ судіи. — Тайный допросъ. — Пилатъ объявляетъ Узника невиннымъ. — Новая клевета со стороны обвинителей. — Безмолвіе Обвиняемаго. — Иисусъ Христосъ отсылается на судъ Ирода.)
- ИИСУСЪ ХРИСТОСЪ НА СУДѢ ИРОДА 244
 (Характеръ Ирода. — Образъ мыслей его объ Иисусѣ Христѣ. — Отношеніе Ирода къ синедріону. — Желаніе его видѣть чудо. — Неисполненіе желанія. — Поруганіе и бѣлая одежда, въ коей Божественный Узникъ отсылается къ Пилату.)

ИСУСЪ ХРИСТОСЪ ОСУЖДАЕТСЯ НА БИЧЕВАНІЕ И СМЕРТЬ ПИЛАТОМЪ. 249

(Прокураторъ снова провозглашаетъ Иисуса Христа невиннымъ, соглашаясь токмо на наказаніе исправительное. — Упорство первосвященниковъ. — Предложеніе народу на выборъ Иисуса и разбойника Вараввы. — Сонъ жены Пилатовой и ходатайство за Иисуса. — Первосвященники наущаютъ народъ. — Свобода Вараввъ, крестъ Иисусу! — Пилатъ напрасно думалъ замѣнить казнь смертную бичеваніемъ. — Любость сего наказанія. — Вѣнецъ терновый. — *Се чловѣкъ!* — *Царя ли вашего распну?* — *Не имамъ царя, токмо кесаря.* — Опасность и признаки народнаго возмущенія. — Устрашенный прокураторъ умываетъ руки, и осуждаетъ на смерть Неповиннаго.)

ВЗГЛЯДЪ НА ОБРАЗЪ СУДА НАДЪ ИСУСОМЪ ХРИСТОМЪ 271

(Чрезвычайная необыкновенность сего суда. — Характеръ трехъ судищъ. — Низость и виновность первосвященниковъ. — Нечистота Пилатовыхъ видовъ и его двоедушіе. — Благородство жены Пилатовой. — Откуда и для чего чудный сонъ ея? — Нравственное величіе Господа во время суда. — Свойство Его отвѣтовъ. — Трогательность Его вѣшняго положенія. — Дивное исполненіе путей Промысла.)

РАСПЯТІЕ 280

(Предварительныя замѣчанія о крестной казни. — Крестный путь. — Плачъ женъ іерусалимскихъ. — Слова къ нимъ Иисуса Христа. — Онъ изнемогаетъ подъ своимъ крестомъ. — Симонъ Киринейскій заставляется нести крестъ. — Мѣсто казни, издревле примѣчательное. — Смирна и уксусъ. — Господь отрекается отъ нихъ. — Распятіе. — Молитва за распинателей.)

ИСУСЪ НА КРЕСТѢ 298

(Распятіе двухъ разбойниковъ. — Особенная надпись на крестъ Иисусовомъ и неудовольствіе на нее первосвященниковъ. — Раздѣлъ одежды между воинами. — Насмѣшки надъ Иисусомъ черни, первосвященниковъ, воиновъ, распятаго разбойника. — Покаянная молитва разбойника благоразумнаго. — Отвѣтъ на нее. — Помраченіе солнца. — Усыновленіе Іоанна Богоматери. — Послѣднія страданія и послѣднія слова Иисуса Христа на крестѣ. — Его смерть. — Она не была ускорена сверхъ-естественно.)

ВЗГЛЯДЪ НА ПОКАЯВШАГОСЯ НА КРЕСТѢ РАЗБОЙНИКА 317

ЧУДЕСНЫЯ ЗНАМЕНІЯ СЪ ИХЪ ПОСЛѢДСТВИЯМИ 324

(Землетрясеніе и его обширность. — Раздраніе завѣсы въ храмѣ и его знаменованіе. — Воскресеніе мертвыхъ. — Кто возстали и когда? — Выразительность знаменій и ихъ нравственное значеніе. — Пережѣна образа мыслей объ Иисусѣ Христѣ въ неблагорасположенныхъ доголъ іудеяхъ. — Вѣра и исповѣданіе сотника. — Ожесточеніе первосвященниковъ. — Откуда оно и до чего простиралось?)

	стр.
ПОСЛѢДНІЯ СОБЫТІЯ ПРИ КРЕСТѢ ИСУСОВѢ	334
<p>(Первосвященники просятъ Пилата о сокращеніи жизни распятыхъ — по причинѣ наступающей субботы.—Перебитіе голени распятыхъ.— Иисусу Христу не перебиваются голени по причинѣ Его смерти. — Одинъ изъ воиновъ прободаетъ Его ребро.—Истеченіе крови и воды.—Свидѣтельство о семъ св. Иоанна.—Для чего оно особенно выразительно.—Исполненіе въ семъ событіи двухъ пророчествъ.)</p>	
СНЯТІЕ СО КРЕСТА И ПОГРЕБЕНІЕ	341
<p>(Иосифъ Аримаѳейскій проситъ у Пилата позволенія погребсти тѣло Иисусово.—Характеръ просителя.—Участіе въ погребеніи Никодима.— Мѣсто гроба.—Погребеніе.—Душевное состояніе учениковъ и почитателей Иисусовыхъ.)</p>	
КУСТОДІЯ	350
<p>(Дальнѣйшее ожесточеніе первосвященниковъ.—Ихъ мнимое опасеніе подмога со стороны учениковъ Иисусовыхъ.—Просьба и дозволеніе употребить для вѣрности стражу и печать.— Кустодія.— Мысли у гроба Иисусова.)</p>	

Б) ЖИЗНЬ СВЯТАГО АПОСТОЛА ПАВЛА.

ЖИЗНЬ ВЪ ИУДЕЙСТВѢ	357
ОБРАЩЕНІЕ ВЪ ХРИСТІАНСТВО	368
ВРЕМЯ ОБРАЩЕНІЯ ПАВЛОВА	378
ПЕРВЫЕ ПОДВИГИ ПАВЛА ПО ОБРАЩЕНІИ	387
ПЕРВОЕ АПОСТОЛЬСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ СВ. ПАВЛА	386
ВТОРОЕ АПОСТОЛЬСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ СВ. ПАВЛА	401
ТРЕТІЕ АПОСТОЛЬСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ СВ. ПАВЛА	416
УЗЫ ПАВЛА ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ	428
ПЛАВАНІЕ ПАВЛОВО ВЪ РИМѢ	443
ПЕРВЫЯ УЗЫ ПАВЛОВЫ ВЪ РИМѢ	448
ЧЕТВЕРТОЕ АПОСТОЛЬСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПАВЛА И ПОСЛѢДНІЯ УЗЫ ВЪ РИМѢ	455
ЗАМѢЧАНІЯ КАСАТЕЛЬНО ВНѢШНЯГО ВИДА АПОСТОЛА ПАВЛА, ЕГО ПРИ- РОДНЫХЪ ДАРОВАНІЙ, ХАРАКТЕРА, ПИСАНІЙ ПОДЛИННЫХЪ И ПОД- ЛОЖНЫХЪ, УВАЖЕНІЯ КЪ НЕМУ ОТЦЕВЪ ЦЕРКВИ И ОСОБЕННО ЗЛАТОУСТА	460

В) ЖИЗНЬ СВЯТАГО СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА КИПРІА- НА, ЕПИСКОПА КАРФАГЕНСКАГО	469
---	-----
